

ООО «Наука и образование»

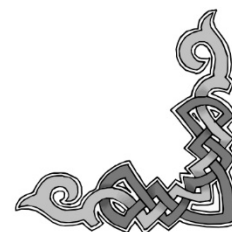
**ГУМАНИТАРНЫЕ,
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

Всероссийский научный журнал

www.online-science.ru

**№ 2
2020**

**ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

2020, № 2

(печатная версия Всероссийского научного журнала
«Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» –
www.online-science.ru)

Основан в 2010 г.

ISSN 2220-2404 (печать) ISSN 2221-1373 (on-line)

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ
журнал «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» включен
в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и
кандидата наук.

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-71757 от 30 ноября 2017 г.

Регистрационное свидетельство ФГУП НТЦ «Информрегистр» № 573 от 04.10.2011 г.

Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека
(Российский индекс научного цитирования)
№ 223-07/2011R от 15.07.2011 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Бугаенко Юлия Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры уголовного права
юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Шелкова Елена Андреевна

ПЕРЕВОДЧИК:

Шелкова Елена Андреевна

КОРРЕКТОР:

Попов Михаил Юрьевич

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «Наука и образование»

ФГБОУ ВПО
«Адыгейский государственный университет»

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

350049, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Красных партизан, 371, оф. 28

тел. (861) 226-08-65

Электронный адрес: milena.555@mail.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель редакционного совета

Хунагов Рашид Думаличевич – Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доктор социологических наук, профессор, ректор Адыгейского государственного университета;

Члены редакционного совета:

Атоян Корюн Лукашевич, доктор экономических наук, профессор, ректор Армянского государственного экономического университета. Республика Армения;

Вишневецкий Кирилл Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России;

Волков Юрий Григорьевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, научный руководитель института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Голенкова Зинаида Тихоновна, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения, учебно-образовательного центра Института социологии РАН;

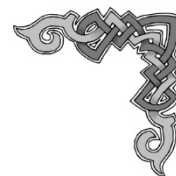
Гришай Владимир Николаевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Эссентукский институт управления, бизнеса и права

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор. Южный федеральный университет;

Зеленский Владимир Дмитриевич, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Кубани, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, руководитель программ магистерской подготовки юридического факультета Кубанского аграрного университета;

Игнатов Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России;

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Кубанского государственного университета;

EDITORIAL BOARD:

Chairman Editorial Board:

Hunagov Rashid Dumalichevich – Honoured Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Doctor of Social Sciences, Professor, President of Adyghe State University;

Members of the editorial Board:

Koryun L. Atoyan, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Armenian State Economic University. The Republic of Armenia;

Kirill V. Vishnevetskiy, Doctor of law, professor, chief of department of criminal law and criminology Krasnodar Ministry of Internal Affairs university of Russia;

Yuri G. Volkov, Honored scientist of the Russian Federation, Ph.D., professor, research supervisor of Sociology and Regional Studies Institute of Southern Federal University;

Zinaida T. Golenkova, Honored Public Figure of Science, Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Director of the Institute of Sociology of the Academy of Sciences;

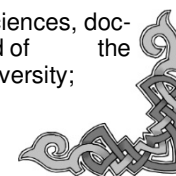
Vladimir N. Grishay, doctor of Sociology, Professor, Professor, of General humanitarian and natural Sciences, Essentuki Institute of management, business and law

Alexander Viktorovich Dyatlov, doctor of Sociology, Professor. Southern Federal University;

Zelensky V. Dmitriyevich, the Honored lawyer of Russian Federation, doctor of law, professor, the Honored lawyer of Kuban, the Honourable worker of higher education of the Russian Federation, the head of programs of master preparation of law department of the Kuban agricultural university ;

Aleksandr N. Ignatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Crimean branch of the Krasnodar University the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Valery V. Kasyanov, Doctor of Social Sciences, doctor of historical sciences, professor, head of the history of Russia at the Kuban State University;

Каропова Светлана Геннадьевна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований Российской академии наук;

Кашкаров Алексей Александрович, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России;

Клещина Елена Николаевна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России;

Когербаева Айнура Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель ООП «Экономика и управление народным хозяйством» (менеджмент). Киргизско-Российский славянский университет. Бишкек, Кыргызстан;

Коновалов Станислав Иванович, Заслуженный сотрудник МВД России, доктор юридических наук, профессор, профессор Ростовского института защиты предпринимателя;

Куемжиева Светлана Александровна, кандидат юридических наук, профессор, доцент кафедры гражданского права юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Кузнецов Вячеслав Николаевич, член-корреспондент РАН, доктор социологических наук;

Маркова-Мурашева Светлана Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории государства и права Кубанского государственного университета;

Маркович Данило Ж., профессор Белградского университета. Сербия;

Мельников Александр Борисович, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и внешнеэкономической деятельности Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Невский Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского института МВД России по научной работе, начальник научно-исследовательского центра № 1;

Нарбут Николай Петрович, доктор социологических наук, профессор, первый заместитель декана, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов;

Образиев Константин Викторович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин, Университет прокуратуры Российской Федерации

Пан Давей, доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии Шанхайской академии общественных наук. Китайская народная республика;

Пудовочкин Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права. Российский государственный университет правосудия

Svetlana G. Karepova, candidate of sociological sciences, leading researcher of Institute of socio-political researches of the Russian Academy of Sciences;

Aleksey A. Kashkarov, candidate of law, associate professor, Head of the department of criminal law and criminology Crimean branch of the Krasnodar university of the Ministry of Internal affairs of Russia;

Elena N. Kleshchina, doctor of law, professor of chair of criminal trial of the Ministry of Internal Affairs Moscow university of Russia;

Aynura A. Kogerbayeva, doctor of Economics, professor, head of OOP «Economy and Management of the National Economy» (management). Kyrgyz-Russian Slavic university. Bishkek, Kyrgyzstan;

Stanislav I. Konovalov, Honored police officer of Russia, the doctor of law, professor, professor of the Rostov institute of protection of the businessman;

Svetlana A. Kuemzhieva, Candidate of Law Sciences, professor, associate professor of civil law of legal faculty of the Kuban state agricultural university of I.T. Trubilin;

Vyacheslav N. Kuznetsov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Social Sciences;

Svetlana A. Markova-Murasheva, doctor of law, professor, professor of chair of the theory, history of state and law of the Kuban state university;

Daniel J. Markovic, professor, University of Belgrade. Serbia;

Alexander B. Melnikov, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economy and Foreign Economic Affairs in the Kuban State Agricultural University named of I.T. Trubilin;

Sergei A. Nevsky, doctor of law, professor, deputy chief of the All-Russian scientific and research institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on scientific work, the chief of research center № 1;

Narbut N. Petrovich, doctor of sociological sciences, professor, first deputy dean, head of the department of sociology of the Russian university of friendship of the people;

Konstantin V. Obrazhiyev, doctor of law, professor, head of the department of criminal and legal disciplines University of prosecutor's office of the Russian Federation

Pan Dawei, Doctor of Social Sciences, Professor of Sociology, Director of the Institute of the Shanghai Academy of Social Sciences. Chinese People's Republic;

Yury E. Pudovochkin, doctor of law, professor, professor of department of criminal law. Russian state university of justice

Пусько Виталий Станиславович, Заслуженный работник высшей школы РФ, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры политологии МГТУ им. Н.Э. Баумана;

Рассказов Леонид Павлович, Заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Романова Анна Ильинична, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и управления в городском хозяйстве Казанского государственного архитектурно-строительного университета;

Рыкова Ирина Николаевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра отраслевой экономики Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов РФ;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор кафедры управления персоналом и социологии Ростовского государственного экономического университета;

Силин Анатолий Николаевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Западно-сибирского филиала Института социологии РАН;

Снимщикова Ирина Викторовна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и финансового менеджмента Кубанского государственного технологического университета имени И.Т. Трубилина;

Соколова Галина Николаевна, Заслуженный работник образования Республики Беларусь, доктор социологических наук, профессор, заведующая отделом экономической социологии ГНУ «Институт социологии» РАН;

Сумачев Алексей Витальевич, доктор юридических наук, профессор, Югорский государственный университет;

Тузиков Андрей Римович, доктор социологических наук, профессор, декан факультета промышленной политики и бизнес-администрирования Казанского национального исследовательского технологического университета;

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор. Краснодарский университет МВД России;

Фархутдинов Инсур Забирович, доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник, Институт государства и права Российской академии наук, главный редактор научного журнала «Евразийский юридический журнал»;

Харитонов Евгений Михайлович, академик РАН, доктор социологических наук, директор Всероссийского научно-исследовательского института риса.

Vitaly S. Pusko, The honored worker of the Higher school of the Russian Federation, the Doctor of Philosophy, professor, professor of chair of political science of MG TU of N.E. Bauman;

Leonid P. Rasskazov, Honored Worker of Science, Doctor of Laws, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory, History of Law and State at the Kuban State Agrarian University named of I.T. Trubilin;

Romanova Anna Ilyinichna, doctor of Economics, professor, the head of the department of economy and management in municipal economy of the Kazan state architectural and construction university;

Rykova Irina Nikolaevna, doctor of Economics, professor, the head of the Center of branch economy of Research financial institution of the Ministry of Finance of the Russian Federation;

Samygin Sergei Ivanovich, doctor of sociological sciences, professor of department of personnel management and sociology of the Rostov state economic university;

Anatoly N. Silin, Honored Worker of Science of the Russian Federation, doctor of sociological sciences, professor, the chief researcher of the West Siberian branch of Institute of sociology of RAN;

Irina V. Snimschikova, doctor of Economic Sciences, professor of economics and financial management at the Kuban State Technological University named of I.T. Trubilin;

Sokolova Galina Nikolaevna, Honoured worker of formation of Republic of Belarus, professor, the doctor of sociological sciences, the manager of department economic sociology of the GNU «Institute of sociology» of RAN;

Alexey V. Sumachev, doctor of jurisprudence, professor, Yugra state university

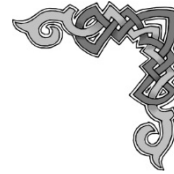
Jolly-boats Andrey Rimovich, doctor of sociological sciences, professor, the dean faculty of industrial policy and business administration of the Kazan national research technological university;

Ivan V. Uporov, doctor of historical sciences, the candidate jurisprudence, professor. Krasnodar university Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;

Insur Z. Farkhutdinov, doctor of jurisprudence, the leading researcher, Institute of the state and right of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the scientific journal «The Euroasian legal magazine»;

Evgeny M. Kharitonov, academician of RAS, doctor of sociological sciences, director of the All-Russian research institute rice.

*Коллектив редакции журнала поздравляет
членов редакционной коллегии
с Днем Рождения!!!*

Атоян Корюн Лукашевич,

Маркова-Мурашева Светлана Александровна,

Попов Михаил Юрьевич,

Путько Виталий Станиславович,

Рассказов Леонид Павлович.

Примите наши самые искренние и теплые поздравления с Днем Рождения и пожелания крепкого здоровья, успешной и плодотворной работы. Пусть в жизни всегда сопутствует хорошее настроение и неиссякаемый оптимизм. Желаем Вам новых творческих успехов!!!

Редакция журнала

СОДЕРЖАНИЕ:

Поздравления	6
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Айвазян О.О. Аксиологическая парадигма ценностных ориентаций сквозь призму социологической науки в аспекте формирования коммуникативно-правовой культуры	15
Астахова Р.К., Артамонова Я.В. Влияние социокультурной травмы на формирование семейно-родовой памяти	20
Васильева Е.А., Рубцова М.В. Проблемы соуправления арктическими территориями и местные сообщества: зарубежный опыт	24
Верещагина А.В., Кротов Д.В., Самыгин С.И. Трансформация семейно-брачных ценностей молодежи на Юге России: архаизация, традиционализация, модернизация?	31
Гафиатулина Н.Х., Щербакова Л.И., Самыгин С.И. Социальное здоровье российской молодежи в контексте теории жизненного пути индивида	36
Гольман Т.И., Балабанова В.А. Эффективность использования социальных технологий в системе управления	42
Ищукова Е.А., Толоманенко Е.А., Салманов В.Д. Проблемы молодого поколения в контексте использования современной коммуникационной среды	46
Калугина Д.А. О роли общественности и государственно-частного партнерства в решении проблем охраны объектов культурного наследия региона	52
Караковский К.А., Обухова Л.А. Управление профессиональным развитием государственных гражданских служащих в цифровой экономике	56
Касьянов В.В., Латышева А.Т., Гафиатулина Н.Х. Волонтерская деятельность как ресурс повышения социального здоровья российской молодежи	61
Кожин В.В., Горшкова С.В. Трансформация неформальных норм спорта высших достижений в субинститут профессиональный спорт	67
Колесникова Е.Ю., Пестов Р.А., Мигунова З.Р. Социальное поведение студенческой молодежи Юга России в сфере высшего образования: социологическая диагностика	71
Кулешова Г.П., Кильдюшева О.А. Маргинальность и безработица как одна из движущих сил маргинализации общества	75
Охотский Е.В., Кравченко С.А., Понеделков А.В., Тихонов К.М. Россия в системе глобального противодействия коррупции	79
Охотский Е.В., Кравченко С.А., Понеделков А.В., Тихонов К.М. Глоболокальная коррупция: контуры концепции, международное сотрудничество в сфере противодействия	85
Патокина Н.Н. Принципы формирования социального механизма проконкурентного регулирувания на основе подходов общественного участия	90
Пономарев И.Е., Нагорных В.Н. Роль физкультурно-оздоровительной деятельности и спорта в формировании жизненных стратегий российской молодежи	94
Согомонян К.В., Косинов С.С., Громик О.С. Физическая культура и спорт как средство формирования здорового образа жизни у студенческой молодежи	98

Степаненко С.Г. Цифровизация образования как этап мировой глобализации	103
Тужба З.Э. Социальные риски в городской среде: теоретические основы исследования	107
Тютюнников В.И., Сорокин В.А. Перспективы развития оздоровительных аспектов физической культуры и спорта у современной российской молодежи	112
Шагина И.Р., Кубекова А.С., Смахина Т.А., Абдуллаев С.С. Умение оказания первой медицинской помощи в зависимости от курса обучения	116
Ямщиков С.В., Ивлева А.С. Кодекс профессиональной этики государственных служащих как средство противодействия коррупции в современной России	120
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Абукарова М.У. Российско-американские отношения в историческом и правовом формате	127
Бидова Б.Б. Правовой анализ современной уголовной политики по обеспечению экономической безопасности	130
Гармаев Ю.П., Макаров А.П. Проблемы использования результатов ОРД по уголовным делам о взяточничестве в Крымском регионе: анализ результатов анкетирования правоприменителей	138
Зацепин М.Н., Зацепин А.М., Глушкова Е.М. Современные проблемы обеспечения безопасности предпринимательства	142
Имгрунт С.И., Самыгин П.С. Особенности функционирования суда присяжных заседателей в дореволюционной России	145
Карлеба В.А. Явка с повинной – теоретические и практические вопросы	150
Кашкаров А.А., Кашкаров А.А. Новый взгляд на уголовно-правовой институт прикосновенности к преступлению	154
Ларина Е.А., Щербаков В.Ю., Поповичева М.В. Юридическая сила религиозных актов: история, теория, практика	159
Мальшкин П.В., Усманова Е.Ф., Шабаетов В.В. Правовая характеристика договора возмездного оказания образовательных услуг по законодательству республики Беларусь	165
Марсанов В.М. Корпоративный договор как инструмент охраны и реализации исключительных прав на произведения	169
Морозова Ю.М., Бибина Н.М., Лазарева О.В. Образование государственности мордовского народа	172
Петрикина А.А. Необоснованное уголовное преследование предпринимателей при наличии споров, подлежащих рассмотрению в гражданско-правовом порядке	176
Савин А.А., Баринев А.В. Становление института добровольного отказа от преступления: его понятие, признаки и характеристика	180
Улезько Г.С. Некоторые проблемы правоприменительной практики фиктивных и преднамеренных банкротств	183
Уткина Т.В. Трудоустройство в системе мер противодействия криминализации несовершеннолетних	187
Щебляков Е.С. Криминалистические особенности хищения домашних животных (скота)	192
Щербина Н.Ю., Емелина Л.А. Институт оспаривания сделок в России	196

Чунихина Т.Н. Трансформация правового статуса личности в условиях цифровизации общества	199
Ястребова О.И., Пономаренко В.А. Юридическая лингвистика как арена международного сотрудничества	208
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Акопова Е.С., Пржедецкая Н.В., Назарян Г.А. Глобализация социально-экономической системы: маркетинговое влияние на образовательное пространство	215
Григорьев С.Г., Маркиянов В.В., Петрова А.В. Совершенствование схемы организации дорожного движения поселков городского типа Московской области	220
Демчук В.А. Методы анализа влияния международной интеграции на результаты деятельности страховых компаний	225
Доржу М.С., Черлик-оол Э.Т. Земледелие как традиционный тип природопользования Республики Тыва	229
Жигунова Т.С. Система факторов, влияющих на организационно-экономические механизмы управления в туриндустрии	231
Логачев К.И., Кулик А.М., Стрябков А.В. Современный подход к моделированию межрегионального взаимодействия в рамках макрорегиона	234
Никишин Б.С. Информационно-аналитическое обеспечение модели ценообразования на ценностное предложение в условии перехода в инновационное предпринимательство	241
Рассказов В.Е. Философско-экономические взгляды на развитие технологий искусственного интеллекта	246
Федоренко Р.В., Храмцова Е.Р. Анализ процессов таможенного обслуживания экспортно-импортных потоков в Самарской области	250

CONTENTS:

Congratulations	6
SOCIOLOGICAL SCIENCES	
Oksana O. Ayvazyan The axiological paradigm of value orientations through the prism of sociological science in the aspect of formation of a communicative legal culture	15
Rimma K. Astakhova, Yana V. Artamonova Influence of socio-cultural injury on formation of family-general memory	20
Elena A. Vasilieva, Maria V. Rubtcova Problems of co-management of the arctic territories and local communities: foreign experience	24
Anna V. Vereshchagina, Dmitry V. Krotov, Sergey I. Samygin Transformation of family and marriage values of young people in the South of Russia: archaization, traditionalization, modernization...?	31
Natalya Kh. Gafiatulina, Lidiya I. Scherbakova, Sergey I. Samygin Social health of russian youth in the context of the individual life way theory	36
Tatyana I. Golman, Veronika A. Balabanova Efficiency of using social technologies in the management system	42
Evgeniya A. Ishchukova, Ekaterina A. Tolomanenko, Vyacheslav D. Salmanov Problems of young generation in the context of using a modern communication environment	46
Diana A. Kalugina On the role of the public and public-private partnership in solving problems of protection of cultural heritage sites in the region	52
Konstantin A. Karakovsky, Larisa A. Obukhova Managing the professional development of public civil servants in the digital economy	56
Valery V. Kasyanov, Anna T. Latysheva, Natalya Kh. Gafiatulina Volunteer activity as an resource for improving the social health of the russian youth	61
Vladimir V. Kozhin, Svetlana V. Gorshkova Transformation of informal norms of top-level sports in the subinstitute of professional sports	67
Elena Yu. Kolesnikova, Roman A. Pestov, Zulfiya R. Migunova Social behavior of student youth of southern Russia in higher education: sociological diagnostics	71
Galina P. Kuleshova, Olga A. Kildyusheva Marginality and unemployment as a driving force for the marginalization of society	75
Yevgeny V. Ostrovsky, Sergey Kravchenko, Alexander V. Ponedelkov, Konstantin M. Tikhonov Global corruption: contours concept, international coseby in the world	79
Yevgeny V. Ostrovsky, Sergey Kravchenko, Alexander V. Ponedelkov, Konstantin M. Tikhonov Russia in the global anti-corruption system	85
Natalia N. Patokina Principles of forming a social mechanism for competitive regulation based on public participation approaches	90
Igor E. Ponomarev, Victoria N. Nagornyh The role of sports and recreational activities and sports in shaping the life strategies of russian youth	94
Ksenia V. Soghomonyan, Sergey S. Kosinov, Olga S. Gromik Physical culture and sport as a means of forming a healthy lifestyle among students	98
Sergey G. Stepanenko Digitalization of education as a stage of globalization	103

Zakhar E. Tuzhba Social risks in the urban environment: theoretical foundations of the study	107
Viktor I. Tyutyunikov, Vladimir A. Sorokin Prospects for the development of healthy aspects of physical culture and sports in modern russian youth	112
Inna R. Shagina, Aliya S. Kubekova, Tatyana A. Smakhtina, Sardor S. Abdullayev Ability of first aid measures depending on the training course	116
Sergey V. Yamshchikov, Anna S. Ivleva Code of Professional Ethics for Civil Servants as a Means of Combating Corruption in Modern Russia	120
JURISPRUDENCE	
Meiram U. Abukarova Russian-american relations in historical and legal format	127
Bela B. Bidova Legal analysis of modern criminal policy to ensure economic security	130
Yury P. Garmaev, Aleksandr P. Makarov Problems of use of the results of operative research activities in criminal cases of bribery in the crimean region: analysis of results of the questionnaire of lawyers	138
Mikhail Ni. Zatsepin, Alexander M. Zatsepin, Elena M. Glushkova Modern problems of ensuring the security of business	142
Svetlana I. Imgrunt, Petr S. Samygin Features of the functioning of the jury court in pre-revolutionary Russia	145
Vladimir A. Karleba Confession – theoretical and practical issues	150
Alexander A. Kashkarov, Alexey A. Kashkarov A new look at the criminal law institute «Touching of crime»	154
Elena A. Larina, Vitaly Yu. Sherbakov, Maria V. Popovicheva Legal force of religious acts: history, theory, and prac	159
Pavel V. Malyshkin, Elena F. Usmanova, Viktor V. Shabaev Legal characteristics of the agreement provision of educational services in the legislation of the republic of Belarus	165
Valery M. Marasanov Corporate agreement as an instrument of protection and enforcement of exclusive rights to works	169
Julia M. Morozova, Natalia M. Bibin, Oksana V. Lazareva Formation of statehood of the Mordovian people	172
Anna A. Petrikina Unjustified criminal prosecution of entrepreneurs in the presence of disputes that are subject to consideration in civil law	176
Andrey A. Savin, Andrey V. Barinov Formation of the institution of voluntary renunciation of crime: its concept, features and characteristics	180
Gelyana S. Ulezko Some problems of law enforcement practice of fictitious and deliberate bankruptcies	183
Tatiana V. Utkina Employment in the system of measures to combat the criminalization of minors	187
Evgeniy S. Shcheblyakov Forensic features of pet theft (livestock)	192
Nikita Yu. Shcherbina, Lyudmila A. Emelina Transaction Dispute Institute in Russia	196
Tatiana N. Chunikhina Transformation of the legal status of an individual in the context of digitalization of society	199
Oksana I. Yastrebova, Vera A. Ponomarenko Legal linguistics as an arena of international cooperation	208

ECONOMIC SCIENCES

Elena S. Akopova, Natalia V. Przhedetskaya, Grigor A. Nazaryan Globalization of social and economic system: marketing influence on educational space	215
Stanislav G. Grigorye, Vasily V. Markiyarov, Anna V. Petrova Improvement of the scheme of the organization of road traffic villages of town type of moscow region	220
Valentina A. Demchuk Methods for analysing the impact of international integration on the performance of insurance companies	225
Margarita S. Dorzhu, Eremaa T. Cherlik-ool Farming as a traditional type of nature management Republics of Tyva	229
Tatiana S. Zhigunova A system of factors that affect the organizational and economic management mechanism in the tourism industry	231
Konstantin I. Logachev, Anna M. Kulik, Alexander V. Stryabkov Modern approach to modeling interregional interaction in the framework of the macro-region	234
Bogdan S. Nikishin Information and analytical support of the pricing model for the value proposition in the transition to innovative entrepreneurship	241
Vladislav E. Rasskazov Philosophical and economic views on the development of artificial intelligence technologies	246
Roman V. Fedorenko, Elena R. Khramtsova Analysis of the processes of customs service of export-import flows of the Samara region	250

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Айвазян Оксана Оганесовна
кандидат педагогических наук,
начальник
редакционно-издательского отдела,
доцент кафедры философии,
культуроведения
и социальных коммуникаций,
Кубанский государственный университет
физической культуры, спорта и туризма
O.O.Ayvazyan@mail.ru

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СКВОЗЬ ПРИЗМУ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В АСПЕКТЕ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНО-ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению аксиологической основы ценностных ориентаций личности сквозь призму социологической науки в аспекте формирования коммуникативно-правовой культуры. В работе представлен анализ различных социологических теорий, раскрывающих сущность ценностей и ценностных ориентаций как социальных институтов современного общества. Среди ученых, изучающих данную проблематику, выделяются: Н.А. Бердяев, М. Вебер, В. Виндельбанд, Г.П. Выжлецов, Э. Дюркгейм, Б.С. Ерасов, А.Г. Здравомыслов, И.А. Ильин, М.С. Каган, И. Кант, А.С. Кармин, Т. Парсонс, В.И. Плотников, Г. Риккерт, В.С. Соловьев, П. Сорокин, В.П. Тугаринов, М. Шелер, М. Рокеш и др. Общим является то, что ценность – это идеал, двигатель поведения личности, на основе чего формируется цивилизованное общество, обладающее как общей культурой, так и коммуникативно-правовой в интерпретации данного исследования.

В заключении приводятся выводы о значимости исследуемой проблематики. Обосновывается это тем, что система ценностных ориентаций в поле культуры направлена на нормативное и социокультурное регулирование жизнедеятельности граждан. В этой связи система ценностных ориентаций и представлений, включающих основы права и коммуникации, направлена на развитие личности, обладающей коммуникативно-правовой культурой.

Ключевые слова: ценности, ценностные ориентации, право, коммуникация, аксиологические основы коммуникативно-правовой культуры, социосфера.

Введение. Проблематика ценностей и ценностных ориентаций современного общества в настоящее время является одной из актуальнейших, так как происходит преобразование и

Oksana O. Ayvazyan
Candidate of Pedagogical Sciences,
Head of the Editorial and Publishing unit,
Associate Professor of the Department
of Philosophy, Cultural Studies
and Social Communications,
Kuban State University
of Physical Education, Sports and Tourism
O.O.Ayvazyan@mail.ru

THE AXIOLOGICAL PARADIGM OF VALUE ORIENTATIONS THROUGH THE PRISM OF SOCIOLOGICAL SCIENCE IN THE ASPECT OF FORMATION OF A COMMUNICATIVE LEGAL CULTURE

Annotation. The article is devoted to the consideration of the axiological basis of value orientations of a person through the prism of sociological science in the aspect of the formation of a communicative-legal culture. The paper presents an analysis of various sociological theories that reveal the essence of values and value orientations as social institutions of modern society. Among scientists studying this issue stand out: N.A. Berdyaev, M. Weber, V. Windelband, G.P. Vyzhletsov, E. Durkheim, B.S. Erasov, A.G. Zdravomyslov, I.A. Ilyin, M.S. Kagan, I. Kant, A.S. Carmine, T. Parsons, V.I. Plotnikov, G. Rickert, B.C. Soloviev, P. Sorokin, V.P. Tugarinov, M. Scheler, M. Rokeach and others. It is common that value is an ideal, an engine of individual behavior on the basis of which a civilized society is formed, which has both a common culture and communicative law in the interpretation of this study.

In conclusion, the author makes conclusions about the significance of the studied problem. This is justified by the fact that the system of value orientations in the field of culture is aimed at normative and socio-cultural regulation of the life of citizens. In this regard, the system of value orientations and representations that include the basics of law and communication is aimed at developing a person who has a communicative and legal culture.

Keywords: values, value orientations, law, communication, axiological foundations of communicative and legal culture, sociosphere.

становление социокультурного пространства. Обусловлено данное явление тем, что наше российское общество перенимает опыт западного социума посредством коммуникативного диалога,

а также из средств массовой информации. Данный фактор вызывает особую тревогу, и это не может остаться без внимания со стороны как общества, так и государства, поскольку ценностные установки и ориентиры современного молодого поколения формируют цивилизованное общество. На основании сказанного, по нашему мнению, гипотеза представленного исследования заключается в том, что без должных позитивных ценностных установок невозможен социальный порядок, основанный на нормах и правилах функционирования в современной социосфере.

Целью исследования является теоретический анализ аксиологической парадигмы ценностных ориентаций сквозь призму социологической науки в аспекте формирования коммуникативно-правовой культуры личности в современном социокультурном пространстве.

Методы исследования. Исследование включает теоретико-методологический анализ и обобщение концепций ученых, изучающих социологические основы ценностных ориентаций личности.

Изложение основного материала. Начиная с середины XX века в научном мире, в различных областях наук, существует множество определений термина «ценность», так как оно не имеет однозначной трактовки. Но, несмотря на огромное многообразие трактовок, мы остановились на следующем определении данного явления.

Ценность (от греч. Αξία) – это не столько свойства объекта, сколько свойства человека – его отношение к объекту [11, с. 227].

Ценностные представления – это человеческие представления о ценностях. Ценностные ориентации задают определенное направление в становлении личности, обладающей как общей культурой, так и коммуникативно-правовой культурой. Помимо этого ценностные ориентиры наполняют смыслом человеческое бытие.

Исследованием сущностного компонента термина «ценность» занимались многие ученые философы, социологи, культурологи, языковеды и др. древнего периода и современности.

По мнению П. Сорокина, «ценности представляют собой обобщенные представления людей относительно целей и норм своего поведения, воплощающие исторический опыт и концентрированно выражающие смысл культур отдельного этноса и всего человечества. Это существующие в сознании каждого человека ориентиры, с которыми индивиды и социальные группы соотносят свои действия. На основе этих ориентиров складываются конкретные типы поведения, в том числе социокультурные типы отношения людей к различным проблемам». По его справедливому мнению, «именно ценность служит основой и фундаментом всякой культуры» [17, с. 2].

В соответствии с точкой зрения И. Канта «ценности это представления, которые являются значимыми, и задают ориентиры должному поведению, т. е. этические нормы» [10, с. 261–262].

В дальнейшем развитие понятия «ценность» прослеживается в работах В. Виндельбанда и Г. Риккерта, которые относили изучение данного термина к предмету исследования философии, а человечество представлялось как пространство, реализующее эти ценности.

Не менее важный вклад в становление понятия ценностей внесли труды М. Шелера, суть которых, по его мнению, заключается в том, что это явления, предписывающие должное поведение, т. е. нормы, обязательные для выполнения [19, с. 259].

Среди отечественных ученых, занимающихся раскрытием сущности понятия «ценность», выделяются В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, В.И. Плотников и др.

В.С. Соловьев выступал в защиту моральных, нравственных ценностей, особо подчеркивая ценность жизни. Он высказывал мысль то, что – это духовный труд, который регулирует деятельность человека, тем самым формируя свой внутренний мир» [16]. Такой же точки зрения придерживался И.А. Ильин.

Н.А. Бердяев признавал высшей ценностью человеческую личность и ее право на достижение полноты жизни [2].

По мнению В.И. Плотникова источником ценностей является сознание человека, которое воспринимает мир целостным [1, с. 207].

В социологической науке теоретическое обоснование термина «ценность» дал французский философ и социолог Э. Дюркгейм, которое заключалось в том, что «ценность – это идеал, двигатель поведения личности» [6, с. 111]. На основе чего формируется цивилизованное общество, обладающее культурой [5, с. 286].

По мнению М. Вебера, «ценность – это установка и свойства в определенный исторический период развития социума» [3, с. 326], т. е. ценности обладают социально-исторической природой.

Среди американских социологов, рассматривающих понятие «ценность», был Т. Парсонс. В его понимании «ценность – это общепринятые представления о желательном типе социальной системы в представлении его собственных членов». При этом социальный порядок возможен при соблюдении общезначимых для общества ценностей, включающих нормы и правила, являющиеся социально и нормативно закрепленными [14, с. 518].

А.Г. Здравомысловым содержание понятия «ценность» раскрывается особенностями культурных достижений социума, т. е. ценности – это отражение культуры, как личности, так и общества в целом [8, с. 186].

Таким образом, можно сделать промежуточный вывод о том, что ценности не что-то данное от природы, это идеалы, которые прививаются с детства и на всем протяжении жизнедеятельности каждому, хотя присутствует опасение, так как

в современный период можно столкнуться с не в полной мере сформировавшейся системой элитарных ценностных ориентиров.

Социокультурные ценности изобилуют многообразием классификаций. По классификации В.П. Тугаринова выделяются следующие виды ценностей: материальные; духовные; социально-политические, включающие общественный порядок, мир, безопасность, свободу, равенство, справедливость, человечность [18, с. 277].

Одной из классических (традиционных) классификаций ценностей является система, представленная М. Рокич [20], включающая два класса ценностей:

1. Терминальные ценности представляются самоценностями, не требующими дополнительного обоснования, так как являются ценными по своей природе, и включают жизнь и бытие человека, свободу, справедливость, любовь, честь и достоинство, законность и пр.

2. Инструментальные ценности – это нормы, методы, свойства и качества личности, позволяющие достичь положительных ценностных ориентиров, а именно: независимости, инициативности, авторитетности.

К иной классификации ценностей относится предложенная Н.В. Лясниковым и Ю.В. Лясниковой [13, с. 56–57] система разграничения ценностных основ, распределенная следующим образом:

1. Терминальные ценности, т.е. универсальные ценностные основы (семья, нравственность, коммуникация).

2. Инструментальные ценности обладают практическим характером (закон и порядок, свобода, стабильность).

Исходя из аксиологической парадигмы сквозь призму социологической науки разграничение и систематизация ценностей рассматривались в трудах многих социологов и философов. Вызывает интерес классификация родоначальника аксиологии Г. Риккерта [15, с. 78], который разделял их на шесть видов:

1) логические ценности, реализуемые в научных изысканиях;

2) эстетические ценности, воплощаемые в мире искусства;

3) мистические ценности, содержащиеся в различных культурах;

4) религиозные ценности, предполагающие реализацию ценностей посредством формирования религиозных идей в сознании человека – о Боге, о Божественном творении мира, о бессмертии души, о Божьих заповедях;

5) нравственные ценности воплощаются в честности, верности, уважении (толерантности), трудолюбии, патриотизме. Нравственные ценности, по представлению древних греков, заключались в

«этической добродетели». Античный период знаменует становление понятия нравственность, нравственные ценности, ассоциируемые с благоразумием, доброжелательностью, мужеством, справедливостью;

6) личные ценности, предполагающие осознанность и принятие личностью общих компонентов смысла существования.

Помимо представленных классификаций ценностей свое видение на типологию ценностей представил специалист в области социальной науки профессор Б.С. Ерасов, он разграничил их следующим образом:

1. Витальные ценности (жизнь, здоровье, безопасность и т.д.);

2. Социальные ценности (семья, дисциплина, трудолюбие, предприимчивость, богатство, равенство, патриотизм и пр.);

3. Политические ценности (гражданские свободы, законность, конституция, мир и др.);

4. Моральные ценности (добро, любовь, честь, порядочность, уважение к старшим, любовь к детям и т.п.);

5. Религиозные ценности (Бог, Священное Писание, вера и пр.);

6. Эстетические ценности (красота, стиль, гармония и др.)

7. Правовые ценности (право, правопорядок, закон, правосознание, юридическая ответственность и др.) [7, с. 122].

К иному подходу в отношении систематизации типов ценностей относится мнение Г. Выжлецова. В своей книге «Аксиология культуры» он выделил такие виды ценностей, как: духовные, проявляющиеся в религиозных основах, нравственных нормах, искусствоведении; социальные, подразделяющиеся в свою очередь на: политические, правовые и моральные; экономические и материальные [4, с. 75].

Мы разделяем точку зрения Г.П. Выжлецова, раскрывающую цель ценностей, как связующего звена, проявляющегося в объединении различных социальных общностей (семьи, этноса, и общества в целом) посредством коммуникативного взаимодействия, так как основным механизмом для единства людей является межкультурная коммуникация, а в аспекте правового просвещения правовая коммуникация [4, с. 75].

По мнению М.С. Когана, все виды ценностей (художественные, нравственные, правовые, политические, религиозные, коммуникативные и др.) взаимообусловлены и взаимодополняемы, так как образуют единую систему структурированных взаимоотношений [9].

Заключение. Резюмируя представленный анализ различных концепций ученых, мы пришли к логическому выводу о том, что аксиологическое

понимание ценностных ориентаций личности как элементов культуры сквозь призму социологической науки включает условия и порядок жизнедеятельности населения, все ее социокультурные сферы, а это указывает на теоретико-практическую значимость данного исследования, поскольку посредством системы ценностных

Литература:

1. *Артемов В.М.* Философия и право / В.М. Артемов, М.Ш. Гунибский, Ч.Б. Далецкий, Л.А. Демина. М. : Проспект, 2017. 272 с.
2. *Бердяев Н.А.* Философия свободы: Смысл творчества. М. : Правда, 1989. 610 с.
3. *Вебер М.* Образование общества. Избранные произведения // Пер. с нем. М., 1990. С. 266.
4. *Выжлецов Г.П.* Аксиология культуры. СПб., 1996. С. 75.
5. *Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод, предназначение // Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А.Б. Гофмана. М. : Канон, 1995. С. 286–304.
6. *Дюркгейм Э.* Ценностные и «реальные» суждения // Социологические исследования. 1991. № 2. С. 111.
7. *Ерасов Б.С.* Социальная культурология. Часть II. М., 1994. С. 122.
8. *Здравомыслов А.Г.* Потребности. Интересы. Ценности. М., Политиздат, 1986. С. 186.
9. *Каган М.С.* Философская теория ценностей. С.-Петербург. гос. ун-т, Акад. гуманитар. наук. СПб. : Петрополис, 1997. 204 с.
10. *Кант И.* Собрание сочинений : в 6 т. Т. 4. Ч. I. М., 1965. С. 261–262.
11. *Кармин А.С.* Культурология. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : «Лань», 2003. 928 с.
12. *Кукушкина А.А.* Правовое образование в социокультурном пространстве России: региональный аспект : дис. ... канд. социол. наук. Майкоп, 2018. 167 с.
13. *Лясников Н.В.* Социально-экономические условия формирования духовной культуры студенческой молодежи (социологический аспект) / Н.В. Лясников, Ю.В. Лясникова. М. : ВНИИФК, 2003. С. 56–57.
14. *Парсонс Т.* Ценности (Values) // Социологический словарь. 2-е изд. М., 2004. С. 518.
15. *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре. Культурология. XX век. Антология. М., 1995. С. 78.
16. *Соловьев В.С.* Оправдание добра: нравственная философия. М. : Академический проект, 2010. 671 с.

ориентаций в поле культуры происходит нормативное и социокультурное регулирование жизнедеятельности граждан. В этой связи, основы права и коммуникации как социокультурные составляющие входят в единую систему ценностей, целью которой является развитие личности, обладающей коммуникативно-правовой культурой.

Literature:

1. *Artemov V.M.* Philosophy and Law / V.M. Artemov, M.S. Gunibsky, Ch.B. Daletskiy, L.A. Demina. M. : Avenue, 2017. 272 p.
2. *Berdiayev N.A.* Philosophy of Freedom: Meaning of Creativity. M. : However, 1989. 610 p.
3. *Weber M.* Education of Society. Selected works // Per. From M. M., 1990. P. 266.
4. *Squeezed G.P.* Axiology of culture. SPb., 1996. P. 75.
5. *Durkheim E.* Sociology. Its subject, method, purpose // Per. C fr., compilation, afterword and notes of A.B. Gofman. M. : Canon, 1995. P. 286–304.
6. *Durkheim E.* Value and «Real» Judgments//Sociological Studies. 1991. № 2. P. 111.
7. *Erasov B.S.* Social Cultural Studies. Part II. M., 1994. P. 122.
8. *Zdravomyslov A.G.* Requirements. Interests. Values. M, Politizdat, 1986. P. 186.
9. *Kagan M.S.* Philosophical Theory of Values. SPb. state. un-t, Academician. гуманитар. sciences. SPb. : Petropolis, 1997. 204 с.
10. *Kant I.* Collected works : in 6 t. T. 4. Part I. M., 1965. P. 261–262.
11. *Carmin A.S.* Kulturologiya's carmine. 2nd ed., rework And Supplement SPb. : «Lan», 2003. 928 p.
12. *Kukushkin A.A.* Legal education in the sociocultural space of Russia: regional aspect : dis. ... edging. of sociological sciences. Maykop, 2018. 167 p.
13. *Lyasnikov N.V.* Socio-economic conditions of formation of spiritual culture of student youth (sociological aspect) / N.V. Lyasnikov, Yu.V. Lyasnikov. M. : VNIIFK, 2003. P. 56–57.
14. *Parsons T.* Values // Sociological Dictionary. The 2nd prod. M, 2004. P. 518.
15. *Rickert G.* Science of Nature and Science of Culture. Cultural science. The 20th century. Anthology. M, 1995. P. 78.
16. *Soloviev V.S.* Justification of Good: Moral Philosophy. M. : Academic project, 2010. 671 p.

17. *Сорокин П.* Человек. Цивилизация. Общество / Пер. с англ. М. : Политиздат, 1992. С. 2–19.

18. *Тугаринов В.П.* Избранные философские труды. Л. : Издательство Ленинградского университета. 1988. С. 277.

19. *Шелер М.* Формализм в этике и материальная этика ценностей. Избранные произведения // Пер. с нем. М. : Гнозис, 1994. С. 259–337.

20. *Rokeach M.* The Nature of Human Values. New-York, Lon. : The Free Press, 1973.

17. *Sorokin P.* Person. Civilization. Society // Lane C. M. : Politicizdat, 1992. P. 2–19.

18. *Tugarinov V.P.* Selected philosophical works. L. : Publishing House of Leningrad University. 1988. P. 277.

19. *Scheler M.* Formalism in Ethics and the Material Ethics of Values. Selected works // Per. M. : Gnosis, 1994. P. 259–337.

20. *Rokeach M.* The Nature of Human Values. New-York, Lon. : The Free Press, 1973.

Астахова Римма Кимовна
аспирантка,
Кубанский государственный
аграрный университет
ram88.82@mail.ru

Артамонова Яна Викторовна
кандидат социологических наук,
преподаватель,
Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет
janaserduchenko@mail.ru

Влияние социокультурной травмы на формирование семейно-родовой памяти

Аннотация. В связи с тем, что семейно-родовая память – это мощный ресурс создания будущего, авторы статьи рассматривают влияние социокультурной травмы на семейно-родовую память. В работе подчеркивается, что ситуация травмы нарушает целостность социально-культурной ткани общественной жизни, разрушая ее плотность и однородность, что, в свою очередь, может приводить к разрывам в потоках семейно-родовой памяти.

Ключевые слова: социальный опыт, социальная память, историческая память, семейно-родовая память, традиции, семья, социокультурные изменения, травма, социокультурная травма.

Трансформационные процессы, происходящие в современном обществе, подчеркивают важность исследования потребностей, мотивов, ценностей, ценностных ориентаций, установок, стратегий, жизненного мира личности, а также – различных социальных групп. Для современных ученых актуально понимать, как выглядит жизненный путь личности, что позволяет прогнозировать будущее развитие социума, а также способствует предотвращению существующих рисков [1; 2].

Семья выступает в качестве основного агента процесса социализации личности, позволяет человеку сформировать социальные нормы поведения, определиться с установками и выбрать жизненные траектории развития. Семья является единственным социальным институтом, который одновременно образом необходим и, в то же время, добровольен. Это – уникальная форма, способная и стремящаяся к самообновлению, а также – самый верный способ, чтобы каждый член этой группы смог найти убежище от общественных ударов [3, с. 21].

Rimma K. Astakhova
Graduate student,
Kuban State Agrarian University
ram88.82@mail.ru

Yana V. Artamonova
Candidate of Sociological Sciences,
Instructor of the Institute
of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University
janaserduchenko@mail.ru

INFLUENCE OF SOCIO-CULTURAL INJURY ON FORMATION OF FAMILY-GENERAL MEMORY

Annotation. Due to the fact that family and tribal memory is a powerful resource for creating the future, the authors of the article considers the influence of sociocultural trauma on family and tribal memory. The work emphasizes that the situation of trauma violates the integrity of the socio-cultural fabric of social life, destroying its density and uniformity, which in turn can lead to ruptures in the flows of family-tribal memory.

Keywords: social experience, social memory, historical memory, family-tribal memory, traditions, family, sociocultural changes, trauma, sociocultural trauma.

Семья, семейные ценности и отношение человека к семье активно исследуется представителями социо-гуманитарного научного знания. Исследования семьи могут быть представлены в рамках наиболее разработанного ряда направлений: семья как малая социальная группа [4], репродуктивное поведение семьи и проблемы ее социального здоровья [5; 6; 7], вопросы брачности, рождаемости, разводимости [8, 9], семейные ценности [10; 11], проблемы семьи в условиях трансформирующейся социальной реальности [12; 13]. Также, стоит обратить внимание на исследование такого феномена, как семейно-родовая память, так как жизнь каждого человека – это процесс воспоминания, принятия семейной социальной памяти как опыта рода [14].

Особый интерес в рамках данной статьи вызывают работы, посвященные теории социокультурной травмы, так как при помощи данного концептуального подхода можно выявить ряд отрицательных или дисфункциональных последствий в обществе, поскольку всякие социокультурные изменения травматогенны [15; 16].

Таким образом, анализ накопленного опыта в рамках изучения семьи позволяет отметить многоплановость направлений исследования. Поскольку каждая семья – это индивидуальная биография со своим жизненным путем развития, где неизбежен и трагический опыт, то особо актуально и первоначально обратиться к рассмотрению влияния социокультурной травмы на семейно-родовую память.

Обращаясь к подходу жизненного пути по отношению к семье, отметим, что он фиксирует влияние исторических событий на семейные отношения и поколения, влияющие на их личностное развитие. Рассмотрение жизненного пути – это биографическое исследование, в ходе которого биографии анализируются на основе субъективных реконструкций индивидов [17, с. 108]. При рассмотрении жизненного пути семьи, особую роль играет семейно-родовая память, так как капитал семейной памяти является ориентиром для решения жизненно важных задач.

Исследования памяти как социального феномена впервые были проведены М. Хальбваксом [18]. В своих работах он обращает внимание на то, что воспоминания индивида зависят от социальных ориентиров. Социальная память позволяет сформировать механизмы, с помощью которых будет происходить наследование опыта предков, а также - заключает в себе особенности ментальностей общностей [19].

Социальная память представляет собой сложно структурированный элемент духовной жизни общества, где семейно-родовая память связывает между собой индивидуальный уровень и высшие слои социальной памяти.

Для того, чтобы человек ориентировался и быстро адаптировался к социальному пространству, необходимо обращаться к семейно-родовой памяти. Нормальное функционирование общества и целостность социокультурной реальности протекает в том случае, если соблюдено условие целостности пространства коллективного сознания. То есть, данные условия понятны для населения, и их семейно-родовая память функционирует нормально. Члены семьи – это наследники капитала семейной памяти. Работая с памятью прародителей, они имеют возможность осознать семейный сценарий, выбирать направление развития новых сценариев жизни рода. Но в связи с социальной изменчивостью, нормальный ход общественной жизни может быть подорван, может быть нанесен удар семьям, порожденный состоянием своеобразной травмы [20].

Нарушение привычного хода событий – это нарушение внутреннего покоя и стабильности. Данная ситуация не может не привести к событиям травмирующего характера: нарастающему социальному напряжению, недовольству, социальным революциям, войнам. Современная социология рассматривает такие события, как социокультурные травмы.

Обращаясь к идеям П. Штомпки, мы видим, что социальные травмы характеризуются неожидан-

ностью, глубиной, радикальностью и воспринимаются человеком как событие экзогенное, неподвластное его влиянию, шокирующее и отталкивающее его [20].

Говоря о семье, отметим, что социокультурная травма распространяется среди членов семьи, которые разделяют этот факт. Травма интерпретируется и воспринимается семьей как нечто, принуждающее и налагающее обязательства на их действия. Переживание ситуации травмы – это чувства утраты и боли, которые тренируют людей к построению нового будущего. Социокультурные травмы – это экстремальные социальные события, которые изменяют содержание семейно-родовой памяти, а также являются «точкой бифуркации» в ее изменениях, оказывая влияние на социальное здоровье членов семьи, особенно на молодое поколение [21]. Причем, процесс изменений социального здоровья семьи, в соответствии с теорией П. Штомпки, содержит травмирующий эффект, т.е., связан с эрозией нормативно-ценностных оснований семейно-родовой памяти. Насильственный характер изменений вынуждает к адаптации семьи в новых социальных условиях, радикально отличающихся от предшествующих форм жизни семьи.

Качественно прожитая ситуация травмы становится предметом дискурса семьи и отражается в семейно-родовой памяти, определяет отношение к будущему. Если же травмирующие изменения старательно вытесняются, то семейная память их не фиксирует и рождает несовершенный семейный сценарий, который передается последующим поколениям. Вытесненное событие продолжает действовать латентно на жизнь другого поколения, при этом лишает потомка возможности социальных маневров, так как его будущее определено выбором предка. В судьбе фиксируется, как правило, неприятное событие, связанное с негативными эмоциями.

Семейные истории, легенды транспируют семейно-родовую память через поколения. Травмирующие ситуации, входя в семейную память болезненными осколками, изменяют рисунок семейно-родовой памяти. Наследники такой памяти начинают острее воспринимать исторические события.

К одной из самых болезненных и касающихся всех ныне существующих семей нашей страны мы можем отнести такую социокультурную травму, как Великая Отечественная война. В семейно-родовой памяти каждого хранятся истории военных лет, которые произошли 75 лет назад. Боль и трагедия живет в памяти каждой семьи. Тяжелые воспоминания наших предков могут позволить нам воссоздать реальную картину не только военных лет, но и жизненного пути каждой семьи. Для каждой современной семьи тема Великой Отечественной войны не является приятным погружением в семейную историю. Кто-то хранит письма своих отцов/дедов с фронта, некоторые до сих пор не знают, при каких обстоятельствах погибли их родственники. Огромное количество солдат, попавших в плен, без вести пропавших людей – это история многих российских семей. Причем для каждой отдельно взятой семьи война отразилась по-разному в ее семейно-родовой памяти. Люди, рожденные в 1930-х, не любят говорить

о тех событиях своего детства. Информация о жизни, полученная от них, очень сухая: о жизни своих прародителей они не любят вспоминать, утверждая, что многие документы были утеряны. Для них – это травма военного детства – отсутствие отцов, голод, холод, лишения [22]. А для молодого поколения отсутствие правдивой информации из семейных историй – это сокращение длительности и глубины семейно-родовой памяти.

Итак, проанализировав влияние социокультурной травмы на формирование семейно-родовой памяти, мы пришли к выводу о том, что структура

Литература:

1. *Zakharova T.Y.* Conceptualising social health of the Russian young family and models of parental behaviour in a risk society / T.Y. Zakharova, N.H. Gafiatulina, Y.V. Artamonova // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 4. С. 230–235.
2. *Gafiatulina N.Kh.* Social health and perception of risks by students living in southern Russian regions (based on sociological questioning data obtained in Rostov-on-Don) / N.Kh.Gafiatulina, L.V. Tarasenko, S.I. Samygin, S.Yu. Eliseeva // Health Risk Analysis. 2017. № 4. С. 66–75.
3. *Карлсон А.* Общество-Семья-Личность: Социальный кризис Америки. Альтернативный социологический подход / Пер. с англ. под ред. проф.А.И. Антонова. М., 2003. 288 с.
4. *Гурко Т.А.* Теоретические подходы к изучению семьи. М. : Ин-т социологии РАН, 2010. 184 с.
5. *Архангельский В.Н.* Современные тенденции рождаемости в России и влияние мер государственной поддержки / В.Н. Архангельский [и др.] // Социологические исследования. 2017. № 3. С. 43–50. URL : <http://socis.isras.ru/article/6597>
6. Трансформация института семьи и демографические процессы в современной России : монография / А.В. Верещагина. Ростов-н/Д, 2009. 263 с.
7. *Гафиатулина Н.Х.* Социальное здоровье молодой семьи: показатели и уровни оценки / Н.Х. Гафиатулина, А.В. Верещагина, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 8–9. С. 21–25.
8. *Воронина Т.Д.* Развод как социальный феномен в современной России: причины и последствия. Опыт регионального исследования // Вести. Томск, гос. ун-та. Сер. Философия. Политология. Социология. 2011. № 1(13).
9. *Дементьева И.Ф.* Супружество и родительство: парадигма изменений семьи в условиях реформ // Теория и практика общественного развития. 2014. № 2. С. 64.
10. *Верещагина А.В.* Семья и семейные ценности в восприятии студенческой молодежи (на примере

будущего строится на фундаменте прошлого. В связи с этим, семейно-родовая память – это программа для формирования этого самого будущего. От того, каким образом будет создаваться семейно-родовая память и транслироваться следующим поколениям будет зависеть дальнейший жизненный путь наследников. Ситуация травмы нарушает целостность социально-культурной ткани общественной жизни, теряется ее плотность и однородность, что, в свою очередь, может приводить к разрывам в потоках семейно-родовой памяти: к скрытию какой-то негативной информации от наследников семейной памяти.

Literature:

1. *Zakharova T.Y.* Conceptualising social health of the Russian young family and models of parental behaviour in a risk society / T.Y. Zakharova, N.H. Gafiatulina, Y.V. Artamonova // State and municipal government. Scientists notes. 2019. № 4. P. 230–235.
2. *Gafiatulina N.Kh.* Social health and perception of risks by students living in southern Russian regions (based on sociological questioning data obtained in Rostov-on-Don) / N.Kh.Gafiatulina, L.V. Tarasenko, S.I. Samygin, S.Yu. Eliseeva // Health Risk Analysis. 2017. № 4. С. 66–75.
3. *Carlson A.* Society-Family-Personality: The Social Crisis of America. Alternative Sociological Approach / Translation from English, ed. prof. A.I. Antonova. M. : 2003. 288 p.
4. *Gurko T.A.* Theoretical approaches to the study of the family. M. : Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2010. 184 p.
5. *Arkhangelsky V.N.* Current fertility trends in Russia and the impact of state support measures / V.N. Arkhangelsky [et al.] // Sociological studies. 2017. № 3. P. 43–50. URL : <http://socis.isras.ru/article/6597>
6. Transformation of the institution of the family and demographic processes in modern Russia: monograph. Rostov-n/D, 2009. 263 p.
7. *Gafiatulina N.Kh.* Social health of a young family: indicators and assessment levels / N.Kh. Gafiatulina, A.V. Vereshchagina, S.I. Samygin // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2017. № 8–9.
8. *Voronina T.D.* Divorce as a social phenomenon in modern Russia: causes and consequences. The experience of regional research // News. Tomsk, state un-that. Ser. Philosophy. Political science. Sociology. 2011. № 1(13).
9. *Dementieva I.F.* Matrimony and parenthood: the paradigm of family changes in the context of reforms // Theory and practice of social development. 2014. № 2. P. 64.
10. *Vereshchagina A.V.* Families and family values in the perception of students (on the example of

- Дагестана) / А.В. Верещагина, Н.Х. Гафиатулина, Э.М. Загирова // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2015. № 2 (42). С. 158–164.
11. *Сердюченко Я.В.* Ценность семьи в иерархии ценностей молодежи на Юге России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 1. С. 103–107.
12. *Карцева Л.В.* Модель семьи в условиях трансформации российского общества // Социологические исследования. 2003. № 7. С. 92–100.
13. *Ростовская Т.К.* Традиционные семейные ценности в контексте российской истории. М., 2016. 28 с.
14. *Логунова Л.Ю.* Семейно-родовая память как социальный феномен : монография / Л.Ю. Логунова; Отв. ред. д-р социолог. наук, проф. Шпак Л.Л. Кемерово, 2011. 227 с.
15. *Арефьева Н.Т.* Социокультурные изменения и парадигма травмы // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2009. С. 29–33.
16. *Камоза Т.М.* Травма как коллективный феномен: методологический и историко-философский аспекты исследования // Евразийский Союз Ученых. 2016. № 3–4(24). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/travma-kak-kollektivnyy-fenomen-metodologicheskii-i-istoriko-filosofskiy-aspekty-issledovaniya>
17. *Гурко Т.А.* Теоретические подходы к изучению семьи : монография / Т.А. Гурко; Институт социологии РАН. М., 2016. 210 с.
18. *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти / Пер. с фр. С.Н. Зенкина. М. : Новое издательство, 2007. 348 с.
19. *Логунова Л.Ю.* Методологические возможности исследования семейно-родовой памяти в русле феноменологической исследовательской программы // Вестник КемГУ. 2011. № 3(47). С. 124–127.
20. *Штомпка П.* Социальное изменение как травма // Социс. 2001. № 1. С. 6–16.
21. *Щербакова Л.И.* Социальное здоровье российской молодежи в свете теории социокультурной травмы / Л.И. Щербакова, Н.Х. Гафиатулина, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 6–7. С. 90–96.
22. *Логунова Л.Ю.* Влияние исторической травмы на семейно-родовую память сибиряков // Социологические исследования. 2009. № 9. С. 126–136.
- Dagestan) / A.V. Vereshchagina, N.Kh. Gafiatulina, E.M. Zagirova // Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography. 2015. № 2(42). P. 158–164.
11. *Serdyuchenko Ya.V.* Family value in the hierarchy of youth values in the South of Russia // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2014. № 1. P. 103–107.
12. *Kartseva L.V.* Family model in the conditions of transformation of Russian society // Sociological studies. 2003. № 7. P. 92–100.
13. *Rostovskaya T.K.* Traditional family values in the context of Russian history. M., 2016. 28 p.
14. *Logunova L.Yu.* Family-tribal memory as a social phenomenon: monograph / L.Yu. Logunova; open ed. Dr. sociologist. sciences, prof. Shpak L. L. Kemerovo: Kemerovo State University, 2011. 227 p.
15. *Arefieva N.T.* Sociocultural changes and the paradigm of injury // Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts. 2009. P. 29–33.
16. *Kamosa T.M.* Trauma as a collective phenomenon: methodological and historical-philosophical aspects of research // Eurasian Union of Scientists. 2016. № 3–4(24). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/travma-kak-kollektivnyy-fenomen-metodologicheskii-i-istoriko-filosofskiy-aspekty-issledovaniya>
17. *Gurko T.A.* Theoretical approaches to the study of the family : monograph / T.A. Gurko; Institute of Sociology RAS. M., 2016. 210 p.
18. *Halbwax M.* Social framework of memory / trans. with fr. S.N. Zenkina. M. : New publishing house, 2007.348 p.
19. *Logunova L.Yu.* Methodological possibilities of studying family-tribal memory in line with the phenomenological research program // Bulletin of KemSU. 2011. № 3(47). P. 124–127.
20. *Shtompka P.* Social change as an injury // Socis. 2001. № 1. P. 6–16.
21. *Shcherbakova L.I.* Social health of Russian youth in the light of the theory of socio-cultural trauma / L.I. Shcherbakova, N.Kh. Gafiatulina, S.I. Samygin // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2017. № 6–7. P. 90–96.
22. *Logunova L.Yu.* The influence of historical trauma on the family-tribal memory of Siberians // Sociological studies. 2009. № 9. P. 126–136.

Васильева Елена Александровна

доктор социологических наук,
профессор кафедры государственного
и муниципального управления,
Северо-Западный институт управления –
филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ
Vasilieva_ea@bk.ru

Рубцова Мария Владимировна

доктор социологических наук,
доцент кафедры
социологии управления и планирования,
Санкт-Петербургский
государственный университет
mariia.rubtcova@mail.ru

**ПРОБЛЕМЫ СОУПРАВЛЕНИЯ
АРКТИЧЕСКИМИ ТЕРРИТОРИЯМИ
И МЕСТНЫЕ СООБЩЕСТВА:
ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ**

Аннотация. В статье рассмотрены основные зарубежные подходы к организации системы соуправления на арктических территориях, дана характеристика достоинств и недостатков сложившейся системы соуправления арктическими территориями в зарубежной практике. Также, рассмотрена практика государственного управления в Арктической зоне Российской Федерации и определены перспективы применения зарубежных социальных практик соуправления в отечественном управлении. Установлено, что в настоящее время появилась возможность разработки уникальных методов организации взаимодействия государства и населения, учитывающих специфику демографии и экономики арктических регионов.

Ключевые слова: Арктика, арктические сообщества, государственное управление, приоритетные направления, социальные практики, соуправление, участие в управлении, коммуникации.

Введение.

Арктика представляет собой сложный объект для государственного управления. С одной стороны, это огромные территории, на которых расположены значительные запасы природных ресурсов, что существенно повышает значимость этих регионов для социально-экономического развития. С другой стороны, экстремальные климатические условия этих территорий

Elena A. Vasilieva

Doctor of Sociology Sciences,
Professor of Department of State
and Municipal management,
North West Institute of Management –
branch of the Russian academy
of the National Economy
and State Services under the President
of the Russian Federation
Vasilieva_ea@bk.ru

Maria V. Rubtcova

Doctor of Sociology Sciences,
Associate Professor
of Department of Sociology,
Saint Petersburg State University
mariia.rubtcova@mail.ru

**PROBLEMS OF CO-MANAGEMENT
OF THE ARCTIC TERRITORIES
AND LOCAL COMMUNITIES:
FOREIGN EXPERIENCE**

Annotation. The article considers the main foreign approaches to the organization of a co-management system in the Arctic territories, gives a description of the advantages and disadvantages of the existing system of co-management of the Arctic territories in foreign practice. The article also discusses the practice of public administration in the Arctic zone of the Russian Federation and identifies the prospects for the application of foreign social co-management practices in domestic governance. It has been established that at present there is an opportunity to develop unique methods for organizing interaction between the state and the population, taking into account the specifics of demography and the economy of the Arctic regions.

Keywords: Arctic, Arctic communities, public administration, priority areas, social practices, co-management, participation in management, communication.

некомфортны, существенно увеличивают себестоимость проводимых производственных работ, а также – понижают привлекательность этих регионов как места постоянного жительства. В результате можно отметить единые по всему Арктическому региону тенденции, определяющие специфику государственного управления: население этих территорий невелико, преимущественно представляет собой представителей коренных народностей, производственные процессы тяготеют к

вахтовому методу, что обуславливает потребительское поведение со стороны добывающих компаний, а также – возрастание угрозы нарушения экологического равновесия¹.

В таких условиях важнейшим для государственного управления становится проблема управляемости, то есть, способности системы адекватно реагировать на возникающие угрозы и регулирующие воздействия со стороны управляющего субъекта. В рамках данной статьи под управляемостью мы будем понимать качественную характеристику социальной среды, позволяющую социализированным субъектам устанавливать и достигать определенных целей во взаимодействии друг с другом [5, с. 36]. В системе государственного управления в качестве основного управляющего субъекта, как правило, выступает государственная служба, рассматриваемая в данном случае не только как система органов государственной власти, но и как социальный институт, то есть, совокупность правил, норм и социальных ролей, регулирующих региональное управление, а также взаимодействие между федеральными и региональными политическими акторами.

Основной проблемой в организации эффективного взаимодействия становится определение управляемого субъекта, разработка результативных социальных практик, которые позволят в полной мере учесть особенности социальной среды, определение пределов допустимого прямого администрирования. В условиях малонаселенности и сложной логистики возрастает значение самоуправления как функции организации местного сообщества. В литературе (см., например, работы А.А. Кондрашова, А.Б. Зенкиной, О.В. Ронжиной [2], Н.Г. Чеботарева, Е.Ф. Гладун [6], М.Л. Лагутиной [3]) в последнее время можно встретить мнение о необходимости создания такой конфигурации взаимодействия местного населения Арктических регионов и органов государственной власти, которая позволила бы обеспечить соуправление, то есть, партнерские отношения при принятии важнейших государственных решений в области регионального управления. В качестве примера подобной практики приводится опыт Арктических регионов Западной Европы.

Целью данной работы является анализ зарубежной литературы в области исследований управляемости в Арктике, а также – определение перспектив применения предлагаемых управленческих технологий в условиях Российского Арктического региона.

Управление Арктическим регионом: обзор зарубежной литературы.

В первую очередь, литература, посвященная проблемам управления в Арктике, нацелена на концепцию экологической устойчивости и сохранение коренных народов Севера [13]. Интересно, что в данном контексте социологи прибегают к переформулировке основных идей концепции устойчивости и даже – к некоторому пересмотру

ее содержания. Классическая концепция устойчивости утверждает, что правительства должны принимать более активное участие в жизни общества [10]. Но это активное участие теперь должно пониматься не как превентивное в смысле предотвращения негативных событий, а как предотвращение разрушительных или дестабилизирующих последствий такого события. В этом смысле, ключом к программам обеспечения устойчивости и управляемости оказывается способность граждан самостоятельно реагировать и адаптироваться к кризисам. Тем самым, субъектом обеспечения безопасности оказывается не государство, а общество и составляющие его лица [1, с. 285]. Это переводит обязанности по обеспечению безопасности от государства к гражданину, а характеристика самоуправляемых систем жителей Арктики оказывается весомым аргументом и примером перехода к новой системе устойчивости и управляемости, поэтому арктические сообщества привлекают либеральных социологов не только потому, что они более самостоятельны, но и потому, что их способность справляться с кризисами позволяет разгружать правительство и уменьшить влияние государства на социальную жизнь [13].

Однако повышение гражданского самосознания может вести к конфликтам. Одним из базовых конфликтов для арктических сообществ является конфликт с добывающими компаниями. В статье «Совместное управление ресурсами аборигенов» Т. Кэмпбелл предлагает усовершенствовать систему управления природными ресурсами на арктических территориях и научиться взаимодействовать с местным населением в вопросах управления природными ресурсами [9]. Он отмечает, что конфликты в управлении природными ресурсами были всегда, однако, в современном контексте ограниченности природных ресурсов интенсивность этого конфликта растет экспоненциально, так как возникает все больше групп, конкурирующих за использование и доступ как к возобновляемым, так и к не возобновляемым ресурсам.

Существует несколько причин конфликта с арктическими сообществами. Первая, когда относительно крупномасштабные проекты по ресурсам внутри страны осуществляются в районах, обычно северных, где есть небольшие, изолированные сообщества аборигенов. Вторая, когда освоение ресурсов происходит на территориях, традиционно используемых для охоты, ловли рыбы и собирательства, что нарушает коренной уклад жизни. В-третьих, права коренных народов на традиционные территории в целом плохо определены как правительствами, так и судебными органами. Особые права коренных народов, гарантируемые договором, обычно не рассматриваются, когда предлагаются проекты разработки ресурсов. Поэтому ресурсы, расположенные на территории коренных народов, часто становятся источником конфликта между правительством, добывающими отраслями и арктическими сообществами [9].

¹ «Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Республики Саха (Якутия) в рамках научного проекта № 18-411-140001 «Трансформация социальных

практик взаимодействия гражданской службы и населения в условиях Арктики».

Т. Кэмпбелл также рассматривает пример Канады, где земли и связанные с ними ресурсы, закреплены за коренными народами. Однако хотя статья 35 (1) Закона о Конституции Канады 1982 года признала и подтвердила существующие права коренных народов, порядок и степень, эти права не получают подтверждения в судах и не признаны всеми уровнями правительства. Это является источником постоянных конфликтов [9].

Ф. Беркс [8] предлагает семь уровней участия коренных народов в управлении территориями. Они представлены в таблице 1.

Отмечая, что изменение климата сделало Арктику более доступной для добычи ресурсов, и Арктической регион стал неотъемлемой частью мировой экономики, Куокканен пишет о том, что это привело к усилению гражданской мобилизации народов, проживающих в Арктике, и потребовало создания форм участия местного сообщества в вопросах управления арктическими

территориями [7]. Он отмечает, что предыдущие конфликты арктических сообществ стали трансформироваться в более устойчивые формы взаимодействия с добывающими отраслями различными способами. Одной из основных причин более активного участия является желание воспользоваться выгодами, полученными в результате добычи природных ресурсов на территории, которую коренные народы считают своей. В свою очередь, это может стать одним из способов решения тяжелых социально-экономических проблем в общинах, созданных историческими и продолжающимися процессами колониализма. Наиболее распространенные формы участия коренных народов включают в себя переговоры о заключении соглашений с компаниями-поставщиками ресурсов и участие в процессах оценки их воздействия на окружающую среду. Еще одним средством взаимодействия является создание механизмов разделения власти и совместного управления в целях увеличения вклада коренных народов в процесс принятия решений.

Таблица 1

Уровни участия арктических сообществ в управлении территориями [8]

Уровни управления		Формы участия в управлении территориями
Организация совместного управления на государственном уровне – 7 уровень		Партнерство равных; институционализация совместного принятия решений; делегирование решений сообществу там, где это возможно
Совместное управление на региональном уровне	Совместные управляющие органы – 6 уровень	Сообществу предоставляется возможность участвовать в разработке и реализации планов управления.
	Консультативные комитеты – 5 уровень	Партнерство в принятии решений; совместные действия для достижения общих целей
	Коммуникация – 4 уровень	Начало двухстороннего обмена информацией; местные проблемы начинают входить в план управления территорией
	Кооперация – 3 уровень	Сообщество начинает вносить постоянный вклад в управление
	Консультация – 2 уровень	Начало непосредственного контакта. Вклад сообщества может быть как принят, так и не принят
Информирование – 1 уровень		Сообщество информируют об уже принятых решениях

Однако происходящие процессы внушают мало оптимизма, так как за последние 30 лет был достигнут очень незначительный прогресс. С одной стороны, представители коренных народов были включены в некоторые формальные процедуры и процессы принятия решений, но их участие остается неэффективным. В качестве причин данного положения дел зарубежные исследователи обычно называют слишком сжатые сроки для принятия управленческих решений, отсутствие финансовых ресурсов для осуществления деятельности по соуправлению природными ресурсами, в целом, игнорирование нормы предварительного и осознанного согласия представителей коренных народов [14].

Несмотря на формальный рост участия коренных народов в процессах соуправления природными ресурсами Арктики, они вынуждены работать в структурах и на основе процедур, разработанных другими (часто правительствами или самой добывающей отраслью). Эти процедуры не учитывают влияние роста добычи ресурсов на жизнь коренного населения и не могут сдерживать процесс маргинализации арктических сообществ [16]. Собственно, это участие сводится к двум

формам: оценки воздействия на окружающую среду и соглашения о взаимодействии и выгоде. Обе данные формы считаются шагом вперед в налаживании партнерских отношений между общинами коренных народов и корпорациями, однако в них есть серьезные недостатки в плане развития или поддержки управления коренными народами или контроля над их ресурсной базой [7].

Специально созданные в ряде северных стран Советы по совместному управлению в Арктике, не реализовали свой потенциал. Их основным недостатком является отсутствие включения знаний коренных народов в этот процесс [11]. По сути, это лишь символический жест правительства по формальному включению в процесс принятия решений под полным контролем федерального правительства (или, реже, местных органов власти). В результате ряд исследователей обвинил эти Советы по совместному управлению в Арктике в насаждении колониализма, которое не только не улучшает ситуацию с автономией коренных народов, но, напротив, значительно ухудшает ее [12; 15].

Таким образом, в западной литературе основными проблемами управления в Арктическом регионе признаются необходимость обеспечения участия коренных народов в администрировании природных ресурсов, снижение конфликтности в местных сообществах, а также – сдерживание маргинализации арктических сообществ.

Российская государственная политика в Арктическом регионе.

В Российской Федерации государственная арктическая политика регулируется двумя основными документами: «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу», утвержденный Президентом РФ 18.09.2008 г. № Пр-1969, и «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 г.», утвержденная Президентом РФ 20.02.2013 г. В соответствии с этими документами, к Арктической зоне РФ отнесены «полностью или частично территории Республики Саха (Якутия), Мурманской и Архангельской областей, Красноярского края, Ненецкого, Ямало-Ненецкого и Чукотского автономных округов», а также – «все как открытые, так и могущие быть открытыми в дальнейшем земли и острова, расположенные в Северном Ледовитом океане к северу от побережья Союза ССР до Северного полюса в пределах между меридианом 320 градусов 4 мин. 35 сек. восточной долготы от Гринвича, проходящим по восточной стороне Вайда-губы через триангуляционный знак на мысу Кекурском, и меридианом 168 градусов 58 мин. 30 сек. западной долготы от Гринвича, проходящим по середине пролива, разделяющего острова Ратманова и Крузенштерна группы островов Диомида в Беринговом проливе» (см. Постановление Президиума Центрального Исполнительного Комитета СССР от 15 апреля 1926 г. «Об объявлении территорией СССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане»), за исключением земель и островов, принадлежность которых иностранным государствам была ранее признана советским правительством (архипелаг Шпицберген и о. Медвежий).

Приоритетными направлениями развития этих территорий признаны следующие направления деятельности:

1. Комплексное социально-экономическое развитие;
2. Развитие науки и технологий;
3. Создание современной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры;
4. Обеспечение экологической безопасности;
5. Международное сотрудничество в Арктике;
6. Обеспечение военной безопасности, защиты и охраны государственной границы РФ.

Основной целью государственной арктической политики признано сохранение роли России как

ведущей арктической державы. Именно поэтому фактический приоритет приобрели такие вопросы, как определение и закрепление внешней границы Арктической зоны РФ, создание информационно-телекоммуникационной инфраструктуры, в том числе, космической системы «Арктика» и радионавигационной системы дальнего действия «РСДН-20» («Маршрут»), разработка системы мониторинга экологической обстановки и социально-экономического развитие. При этом в качестве основных показателей эффективности социально-экономического развития определены преимущественно также индикаторы развития инфраструктуры, а именно:

– доля валового регионального продукта, произведенного в Арктической зоне Российской Федерации, в суммарном валовом региональном продукте субъектов Российской Федерации;

– доля радиоэлектронного оборудования российского производства, используемого в Арктике, в общем объеме радиоэлектронного оборудования, используемого в Арктике;

– удельный вес наукоемких инновационных товаров, работ (услуг) организаций в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ (услуг) по Арктической зоне Российской Федерации;

– уровень освещенности (территория, охваченная гидрометеорологическими наблюдениями) акваторий арктических морей данными гидрометеорологических наблюдений;

– доля импортной продукции (технологии и оборудование) в общем объеме продукции (технологии и оборудование), закупленной компаниями для освоения месторождений полезных ископаемых Арктической зоны Российской Федерации.

Только один целевой показатель призван учитывать мнение граждан – уровень их осведомленности о деятельности государства в Арктике, причем учитываются все граждане РФ, а не только жители Арктической зоны.

Повышение качества жизни населения Арктической зоны, в соответствии со Стратегией, предусматривает такие мероприятия, как модернизацию объектов социальной инфраструктуры, обновление жилищного фонда, развитие доступности телекоммуникаций, повышение доступности медицинских услуг, подготовка кадров для нужд Арктической зоны, обеспечение занятости населения, регулирование миграции, развитие учреждений культуры, обеспечение этнокультурного развития коренных малочисленных народов Севера (далее – КМНС), обеспечение рационального природопользования и развитие экологически безопасных видов туризма и поддержка традиционных отраслей хозяйствования. Несмотря на то, что эти мероприятия, в той или иной степени, поддерживаются в некоторых государственных программах и национальных проектах, а также – в государственных программах субъектов РФ, на территории которых проживают КМНС, в государственной программе РФ «Социально-экономическое развитие Арктической зоны

Российской Федерации» они не нашли конкретного отражения.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в отличие от других арктических государств, уделяющих существенное внимание вовлечению коренных народов в управление территориями, расположенными в Арктической зоне, в Российской Федерации основной проблемой качества государственного управления признается инфраструктурное развитие, которое должно повысить, в том числе, качество жизни населения этих территорий.

Перспективы применения зарубежных практик в условиях Арктической зоны Российской Федерации.

В качестве основных угроз развития Арктической зоны РФ в 2020–2025 гг. признаются демография (снижение численности и старение населения, что существенно снижает трудовой потенциал), экономика (низкая вовлеченность коренного населения в инновационные секторы производства, преимущественно экстенсивный характер регионального производства, сопровождаемый существенными экологическими угрозами), а также финансы (недостаточность собственных финансовых ресурсов у арктических регионов для решения задач социально-экономического развития на своей территории) [4, с. 118–119]. Успешное противодействие этим угрозам возможно только в случае активного вовлечения населения, его соучастия в решении проблем. Большинство исследований свидетельствуют, что даже программы содействия занятости эффективны только тогда, когда они поддерживаются гражданами, причем, как непосредственно вовлеченными в их реализацию (безработными и потенциальными работодателями), так и теми, кто не нуждается в них непосредственно, но осведомлен об их существовании и убежден в их эффективности.

Анализируя государственное управление в Арктической зоне, А.А. Кондрашов, А.Б. Зенкина и О.В. Роньжина указывают на то, что в настоящее время государство в полной мере «взяло на себя обязательство сохранить малочисленные народы, обеспечить их жизнедеятельность и устойчивое развитие», однако, централизация привела к сужению возможностей этих народов в сфере соуправления [2, с. 67]. Это выводит на первый план вопрос о необходимости пересмотра сложившейся практики взаимодействия между государством и населением в Арктической зоне РФ.

К сожалению, социальные практики, разработанные в зарубежных арктических государствах, не

могут рассматриваться в качестве безусловно успешных и адекватных для российской Арктики. Проведенный анализ литературы показывает, что фактически эти государства сталкиваются с теми же угрозами и наталкиваются на те же препятствия. Так, в частности, попытки государств Европейского союза создать общественные комиссии, призванные обеспечить участие коренных народов в управлении ресурсами Арктики, признаются неудовлетворительными. Деятельность этих комиссий вследствие различных причин, как объективных (отсутствие законодательно определенной зоны ответственности и способности налагать санкции), так и субъективных, обусловленных разобщенностью коренных народов, оказывается преимущественно имитационной, большинство их мероприятий не способствуют согласованию важных государственных решений, а способствуют продвижению отдельных политических лидеров.

Возложение ответственности за организацию участия коренного населения в управлении на ресурсодобывающие корпорации в рамках государственно-частного партнерства или в соответствии с политикой социальной ответственности также нельзя признать безусловно успешной практикой. Действительно, если законодательно установлена обязанность корпораций выделять часть прибыли на нужды населения арктических территорий, то органы местного самоуправления получают дополнительные ресурсы для решения вопросов местного значения. В краткосрочной перспективе это приводит к возрастанию благосостояния жителей этих территорий и созданию транспортной и социальной инфраструктуры. Однако в долгосрочной перспективе корпорации, конечной целью которых является все-таки максимизация прибыли, а не решение социальных проблем в труднодоступных областях, предпринимают меры к избеганию этих дополнительных затрат. Это приводит к росту социальной напряженности, возникновению или усилению конфликтов между населением и корпорациями, а в крайней точке – к их открытому противостоянию.

Таким образом, в настоящее время государственная социальная политика в Арктической зоне Российской Федерации сталкивается с уникальной возможностью разработки таких методов организации взаимодействия органов государственной власти и населения арктических регионов, которые учитывали бы как недостатки социальных практик, разработанных в зарубежных странах, так и особенности демографии и экономики российской Арктики. Эти методы должны опираться, в первую очередь, на принципы соуправления и партнерства, а также – на соблюдение принципов управляемости в условиях мультикультурного общества.

Литература:

1. *Брайсон Я.* Обещания и подводные камни адаптивного управления в мышлении устойчивости: объектив политической экологии / Я. Брайсон, В.А. Беймер-Фаррис, Т. Бассетт //

Literature:

1. *Bryson J.* Promises and pitfalls of adaptive management in thinking sustainability: the lens of political ecology / J. Bryson, V.A. Beimer-Farris, T. Bassett //

Устойчивость в культурном ландшафте: понимание и управление изменениями в человеческой среде. Издательство Кембриджского университета, Кембридж, Великобритания, 2012. С. 283–299

2. *Кондрашев А.А.* Правовой режим арктических территорий РФ и предоставление особых прав коренным (аборигенным) народам / А.А. Кондрашев, А.Б. Зенкина, О.В. Роньжина // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. 2018. Т. 18. Вып. 1. С. 59–78.

3. *Лагутина М.Л.* Соуправление в Арктике или «арктические партнерства»: российский подход // Международное научное сотрудничество в Арктике, под ред. В.Н. Харлампьевой. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2017. С. 44–48

4. Пешина Э.В. Арктические территории России: вызовы устойчивому экономическому развитию / Э.В. Пешина, А.С. Захаров // Известия УрГЭУ. 2016. № 6(68). С. 109–122.

5. *Рубцова М.В.* Управляемость: теоретико-социологический анализ понятий // Социологические исследования. 2007. №12. С. 32–38.

6. *Чеботарев Г.Н.* Соуправление коренных малочисленных народов Севера арктическими территориями в период их промышленного освоения / Г.Н. Чеботарев, Е.Ф. Гладун // Журнал российского права. 2015. № 5 (221). С. 48–58.

7. At the intersection of Arctic indigenous governance and extractive industries: A survey of three cases // *Extractive Industries and Society*. Vol. 6. Issue 1. January 2019. P. 15–21.

8. *Berkes F.* Co-management: Bridging the two solitudes // *Northern Perspectives*. 1994. № 22(2–3). Ottawa: Canadian Arctic Resources Committee.

9. *Campbell T.* Co-management of Aboriginal Resources // *Information North*, Vol 22. № 1 (March 1996), Arctic Institute of North America. P. 2–7.

10. *Chandler D.* Resilience and the autotelic subject: Toward a critique of the societalization of security // *International Political Sociology*. 2013. Vol. 7. № 2. P. 210–226.

11. *Graben S.* Living in perfect harmony: harmonizing sub-arctic co-management through judicial review // *Osgoode Hall Law Journal*. 2011. Vol. 49 (2). P. 199–236

12. *Procter A.* Uranium and the Boundaries of Indigeneity in Nunatsiavut // *The Extractive Industries and Society*. 2016. Vol. 3. Issue 2. P. 288–296.

13. *Reinert H.* Conceptualising resilience in Norwegian Sámi reindeer pastoralism / H. Reinert, T.A. Benjaminsen // *Resilience*. 2015. Vol. 3. № 2. P. 95–112.

14. *Rune S. Fjellheim.* Arctic oil and gas – corporate social responsibility // *Gáldu Čála*. 2006. № 4. P. 8–23.

understanding and managing changes in the human environment. Cambridge University Press, Cambridge, UK, 2012. P. 283–299

2. *Kondrashev A.A.* The legal regime of the Arctic territories of the Russian Federation and the granting of special rights to indigenous (indigenous) peoples / A.A. Kondrashev, A.B. Zenkina, O.V. Ronzhina // *Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2018. Vol. 18. № 1. P. 59–78.

3. *Lagutina M.L.* Co-management in the Arctic or «Arctic partnerships»: the Russian approach // *International Scientific Cooperation in the Arctic*, ed. N. Kharlampyeva. SPb.: Publishing House of St. Petersburg University, 2017. P. 44–48.

4. *Peshina E.V.* The Arctic territories of Russia: challenges to sustainable economic development / E.V. Peshina, A.S. Zakharov // *Bulletin of Ural State Economic University*. 2016. № 6(68). P. 109–122.

5. *Rubtcova M.V.* Manageability: theoretical and sociological analysis of concepts // *Sociological studies*. 2007. № 12. P. 32–38.

6. *Chebotarev G.N.* Co-management of the indigenous peoples of the North by the Arctic territories during their industrial development / G.N. Chebotarev, E.F. Gladun // *Journal of Russian Law*. 2015. № 5(221). P. 48–58.

7. At the intersection of Arctic indigenous governance and extractive industries: A survey of three cases // *Extractive Industries and Society*. Vol. 6. Issue 1. January 2019. P. 15–21.

8. *Berkes F.* Co-management: Bridging the two solitudes // *Northern Perspectives*. 1994. № 22(2-3). Ottawa: Canadian Arctic Resources Committee.

9. *Campbell T.* Co-management of Aboriginal Resources // *Information North*, Vol 22, no.1 (March 1996), Arctic Institute of North America. P. 2–7

10. *Chandler D.* Resilience and the autotelic subject: Toward a critique of the societalization of security // *International Political Sociology*. 2013. Vol. 7. № 2. P. 210–226.

11. *Graben S.* Living in perfect harmony: harmonizing sub-arctic co-management through judicial review // *Osgoode Hall Law Journal*. 2011. Vol. 49 (2). P. 199–236.

12. *Procter A.* Uranium and the Boundaries of Indigeneity in Nunatsiavut // *The Extractive Industries and Society*. 2016. Vol. 3. Issue 2. P. 288–296

13. *Reinert H.* Conceptualising resilience in Norwegian Sámi reindeer pastoralism / H. Reinert, T.A. Benjaminsen // *Resilience*. 2015. Vol. 3. № 2. P. 95–112.

14. *Rune S. Fjellheim.* Arctic oil and gas – corporate social responsibility // *Gáldu Čála*. 2006. № 4. P. 8–23

15. *Sandlos J.* Aboriginal Communities, Traditional Knowledge, and the Environmental Legacies of Extractive Development in Canada / J. Sandlos, A. Keeling // *The Extractive Industries and Society*. 2016. Vol. 3. Issue 2. P. 278–287.

16. *Trigger D.* Aboriginal engagement and agreement-making with a rapidly developing resource industry: coal seam gas development in Australia / D. Trigger, J. Keenan et al. // *The Extractive Industries and Society*. 2014. Vol. 1. Issue 2. P. 176–188.

15. Sandlos J., Keeling A. Aboriginal Communities, Traditional Knowledge, and the Environmental Legacies of Extractive Development in Canada // *The Extractive Industries and Society*. 2016. Vol. 3. Issue 2. P. 278–287.

16. *Trigger D.* Aboriginal engagement and agreement-making with a rapidly developing resource industry: coal seam gas development in Australia / D. Trigger, J. Keenan, et al. // *The Extractive Industries and Society*. 2014. Vol. 1. Issue 2. P. 176–188.

Верещагина Анна Владимировна

доктор социологических наук,
профессор,
Южный федеральный университет
anrietta25@mail.ru

Кротов Дмитрий Валерьевич

доктор социологических наук,
профессор,
Ростовский государственный
экономический университет
dsm2000@mail.ru

Самыгин Сергей Иванович

доктор социологических наук,
профессор,
Ростовский государственный
экономический университет
samugin78@yandex.ru

**ТРАНСФОРМАЦИЯ
СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ЦЕННОСТЕЙ
МОЛОДЕЖИ НА ЮГЕ РОССИИ:
АРХАИЗАЦИЯ,
ТРАДИЦИОНАЛИЗАЦИЯ,
МОДЕРНИЗАЦИЯ?**

Аннотация. В статье обосновывается ключевая идея о том, что своевременный социологический анализ явлений и процессов в сфере семейно-брачных отношений южно-русского общества предполагает обращение к молодежи как носительнице семейных ценностей, формирующихся на стыке трех ключевых тенденций трансформации социокультурного пространства данного региона: архаизации, традиционализации и модернизации. Их противоречивое пересечение в проекции семейно-брачных ценностей, установок и практик молодежи Юга России может стать объяснительной схемой в анализе кризисных факторов и явлений в семейной сфере общества, а также - траекторий развития семейно-брачных отношений всего регионального социума.

Ключевые слова: семья, молодежь, семейно-брачные ценности, архаизация, традиционализация, модернизация, трансформация.

Юг России представляет особый интерес как регион, в котором наблюдается целая гамма социальных процессов, связанных с трансформацией социетального пространства российского общества и наиболее выражено проявляющихся в таких процессах, как архаизация, традиционализация и модернизация. Их катализатором являются процессы религиозного возрождения и этнизации [1], которые, в свою очередь,

Anna V. Vereshchagina

Doctor of Sociological Sciences,
Professor,
Southern Federal University
anrietta25@mail.ru

Dmitry V. Krotov

Doctor of Sociological Sciences,
Professor,
Rostov State Economic University
dsm2000@mail.ru

Sergey I. Samygin

Doctor of Sociological Sciences,
Professor,
Rostov State Economic University
samugin78@yandex.ru

**TRANSFORMATION OF FAMILY
AND MARRIAGE VALUES
OF YOUNG PEOPLE IN THE SOUTH
OF RUSSIA: ARCHAIZATION,
TRADITIONALIZATION,
MODERNIZATION..?**

Annotation. The article substantiates the key idea that a timely sociological analysis of phenomena and processes in the sphere of family and marriage relations in southern Russian society involves addressing young people as carriers of family values that are formed at the junction of three key trends in the transformation of the socio-cultural space of this region: archaization, traditionalization and modernization. Their contradictory intersection in the projection of family and marriage values, attitudes, and practices of young people in the South of Russia washes become explanatory diagram of the analysis of crisis factors in the family sphere, society, as well as development paths of the family relations of all regional society.

Keywords: family, youth, family and marriage values, archaization, traditionalization, modernization, transformation.

актуализируются в условиях модернизационных изменений, неадекватных социокультурным условиям региональных сообществ. Недаром социологи в последнее время все чаще, анализируя особенности социокультурной динамики в современном российском обществе и отдельных региональных образованиях, обращаются к понятиям «архаизация», «архаика», «традиционализм», «неотрадиционализм» [2], «социальная инерция»

[3]. Это – далеко неслучайное исследовательское внимание, и прежде присутствовавшее в осмыслении российских реалий и причин неудач различного рода реформ сквозь призму инерционного характера развития российского общества [4], заставило и нас задуматься о происходящих в семейно-брачной сфере социума процессах сквозь призму ценностей и установок молодежи Юга России. И в свете обозначенной проблематики мы решили рассмотреть современное пространство семейно-брачных ценностей молодежи Юга России как формирующееся на пересечении трех ключевых векторов – архаизации, традиционализации и модернизации, производных от тенденций трансформации социума в условиях усложняющейся реальности, в России, характеризующейся еще и кризисными проявлениями.

Таким образом, основная концепция данной статьи базируется на положении о том, что на пересечении архаического, традиционного и современного происходит формирование и изменение семейно-брачных установок и ценностей молодежи Юга России, и это, конечно же, нуждается в социологическом осмыслении.

Говоря об архаизации отношений в семейно-брачной сфере, мы подразумеваем возрождение в современной реальности семейно-брачных отношений и практик в прежних (архаичных) формах, сложившихся в прошлом в границах этнической культуры того или иного народа. В качестве примера архаичных семейных практик, получающих распространение на Юге России и, в особенности, в республиках Северного Кавказа, можно назвать такие, как похищение невесты (имеется ввиду реальное похищение, без предварительного договора с невестой), заключение браков без согласия детей (по воле родителей), раннее замужество девушек (в 13–15 лет), а также – многоженство.

1. При этом, как свидетельствуют данные социологических исследований, молодежь Северного Кавказа в своем большинстве негативно относится к возврату давно утративших актуальность семейно-брачных практик [5], но под влиянием исламизации данного региона тенденции архаизации только закрепляют свои позиции, подпитываясь устойчивостью традиционных семейных практик в южно-российском регионе. Последние, в свете инерционных тенденций в развитии российского общества, получают новую «жизнь», порождая значительное неотрадиционалистское движение в сфере культуры, семьи и быта народов Юга России [6]. Наиболее ярко это проявляется в том, что закрепляются традиции моноэтнической брачности при поступательном исчезновении практики межэтнической брачности у народов Юга России [7].

При этом отношение к межэтническим семьям на Юге России, в целом, довольно спокойное, можно даже сказать, толерантное, но только до того момента, пока речь не идет о личных семейно-брачных стратегиях или семейных стратегиях близких родственников, которые связаны с сугубо моноэтнической семьей. Иными словами, для южно-российского общества доминантной моделью

семейно-брачного поведения на современном этапе выступает модель моноэтнической семьи, и молодежь, ведомая транслируемыми через поколенческие каналы ценностями, также, в своем большинстве, ориентируется на ценности моноэтнической модели семьи. Межэтническая семья при этом расценивается как отклонение от нормы при всем том, что негативного, агрессивного или неуважительного отношения к семьям смешанного по этническому признаку типа население данного региона не проявляет.

Итак, молодая семья межэтнического типа на Юге России становится все более редким явлением, и данная тенденция вполне закономерна для общества, в котором успех и статус личности, во многом, определяются этнической принадлежностью. Соответственно, межэтнические браки в подобных обществах становятся социально не востребованными, а адаптация молодой семьи межэтнического типа в полиэтничном регионе предстает как процесс со значительными дополнительными трудностями, к которым молодые люди, вступающие в подобный брак, должны быть готовы. На фоне весьма пространного списка трудностей, которые сопровождают создание семьи и ее адаптацию в современных российских реалиях, дополнительные трудности могут только усугубить адаптационную ситуацию.

Семья и материнство в России продолжают оставаться самыми незащищенными явлениями, и это подтверждается многочисленными фактами, среди которых и крайне низкий размер детских пособий, и невысокий уровень развития детских медицинских учреждений, и ограниченный доступ к оказанию качественных медицинских услуг для большей части детского населения, и коммерциализация необходимых услуг для физического и духовного развития детей, и несовершенство семейного законодательства в отношении соблюдения прав матери и ребенка, что проявляется в росте семейного насилия в отношении указанных членов семьи, в увеличении числа неплательщиков алиментов, детской бедности, в целом, и т.д. К этому следует добавить сложности экономической адаптации молодой семьи, особенно, если эта семья с детьми, а их разрешение зачастую определяется этническим статусом семьи в поликультурных регионах. На этом основании адаптационный потенциал созданной на разноэтнических основаниях молодой семьи в условиях российских реалий расценивается как более низкий, поскольку такая семья на Юге России имеет все шансы столкнуться с проблемами и трудностями, обусловленными социальными установками в отношении межэтнических семей в различных этно-кругах и значительным влиянием этнического фактора на различные сферы общественной жизни.

Необходимо отметить, что для полиэтничного региона, каким является Юг России, снижение ценности межэтнической семьи и численности подобного рода браков следует рассматривать также в контексте негативных последствий, весьма значимых с точки зрения разворачивающихся в данном регионе межэтнических процессов. Речь идет о том, что на протяжении последних десятилетий

наблюдается активное разрушение позитивной культуры межнационального общения, сложившейся в советский период, и об этом говорят такие явления, как рост агрессии, недоброжелательности, жестокости, равнодушия, раздражения и культурного отчуждения в отношениях между различными народами нашей страны (не только на Юге России) и ее развитие в конфликтном формате. На Юге России, отличающемся своим этнокультурным разнообразием и многовековой историей развития межэтнических отношений, разрушение основ межэтнической культуры угрожает ростом этносоциальных рисков и межнациональной напряженности. Соответственно, вопрос о поиске тех механизмов регуляции межэтнических отношений, которые позволят преодолеть угрожающие полиэтничной России этносоциальные и этнокультурные риски, является далеко не праздным. Более того, хорошо известно, что именно межэтнические браки выступают своеобразной площадкой межэтнической коммуникации и формирования культуры межэтнического общения. Очевидно, что резкое снижение их численности на Юге России стало одним из факторов снижения культуры межэтнического общения в данном регионе.

Конечно, если говорить о сохранении культурных традиций и ценностей этнических общностей, особенно в условиях актуализации этнического фактора в жизни народов, населяющих Юг России, позиции моноэтнической семьи определенно находятся в более выигрышном положении, так как в межэтнических семьях часто неизбежным становится процесс этнической маргинализации, но для субрегионов Юга России этот процесс не является определяющим и значительным в системе межэтнических отношений. Это объясняется тем, что маскулинная культура южно-российских народов (и северо-кавказских народов, в особенности) способствует поглощению женской культуры в процессе межэтнической адаптации в самой межэтнической семье, в результате чего она становится частью одного из этносов данного региона. Для детей в межэтнических семьях, которые, как правило, воспитываются в лоне этнической культуры отца, этническое самоопределение не представляет сложности, и в большинстве случаев определяющей их этническую идентичность становится этническая принадлежность отца.

Одним словом, серьезной угрозы этнически смешанные семьи в регионах Юга России, с точки зрения сохранения его этнической структуры и традиционных устоев жизни, не представляют, однако, потенциально заложенный в природе межэтнической семьи риск этнокультурной маргинализации и разрушения этнокультурной целостности этноса ставит ее в положение крайне нежелательного варианта семейно-брачных отношений.

2. О традиционализации семейных ценностей на Юге России говорит не только снижение количества межэтнических браков, но и увеличивающееся внимание к ритуальной стороне семейно-брачной жизни (помолвка, свадьба и т.д.) при том, что в советское время эта сторона семейно-брачных отношений поступательно снижала свою

значимость по мере модернизации семейных ценностей в русле общероссийских и мировых тенденций, в целом, эгалитаризации гендерных и семейных отношений. Но и модернизационные процессы являются частью социокультурной реальности южно-российского региона, хотя они неравномерно протекают в различных субрегионах. И именно молодежь, которая наиболее чувствительна к новациям, в том числе, связанным с организацией личной жизни, является носителем модернистских семейных ценностей, о чем пишут ученые, не всегда положительно расценивая данный аспект и называя молодежь «разрушительницей» традиционных устоев семейной жизни [8].

Молодая семья сама находится в условиях риска, поскольку ее стабильность и эффективность адаптации зависят от целого ряда факторов экономического, психологического, культурного, политического, демографического, социального, этнического характера. Наблюдаемый высокий уровень разводов в молодых семьях в России и на Юге страны, в том числе, во многом определяется отсутствием семейной культуры у молодежи, вступающей в семейную жизнь, а также – самого механизма ее формирования в молодежной среде. А возможно ли формирование семейной культуры молодежи с устойчивыми ценностями и ориентациями в обществе, в котором сама семейная культура подвержена трансформационным процессам, которые мы в данной работе представили в виде архаизации, традиционализации и модернизации? Безусловно, формируемая на пересечении указанных тенденций, семейная культура молодежи не обладает признаками и потенциалом устойчивости, что и выражается в росте семейных разводов в молодежной среде Юга страны и России, в целом.

3. Молодежь по-разному реагирует на вызовы внешней реальности, транслируемые этническим сообществом семейные установки и ориентации, в различной степени подвергаясь влиянию традиционалистских или модернистских ценностей. Так, как уже было показано выше, далеко не вся молодежь Юга России подвержена влиянию архаизации и традиционализации как значимых тенденций в социокультурной динамике всего российского общества и Юга страны в частности.

4. Почему же молодежь по-разному реагирует на вызовы внешней реальности, выбирая стратегии архаизации, традиционализации или модернизации в сфере семейно-брачных отношений, ориентируясь в своем выборе на соответствующие этим процессам ценности?

Причин этому немало, но мы постараемся выделить основные с точки зрения наших представлений об изучаемой проблеме. Прежде всего, на выбор семейно-брачных стратегий молодежи России и Юга страны, в том числе, влияет кризисная реальность, в которой уже более двадцати пяти лет функционирует российское общество. Ограниченная кризисными факторами функционирования системы социальной мобильности большая часть российской молодежи ориентируется на апробированные в прошлом семьи своего

народа семейно-брачные практики как более устойчивые и прогнозируемые в ее восприятии. И в этом есть определенный смысл, поскольку все новое носит характер непрогнозируемости, неопределенности и, потому, рискогенности.

Далее, если говорить о тенденциях архаизации и традиционализации семейно-брачных ценностей и установок молодежи Юга России, следует обратить внимание на тот факт, что южно-российское общество, в целом, можно рассматривать как общество с доминирующими маскулинными ценностями и установками, которые передаются через систему семейных отношений и выступают основой воспроизводства сложившегося гендерного порядка и характера семейно-брачных отношений с выраженной гендерной асимметрией. В этой связи, проникновение и закрепление модернистских, по своей сути, эгалитарных, ценностей в южно-российском регионе происходит менее интенсивно, нежели в других регионах страны с менее устойчивыми позициями традиционной культуры и традиционной семьи как той, которая по своему типу, характеру семейных отношений, репродуктивному и, в целом, семейному поведению соответствует нормам и правилам семейного поведения, принятым в обществе как на формальном, так и неформальном уровне [9].

5. Вместе с тем, на фоне попытки восстановления на Юге России устоев традиционной семьи, основанных на патриархальных принципах, пробивают себе дорогу тенденции эгалитаризации семейных отношений, но происходит это, преимущественно, в городской среде, а носителями эгалитарной культуры семейных отношений или ее отдельных элементов являются, как правило, молодые семьи. Далеко не всегда отношения в подобных семьях, ориентирующихся на современные (эгалитарные) ценности, складываются в формате устойчивости, о чем говорит высокий

Литература:

1. *Ламажаа Ч.К.* Архаизация и неотрадиционализм: российские региональные формы / Ч.К. Ламажаа, М.Ш. Абдулаева // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 3. С. 68–80.
2. *Ламажаа Ч.К.* Феномен архаического в организации социокультурного процесса // Новые исследования Тувы. 2014. №3(23). С. 112–120.
3. *Узун В.В.* Институциональная инерция в инновационном развитии российских регионов: теоретический дискурс // Гуманитарий Юга России, 2019. Т. 8. № 1. С. 56–66.
4. *Ахиезер А.С.* Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // Общественные науки и современность. 2001. № 2. С. 89–100.
5. *Загирова Э.М.* Традиции и инновации в институциональном пространстве дагестанской семьи // Известия Саратовского ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17. Вып. 3. С. 298–303.

уровень разводов среди молодых семей в различных регионах России и на Юге, в том числе. Однако институционализация модели эгалитарной семьи, утвердившаяся во многих регионах современного мира, поступательно происходит и в российском обществе, но на фоне процессов архаизации и традиционализации, во многом, замедляющих модернизацию семейных и гендерных отношений в южно-российском регионе.

6. Итак, Юг страны, отличающийся достаточно устойчивыми традиционными установками в сфере организации семейно-брачной жизни, в то же время, характеризуется разнонаправленными тенденциями – архаизации и модернизации, возникновение которых можно рассматривать как ответ на вызовы кризисной российской реальности. В основе и архаизации, и модернизации находится Традиция, трансформация которой в процессе адаптации к усложняющейся и динамично меняющейся реальности порождает указанные векторы – архаизацию и модернизацию, а усиление традиционных устоев в практике семейно-брачных отношений становится источником традиционализации семейно-брачных ценностей.

7. Ориентация молодежи на архаическое, традиционное или модернистское в области семейных практик, ценностей и отношений определяет будущее молодежи, будущее института семьи в каждом регионе, а, следовательно, выбор молодежи в пространстве семейно-брачных ценностей необходимо изучать, акцентируя внимание на социологическом анализе традиционных и инновационных элементов в семейных ценностях молодежи Юга России. Это позволит диагностировать и прогнозировать динамические процессы в семейной сфере южно-росийского общества, отслеживать траекторию их развития с пониманием их высокой значимости в социокультурной динамике регионального социума.

Literature:

1. *Lamazhaa CH. K.* Archaization and neotraditionalism: Russian regional forms / CH. K. Lamazhaa, M.SH. Abdulaeva // Knowledge. Understanding. Skill. 2014. № 3. P. 68–80.
2. *Lamazhaa CH.K.* Phenomenon of the archaic in the organization of the socio-cultural process // New studies of Tuva. 2014. № 3(23). P. 112–120.
3. *Uzunov V.V.* Institutional inertia in innovative development of Russian regions: theoretical discourse // Humanities of the South of Russia, 2019. T. 8. № 1. C. 56–66.
4. *Akhiezer A.S.* Archaization in Russian society as a methodological problem // Social Sciences and modernity. 2001. № 2. P. 89–100.
5. *Zagirova E.M.* Traditions and innovations in the institutional space of the Dagestani family // Izvestiya Saratovskogo UN-TA. New. ser. Ser. Sociology. Political science. 2017. Vol. 17. Vol. 3. P. 298–303.

6. *Ламажаа Ч.К.* Комплексные проявления неотрадиционализма и архаизации в регионах Южного федерального округа / Ч.К. Ламажаа, Л.В. Намруева // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 4. С. 27–39.

7. *Верещагина А.В.* Межэтнические отношения в оценке дагестанских народов / А.В. Верещагина, М.М. Шахбанова // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. XIX. № 4 (87). С. 159–177.

8. *Алимова Б.М.* Разводы в Дагестане: причины, мотивы и пути стабилизации (анализ статистики) // Вестник института ИАЭ. 2015. № 2. С. 124–142.

9. *Верещагина А.В.* Институциональные изменения в семейной сфере и демографические перспективы России: методологическая матрица исследования // Гуманитарий Юга России. 2012. № 4. С. 89.

6. *Lamazhaa CH.K.* Complex manifestations of neotraditionalism and archaization in the regions of the southern Federal district / CH.K. Lamazhaa, L.V. Namrueva // Znanie. Understanding. Skill. 2014. № 4. P. 27–39.

7. *Vereshchagina A.V.* Interethnic relations in the assessment of Dagestani peoples / A.V. Vereshchagina, M.M. Shakhbanova // Journal of sociology and social anthropology. 2016. Vol. XIX. № 4(87). P. 159–177.

8. *Alimova B.M.* Divorce in Dagestan: reasons, motives and ways of stabilization (analysis of statistics) // Bulletin of the Institute of IAE. 2015. № 2. P. 124–142.

9. *Vereshchagina A.V.* Institutional changes in the family sphere and demographic prospects of Russia: a methodological matrix of research // Humanities of the South of Russia. 2012. № 4. P. 89.

Гафиатулина Наталья Халиловна

кандидат социологических наук,
доцент,
докторант кафедры
региональной социологии
и моделирования социальных процессов,
Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет
gafiatulina@yandex.ru

Щербакова Лидия Ильинична

доктор социологических наук,
профессор кафедры
управления персоналом,
Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ)
имени М.И. Платова
Lidia-npi@mail.ru

Самыгин Сергей Иванович

доктор социологических наук,
профессор кафедры
управления персоналом,
Ростовский государственный
экономический университет
darya.maksimovich@gmail.com

**СОЦИАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ
РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ
В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ
ЖИЗНЕННОГО ПУТИ ИНДИВИДА**

Аннотация. За последние десятилетия в стране произошло немало важных событий, породивших как позитивные, так и негативные последствия, которые привели к значительным переменам в социально-экономическом положении различных групп населения. В рамках данной статьи социальное здоровье российской молодежи анализируется с позиций теории жизненного пути индивида. Жизненный путь рассматривается как необходимое условие для формирования и сохранения социального здоровья молодежи, поскольку только социально здоровая молодежь в состоянии успешно проходить свой жизненный путь в изменяющихся общественных условиях.

Ключевые слова: российская молодежь, социальное здоровье, жизненный путь, теория жизненного пути, самоосуществление, самореализация, общество.

Вступление России в полосу социально-экономической нестабильности повлияло на

Natalya Kh. Gafiatulina

Candidate of Sociological Science,
Associate Professor,
Doctoral Candidate of Department
Regional Sociology
and Modelling Social Processes,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University
gafiatulina@yandex.ru

Lidiya I. Scherbakova

Doctor of Sociological Sciences,
Professor Department of Human Resources,
Southern Russian State
Polytechnical University (NPI)
name of M.I. Platov
Lidia-npi@mail.ru

Sergey I. Samygin

Doctor of Sociology,
Professor of Department
of Judicial Examination and Criminalistics,
Rostov State Economic University (RINH)
darya.maksimovich@gmail.com

**SOCIAL HEALTH
OF RUSSIAN YOUTH
IN THE CONTEXT
OF THE INDIVIDUAL LIFE WAY THEORY**

Annotation. In recent decades, the country has experienced many important developments that have produced both positive and negative consequences, which have led to significant changes in the socio-economic situation of different groups of the population. In the framework of this article, the social health of Russian youth is analyzed from the standpoint of the theory of an individual's life path. The life path is considered as a necessary condition for the formation and preservation of the social health of youth, since only socially healthy youth are able to successfully pass their life path in changing social conditions.

Keywords: Russian youth, social health, life way, individual life way theory, self-realization, society.

все стороны жизнедеятельности общества. За последние десятилетия в стране произошло немало

важных событий, породивших как позитивные, так и негативные последствия, которые привели к значительным переменам в социально-экономическом положении различных групп населения, существенно изменили их образ, качество и условия жизни [1]. Новые черты приобрел и жизненный путь различных слоев населения, особенно молодой его части, а также – обострилась проблема социального здоровья индивида, группы и общества в целом [2].

В этой связи Р.Х. Салахутдинова подчеркивает, что с позиций «стратегии развития России, ее выживания и будущего качественного состояния» различных групп населения «социальное здоровье – это принципиально важное понятие, связанное с понятием «человеческий потенциал», введенным исследователями, чтобы снять тот налет потребительского отношения к человеку, который несут в себе «человеческий капитал» и «человеческий ресурс» [3].

Как показывает анализ научной литературы, исследования социального здоровья российской молодежи как особой социальной группы, сегодня приобретает особую актуальность, занимая одно из ключевых мест в современной системе гуманитарных и общественных наук. От молодежи требуется вступление в активную общественно-полезную деятельность, будучи здоровой и полноценной личностью, имеющей высокий резерв физического, психического и социального здоровья, стрессоустойчивость, способность решать социальные задачи, стоящие перед обществом.

С социальным здоровьем молодежи, с ее осознанием своей роли в обществе связываются перспективы социального развития государства. Осмысление социального здоровья молодежи чрезвычайно важно еще и по той объективной причине, что ей предписана адаптация к разнообразным ситуациям, выработка наиболее предприимчивых моделей социального поведения, базирующегося на реализации личностных резервов и прохождения собственного жизненного пути.

Научные исследования жизненного пути личности/группы в течение нескольких последних десятилетий получили весьма широкое распространение в зарубежной социологии, и вместе с этим, как подчеркивает О.Н. Ежов, пришло понимание жизни как процесса, объединяющего личность/группу и социальную траекторию этой личности/группы в постоянно изменяющемся обществе [4].

Главной движущей силой развития личности молодого человека является стремление к самоосуществлению, самореализации в рамках жизненного пути. По утверждению Н.А. Малярова, степень осуществления молодежи зависит от ее способности ставить перед собой адекватные жизненные цели, соответствующие ее внутренней цели, соответствующие ее внутренней сути и требованиям общества [5].

В рамках данной статьи, под жизненный путь молодежи мы подразумеваем творческий

процесс поэтапного включения ее в систему общественных отношений, последовательной смены способов жизнедеятельности, связанных с самореализацией и формированием социального здоровья каждого молодого человека.

Российская молодежь, обладая социальными признаками разных общностей, различается по материальным и физическим возможностям, по ценностным ориентациям, по образу жизни и стилю жизни, и, как следствие, по уровню здоровья. Являясь специфической группой населения, молодежь весьма активно реагирует на любые процессы, имеющие место в современном обществе. В условиях снижения уровня жизни, кризиса нравственности, нестабильности социальной среды, сложности жизненного пути и неуверенности в будущем от молодого поколения требуется значительная мобилизация сил для адаптации к новым условиям проживания, обучения, реализации трудового потенциала, формирования межличностных отношений, к достаточно высоким интеллектуальным, моральным и физическим нагрузкам. Это возможно лишь при оптимальном уровне социального здоровья, которое имеет большое значение для самореализации молодежи во всех отношениях [6].

Начало изучения социальной стороны здоровья в российской гуманитарной науке, в контексте жизненного пути индивида, связано с трудами таких ученых, как В.П. Бабинцев, Л.А. Байкова, М.А. Болдина, В.П. Казначеев, Л.В. Колпина, Ю.П. Лисицын, А.В. Сахно, В.М. Димов, К.Н. Хабибуллин, Е.В. Дмитриева, Н.К. Тихомирова и др.

Что же представляет собой социальное здоровье? Отметим, что в современной социологической науке существует подход, рассматривающий социальное здоровье как многоуровневую систему, включающую здоровье индивидов, социальных групп, общества в целом. Социальное здоровье, согласно данному подходу, понимаемое как отражение отношения общества к человеку, реализуется через инклюзию (включение) молодого человека в разнообразные социальные структуры. В рамках данного подхода социальное здоровье рассматривается в контексте социализации личности, выражается в совокупности критериев жизненной удовлетворенности и характера жизненного пути личности/группы [7].

М.А. Болдина характеризует социальное здоровье молодого индивида, группы как устойчивое состояние благополучия, обеспечивающее успешность функционирования, развития и самореализации личности в условиях современного общества [8].

Л.А. Байкова определяет социальное здоровье молодежи как состояние гармонии взаимоотношений с другими людьми, обществом, культурой, – гармонии способствующей эффективному развитию и самоактуализации личности [9].

Очевидно, что приведенные выше определения указывают на взаимосвязь и взаимозависимость социального здоровья молодежи и ее жизненного пути.

Анализ научной литературы позволяет нам выделить также целерациональный подход к здоровью. Так, например, Н.К. Тихомирова и Л.В. Орман отмечают, что социально здоровая личность активно реализует отношение к своему здоровью как к средству жизнеобеспечения семьи, как к средству выбора стратегии саморазвития в социуме и реализации предназначения гражданина, как к средству профессионального и жизненного самоопределения [10].

Здоровье молодежи как социальный феномен – это такое состояние молодого человека, позволяющее ему приспособиваться и полноценно реализовывать свои психосоциальные функции в процессе жизнедеятельности, благополучно удовлетворять различные потребности, вести социально активную и духовно насыщенную жизнь, испытывая при этом чувство удовлетворенности собственной жизнью [11] и течением жизненного пути.

Бесспорно, что социальное здоровье молодежи становится специфическим объектом ее индивидуальных усилий. Для молодого человека выстраивание (формирование) социальной стороны здоровья в рамках своей жизнедеятельности в социуме – это всегда поиски и нахождение себя иного, нового. Одновременно коренным образом изменяется и вся система социального производства индивидов, т.е., их воспитания, формирования в качестве определенных субъектов общественно-исторического процесса.

Совокупность материального, духовного и социального производства обеспечивает главную цель функционирования социума – производство жизни и здоровья личности, а также – обуславливает продолжительность, структуру и содержание жизненного пути и здоровья в единстве всех его составляющих: физиологического, психического и социального.

Социологическое знание о человеке, личности и ее социальной стороне здоровья интегрируется в рамках теории жизненного пути, фиксирующейся на индивидуальной жизни индивида. Исследования жизненного пути индивида начались в России на Урале во второй половине 1970-х гг. [12].

Жизненный путь формируется в результате сложения внешних условий жизнедеятельности молодежи (экономических, политических, культурных) и их субъективных потребностей, способностей, воли и умения принимать адекватные решения относительно событий собственного бытия.

В общественной науке принято выделять два типа жизненного пути молодежи:

Первый – патриархальный, консервативный тип – вхождение молодого человека в общественную структуру в рамках приобретенных с его рождения прав и обязанностей, социальных возможностей, обусловленных положением родителей (например, жизненный путь сына повторял жизненный путь отца). В прошлом сословная принадлежность имела большое значение: молодой человек мог реализовать себя лишь в рамках своей

социальной группы и формах деятельности, закрепленной в ней.

Второй – современный, развивающийся тип возник в современных условиях капиталистических общественных отношений: демократизация, иерархический принцип построения социальных институтов, свободный выбор молодыми людьми того или иного образа жизни. Здесь развитие жизненного пути зависит от того, как деятельность молодого человека, новые социальные роли связаны с его жизненным положением. Жизненный путь молодежи приобретает динамичность. Индивидуальная жизнь молодых людей постепенно становится специфическим объектом их творческих усилий [13].

Развитие социального здоровья молодежи в рамках ее жизненного пути представляет собой пошаговое включение молодых людей в систему общественных отношений и зависит от того, как деятельность молодого человека, новые социальные роли связаны с его жизненным положением.

Если вхождение определенной части молодежи в общественную структуру происходит в условиях, приобретенных с рождения прав и обязанностей, спектра социальных возможностей, детерминированных положением родителей, то в таком случае результат достигается развитием до некоторого уровня способностей молодого человека, чей ориентир и масштаб заведомо предопределены, усвоением им определенных знаний, безусловным прохождением принятия на себя заданной социальной роли. В этом случае мы можем говорить об адекватном и относительно гармоничном уровне социального здоровья молодого индивида.

Существует и другая ситуация, когда молодой человек предпринимает попытки прорвать свое статусное положение, войти в иную общественную группу. Здесь, на наш взгляд, отражается социально-деятельностный подход к социальному здоровью, заложенный представителем структурного функционализма Т. Парсонсом. Так, в своем фундаментальном труде «Социальная система» здоровье, как социальная категория, отражающая жизнедеятельность индивида, определяется им как возможность эффективно исполнять свои социальные роли, для которых он проходил социализацию в обществе [14]. В этом случае для более успешной реализации выбранных индивидом социальных функций необходимо быть в хорошем физическом, психическом и социальном состоянии.

Принято считать, что два понятия «индивидуальная человеческая жизнь» и «жизненный путь индивида» не совпадают по объему, соотносятся как часть и целое. Жизненный путь индивида начинается не с момента рождения, а несколькими годами позже, т.к. ребенку предстоит еще стать личностью. Конкретные сроки и эмпирические события начала жизненного пути исторически подвижны. Если индивидуальную жизнь изобразить в виде горизонтальной линии, то, на сегодняшний день, реперные точки начала и окончания жизненного пути человека сдвинулись в

сторону увеличения. Это особенно касается трудящегося населения. Приблизительно на 10 лет сдвинулись сроки подготовительного периода, на 25–30 лет увеличилась продолжительность жизненного пути.

Стартовую функцию для жизненного пути молодежи выполняют такие два социальных акта, (социальных действия), как учебный процесс, являющийся своеобразным этапом подготовки молодого поколения к трудовой деятельности, и вступление в брак. Как только совершается любое из этих действий, можно считать, что индивид перестал быть только объектом влияния со стороны социума, среды, но становится субъектом общественного процесса, и собственной жизни. «Верхняя» граница жизненного пути, ее «финиш» – утрата человеком способности к активной деятельности и к жизни «для людей».

Следовательно, приращение бюджета времени жизненного пути достигается:

- во-первых, увеличением продолжительности индивидуальной жизни;
- во-вторых, сокращением подготовительного периода, ускорением процессов социального созревания новых поколений молодежи;
- в-третьих, продлением сроков активности старших поколений.

Известно, что биологический потенциал организма человека значительно преобладает над реальной продолжительностью жизни отдельных людей. Материальная обеспеченность, организация здравоохранения, политической обстановки, воспитания, социальной и личной персональной безопасности влияют на реализацию этого потенциала. В этой связи в целях поиска любых возможностей для увеличения продолжительности жизни людей социальные факторы нужно поставить в центр всего спектра проблем и в зависимости от них начинать поиск социально-биологических, психосоциальных, социально-медицинских решений. Это представляется весьма важным еще потому, что социально-групповые различия в продолжительности индивидуальной жизни – один из значительных моментов неравенства людей, если не сказать – главный.

Жизненный путь российской молодежи с определенной степенью условности можно разделить на две стадии:

- первая стадия – жизненный выбор молодежи (учебного заведения, профессии, спутника жизни, друзей, места жительства, работы);
- вторая стадия – утверждение молодых людей в системе общественных отношений в определенном качестве.

Основу такого структурирования составляет развитие производительной силы индивида и ее реализация. Труд (интеллектуальный, физический) как процесс преобразования природы, общества и самого себя остается первостепенным в сущностной природе молодого человека [7] и

является определяющим его жизненный путь и формирующим его социальный потенциал (и социальное здоровье в том числе).

Рассмотрим подробно каждую стадию данной структуры.

Первая стадия – жизненный выбор не является одномоментным актом. Напротив, как только молодой человек принимает решение овладеть определенной профессией, получить конкретную специальность, эта стадия только начинается, т.к. для признания того, что выбор правилен и состоялся, недостаточно интеллектуальных и психофизических усилий, психосоциальной активности. Требуется время на освоение специальности, приобретение профессии и утверждения в ней. Кроме того, молодому человеку требуется еще упрочить свое положение в социальной среде, поэтому в рамках этого периода можно выделить еще две ступени:

- время от завершения среднего школьного образования до начала обучения специальности (а также вступления в брак);
- время самого обучения в том или ином учебном заведении.

Поскольку сделать выбор – означает сознательно определиться по отношению к чему-либо. В своем выборе индивид закрепляет замысел собственной социальной жизни. Выбор предполагает некий творческий акт и определенную свободу, открывает жизненные перспективы в социуме, тем самым напрямую влияя на состояние социальной стороны здоровья всякого молодого человека. Однако в ситуации жизненного выбора в современном демократическом обществе молодежи невольно приходится прибегнуть к определенному самоограничению, отказавшись от иных вариантов (другой специальности, иного места жительства). В этой связи весьма актуальным является формирование у молодого поколения способности к самоограничению без ущерба для его социального здоровья.

В ситуации жизненного выбора принципиальное значение имеют «стартовые» возможности молодежи, в частности, место проживания, материально-экономическое положение семьи, качество полученного среднего образования и, конечно, исходный уровень здоровья в целом: его физической, психической и социальной сторон.

Вторая стадия жизненного пути – утверждение молодежи в системе производства общественных связей.

Поскольку производство как материальных, так и нематериальных условий жизни составляет базу социума, молодежь, потребляя те блага и усваивая ценности, которые были созданы, воспроизводит собственные физические и духовные силы, а производя материальные ценности и услуги, воплощает в них свои знания, способности, навыки, вкусы, раскрывая свои социальные (сущностные) силы. Раскрытие социальных сил через продукты своего труда – постоянный процесс самоутверждения человека [15].

Здесь проверяется на прочность все, что молодой человек усвоил в течение своего жизненного пути. Данную стадию можно также условно разделить на две ступени.

Первая ступень выражается в адаптации молодежи к условиям в новом коллективе, на производстве. В этом процессе молодой человек «применяет» на себя требования, предъявляемые новым окружением, соотносит имеющиеся объективные возможности со своими субъективными притязаниями. Адаптационную стадию можно считать завершившейся, когда молодой человек принимает социальные нормы и критерии окружающих его условий как «свои», приспосабливается к ним, ощущая себя при этом внутренне гармонично, соответственно, являясь социально здоровой личностью.

Вторая ступень характеризуется закреплением молодого человека в коллективе. На этой ступени продолжают тенденции, начатые при адаптационном периоде, они углубляются и стереотипизируются. Этот период завершается, когда молодого человека повышают в должности, уровне квалификации, разряде и т.п. Индивиды, прошедшие этот этап, вступают в следующую стадию – зрелости.

Связь между стадиями жизненного пути может иметь форму противоречия (и это, в первую очередь, имеет отношение к молодежи как особой социальной группе), когда новая стадия не вытекает из предыдущей стадии, не является моментом ее развития, а обусловлена привходящими социальными фактами и жизненными обстоятельствами.

Таким образом, исходя из проведенного анализа, можно выделить следующие критерии социального здоровья в контексте жизненного пути молодежи:

– способность молодежи успешно социализироваться и адаптироваться в современном российском обществе;

– способность молодых людей планировать собственную жизнь и реализовывать свои планы;

Литература:

1. *Козырева М.П.* Жизнь в условиях неопределенности кризисного общества: опыт и ожидания / М.П. Козырева, А.И. Смирнов // Социологические исследования. 2018. № 6. С. 66–78.
2. *Щербаклова Л.И.* Социальное здоровье российской молодежи в свете теории социокультурной травмы / Л.И. Щербаклова, Н.Х. Гафиятулина, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 6–7. С. 90–96.
3. *Салахутдинова Р.Х.* Социальное здоровье как объект социологического исследования: вопросы методологии // Вестник СПбГУ. 2011. Сер.12. Вып. 3. С. 263–271.

– способность молодежи управлять своим поведением, соглашаясь с общепринятыми социальными нормами и ожиданиями;

– способность российской молодежи изменять поведение в зависимости от жизненных ситуаций и обстоятельств.

Таким образом, жизненный путь молодежи сегодня можно считать сложным социальным явлением, включающим в себя различные стороны жизнедеятельности молодого поколения. Жизненный путь может рассматриваться как необходимое условие для формирования и сохранения социального здоровья молодежи, поскольку только социально здоровая молодежь в состоянии успешно проходить свой жизненный путь в изменяющихся общественных условиях.

По нашему мнению, бюджет времени социального здоровья молодежи, как, собственно, и времени ее жизненного пути составляет творческий и социально-коммуникативный потенциал молодого поколения. Значит, поиски условий формирования, сохранения, увеличения социального здоровья молодежи, и, как следствие, ее жизненного пути – важные задачи современной социологической науки.

Смысл и предназначение человеческого общества заключается в сохранении и увеличении жизни людей, а значит, и в сохранении и укреплении здоровья в целом. Критерий общественного прогресса – это длительность индивидуальной жизни, следовательно, и жизненного пути молодого поколения. Длительность эта напрямую зависит от уровня здоровья в целом, и социальной его стороны, в частности.

Таким образом, сегодня перед исследователями стоят задачи изучения уже накопленного теоретико-методологического багажа для формирования социального здоровья и осуществления практических исследований, направленных на исследование специфики жизненного пути современной российской молодежи.

Literature:

1. *Kozyreva M.P.* Life in the conditions of uncertainty of a crisis society: experience and expectations / M.P. Kozyreva, A.I. Smirnov // Sociological studies. 2018. № 6. P. 66–78.
2. *Shcherbakova L.I.* Social health of Russian youth in the light of the theory of socio-cultural trauma / L.I. Shcherbakova, N.Kh. Gafiatulina, S.I. Samygin // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2017. № 6–7. P. 90–96.
3. *Salakhutdinova R.Kh.* Social health as an object of sociological research: questions of methodology // Bulletin of St. Petersburg State University. 2011. Ser. 12. Vol. 3. P. 263–271.

4. *Ежов О.Н.* Парадигма жизненного пути в зарубежной социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. VIII. № 3. С. 21–33.
5. *Маляров Н.А.* Жизненный путь человека: определение и содержание понятия // Электронный научный журнал «Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие». 2013. № 2. С. 8–21.
6. *Vaskov M.* Value orientations of Russian youth in the system of managing the moral security of society. Вісник Національної академії керівних кадрів культури і мистецтв / M. Vaskov, A. Rezvanov, V. Kasyanov, S. Samygin, N. Gafiatulina, D. Zagutin, L. Scherbakova. 2018. № 2. С. 134–140.
7. *Зобов Р.А.* Социальное здоровье и социализация человека / Р.А. Зобов, В.Н. Келасьев; Под общей ред. В.Н. Келасьева. СПб., 2005. С. 5–14.
8. *Болдина М.А.* Социальное здоровье: теоретические подходы, модели, технологии развития: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Тамбов, 2008. С. 11–17.
9. *Байкова Л.А.* Социальное здоровье детей и молодежи: методология, теория и практика : монография. Рязань, 2011. 224 с.
10. *Тихомирова Н.К.* Социальное здоровье школьников – условие, ориентир и результат реализации федеральных государственных образовательных стандартов начального общего образования второго поколения / Н.К. Тихомирова, Л.В. Орман. Ярославль, 2009.
11. *Gafiatulina N.Kh.* Integration of health-saving technologies in the process of educational and professional socialization of the Russian student-age population. International Journal of Applied Exercise Physiology / N.Kh. Gafiatulina, L.I. Makadei, I.V. Gluzman, A.D. Lozhechkina, L.A. Volkova, A.P. Bandurin. 2019. Т.8. № 2.1. С. 293–300.
12. *Грибакин А.В.* Жизненный путь индивида как социально-историческое утверждение человека. Иркутск, 1995.
13. *Глазырин В.А.* Социология. М., 2012.
14. *Parsons T.* The Social System. N.Y., 1951.
15. *Зубок Ю.А.* Феномен риска в социологии. М., Мысль, 2007.
4. *Yezhov O.N.* The paradigm of life in foreign sociology // Journal of Sociology and Social Anthropology. 2005. Volume VIII. № 3. P. 21–33.
5. *Malyarov N.A.* Human life: definition and content of the concept // Electronic scientific journal «Personality in a Changing World: Health, Adaptation, Development». 2013. № 2. P. 8–21.
6. *Vaskov M.* Value orientations of russian youth in the system of managing the moral security of society. Вісник Національної академії керівних кадрів культури і мистецтв / M. Vaskov, A. Rezvanov, V. Kasyanov, S. Samygin, N. Gafiatulina, D. Zagutin, L. Scherbakova. 2018. № 2. С. 134–140.
7. *Zobov R.A.* Social health and socialization of a person / R.A. Zobov, V.N. Kelasyev; under the general ed. V.N. Kelasieva. St. Petersburg, 2005. P. 5–14.
8. *Boldina M.A.* Social health: theoretical approaches, models, development technologies: materials of the Intern. scientific-practical conf. Tambov, 2008. P. 11–17.
9. *Baykova L.A.* Social health of children and youth: methodology, theory and practice : monograph. Ryzan, 2011. 224 p.
10. *Tikhomirova N.K.* The social health of schoolchildren is a condition, benchmark, and result of the implementation of federal state educational standards of primary general education of the second generation / N.K. Tikhomirova, L.V. Orman. Yaroslavl, 2009.
11. *Gafiatulina N.Kh.* Integration of health-saving technologies in the process of educational and professional socialization of the Russian student-age population. International Journal of Applied Exercise Physiology / N.Kh. Gafiatulina, L.I. Makadei, I.V. Gluzman, A.D. Lozhechkina, L.A. Volkova, A.P. Bandurin. 2019. Т. 8. № 2.1. С. 293–300.
12. *Gribakin A.V.* The life path of an individual as a socio-historical statement of man. Irkutsk, 1995.
13. *Glazyrin V.A.* Sociology. M., 2012.
14. *Parsons T.* The Social System. N.Y., 1951.
15. *Zubok Yu.A.* The risk phenomenon in sociology. M., Thought, 2007.

Гольман Татьяна Ивановна

кандидат социологических наук,
кафедра экономики и менеджмента,
Новосибирский государственный
педагогический университет
golti.62@mail.ru

Балабанова Вероника Александровна

кафедра экономики и менеджмента,
Новосибирский государственный
педагогический университет
golti.62@mail.ru

**ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ**

Аннотация. Настоящая статья рассматривает вопросы применения социальных технологий в сфере управления с учетом аспекта эффективности.

Исследование вопросов эффективности социальных технологий в настоящее время относится к еще мало изученной и относительно новой сфере. С одной стороны, можно констатировать, что социальные технологии, представляющие собой в общем случае совокупность методов и приёмов, позволяющих добиваться поставленных результатов в решении задач взаимодействия между людьми, изначально обладают определенной степенью эффективности, оправдывающей их практическое применение. С другой стороны, не всегда возможно адекватно определить соотношение затрат и достигаемого эффекта той или иной социальной технологии, исключив влияние сторонних факторов. Кроме того, поскольку любые социальные системы – это системы, постоянно изменяющиеся, то и социальные технологии, позволявшие добиваться высоких результатов вчера, сегодня могут не срабатывать, или срабатывать с гораздо более низкой эффективностью, в связи с чем проблематика оценки эффективности и, как своевременной корректировки применяемых социальных технологий продолжает оставаться весьма актуальной.

Ключевые слова: социальные технологии, эффективность, анализ.

Любая социальная технология представляет собой взаимосвязанный набор методик и приемов воздействий, используемых для достижения обозначенных целей в процессе развития и планирования, а также – для решения различных социальных проблем. Кроме того, к социальным технологиям принято относить методики разработки и реализации коммуникативных воздействий, направленных на модификацию и

Tatyana I. Golman

Candidate of Sociological Sciences,
Department of Economics
and Management,
Novosibirsk State Pedagogical University
golti.62@mail.ru

Veronika A. Balabanova

Department of Economics
and Management,
Novosibirsk State Pedagogical University
golti.62@mail.ru

**EFFICIENCY OF USING
SOCIAL TECHNOLOGIES
IN THE MANAGEMENT SYSTEM**

Annotation. This article addresses the application of social technologies in governance, taking into account the efficiency dimension.

Research on the effectiveness of social technologies is now still in a little studied and relatively new field. On the one hand, it can be stated that social technologies, which are generally a set of methods and techniques for achieving results in solving problems of interaction between people, initially have a certain degree of efficiency that justifies their practical application. On the other hand, it is not always possible to adequately determine the ratio of costs to the effect achieved by a social technology, excluding the influence of third-party factors. Moreover, since all social systems are systems that are constantly changing, the social technologies that made it possible to achieve good results yesterday may not work today, or they may work with much lower efficiency, and therefore the issue of effectiveness assessment and, as a timely adjustment of the applied social technologies, remains very relevant.

Keywords: social technologies, efficiency, analysis.

трансформацию сознания представителей различных социальных групп, политические и социокультурные системы различных социальных обществ, и воздействие на развитие тех или иных процессов и ситуаций в соответствующих сообществах. Конечная цель любой социальной технологии – это достижение с наименьшими затратами поставленных задач в сфере управления людьми, будь то коллектив организации,

сообщества поселений, или население целой страны.

В свою очередь, социальные технологии могут быть нацелены на различные слои и группы, подвергаемые воздействию сообщества, и иметь многоступенчатое влияние, когда, например, социальная технология направлена не на все сообщество, в целом, а лишь на группу лидеров общественного мнения, которые затем уже самостоятельно транслируют необходимые установки и практики в сообщество. Необходимо отметить, что использование социологических и социально-психологических практик в целях достижения социально значимых результатов также можно обозначить в качестве социальной технологии.

Социальная технология может считаться таковой только в случае обладания всеми признаками технологизации, а именно:

- разграничением и разделением;
- расчленением социального процесса на взаимосвязанные фазы;
- поэтапностью и скоординированностью действий;
- однозначностью исполнения процедур и операций;
- возможностью многократного применения стандартизированных алгоритмов для решения типовых задач.

Кроме того, объект технологизации, т.е., социальная технология должна соответствовать определенной степени сложности, должны быть известны все элементы его структуры и закономерности функционирования, а процессы должны быть формализованы и выражены системой операций и процедур, каждая из которых должна описываться набором конкретных критериев и показателей.

В самом широком смысле, социальная технология представляет собой очередность последовательных этапов социального взаимодействия, в результате которого каждый субъект, принимающий в нем участие, исполняет свою собственную стратегию управленческого воздействия на другие субъекты и элементы соответствующей социальной системы, формируя тем самым объективную социальную реальность.

Иными словами, любая социальная технология представляет собой структуру коммуникативных воздействий, изменяющих социальные системы или ситуации. Соответственно, и эффективность той или иной социальной технологии можно обозначить как конечный социальный результат, достигнутый с наименьшими издержками в оптимальные сроки.

В настоящее время фокус аналитики в сфере управления человеческими ресурсами принципиально трансформировался из технической в сторону бизнес-дисциплины, уделяющей внимание достаточно широкому кругу вопросов – от

организации работы и менеджмента до приобретения талантов и финансовых результатов [1].

Соответственно, прежде чем рассматривать эффективность той или иной социальной технологии в системе управления, необходимо определиться с показателями и критериями эффективности самой управляемой системы, т.е., на достижение каких целей она ориентирована.

Очевидным становится тот факт, что в зависимости от целей той или иной структуры, критерии эффективности могут быть разными. В частности, невозможно отождествлять критерии эффективности управления коммерческой организацией и, например, управления публично-правовым образованием или структурным подразделением органа власти.

В первом случае основными показателями эффективности можно обозначить прибыльность и стабильность организации (способность сохранять или повышать прибыльность в долгосрочной перспективе), в то время, как в случае с управлением публично-правовыми образованиями показатели эффективности будут заключаться, в первую очередь, в обеспечении безопасности, правопорядка, обеспечения законности, а также - в развитии инфраструктуры, повышении качества и сбережении человеческого капитала и в создании условий для экономической деятельности.

Соответственно, и спектр применяемых в каждом случае и на различных этапах деятельности социальных технологий будет абсолютно разным, хотя суть может в большинстве случаев сводиться именно к стимулированию членов того или иного сообщества к совершению желаемых руководящим органом действий и функций.

Очевидно, что одним из признаков эффективности любой социальной технологии как алгоритма должен быть в первую очередь признак универсальности. То есть, возможность повторения последовательности действий, направленных на ключевые элементы социальной системы при возникновении сходной ситуации, либо для решения аналогичных задач управления с возможностью достижения результатов аналогичных ранее полученным в сходной ситуации.

Социальная технология (по аналогии с инженерной технологией) должна представлять собой некий порядок, регламент или схематичный алгоритм процесса воздействия на объект управления, то есть, на социальную систему через её ключевые элементы и может быть воспроизведена с помощью специфических социальных средств воздействия или инструментов социального воздействия [2].

Соответственно, и эффективность социальной технологии может быть предполагаемой, основанной на предварительных экспертных оценках результата и затрат, и реальной – при подсчете затрат и анализе результата. При прогрессивном развитии общества каждая последующая социальная технология должна быть эффективнее предыдущей, т.е., достигаемый результат всегда

должен быть выше при наименьших затратах [3]. В целом, эффективность управления любым социальным объектом, будь то трудовой коллектив или население определенной территории, предполагает выполнение ряда обязательных требований, таких как:

– формулирование конкретных целей, достижение которых определимо по формализованным критериям, доступным для четкого измерения;

– определение сроков и этапов воздействий, то есть создание механизма достижения заданных целевых характеристик.

Иначе говоря, социальные технологии в сфере управления могут рассматриваться как прикладной инструмент моделирования качественных характеристик социальной системы.

Поскольку эффективность любых технологий, в данном случае, не является исключением и не может быть эфемерным отвлеченным понятием, а напротив, должна описываться конкретными показателями эффективности, т.к. только анализ вполне конкретных критериев позволяет принимать верные обоснованные управленческие решения, то формирование групп формализованных критериев, описывающих соотношение положительных и отрицательных последствий внедрения тех или иных социальных технологий, является одной из важнейших задач.

Соответственно, для оценки эффективности и результативности социальных технологий необходимы, как уже отмечалось выше, теоретическое (на этапе разработки и планирования), а также – эмпирическое, по итогам наблюдений и анализа (на этапе реализации), определение явных позитивных и негативных последствий применения технологии и степень проявления данных последствий, а также, по возможности – выявление возможных скрытых негативных последствий и положительных эффектов, которые могут проявиться в будущем.

Очевидно, что анализ эффективности социальных технологий должен представлять собой скомпилированную из различных методик систему, способную подстраиваться под каждый конкретный случай, при этом целесообразно принять в качестве обязательной основы следующие четыре группы методов:

1. Методы теоретического моделирования, основанные на оперировании теоретическими моделями.
2. Экспертные методы, предполагающие привлечение к оценке эффективности высококвалифицированных специалистов (метод экспертных оценок).
3. Методы натурального социального экспериментирования, ориентированного на проверку той

Литература:

1. *Иванова О.Э.* Оценка показателей эффективности в сфере HRM на основании социальных

или иной социальной технологии в контролируемых и управляемых условиях микромасштабного уровня.

4. Методы прогнозирования перспектив социальной технологии, в которых эффективность определяется с точки зрения соответствия внедряемой социальной технологии будущим проблемам, задачам, и целям, что позволяет сделать вывод о перспективности соответствующей социальной технологии в данных конкретных условиях.

По общему правилу, эффективность социальных технологий может быть выражена через показатели материальных и временных издержек, затраченных на достижение с их использованием поставленной цели. Соответственно, эффективные социальные технологии должны обладать комплексом минимальных свойств и отвечать минимальным условиям, в частности:

– обеспечивать привлекательность цели для общества, в отношении которого применяется технология;

– обладать простотой обоснования и гибкостью внедрения процедур и операций;

– характеризоваться надежностью теоретического и методического обеспечения, профессиональной грамотностью и практическим опытом;

– обладать экономичностью достижения цели воспроизводства.

Следовательно, как в процессе разработки, так и на этапе практического применения социальных технологий необходимо учитывать следующее.

1. Эффективные социальные технологии должны иметь вид выверенной модели, содержащей научно обоснованные гарантии не только эффективности, но и сохранности или улучшения психо-физиологических и социально-экономических показателей сообщества в долгосрочной перспективе. Т.е., технология не должна оказывать разрушительного воздействия на популяцию, в т.ч., и в отдаленном будущем.

2. Социальные технологии, хотя и предполагают набор стандартизированных алгоритмов и методик их применения, на практике не могут быть использованы без соответствующей корректировки и адаптации к каждой конкретной социальной системе, т.е., на практике эффективная социальная технология – это всегда результат филигранной подгонки стандартных моделей под конкретную управляемую систему.

3. Эффективная социальная технология должна являться саморазвивающейся и самосовершенствующейся системой, расширяемой за счет новых операций в ходе непосредственной реализации.

Literature:

1. *Ivanov O.E.* Evaluation of efficiency indicators in the field of HRM on the basis of social technologies /

технологий / О.Э. Иванова, Д.Н. Корнеев // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. Т. 7. № 4(25). С. 116–120.

2. *Черных А.Б.* Социальные технологии как инструмент управления / А.Б. Черных, С.В. Елисейев // Евразийский союз ученых. 2015. № 4-13(13). С. 68–70.

3. *Иванова Т.Ю.* Современные проблемы изучения личностных ресурсов в профессиональной деятельности / Т.Ю. Иванова, Д.А. Леонтьев, Е.Н. Осин, Е.И. Рассказова, Н.В. Кошелева // Организационная психология. 2018. Т. 8. № 1. С. 85–121.

O.E. Ivanov, D.N. Korneev // Azimuth of scientific research: economics and management. 2018. Vol. 7. № 4(25). P 116–120.

2. *Chernykh A.B.* Social technologies as instrument of management / A.B. Chernykh, S.V. Yeliseyev // Eurasian Union of scientists. 2015. № 4–13(13). P. 68–70.

3. *Ivanov T.Y.* Modern problems of study of personal resources in professional activity / T.Y. Ivanov, D.A. Leontiev, E.N. Osin, E.I. Raskazova, N.V. Koseleva // Organizational psychology. 2018. Vol. 8. № 1. P. 85–121.

Ищукова Евгения Александровна

кандидат технических наук,
Институт компьютерных технологий
и информационной безопасности,
Южный федеральный университет
uaishukova@sfedu.ru

Толоманенко Екатерина Александровна

аспирантка,
Институт компьютерных технологий
и информационной безопасности,
Южный федеральный университет
kat.tea@mail.ru

Салманов Вячеслав Дмитриевич

студент,
Институт компьютерных технологий
и информационной безопасности,
Южный федеральный университет
S_A_L_M_A_N_O_V@mail.ru

**ПРОБЛЕМЫ
МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ
В КОНТЕКСТЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
СОВРЕМЕННОЙ
КОММУНИКАЦИОННОЙ СРЕДЫ**

Аннотация. В работе представлены результаты работы по исследованию влияния среды Интернет на формирование личности современных подростков. Актуальность проекта обусловлена стремительным развитием современных технологий, что приводит к бесконтрольному использованию коммуникационных сред подростками. Рассматривается уровень вовлеченности современных подростков в Интернет и социальные сети. Отдельное внимание уделено проблеме, с которой по результатам данного исследования сталкивается более 50 % опрошенных подростков – проблеме кибербуллинга (интернет травли).

Ключевые слова: социальная сеть, Интернет, кибербуллинг, травля, проблема доверия, информационно-коммуникационные технологии.

Введение. В последние годы стремительно развиваются информационно-коммуникационные технологии. Наряду с этим, они становятся все более доступными широким массам пользователей. Если несколько лет назад интернет на мобильном устройстве был дорогим удовольствием и использовался только при необходимости, то сейчас – это норма жизни. Смартфоны покупаются детям (или выдаются в пользование) с самого раннего возраста. Пока ребенок маленький, родители имеют возможность контроля

Evginiya A. Ishchukova

Candidate of Technical Sciences,
Institute of Computer Technologies
and Information Security
Southern Federal University
uaishukova@sfedu.ru

Ekaterina A. Tolomanenko

Graduate student,
Institute of Computer Technologies
and Information Security
Southern Federal University
kat.tea@mail.ru

Vyacheslav D. Salmanov

Student,
Institute of Computer Technologies
and Information Security
Southern Federal University
S_A_L_M_A_N_O_V@mail.ru

**PROBLEMS
OF YOUNG GENERATION
IN THE CONTEXT OF USING
A MODERN COMMUNICATION
ENVIRONMENT**

Annotation. The paper presents the research results of the Internet environment influence on the personality formation of modern adolescents. The relevance of the project is due to the rapid development of modern technologies, which leads to uncontrolled use of communication media by adolescents. The level of involvement of modern adolescents in the Internet and social networks is considered. Special attention is paid to the problem that, according to the results of this study, more than 50% of the teenagers surveyed are faced with - the problem of cyberbullying (Internet bullying).

Keywords: social network, Internet, cyberbullying, bullying, trust problem, information and communication technologies.

контента, который просматривает ребенок, Но чем старше он становится, тем сложнее отследить его действия. Этому способствует наличие свободного wi-fi во многих публичных местах, включая транспорт. По разным оценкам экспертов подростки проводят до 9 часов в сутки на социальных платформах. При этом около 30 % времени у них уходит на общение [1]. Крупное исследование о поведении подростков в социальных сетях в феврале 2018 года представил профессор факультета психологии МГУ В. Собкин на

Межрегиональной научно-практической конференции «Поколение Z: цифровая культура поведения и безопасность». В своем сообщении он представил результаты опрошенных подростков из г. Москва и Подмосквья. Всего было опрошено 2000 респондентов. Оказалось, что 90 % из них зарегистрированы в социальных сетях, а те, кто не зарегистрирован, но регулярно их посещает, составляют еще около 4 %. Кроме того, более 40 % опрошенных подростков проводят более 5 часов в соцсетях ежедневно, многие это делают даже во время уроков [4].

Важно отметить, что детская психика зачастую не способна справиться с теми опасностями, которые им могут встретиться при использовании современных социальных сетей.

Основные опасности в современной информационно-коммуникационной среде.

Для детей и подростков можно выделить следующие основные опасности, подстерегающие их в Интернете [2, 3]:

1. Интернет травля (или кибербуллинг).
2. Влияние на сознание подростков и детей через Интернет, в том числе, через социальные сети.
3. Общение с незнакомцами в соцсетях, которые втираются в доверие детей и используют это в своих интересах.
4. Кража личных и персональных данных с использованием технических средств, последующее распространение полученных данных в открытых источниках.
6. Посещение сайтов, предназначенных только для категории совершеннолетних пользователей.
7. Вовлечение в азартные онлайн игры, с настоящими денежными ставками.

По данным исследователей, к 2018 году уровень онлайн агрессии в интернете вырос в 5,5 раз по сравнению с 2010-м годом [4]. Наибольшей популярностью пользуется социальная сеть ВКонтакте. Согласно исследованиям, именно в этой социальной сети подростки наиболее часто сталкиваются с кибертравлей (кибербуллингом) Из всех зафиксированных случаев около 30 % приходится на эту соцсеть [4]. Согласно источнику [4], исследование сотрудников Фонда развития Интернет обнаружило, что 26 % подростков получали сообщения интимного характера, около 20 % получали сообщения с просьбой сделать и прислать свое фото без одежды, 17 % получали письма с угрозами, 10 % подростков сталкивались с тем, что мало знакомые люди приглашали их вступить в экстремистские группы, связанные с терроризмом, самоубийством и религиозными сектами, еще 10 % интернет-террора было связано с распространением непристойной информации о пользователях социальной сети. Важно отметить тревожный факт, согласно которому родители подростков существенным образом не

дооценивают опасность этой ситуации. Опрос родителей показывает оценку угроз в несколько раз меньше, чем дают их дети.

Психологи выделяют признаки изменения в поведении, по которым можно предположить негативное влияние контента социальной сети на состояние ребенка [3]. Если быть внимательным и вовремя подметить эти признаки, то можно вовремя успеть оказать подростку помощь, тем самым предупредив негативные последствия влияния на него Интернета. Так, за очень короткое время (с конца 2015 г. по начало 2016 г.) в России было совершено 130 детских самоубийств под влиянием сети «Синий кит» (согласно данным расследования «Новой газеты») [5].

Наряду с этим ведутся параллельные исследования в области влияния социальных сетей на формирование морально-нравственных и духовно-культурных ценностей современных подростков [6–11].

Цель исследования состояла в анализе воздействия на подростка современных коммуникационных сред.

Материалы и методы. Исследование заключалось в проведении социологического опроса в период с сентября 2019 года по февраль 2020 года. В нем принимали участие подростки и молодые люди в возрасте от 10 до 22 лет. Для сбора информации был использован один из самых распространенных методов социологического исследования – метод анкетирования, которое проводилось в анонимной форме с использованием сайта <https://cyberpatronus.ru/> [12]. В анкете содержится 15 вопросов и имеется дополнительное поле, в котором опрашиваемый имеет возможность оставить комментарий в свободной форме. К настоящему моменту опрос прошли 2255 человек из различных регионов Российской Федерации.

Результаты социологического опроса. Результаты, полученные в результате социологического опроса, были подвергнуты качественному и количественному анализу. Все респонденты были разделены на 4 возрастные категории: до 14 лет, от 15 до 16 лет, от 17 до 18 лет и старше 19 лет. Предварительно таблица с ответами была обработана следующим образом: из нее были исключены все ответы, для которых в поле «Дополнительный комментарий» содержалась ненормативная лексика, оскорбительные и нечитаемые высказывания. Те, кто оставляет подобные комментарии, скорее всего, безответственно относятся к проводимому анкетированию и может давать заведомо ложные ответы, поэтому авторы исследования посчитали правильным исключить подобные ответы из общего пула. Таким образом, общее число обрабатываемых сообщений сократилось на 5 %. В таблице 1–3 представлены основные результаты проведенного опроса. Все таблицы содержат сведения по каждой возрастной группе, а также статистику по общему числу полученных ответов.

В таблице 1 приведены статистические данные по вовлеченности современных подростков в современные информационно-коммуникативные технологии. Можно видеть, что абсолютное большинство опрошенных (83,88 %) очень часто

пользуются Интернетом и социальными сетями. При этом пик активности наблюдается в возрасте 17–18 лет. В этом возрасте только 0,4 % опрошенных ответили, что не используют Интернет и социальные сети.

Таблица 1

Вовлеченность подростков в Интернет и социальные сети

	Ответы аудитории в возрасте до 14 лет, %	Ответы аудитории в возрасте от 15 до 16 лет, %	Ответы аудитории в возрасте от 17 до 18 лет, %	Ответы аудитории в возрасте 19 лет и старше, %	Процент ответов от общего числа ответов, %
Как часто Вы пользуетесь Интернетом и социальными сетями?					
Очень часто	76,03	83,12	85,37	87,2	83,88
Иногда	15,7	14,29	12,6	6,64	11,74
Очень редко	3,31	0,65	1,63	3,32	2,19
Не пользуюсь	4,96	1,94	0,4	2,84	2,19
Для каких целей Вы используете Интернет?					
Общение	72,73	91,56	86,59	81,52	83,88
Просмотр новостей	29,75	59,09	68,7	72,99	61,48
Просмотр видео	52,89	68,83	67,48	60,66	63,39
Просмотр фильмов и сериалов	44,63	72,08	71,95	65,88	65,71
Самообразование	40,5	67,53	75,61	71,09	66,8
Только для учебы	12,4	15,58	9,76	12,32	12,16
Какие Интернет-ресурсы для Вас наиболее популярны?					
Вконтакте	61,98	92,21	89,84	79,15	82,65
Инстаграм	34,71	55,19	51,63	53,55	50,14
Твиттер	5,79	7,14	8,54	9,95	8,2
Фэйсбук	11,57	2,6	4,07	13,27	7,65
YouTube	70,25	85,06	82,11	72,99	78,14
Сайты онлайн игр	21,49	10,39	8,94	11,85	12,16
Есть ли у Ваших родителей доступ к социальным сетям?					
Да	57,02	65,58	65,29	60,19	63,52
Нет	42,98	34,42	31,71	39,81	36,48
Чувствуете ли Вы себя в безопасности, находясь в Интернете?					
Да	40,5	50,65	37,8	39,81	41,53
Нет	22,31	15,58	22,76	33,65	24,32
Не знаю	37,19	33,77	39,44	26,54	34,15

При этом только 12,16 % опрошенных пользуются Интернетом для выполнения учебных задач. Преимущественно Интернет используется для общения (82,65 %) и для просмотра развлекательного контента в виде видео, фильмов. Следует отметить и тот факт, что многие (66,8 %) респонденты используют Интернет для саморазвития, что, на взгляд авторов, является хорошим знаком. Абсолютным лидером по использованию продолжает оставаться социальная сеть Вконтакте (82,65 %). При этом статистика показывает, что между возрастными группами до 14 лет и 15–16 лет наблюдается 30 % рост интереса к данной соцсети. То есть, в этот период времени происходит активное вовлечение школьников в социальные сети. Также популярным являются Инстаграм и YouTube. Твиттер и Фэйсбук являются не столь популярными, видимо, в силу того, что большинство аудитории данных сетей является англоязычной. Согласно опросу, около трети родителей не имеют собственных аккаунтов в социальных сетях, а значит – не могут видеть активность своих детей в социальных сетях (хотя бы там, где аккаунты социальных сетей являются открытыми). В опросе мы спрашивали ребят, насколько они чувствуют себя защищенными, находясь в Интернете. Так вот, только 41,5 % опрошенных ответили утвердительно. Остальные ответили

или нет (24,32 %) или не знаю (34,15 %). При этом процент ответов остается примерно одинаковым для всех возрастных групп, что означает только одно: использование Интернета не приводит к росту ИТ-грамотности среди населения, и многие используют современные ИТ-технологии, не понимая, какую опасность для пользователей они могут в себе таить, и какими способами от нее можно защититься.

Второй частью опроса мы хотели определить круг общения и уровень доверия для современной молодежи. Подавляющее большинство опрошенных используют социальные сети для общения с друзьями (80,87 %) и родственниками (47,81). Однакостораживает тот факт, что около 10 % контактируют со случайными незнакомцами. Этот – именно тот фактор, который в итоге может привести к вышеописанным опасностям Интернета. Большинство опрошенных общается в социальных сетях с ровесниками (78 %). Также явно видно, что подростки больше предпочитают общаться с более старшими по возрасту людьми (старше на 3–5 лет), чем с более младшими. Скорее всего, это связано с поиском подростками более опытных друзей, которые в какой-то степени являются авторитетами и даже могут влиять на их мысли и поступки, что в свою очередь может приводить к плохим последствиям.

Чуть больше 50 % опрошенных подростков готовы обсуждать свои проблемы с родителями или друзьями, но около 20 % ответили, что никогда и ни с кем своими проблемами не делаются. И если подросток из этой категории респондентов попадет в тяжелую ситуацию, связанную, например, с кибербуллингом, то отследить это, а тем более, своевременно помочь ему, будет затруднительно.

Также в анкете был задан вопрос о том, как пользователи реагируют на подозрительный контент в Интернете. Данный вопрос не предполагал множественного выбора. И результаты показывают, что 44 % могут отличить спам от полезной информации и еще 48 % игнорируют подозрительный контент. Авторам исследования кажется, что в силу юношеского максимализма, респонденты переоценивают свои силы в знании всех уловок современных компьютерных преступников, и поэтому точные показатели в ответе на данный вопрос должны определяться не субъективным мнением респондента, а путем прохождения специального теста на определение уровня IT-грамотности. Третий блок вопросов был посвящён исследованию вопросов, связанных с проблемой кибербуллинга (табл. 3). И результаты данного

исследования отражают очень тревожную картину. Около 50 % всех респондентов были, тем или иным образом, вовлечены в процесс кибербуллинга (подвергались травле, участвовали в травле или были свидетелем травли).

В опросе мы пытались выявить, какую форму помощи подростки предпочли бы получить, если они оказались бы в подобной ситуации. И больше 56 % ответили, что не стали бы обращаться за помощью. При этом по сравнению с ответами в таблице 2, где было показано 20 % тех, кто никогда ни с кем не хочет обсуждать свои проблемы, здесь процент нежелания обращаться за помощью увеличивается на 36 %! Скорее всего, это связано с тем, что кибербуллинг затрагивает очень глубокие и личные чувства. Обидчики, как правило, стараются задеть за живое, поэтому поделиться своими переживаниями подростку может быть, например, стыдно. На вопрос «Хотели бы Вы помочь человеку, попавшему в трудную ситуацию, если бы имели такую возможность?» большинство из тех, кто указал, что участвовал в травле других в Интернете, выбирали ответы «Скорее нет», «Нет» или «Мне все равно».

Таблица 2

Круг общения и доверия у подростков

	Ответы аудитории в возрасте до 14 лет, %	Ответы аудитории в возрасте от 15 до 16 лет, %	Ответы аудитории в возрасте от 17 до 18 лет, %	Ответы аудитории в возрасте 19 лет и старше, %	Процент ответов от общего числа ответов, %
С кем чаще всего Вы контактируете в социальных сетях?					
Близкие	34,71	42,86	49,59	56,87	47,81
Друзья, одноклассники	73,55	89,61	87,4	71,09	80,87
Интернет-друзья, с которыми никогда не встречался в реальной жизни	26,45	27,92	24,8	27,96	26,64
Случайные незнакомцы	9,09	12,34	7,72	10,9	9,84
Редко общаюсь в социальных сетях	9,92	9,09	7,32	10,9	9,15
Какого возраста Ваши собеседники?					
Ровесники	69,42	84,42	85,37	69,67	78,01
Младше на 3-5 лет	7,44	10,39	7,72	12,32	9,56
Старше на 3-5 лет	23,14	34,42	27,24	18,01	25,41
Старше более чем на 5 лет	18,18	7,14	8,54	12,8	11,07
Младше более чем на 5 лет	0	0	0	5,69	1,64
С кем Вы наиболее близки? С кем готовы обсуждать свои проблемы?					
Родители	57,02	56,49	54,88	47,39	53,42
Друзья, одноклассники	45,45	61,69	56,91	49,76	53,96
Учителя, психолог	2,48	3,9	4,47	13,27	6,56
Незнакомцы	14,05	3,9	3,25	9	9,83
Ни с кем, я никогда не делюсь своими проблемами	13,22	20,13	19,92	32,22	19,81
Как Вы реагируете на подозрительный контент в Интернете?					
Всегда перехожу по всем ссылкам	9,09	0,65	1,22	5,21	3,55
Могу отличить спам от полезной информации	27,27	44,16	50,81	46,92	44,4
Отношусь с недоверием, игнорирую подозрительный контент	58,68	51,3	47,56	41,71	48,5
Не верю, что в Интернете может быть подозрительный контент	4,96	3,9	0,41	6,16	3,55

Вовлеченность подростков в кибербуллинг

	Ответы аудитории в возрасте до 14 лет, %	Ответы аудитории в возрасте от 15 до 16 лет, %	Ответы аудитории в возрасте от 17 до 18 лет, %	Ответы аудитории в возрасте 19 лет и старше, %	Процент ответов от общего числа ответов, %
Сталкивались ли Вы каким-либо образом с нападениями и травлей в Интернете?					
Да, я подвергался травле или нападкам со стороны других	14,05	5,19	6,1	16,11	10,11
Да, я участвовал в травле или нападках на другого человека	5,79	5,84	3,66	4,27	4,64
Да, я был свидетелем травли других людей, но не смог / не захотел помочь	17,36	13,64	16,67	21,33	17,49
Да, я был свидетелем травли других людей, и пытался / смог помочь	12,4	20,78	15,45	13,27	15,44
Нет, никогда не сталкивался	50,4	54,55	58,13	45,02	52,32
Если бы Вы когда-либо подвергались травле или нападкам со стороны других людей, какую бы Вы хотели получить помощь?					
Беседа с психологом, телефон доверия	3,31	2,6	5,69	12,8	6,69
Поделиться проблемами с семьей	15,7	14,94	11,79	10,43	12,7
Поделиться проблемами с друзьями	16,53	20,13	10,16	14,22	14,48
Обсудить проблему с ровесниками в анонимном чате	10,74	5,19	3,66	8,06	6,42
Любая анонимная помощь	9,92	1,95	4,07	7,11	5,46
Я бы не стал обращаться за помощью	61,98	64,94	28,86	79,15	56,42
Хотели бы Вы помочь человеку, попавшему в трудную ситуацию, если бы имели такую возможность?					
Точно да	50,41	38,31	41,06	38,1	41,18
Возможно, я бы попытался	35,54	54,55	50,41	52,38	49,38
Скорее нет	2,48	1,95	2,85	3,81	2,88
нет	7,44	1,3	2,03	3,81	3,28
Мне все равно	4,12	3,89	3,65	1,9	3,28

Выводы. Проведенное исследование позволило нам выявить ряд проблем, которые имеются в информационно-коммуникативном общении современных подростков. Данные проблемы связаны со стремительным развитием технологий, изменением образа жизни многих людей, переносом общения из реальной среды в виртуальную. Об этих проблемах только начинают говорить, но они требуют постоянного обсуждения и выработки мер по их снижению.

На взгляд авторов опроса, необходимо расширить географию анкетирования и вовлечь в данный процесс как можно больше подростков в возрасте от 10 лет и старше. Для того, чтобы учащимся в школах рекомендовали пройти данный опрос, мы обращались за помощью в Управление образования г. Таганрога, писали письма руководителям колледжей, обращались к коллегам, проводили рекламу в социальных сетях, на радио и т.д. Для привлечения внимания к проблеме кибербуллинга и поиска решений помощи жертвам кибербуллинга команда сайта Киберпатронус в настоящий момент организовала и проводит

Литература:

1. Инфографика: сколько времени пользователи проводят в социальных сетях. URL : http://mmr.ua/show/infografika_skolyko_vremeni_my_provodim_v_sotssetyah (дата обращения 17.02.2020).

Всероссийский конкурс творчества молодежи с одноименным названием [12].

Также важно уделять большое внимание вопросам цифровой грамотности. Уроки IT-грамотности должны быть включены в образовательный процесс, начиная с начальных классов, так как абсолютное большинство детей в начальной школе уже является пользователями сети Интернет.

Родители и педагоги должны осознать масштаб вовлеченности современных подростков в проблему кибербуллинга. Необходимо быть внимательными в общении с детьми; следить за изменением их настроения; проводить профилактические беседы, чтобы, попав в трудную ситуацию, подростки знали, куда и к кому они могут обратиться за помощью. Тот факт, что при анкетировании (табл. 3) почти 90 % респондентов хотели бы помочь своим друзьям, если бы имели такую возможность, вселяет надежду на то, что проблеме кибербуллинга можно будет свести к минимуму, если научить детей с раннего возраста этике поведения в Интернете и правилам использования современных IT-средств.

Literature:

1. Infographics: how much time users spend on social networks. URL : http://mmr.ua/show/infografika_skolyko_vremeni_my_provodim_v_sotssetyah (accessed 02.17.2020).

2. Дети и подростки в Интернете. URL : http://www.bizhit.ru/index/internet_i_podrostki/0-342 (дата обращения 17.02.2020).
3. Опасности социальных сетей: как ребенку не стать жертвой. URL : <https://inspectsystem.com/articles/opasnosti-sotsialnyh-setey-dlya-podrostkov/> (дата обращения 17.02.2020).
4. «VKoшмаре» – сетевая травля стала для подростков нормой URL : <https://www.pravmir.ru/vkoshmare-setevaya-travlya-stala-dlya-podrostkov-normoy/> (дата обращения 17.02.2020).
5. «Синий кит»: игра, забирающая жизни детей. URL : <https://inosmi.ru/social/20180102/241094549.html> (дата обращения 17.02.2020).
6. *Топюк А.В.* Влияние социальных сетей на формирование морально-нравственные, духовные и коммуникативные качества молодежи // Научное сообщество студентов: Междисциплинарные исследования: сб. ст. по мат. III междунар. студ. науч.-практ. конф. № 3. URL : sibac.info/sites/default/files/conf/file/stud_3_3.pdf (дата обращения 03.03.2019) (дата обращения 17.02.2020).
7. *Шумских Т.Ю.* Влияние сети интернет на процессы социальной адаптации школьников и студентов. URL : <http://www.cscb.su/n/020901/020901001.htm> (дата обращения 17.02.2020).
8. Социальные сети: возможности и риски для обучения и воспитания: методические рекомендации / Авт.-сост. Н.В. Шпарута, Г.А. Бутакова; Министерство общего и профессионального образования Свердловской области; Государственное автономное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования Свердловской области «Институт развития образования»; Кафедра информационных технологий. Екатеринбург : ГАОУ ДПО СО «ИРО», 2017. 60 с
9. *Сейдтачер Г.А.* Влияние Интернета на морально-духовные и социальные ценности студенческой молодежи : дис. на соиск. ст. канд. пед. наук по специальности. 2013. 13.00.01. 162 с.
10. *Шпак Н.О.* Воздействие сети интернет на духовно-нравственное развитие молодежи / Н.О. Шпак, В.В. Лихтенфельд // Общество и этнополитика: материалы Международной научно-практической конференции г. Новосибирска, 24–26 сентября. Новосибирск : Изд-во СибАГС, 2015. Ч. 2. 33 с.
11. *Данина М.М.* Социально-психологический аспект исследования социальных сетей в Интернете / М.М. Данина, А.А. Шаляпин. URL : <http://vestnik.journ.msu.ru/books/2012/3/sotsialno-psikhologicheskiy-aspekt-issledovaniya-sotsialnykh-setey-v-internete/> (дата обращения 17.02.2020).
12. Cyberpatronus – борьба с интернет-травлей. URL : <https://cyberpatronus.ru/> (дата обращения 17.02.2020).
2. Children and adolescents on the Internet. URL : http://www.bizhit.ru/index/internet_i_podrostki/0-342 (date of access 02.17.2020).
3. The dangers of social networks: how can a child not become a victim. URL : <https://inspect-system.com/articles/opasnosti-sotsialnyh-setey-dlya-podrostkov/> (accessed 02.17.2020).
4. «VKoshmar» – network harassment has become the norm for teenagers. URL : <https://www.pravmir.ru/vkoshmare-setevaya-travlya-stala-dlya-podrostkov-normoy/> (accessed 02.17.2020).
5. «Blue Whale»: a game that takes the lives of children. URL : <https://inosmi.ru/social/20180102/241094549.html> (accessed February 17, 2020).
6. *Топюк А.В.* The influence of social networks on the formation of moral, spiritual, and communicative qualities of youth // Scientific community of students: Interdisciplinary research: Sat. Art. by mat. III international Stud. scientific-practical conf. № 3. URL : sibac.info/sites/default/files/conf/file/stud_3_3.pdf (accessed date: 03/03/2019) (accessed date 02/17/2020).
7. *Shumskikh T.Yu.* The influence of the Internet on the processes of social adaptation of schoolchildren and students / T.Yu. Shumskikh, N.A. Gladskikh, M.V. Budanova. URL : <http://www.cscb.su/n/020901/020901001.htm> (accessed February 17, 2020).
8. Social networks: opportunities and risks for training and education: guidelines / autostat N.V. Shparuta, G.A. Butakova. Ministry of General and Professional Education of the Sverdlovsk Region; State Autonomous Educational Institution of Continuing Professional Education of the Sverdlovsk Region «Institute for the Development of Education»; Department of Information Technology; Yekaterinburg : GAOU DPO SO «IRO». 2017. 60 p.
9. *Seyedtacher G.A.* The influence of the Internet on the moral, spiritual and social values of students : dis. for the degree of cand. of pedagogical sciences, specialty. 2013. 13.00.01. 162 p.
10. *Shpak N.O.* The impact of the Internet on the spiritual and moral development of youth / N.O. Shpak, V.V. Lichtenfeld // Society and Ethnopolitics: Materials of the International Scientific and Practical Conference of Novosibirsk, September 24–26. Novosibirsk : SibAGS Publishing House, 2015. Part 2. 33 p.
11. *Danina M.M.* Socio-psychological aspect of the study of social networks on the Internet / M.M. Danina, A.A. Chaliapin. URL : <http://vestnik.journ.msu.ru/books/2012/3/sotsialno-psikhologicheskiy-aspekt-issledovaniya-sotsialnykh-setey-v-internete/> (accessed 02.17.2020)
12. Cyberpatronus – the fight against Internet bullying. URL : <https://cyberpatronus.ru/> (accessed date 02.17.2020).

Калугина Диана Александровна
доцент кафедры
теории и социологии управления,
Уральский институт управления –
филиал Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации
diana-kalugina@Yandex.ru

Diana A. Kalugina
Associate Professor
Theory and Sociology of Management,
Ural Institute of Management –
branch of the Russian
Academy National Economy
And Public Service under the President
Russian Federation
diana-kalugina@Yandex.ru

О РОЛИ ОБЩЕСТВЕННОСТИ И ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ ОХРАНЫ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РЕГИОНА

ON THE ROLE OF THE PUBLIC AND PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP IN SOLVING PROBLEMS OF PROTECTION OF CULTURAL HERITAGE SITES IN THE REGION

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы охраны памятников истории и культуры. Несмотря на то, что ценность объектов культурного наследия для формирования имиджа региона и развития туризма очевидна, современное развитие территорий ставит под угрозу их существование. В ходе исследования автор пришел к выводу о том, что наиболее острыми проблемами являются нарушения при проведении реставрационных работ, отсутствие собственников памятников, использование их не по назначению. Решением проблем может стать взаимодействие власти с общественностью и государственно-частное партнерство.

Annotation. The article deals with the problems of protection of historical and cultural monuments. Despite the fact that the value of cultural heritage sites for the formation of the image of the region and the development of tourism is obvious, the modern development of territories threatens their existence. In the course of the study, the author came to the conclusion that the most acute problems are violations during restoration work, the absence of owners of monuments, and their misuse. Interaction between the government and the public and public-private partnership can be a solution to these problems.

Ключевые слова: объекты культурного наследия, памятники истории и культуры, реставрационно-восстановительные работы, государственно-частное партнерство, общественность, консультационные мероприятия.

Keywords: cultural heritage sites, historical and cultural monuments, restoration and restoration work, public-private partnership, public consultation activities.

Бережное отношение к объектам культурного наследия (ОКН) являются одной из самых существенных задач в сфере сохранения истории и культуры нашей страны. Конституция Российской Федерации гарантирует «сохранность объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) в интересах настоящего и будущего поколений» [5].

Отсутствие должного внимания со стороны органов власти и общественности приводит, как правило, к бесхозности объектов культурного наследия или использованию их не по назначению. Все это, в свою очередь, влечет ущерб историческому облику, снижение художественной ценности памятников культуры и ограничивает их использование в сферах просвещения, туризма и имиджа региона.

Взяв за основу авторитетное мнение А.Н. Панфилова, объекты культурного наследия мы определим как «совокупность созданных человеком или подвергнутых его целенаправленному воздействию в прошлом недвижимых культурных ценностей, включенных в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации на основании нормативного правового акта уполномоченного органа публичной власти» [7, с. 294].

С 2012 по 2016 годы в Свердловской области продолжался весьма своеобразный эксперимент: функции охраны культурного наследия были возложены не на департамент или управление культуры, как в большинстве регионов, а на Министерство управления государственным имуществом Свердловской области (МУГИСО). Данная система имела один существенный недостаток: МУГИСО как государственный орган охраны памятников должен был контролировать сам себя по части распоряжения этими самыми памятниками.

То есть налицо явный конфликт интересов.

Чтобы преодолеть данное противоречие, в структуре исполнительных органов власти Свердловской области в 2016 году был создан новый орган исполнительной власти – Управление государственной охраны объектов культурного наследия Свердловской области [3].

Также, в регионе долгое время отсутствовала целостная программа по сохранению, использованию, популяризации и государственной охране объектов культурного наследия.

Такая программа была принята только в январе 2017 года и является «комплексом мероприятий, осуществляемых в целях предотвращения повреждения, разрушения или уничтожения объектов культурного наследия, проведения хозяйственной деятельности на территории объектов культурного наследия» [4].

Таким образом, в регионе накопился ряд проблем, решением которых занято Управление государственной охраны объектов культурного наследия Свердловской области.

Одной из самых насущных проблем является проведение ремонта, несогласованного с органами госохраны или по-другому – неисполнение требований закона об обязанностях сохранения объектов культурного наследия. Наносится невосполнимый ущерб историческому облику объектов, их интерьерам. Охрана объектов культурного наследия означает проведение реставрационных работ, их модернизацию без нанесения вреда таким объектам. Сейчас острой проблемой является то, что владельцы объектов культурного наследия не всегда выбирают качественного подрядчика для проведения реставрационных работ, что, в свою очередь, наносит ущерб, как с технической точки зрения, так и с искажением исторического смысла объектов. Вот, что по этому поводу отметил один из активистов общественного движения «Реальная история Екатеринбурга»:

...Большой проблемой является искажение исторического облика объекта. Один из критериев ОКН – это его подлинность, а когда, извините меня, лепнина заменена на пластик, стены все выровнены, и на них закреплен гипсокартон, то это уже не объект культурного наследия. Когда уже от исторической застройки ничего не остается...это тоже можно лишь условно назвать объектом культурного наследия....

Для устранения проблемы при проведении низкоквалифицированных работ на объектах культурного наследия все работы необходимо проводить лицензированными организациями (в сфере сохранения объектов культурного наследия), обязательно устанавливая персональную ответственность архитекторов-реставраторов. Нельзя допускать практику, когда к процедуре выбора подрядчика подходят со стороны экономии: нужно делать упор на качество и методику, а не на стоимость.

В Управлении государственной охраны объектов культурного наследия Свердловской области есть подведомственная ему организация: Государственное бюджетное учреждение культуры Свердловской области «Научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры Свердловской области». В данном Центре создано Управление проектных работ и осуществления функций Заказчика, обеспечивающее мероприятия по сохранению и приспособлению объектов культурного наследия (памятников истории и культуры). Одним из возможных решений будет привлечение данного органа и собственников объектов культурного наследия к совместному проведению реставрационных и иных строительных работ. Сотрудникам Управления государственной охраны объектов культурного наследия во время предоставления задания на проведение работ, необходимо информировать собственника о наличии такого органа, осуществляющего функции заказчика при проведении реставрационных, ремонтно-восстановительных и иных работ.

Ряд собственников плохо знают, кто учитывает специфические особенности для собственников объектов культурного наследия. Управление государственной охраны активно работает с собственниками объектов культурного наследия по разъяснению норм закона ФЗ № 73. Но, все-таки, остается часть собственников, не считающихся с данным законом. Для решения этого проблема мы предлагаем проводить всевозможные виды консультаций в части реставрационных и строительных работ:

- консультации в рабочие дни (в приемные дни);
- консультации в рамках проведения проверок;
- консультирование в рамках Дня Министерства культуры.

Еще одной важной проблемой является бесхозность памятников: у объектов культурного наследия может не быть собственников, что затрудняет применение охранных обязательств. Присутствует, также, оставшаяся еще с советских времен, проблема использования объектов культурного наследия не по назначению.

Управлению государственной охраны объектов культурного наследия рекомендуется информировать органы государственной власти и органы местного самоуправления, физические и юридические лица о неиспользуемых объектах культурного наследия, либо неиспользуемых объектах культурного наследия, находящихся в неудовлетворительном состоянии.

Решением данных проблем может стать развитие государственно-частного партнерства в данной сфере. Например, можно обратиться к опыту Италии, где еще с середины 1990-х гг. частный сектор привлекается к поддержке памятников истории и культуры. «Уже сегодня больше половины объектов культурного наследия Италии находятся в частном владении, и государство обладает достаточными юридическими возможностями для

стимулирования частных инвестиций, которые предусматривают вычет расходов из налоговой декларации на реставрацию или поддержку недвижимых или движимых культурных ценностей» [2, с. 45].

Практика передачи объектов недвижимости впервые появилась в Екатеринбурге в 2016 году, когда городские власти начали активно выставлять на торги исторические здания. «Продажа объекта культурного наследия порой является единственным способом сохранить и защитить его... Продав здание, мы обеспечиваем его будущее, поскольку обязательное условие для нового собственника – восстановление объекта» [6], – пояснил занимающей и то время пост заместителя главы Администрации Екатеринбурга, начальник Департамента по управлению муниципальным имуществом Вадим Дударенко.

При развитии государственно-частного партнёрства необходимо поддерживать предпринимателей и инвесторов, покупающих такой объект, предоставлять им льготные условия при покупке и при выполнении реставрационных работ. Необходимо понимать, что наряду с повышенными охранными обязательствами, собственник обычно получает исключительные конкурентные преимущества. Так уж сложилось, что почти в каждом городе-миллионнике архитектурное наследие сконцентрировалось на самых удобных земельных участках. А, как известно, именно удачная локация объекта во многом определяет эффективность бизнеса.

Литература:

1. К работе по сохранению объектов культурного наследия будут привлечены представители общественности. URL : http://yar-net.ru/news/read_64553.html (дата обращения 11.01.2020).
2. Миронова Т.Н. Сохранение культурного и природного наследия как главная черта культурной политики стран Европейского региона: Италия // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 2. С. 41–48.
3. Об областных исполнительных органах государственной власти Свердловской области: Указ Губернатора Свердловской области от 16 октября 2015 г. № 488-УГ. В данном виде документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
4. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ (в ред. от 7 марта 2017 г.). В данном виде документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
5. Об утверждении государственной программы Свердловской области «Государственная охрана объектов культурного наследия, расположенных на территории Свердловской области, до 2024 года»: Постановление Правительства Свердловской области от 29 декабря.2016 г. № 994-ПП (ред. от 23.03.2017) // Официальный интернет-

Также, органы власти осознают, что без помощи граждан и общественных организаций справиться с таким объёмом информации невозможно. Интересен в данном контексте опыт Ярославля, где около двух лет назад при Департаменте охраны объектов культурного наследия сформирован общественный совет. «Взаимодействие с общественностью всегда было, и, мы надеемся, будет неотъемлемой частью работы, отметил в этой связи аттестованный эксперт государственной историко-культурной экспертизы Юрий Аврутов. – К тому же, постоянно растёт число выявляемых объектов. Без помощи общественников, которые могут своевременно доложить о каких-либо нарушениях или поделиться своими опасениями, не обойтись» [1].

Таким образом, на примере Свердловской области мы видим, как формируются и работают органы власти, призванные обеспечить охрану памятников истории и культуры, и постепенно решают проблемы, сложившиеся в данной сфере. В качестве основных проблем мы выявили ненадлежащие ремонтные работы, нарушающие исторический облик, бесхозность и использование памятников истории и культуры не по назначению. Преодоление этих проблем возможно с привлечением общественности, созданием условий для развития государственно-частного партнёрства, участием в реставрации специализированных проектных организаций, консультационные мероприятия органов власти.

Literature:

1. Representatives of the public will be involved in the work on the preservation of cultural heritage objects. URL : http://yar-net.ru/news/read_64553.html (date accessed 11.01.2020).
2. Mironova T.N. Preservation of cultural and natural heritage as the main feature of the cultural policy of the European region: Italy // Knowledge. Understanding. Skill. 2009. № 2. P. 41–48.
3. About regional Executive bodies of the state power of Sverdlovsk region: the Decree of the Governor of Sverdlovsk region of October 16, 2015. № 488-UG. The document was not published in this form. Access from the Internet.- the Garant legal system.
4. On objects of cultural heritage (historical and cultural monuments) of the peoples of the Russian Federation: Federal law № 73-FZ of June 25, 2002 (as amended on March 7, 2017). The document was not published in this form. Access from the Internet.-legal system «Consultant Plus».
5. On approval of the state program of the Sverdlovsk region «State protection of cultural heritage objects located on the territory of the Sverdlovsk region until 2024»: Decree Of the government of the Sverdlovsk region dated December 29.2016 № 994-PP (edited on 23.03.2017) // the Official Internet portal of legal information of the Sverdlovsk region. URL :

портал правовой информации Свердловской области. URL : <http://www.pravo.gov66.ru/11070/>. Опубликовано № 11070 от 31 декабря 2016 г.

6. Обремененные культурой. Зачем бизнес покупает архитектурные памятники в столице Урала. URL : <https://rg.ru/2016/12/08/reg-urfo/vlasti-ekaterinburga-prodadut-tri-istoricheskikh-zdaniia.html> (дата обращения: 11.01.2020).

7. *Панфилов А.Н.* Культурные ценности и объекты культурного наследия: проблемы унификации понятий // Право и политика. 2011. № 2. С. 293–305.

<http://www.pravo.gov66.ru/11070/> Publication no. 11070 of December 31, 2016.

6. Burdened by culture. Why business buys architectural monuments in the capital of the Urals. URL : <https://rg.ru/2016/12/08/reg-urfo/vlasti-ekaterinburga-prodadut-tri-istoricheskikh-zdaniia.html> (accessed 11.01.2020)

7. *Panfilov A.N.* Cultural values and objects of cultural heritage: problems of unification of concepts // Law and politics. 2011. № 2. P. 293–305.

Караковский Константин Александрович
аспирант,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
13ka@mail.ru

Обухова Лариса Александровна
доктор социологических наук,
профессор,
заведующая кафедрой
управления персоналом,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации
13ka@mail.ru

УПРАВЛЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ РАЗВИТИЕМ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Аннотация. Компетентностно-ориентированный подход при формировании кадров системы государственной гражданской службы – актуальная проблема. Обеспечение цифровых трансформаций согласно специально выделяемому направлению в Федеральной программе реформирования государственного управления требует системного и целенаправленного подхода. Формирование единой информационно-коммуникационной инфраструктуры государственной службы – процесс кадрово-организационно сложный. В работе проведен системный анализ предъявляемых и необходимых профессиональных компетенций государственных служащих в сфере информационно-коммуникационных технологий, их приоритетов. Предлагаются методические и организационно-технологические рекомендации для расширения цифровых компетенций с целью идентификации (унификации, стандартизации) развития интеллектуального потенциала цифрового общества. Определяются методические подходы по трансформации компетенций в области ИКТ в цифровые компоненты, которые предусматривают расширенный комплекс знаний и навыков, необходимых в условиях цифровизации государственной гражданской службы.

Ключевые слова: общество, цифровая трансформация, цифровые компетенции, государственный служащий, эволюция, государственное управление, профессиональное развитие.

Konstantin A. Karakovsky
Graduate student,
Russian Academy of National Economy
and Public Service under the President
of the Russian Federation
13ka@mail.ru

Larisa A. Obukhova
Doctor of Sociological Sciences,
Professor,
Head of the Department
of Human Resources Management,
Russian Academy of National Economy
and Public Service under the President
of the Russian Federation
13ka@mail.ru

MANAGING THE PROFESSIONAL DEVELOPMENT OF PUBLIC CIVIL SERVANTS IN THE DIGITAL ECONOMY

Annotation. The competence-oriented approach in the formation of personnel in the state civil service system is an actual problem. Ensuring digital transformations in accordance with a specially selected area in the Federal program for public administration reform requires a systematic and targeted approach. The formation of a unified information and communication infrastructure of the state service is a personnel and organizational complex process. The paper provides a systematic analysis of the required professional competencies of civil servants in the field of information and communication technologies and their priorities. Methodological and organizational and technological recommendations are proposed for expanding digital competencies in order to identify (unify, standardize) the development of the intellectual potential of a digital society. Methodological approaches for transforming ICT competencies into digital components are defined, which provide for an expanded set of knowledge and skills required in the conditions of digitalization of the state civil service.

Keywords: society, digital transformation, digital competencies, civil servant, evolution, public administration, professional development.

Введение.

Категория «экономика инновационная (на знаниях)» [1] прочно вошла в «семантическое ядро» государственно-управленческого аппарата. Она охватывает все стороны общества, его развитие и стала приоритетной [2]. Разработана ФЦП «Цифровая экономика», ее основным направлением объявлено государственное управление [3].

Как отмечают многие исследователи (например, [4; 5]), решение задач цифровых трансформаций невозможно без переосмысления и расширения модели компетенций государственных гражданских служащих. Особенно актуально это для претендентов на резерв, замещение должностей госслужбы, к их ИТ- и медиа-компетенциям.

В данной работе проводится системный анализ проблемы, на основе которого предлагаются рекомендации по расширению компетенций в государственной гражданской службе на базе цифровой инфраструктуры.

Цель работы – идентификация и унификация подходов к развитию интеллектуального капитала цифрового гражданского общества.

Анализ базовой категории и системной цели.

В сфере управления персоналом категория «компетенция» неоднозначно интерпретирована (см., например, [6–7]). Имеется в основе подход либо американский («получать – продемонстрировать – добиваться»), либо европейский («способность – результативность – функциональность»). Это касается и педагогической стороны компетентности, приобретаемых компетенций и их ситуационного применения.

Социо-профессиональные компетенции формируют две подсистемы:

- 1) системные (интеллектуальные, методологические);
- 2) личностные (частные, профессиональные).

Оценивание и классификация их – задача непростая. [9], даже в наблюдаемой интеграции качественных и количественных способов, инструментария. Следует формировать (часто – выполнять реинжиниринг) инфокоммуникационной инфраструктуры управления резервом и персоналом гражданской службы, поддерживаемой цифровым документооборотом и непрерывным обучением (тренингом) госслужащих. Разработано соответствующее методическое мотивирующее обеспечение (квалификационные требования, как личностные, так и профессиональные)

Классифицировать профессиональные качества гражданского служащего можно по общим, прикладным и управленческим требованиям. Но требования Минтруда РФ не отражают цифровизации общества (компетенция «сбор и анализ информации» – общесистемная). Необходимы новые модели компетенций госслужащих, отражающие их мотивацию, креативность и инновации, в

зависимости от типа их служебной деятельности (должностного регламента, необходимого для аттестации и замещения должности на гражданской службе). Основные конкурсные положения размещены на портале «Госслужба». URL : (<https://gosszluzhba.gov.ru/>).

В результате анализа требований, предъявляемых к компетенциям в сфере ИТ- и медиа-грамотности кандидатов можно заключить, что их большинство ориентировано на профессионально-ориентированные компетенции. Но цифровая экономика, цифровое общество, цифровой бизнес ставят именно системные, эволюционного характера цели, например, межведомственных взаимодействий и стратегического управления интеллектуальными и организационными ресурсами.

Менеджменту высшего уровня предписывается обладать компетенциями по информационной безопасности, документообороту, ЭЦП, работе с государственными инфоресурсами. Но единых требований к профессиональным ИКТ-компетенциям нет. Тем более, нет требований по отношению к системно-эволюционным процессам (оценка эволюционного потенциала, управление самоорганизационными процессами и др.). Степень общности и детализации одноранговых требований также различная.

Расширение цифровых компетенций в государственных гражданских структурах.

Базовые квалификации претендентов и замещающих должности на гражданской службе у государства включают ИКТ- и медиа-компетенции:

- 1) общие компьютерные (файлы, папки, устройства и др.) и ИКТ-ориентированные (клиент-сервер, рабочая группа);
- 2) общие медиа-коммуникационные (сети);
- 3) общие офисные (офисное программное обеспечение, документооборот, статические презентации, доступ к данным реляционной базы);
- 4) общие по безопасности (антивирус, защита данных, регламент доступа и др.);
- 5) общие по визуализации (растровый графический редактор, Excel-графика и др.);
- 6) почтовые отправления с вложениями;
- 7) интернет-доступ, поиск и актуализация веб-ресурсов;
- 8) работа с медиа-СМИ (сайты, сети, блоги, форумы).

Это – достаточно важный, но минимальный комплекс базовых компетенций в условиях цифровых отношений различных подсистем и моделей (P2P, A2P, P2A, G2P, P2G, G4A, G4P и др. [8]) взаимодействий с электронным правительством.

Необходимо использование систем искусственного интеллекта, анализа, экспертиз, эвристических оценок, нейросистемных, «электронных киосков» и

др. Требуется активизировать как количественные критерии и индикаторы эффективности работы госслужбы с гражданами, так и качественные.

В системе государственного управления необходимо выстраивать систему профессионального обучения с включением активных форм, технологий. Такое обучение необходимо вести с проблемными ситуациями, обработкой информации, выделением, описанием, хранением, актуализацией инвариантов.

Портал «Госслужба» облегчит доступность, импорт информации на различных уровнях, обмен

опытом, постоянный анализ результирующей управленческой информации, настройку и синхронизацию системы показателей деятельности учреждений и органов службы.

Вопросы обеспечения службы и компетенций не всегда интерпретируемы потребностями лишь материальными, экономическими (рис. 1, опрос студентов направления подготовки «Государственное и муниципальное управление», ЦФО). Парадигма самоорганизации также используется, процессы в госслужбе также подвержены самоорганизации.

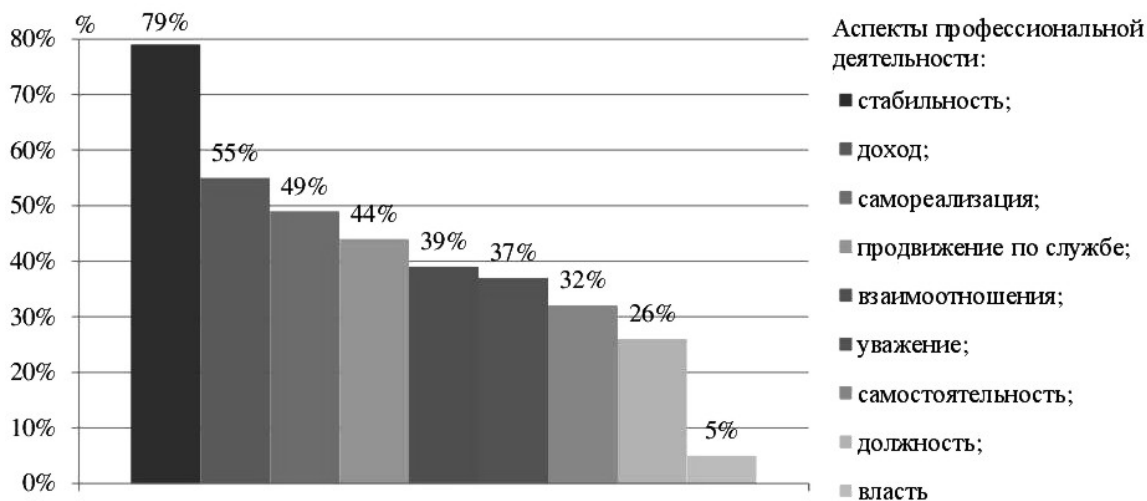

Рисунок 1 – Значимость аспектов профессиональной деятельности в оценках респондентов

Вопросы самоорганизации, синергетики, прогнозирования процессов становятся в обществе актуальными. Несмотря на достаточно долгий период занятий проблемами синергетики социального и государственного развития, многие процессы, протекающие в обществе, недостаточно познаны. Успех изучения самоорганизации прямо зависит от используемой методологии. Такая многогранная система, как государственная служба требует изучения с использованием адекватной методологии на базе системных подходов. Следует иметь глубокие, современные знания, которые позволяют госслужащему самообучаться, добывать самостоятельно знания, использовать их на практике. Это важно в обществе компетенций.

Усложнение структур, моделей, критериев взаимодействий при различных целевых установках определяет новые ИКТ-подходы: ненасильственные, ненавязчивые, непринужденно применяемые, мотивационные. Технологическое обеспечение должно полностью обеспечивать поддержку всего жизненного цикла взаимодействий. Следует иметь глубокие, современные знания, которые позволяют уже самообучаться, добывать самостоятельно не только базовые, но и профессиональные знания, использовать компетенции на практике.

При разработке и реализации программ профессиональной подготовки, переподготовки госслужащих следует обращать внимание на их

профессиональные навыки, умение находить нестандартные решения задач (проблем), компетенции критического мышления. Технологическое обеспечение должно полностью обеспечивать поддержку всего жизненного цикла – от постановки целей и формулировки критериев до анализа результатов взаимодействий и итерационного улучшения процесса.

Многие процессы из-за неполноты интеллектуализации остаются неактивными, хотя и востребованными, например, для самостоятельно повышающих свои компетенции.

Выделим три группы ключевых компетенции государственного гражданского служащего:

- 1) системные – формализации, анализа и синтеза, системного подхода;
- 2) технологические – ИКТ, интернет, Big Data (большие данные), Data (Social) Mining и др.;
- 3) предметные (профессиональные) – принятия решений, решения проблем сотрудничества, проектного управления.

В цифровой экономике, поддерживаемой цифровыми компетенциями обучением (и наоборот), необходимо акцентировать внимание на подготовке служащих, обладающих компетенциями общения, сотрудничества, творчества, критического и аналитического мышления и способностью

решать проблемы общества, расставляя релевантно приоритеты. Рейтинг компетенций – ранжированный и шкалированный, например, экспертами.

Управление робот-человеческими системами ставит новые задачи по организации персонала, кадров, например, HR-процессного управления виртуальной командой. У России достаточно высокий уровень ИКТ-грамотности, цифровых компетенций населения. Важно иметь соответствующую инфраструктуру для повышения уровня и результативности государственной гражданской службы, где высока потребность в компетентном подходе специалистов.

ИКТ-компетенции изменяют способы и формы взаимодействия с гражданами, повышая спрос на комплементарные навыки (ИКТ-поддержку рабочих задач, АРМ). Например, соцсетевые коммуникации по работе, аналитическая работа, проектирование, прогнозирование, планирование, наращивание функциональных возможностей и др.

Системный, самоорганизационный подход выявляет и следующую проблему, видимо, наиболее

Литература:

1. Эффективность управления кадрами государственной гражданской службы в условиях развития цифровой экономики и общества знаний / Под ред. Е.В. Васильевой, Б.Б. Славина. М. : ИНФРА-М, 2018.
2. Письмо Минтруда РФ от 14.06.2016 № 18-1/10/В-3980 «О методике всесторонней оценки профессиональной служебной деятельности государственного гражданского служащего». URL : <http://sudact.ru/law/metodika-vsestoronnei-otsenkiprofessionalnoi-sluzhebnoi-deiatelnosti-gosudarstvennogo/> (дата обращения 29.01.2020).
3. *Петров М.* Государство как платформа. (Кибер) государство для цифровой экономики. Цифровая трансформация / М. Петров, В. Буров, М. Шклярчук, А. Шаров. М. : ЦСР, 2018.
4. *Васильева Е.В.* Развитие цифровых компетенций государственных гражданских служащих Российской Федерации / Е.В. Васильева, В.Н. Пуляева, В.А. Юдина // Бизнес-информатика. 2018. № 4(46). С. 28–42. DOI: 10.17323/1998-0663.2018.4.28.42.
5. *Корчагин С.* Цифровая экономика и трансформация механизмов государственного управления. Риски и перспективы для России / С. Корчагин, Б.Польшиков // Свободная мысль. 2018. № 1 (1667). С. 23–36.
6. *Вольпян Н.* Модели компетенций. Международный опыт в ИТ-сфере / Рождение коллективного разума. М. : ЛЕНАНД, 2013. С. 201–229.
7. *Пуляева В.Н.* Модель компетенций менеджера в клиенто-ориентированной экономике //

сложную для оперативного решения – набор на первичные позиции госслужбы претендентов без опыта службы, не владеющих достаточными ИКТ-компетенциями. Перспективно использование также крауд-моделей для решения некоторых задач госслужащего, например, оперативного опроса и обработки данных, обучения и консалтинга, формирования мультидисциплинарной команды экспертов и др.

Важно развивать «мягкие (soft) навыки (skills)» – эмоциональный интеллект, тайм-менеджмент, лидерство в команде, метакомпетенций («компетенции о компетенциях»), толерантность и др.

Заключение.

Проведенное системное аналитическое исследование по компетенциям государственных гражданских служащих, их эволюции в цифровом обществе можно использовать при разработке программ развития кадрового потенциала с учетом требований цифровой грамотности, для формирования профессиональных квалификационных требований, тестирования и набора служащих, управления их карьерным развитием.

Literature:

1. Efficiency of personnel management of the state civil service in the conditions of development of the digital economy and the knowledge society / ed. by E.V. Vasilyeva, B.B. Slavin. M. : INFRA-M, 2018.
2. Letter of the Ministry of labor of the Russian Federation dated 14.06.2016 No. 18-1 / 10 / V-3980 «on the method of comprehensive assessment of professional performance of a state civil servant». URL : <http://sudact.ru/law/metodika-vsestoronnei-otsenkiprofessionalnoi-sluzhebnoi-deiatelnosti-gosudarstvennogo/> (accessed 29.01.2020).
3. *Petrov M.* the State as a platform. (Cyber) state for the digital economy. Digital transformation / M. Petrov, V. Burov, M. Shklyaruk, A. Sharov M. : CSR, 2018.
4. *Vasilyeva E. V.* Development of digital competences of state civil servants of the Russian Federation / E.V. Vasilyeva, V.N. Pulyaeva, V.A. Yudina // Business Informatics. 2018. № 4(46). P. 28–42. DOI: 10.17323/1998-0663.2018.4.28.42
5. *Korchagin C.* Digital economy and transformation of public administration mechanisms. Risks and prospects for Russia / C. Korchagin, B. Polshikov // Free thought. 2018. № 1(1667). P. 23–36.
6. *Volpyan N.* models of competences. International experience in the it field / the Birth of the collective mind. M. : LENAND, 2013. P. 201–229.
7. *Pulyaeva V.N.* Model of Manager's competencies in a client-oriented economy // personnel

Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России, 2015. № 2 (17). С. 24–30.

8. Казиев В.М. Основы правовой информатики и информатизации правовых систем / В.М. Казиев, К.В. Казиев, Б.В. Казиева. 2-е изд. М. : Вузовский учебник : ИНФРА-М, 2017. 336 с.

9. Зубрицкая О.М. Оценка качества высших образовательных уровней и полезность точных количественных данных // Alma Mater. 2014. № 8. С. 17–23.

Management and intellectual resources in Russia, 2015. № 2(17). P. 24–30.

8. *Kaziev V.M.* Fundamentals of legal Informatics and Informatization of legal systems / V.M. Kaziev, K.V. Kaziev, B.V. Kazieva. 2nd ed. M. : University textbook : INFRA-M, 2017. 336 с.

9. *Zubritskaya O.M.* Assessing the quality of higher educational levels and the usefulness of accurate quantitative data // Alma Mater. 2014. № 8. P. 17–23.

Касьянов Валерий Васильевич

доктор социологических наук,
доктор исторических наук,
профессор,
заведующий кафедрой истории России,
Кубанский государственный университет
culture@kubsu.ru

Латышева Анна Трофимовна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры педагогики
и социокультурного развития личности,
Таганрогский институт им. А.П. Чехова
(филиала) Ростовского государственного
экономического университета
89281115155@mail.ru

Гафиатулина Наталья Халиловна

кандидат социологических наук,
доцент,
докторант кафедры региональной
социологии и моделирования
социальных процессов,
Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет
gafiatulina@yandex.ru

**ВОЛОНТЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК
РЕСУРС ПОВЫШЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО
ЗДОРОВЬЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ**

Аннотация. Статья посвящена социологическому осмыслению волонтерской деятельности как ресурса повышения социального здоровья российской молодежи. Социальное здоровье молодежи рассматривается с позиций социоцентристского подхода как феномен, формирующийся на стыке между личностью молодого человека и обществом, и отражающий особенности их взаимодействия, взаимоотношения и взаимовлияния. В качестве теоретико-методологических подходов к волонтерской деятельности применяются общностный и деятельностный подходы. Описаны ресурсные функции волонтерской деятельности по отношению к социальному здоровью молодых людей. Одним из важных признаков волонтерства является позитивная ориентация на солидарность, объединение с другими субъектами, на совместную деятельность с целью улучшения качества жизни.

Ключевые слова: российская молодежь, волонтерская деятельность, социальное здоровье, российское общество, личность, ресурс, волонтерство, добровольчество, социальная активность.

Valery V. Kasyanov

Doctor of Social Sciences,
Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Head of Chair of History of Russia,
Kuban State University
culture@kubsu.ru

Anna T. Latysheva

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of Pedagogics
and Sociocultural Development of the Identity,
Taganrog Institute of A.P. Chekhov –
branch of the Rostov State
Economic University.
89281115155@mail.ru

Natalya Kh. Gafiatulina

Candidate of Sociological Science,
Associate Professor,
Doctoral Candidate of Department Regional
Sociology and Modeling
Social Processes,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University
gafiatulina@yandex.ru

**VOLUNTEER ACTIVITY AS AN RESOURCE
FOR IMPROVING THE SOCIAL HEALTH
OF THE RUSSIAN YOUTH**

Annotation. The article is devoted to the sociological understanding of volunteerism as a resource for improving the social health of Russian youth. The social health of young people is considered from the perspective of a sociocentric approach as a phenomenon that forms at the interface between the personality of a young person and society, and reflects the features of their interaction, relationship and mutual influence. As theoretical and methodological approaches to volunteerism, community-based and activity-based approaches are used. The resource functions of volunteering in relation to the social health of young people are described. One of the important signs of volunteering is a positive orientation towards solidarity, unity with other actors, and joint activities in order to improve the quality of life.

Keywords: Russian youth, volunteer activities, social health, Russian society, personality, resource, volunteering, social activity.

Волонтерская деятельность в современном мировом сообществе становится частью жизни различных социальных групп населения, которые объединяются с целью решения тех или иных насущных проблем.

Развитие волонтерства в самых разных сферах жизнедеятельности, является важным не только потому, что труд молодых добровольцев – это немаловажная поддержка в решении различных социальных проблем, но это еще реальная первичная профилактика аддиктивных форм поведения и социально значимых заболеваний в молодежной среде, а также ресурс повышения активности и социальной стороны здоровья [1]. Здоровая молодежь – признак благополучия и процветания российского государства. Формирование, сохранение и повышение уровня социального здоровья молодежи как группы с важнейшими общественными функциями, мотивация к здоровому образу жизни – все это наиболее актуальные проблемы для современного российского общества [2].

Как известно, волонтерская деятельность в молодежной среде, обусловленная соответствующей мотивацией, способствует формированию у молодежи многих важных качеств, в числе которых: милосердие; ответственность за себя и порученное дело; социальная активность и восприимчивость к проблемам другого человека и общества, в целом; чувство самоуважения и гуманного отношения к людям и обществу.

Вовлечение в волонтерскую деятельность способствует:

– занятости молодых людей важным и полезным делом;

– гармонизирует отношения личности/группы с обществом;

– формирует качества и навыки, способствующие развитию социально здоровой личности и общества, в целом, поскольку приносит пользу (в связи с достижением социально значимых целей) участникам добровольчества и социальному окружению, на которое это добровольчество направлено [3].

Поведение молодежи, реализующей себя в волонтерской деятельности, становится устойчивым личностным свойством, являющимся ядром формирования коммуникативных черт характера, которые определяют психологический склад личности; а также – фактором, обуславливающим конструктивное социальное взаимодействие и определяющим потенциал самореализации личности в обществе, гармоничное развитие, а значит, социальное благополучие, в целом (или социальной стороны здоровья – согласно определению Всемирной организации здравоохранения).

М.В Певная выделяет следующие характеристики волонтерской деятельности:

1) волонтерство как деятельностьная форма благотворительности, имеющая социальный эффект;

2) альтруистическая направленность деятельности без принуждения;

3) субъект волонтерства и волонтерской деятельности мотивирован на гуманистические и духовно-нравственные ценности;

4) объект деятельности – различные социальные группы, которым необходима помощь и поддержка [4].

Другой отечественный исследователь Л.Е. Сикорская интерпретирует волонтерскую деятельность как форму социального служения обществу, нацеленного на безвозмездное оказание помощи и поддержки другим людям, с одной стороны, и личностное развитие молодого человека в процессе взаимодействия и социальных отношений, с другой [5].

Для нас определенным научным интересом представляет общностный подход Л.Ф. Козодаевой, определяющей волонтерскую деятельность как один из самых распространенных в современной действительности видов общественной активности различных групп населения [6].

Таким образом, говоря о волонтерской деятельности как о ресурсе повышения социального здоровья российской молодежи, в качестве теоретико-методологического основания будем применять деятельностный и общностный подходы, позволяющие рассматривать волонтерство как социальный феномен, направленный на формирование, сохранение и повышение социального здоровья молодежи.

Обозначенные подходы позволяют нам рассматривать молодежное волонтерство как особый ресурс, направленный на здоровое развитие личности в обществе и благополучную социализацию молодежи. Ценность волонтерства как ресурса проявляется в процессе его «полезного» использования для общества и социальных групп, «то, что объективно существует, но никто не знает, что с этим делать, ресурсом не является» [7, с. 54]. Ресурсы наращиваются посредством социальных связей, ценность которых определяется тем, насколько эти связи способствуют достижению общественно полезных целей [8].

В силу того, что целью нашего исследования является рассмотрение волонтерской деятельности как ресурса повышения социального здоровья российской молодежи, необходимо охарактеризовать социальное здоровье молодежи.

С целью определения социального здоровья молодежи, обратим взор в сторону представителей социоцентристского направления, интерпретирующих социальное здоровье молодежи как феномен, формирующийся на стыке между личностью молодого человека и обществом, и отражающий особенности их взаимодействия, взаимоотношения и взаимовлияния. Так, анализ научной литературы показал нам следующие социоцентристские интерпретации социального здоровья молодежи:

– А.И. Анисимов определяет социальное здоровье как гармоничные отношения личности с обществом [9];

– В.П. Бабинцев, говоря о социальном здоровье личности, группы и общества, характеризует его как «некие характеристики социальной системы, ее организации и функционирования как единого целого» [10, с. 51];

– Л.А. Байкова связывает социальное здоровье молодежи с общественной деятельностью и общением, закладывающим основы его самоактуализации в социальных отношениях [11];

– Л.В. Колпина определяет социальное здоровье с мерой социальной активности, преобразующей деятельности и эффективного функционирования индивида/группы в социуме [12];

– И.В. Смирнов соотносит социальное здоровье со способностью личности соответствовать общественным запросам и ожиданиям [13];

– Т.Б. Соколова, устанавливая границы социально здоровой личности, указывает на вовлеченность ее в общественную деятельность и способность личности к общественно полезной занятости [14];

– О.А. Рагимова, говоря о социальном здоровье (по отношению к молодежи как социальной группе), связывает его с характеристикой различных сторон жизнедеятельности (образ, качество жизни); при этом качественными критериями социального здоровья молодежи выступают уровень социальной активности, деятельности, отражающиеся на качестве жизни и раскрывающиеся в социальном пространстве [15];

– И.С. Троицкая идентифицирует социальное здоровье человека с его способностью, в соответствии с общественными целями и задачами, к реализации всей полноты социально необходимой деятельности [16].

Социальное здоровье может относиться только к личности, ибо личность определяется природой порождающих ее «общественных отношений» в которые она вступает в процессе своей предметной деятельности. Субъект, вступая в новую систему отношений, обретает также новые – системные качества, которые только и образуют действительную характеристику личности:

– психологическую, когда субъект рассматривается в системе деятельностей, осуществляющих его жизнь в обществе;

– социальную, когда мы рассматриваем его в системе объективных отношений общества как их «персонификацию»... Реальным базисом личности человека является совокупность его общественных по природе отношений к миру» [17, с. 209].

Таким образом, исходя из приведенных выше определений и толкований социального здоровья молодежи, значительное место занимает способность и необходимость общественно полезной

деятельности, которая сегодня, зачастую, употребляется в русской лингвистике в качестве понятия «добровольческая (волонтерская) деятельность», и которой обозначают любую полезную деятельность во благо общества и улучшения качества жизни [4].

Как подчеркивает И.В. Табакаева, волонтерство – это не только призвание, но и образ жизни, направленный на формирование здоровья. Работа о других становится внутренним качеством молодого человека тогда, когда он сам активно принимает участие в добрых поступках, учится присматриваться и распознавать физическое и душевное состояние окружающих людей, а также улучшать качество их жизни и своей собственной жизни [18]. Показывая крайнюю важность социального эффекта волонтерской деятельности, М.В. Певная в своей монографии подчеркивает, что социальный эффект обозначен «как пробуждение потенциала членов общества для улучшения качества их жизни» [4].

Во «Всеобщей декларации добровольчества», принятой в 1990г. на XI Всемирной конференции Международной ассоциации добровольческих усилий в Париже в соответствии со Всеобщей декларацией прав человека и Международной конвенцией о правах ребенка, волонтерская деятельность конкретизируется в определенных позициях, в одной из которых прописано, что волонтерское участие способствует улучшению качества жизни и социальному благополучию, личному процветанию и углублению солидарности [19].

Признание в обществе ценности волонтерской молодежной деятельности – одна из важных «сущностных характеристик феномена, которая находит свое отражение, закрепляется в сознании» [4] и, соответственно отражается на социальном здоровье молодежи.

В «Кодексе добровольцев России», где обозначены рамки добровольчества, декларируется следующее: «добровольцев объединяет активная жизненная позиция, желание оказывать помощь тем, кто в ней нуждается, стремление приносить пользу людям и своей стране» [20].

Интересно, что в зарубежных концепциях особую значимость представляет ценность молодых волонтеров для них самих и их социального самочувствия (как проявления субъективной стороны социального здоровья) [21]. В этой связи, западный исследователь К. Бидерман подчеркивает: «... в сфере волонтерской работы в Великобритании обнаружили значительные изменения, в частности, альтруистическая помощь другим перешла в добровольную, убежденную активность, в которой собственные интересы совмещаются с помощью другим» [22, с. 39]. Т.е., аксиологический замысел в определении волонтерской деятельности заключается в принципиальной значимости ценности этого рода деятельности для самого волонтера, который соотносит свои потребности, возможности идеи, убеждения с потребностями, идеями и убеждениями других людей.

Обозначенная особенность находит свое отражение в подходе, в рамках которого волонтерская деятельность рассматривается как содержание серьезного досуга (по терминологии канадского социолога Р. Стеббинса), наделенного целым рядом характерных качеств, таких, например, как: возможность прилагать усилия, чтобы улучшить свою жизнь (сделать карьеру), достигать поставленных целей и участвовать в социальной жизнедеятельности; получения множества преимуществ – как социального, духовного, так и материального характера: самореализация, самовыражение, духовный и социальный рост; возрождение и обновление личности; чувство достижения и повышения личностной самооценки [23]; а также – участие в социальном взаимодействии, взаимовлиянии и чувстве принадлежности к общности [24].

Поскольку мы рассматриваем здесь волонтерскую деятельность как ресурс, способствующий повышению уровня социального здоровья молодежи, необходимо сказать и о функциях этого ресурса. Для этого обратимся к работе А.А. Чернега, который выделяет некоторые функции социальных ресурсов: инструментально-деятельностную, коммуникативную, инклюзивную, структурообразующую [25].

По нашему мнению, все эти функции вполне применимы и к молодежному волонтерству как к социальному ресурсу, способствующему повышению социального здоровья российской молодежи. Так, инструментально-деятельностная функция волонтерства влечет за собой:

– реализацию общественно-трудовой, социально-экономической, научной, учебно-образовательной и др. видов деятельности;

– коммуникативная функция свидетельствует о способности волонтерской деятельности «генерировать социальную жизнь в определенных участках пространства, стимулируя различных

социальных акторов к конструированию системы социальных связей» [25, с. 160];

– инклюзивная функция молодежного волонтерства говорит о нем как о ресурсе включения молодежи в качестве актора в определенные социальные структуры и процессы;

– структурообразующая функция: распределение объектов волонтерской деятельности в социальном пространстве среди российской молодежи влечет упорядочивание общественно полезных практик как для личности/группы (ее социального здоровья), так и для общества; кроме того, с нашей точки зрения, можно добавить еще интерактивную функцию волонтерской деятельности как ресурса повышения социального здоровья молодежи, связанную с системой рациональных и гармоничных социальных взаимодействий молодежи с обществом, что отражает характеристику социальной стороны здоровья.

Таким образом, одним из важных признаков волонтерства является позитивная ориентация на солидарность, объединение с другими субъектами, на совместную деятельность с целью улучшения качества жизни. Именно этот признак волонтерства на уровне общности (или социальном уровне) и дает объективные основания оценивать волонтерскую деятельность в качестве определенного ресурса, способствующего повышению социального здоровья молодежи.

Кроме того, сущностная ценность волонтерской деятельности в молодежной среде заключается, прежде всего, в значимости волонтерской деятельности для самого молодого волонтера, становления его личности и повышения социального здоровья, в объективной возможности самореализации, воплощении своих потребностей, целей, улучшении качества своей жизни, а также со способностью личности соответствовать общественным запросам и ожиданиям, исходя из соотнесения их с потребностями, целями других социальных групп и общества в целом.

Литература:

1. Касьянов В.В. Специфика социальной адаптации молодежи как механизм профилактики поведенческих аддикций / В.В. Касьянов, О.И. Шкуропий, Н.Х. Гафиатулина // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 12.
2. Thirlaway K. The psychology of lifestyle: promoting healthy behaviour / K. Thirlaway, D. Upton // Taylor & Francis e-Library. 2009. P. 8–10.
3. Мерсиянова И.В. Практики филантропии в России: вовлеченность и отношение к ним населения / И.В. Мерсиянова, Л.И. Якобсон. М., 2009. С. 225.
4. Певная М.В. Управление волонтерством: международный опыт и локальные практики : монография. Екатеринбург, 2016. 434 с.

Literature:

1. Kasyanov V.V. The specifics of social adaptation of youth as a mechanism for the prevention of behavioral addictions / V.V. Kasyanov, O.I. Shkuropiy, N.Kh. Gafiatulin. // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2019. № 12.
2. Thirlaway K. The psychology of lifestyle: promoting healthy behavior / K. Thirlaway, D. Upton // Taylor & Francis e-Library. 2009. P. 8–10.
3. Mersiyanova I.V. The practice of philanthropy in Russia: the involvement and attitude of the population towards them. М., 2009. P. 225.
4. Pevnaya M.V. Volunteering management: international experience and local practices : monograph. Yekaterinburg, 2016. 443 p.

5. *Сикорская Л.Е.* Толерантность в представлениях молодых российских и немецких волонтеров социальной работы // Социологические исследования. 2007. № 9. С. 53.
6. *Козодаева Л.Ф.* Добровольческая деятельность как основа воспитания нравственных качеств студенческой молодежи вестник ТГУ. 2010. № 11(91). С.121.
7. *Ильин В.И.* Потребление как дискурс. СПб., 2008. 446 с.
8. *Коулман Дж.* Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 121–139.
9. *Анисимов А.И.* Социально-психологические критерии оценки социального здоровья учителей : дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2011.179 с.
10. *Бабинцев В.П.* Проблемы формирования категориального аппарата понятия «социальное здоровье» / В.П. Бабинцев, Л.В. Колпина // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2008. № 12(52). С. 49–67.
11. *Байкова Л.А.* Социальное здоровье детей и молодежи: методология, теория и практика : монография. Рязань, 2011. 224 с.
12. *Колпина Л.В.* Социальное здоровье: определение и механизмы влияния на общее здоровье: обзор литературы // Синергия. 2017. № 2. С. 73–81.
13. *Смирнова И.П.* Приоритеты социальной политики на основе показателей социального здоровья экономически активного населения : дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2000.
14. *Соколова Т.Б.* Здоровье населения в социальном контексте : дис. ... канд. социол. наук. Хабаровск, 2005.
15. *Рагимова О.А.* Социальное здоровье молодого поколения // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 1. С. 118.
16. *Троицкая С.И.* Здоровье человека как социокультурный феномен (философско-антропологический аспект) : автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2014.
17. *Леонтьев А.Н.* Деятельность, сознание, личность. М., 1975.С. 209.
18. *Табакаева И.В.* Роль волонтерского движения в формировании жизненной навигации подростков / Добровольчество как ресурс и механизм повышения социальной активности молодежи в современном Российском обществе: сборник статей по материалам I Международного научно-практического форума. Горно-Алтайск, 2018. С. 8–13.
19. Всеобщая декларация добровольцев принята на 11-ой Всемирной конференции Международной
5. *Sikorskaya L.E.* Tolerance in the views of young Russian and German volunteers of social work // Sociological studies. 2007. № 9. P. 53.
6. *Kozodaeva L.F.* Volunteering as the basis for the education of the moral qualities of students 2010. № 11(91). P. 121.
7. *Ilyin V.I.* Consumption as a discours. SPb., 2008. 446 p.
8. *Coleman J.* Social and human capital // Social sciences and modernity. 2001. № 3. P. 121–139.
9. *Anisimov A.I.* Socio-psychological criteria for assessing the social health of teachers : dis. ... cand. psychol. sciences. SPb., 2011. 179 p.
10. *Babintsev V.P.* Problems of formation of the categorical apparatus of the concept of «social health» / V.P. Babintsev, L.V. Kolpina // Scientific reports of Belgorod State University. 2008. № 12(52). P. 49–67.
11. *Baykova L.A.* Social health of children and youth: methodology, theory and practice : monograph. Rязан, 2011. 224 p.
12. *Kolpina L.V.* Social health: definition and mechanisms of influence on general health: literature review // Synergy. 2017. № 2. P. 73–81.
13. *Smirnova I.P.* Priorities of social policy based on indicators of social health of the economically active population : dis. cand. econ. sciences. SPb., 2000.
14. *Sokolova T.B.* Public health in a social context : dis. ... cand. social. sciences. Khabarovsk, 2005.
15. *Ragimova O.A.* Social health of the young generation // Social and humanitarian knowledge. 2008. № 1. P. 118.
16. *Troitskaya S.I.* Human health as a sociocultural phenomenon (philosophical and anthropological aspect) : author. dis ... cand. Philos. sciences. SPb., 2014.
17. *Leontiev A.N.* Activity, consciousness, personality. M., 1975. P. 209.
18. *Tabakaeva I.V.* The role of the volunteer movement in shaping the life guidance of adolescents / Volunteering as a resource and a mechanism for increasing the social activity of youth in modern Russian society: a collection of articles based on the materials of the I International Scientific and Practical Forum. Gorno-Altaysk, 2018. P. 8–13.
19. The Universal Declaration of Volunteers was adopted at the 11th World Conference of the

ассоциации добровольческих усилий (International Association for Volunteer effort, LAVE). Париж, 14 сентября 1990г. URL : [http:// www.volunteer.ru](http://www.volunteer.ru)

20. Кодекс добровольцев России разработан на I международном фестивале добровольчества 10.09.2005 г., принят на 2-м международном фестивале добровольчества 19.05.2007 г. // Системное развитие добровольчества в России: лучшие практики. М., 2010. С. 184.

21. *Gafiatulina N.Kh.* Social health and perception of risks by students living in southern Russian regions (based on sociological questioning data obtained in Rostov-on-Don). *Health Risk Analysis / N.Kh. Gafiatulina, L.V. Tarasenko, S.I. Samygin, S.Yu. Eliseeva.* 2017. № 4. С. 66–75.

22. *Бидерман К.* Координация работы добровольцев и менеджмент волонтерских программ в Великобритании / К. Бидерман; Пер. с нем. Санниковой, Мюллер. М., 1999. С. 39.

23. *Стеббинс Р.А.* Свободное время: к оптимальному стилю досуга / Р.А. Стеббинс; Пер. с англ. Д.А. Кувардина // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 64–72.

24. *Гафиатулина Н.Х.* Волонтерская деятельность в системе организации социальной работы с молодежью группы риска / Н.Х. Гафиатулина, А.Т. Латышева, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 1.

25. *Чернега А.А.* Специфика социальных ресурсов: от понимания к применению // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 2(58). С. 157–161.

International Association for Volunteer effort (LAVE). Paris, September 14, 1990. URL : [http:// www.volunteer.ru](http://www.volunteer.ru)

20. The Code of Russian Volunteers was developed at the I International Volunteer Festival on September 10, 2005, and adopted at the 2nd International Volunteer Festival on May 19, 2007 // Systematic development of volunteering in Russia: best practices. М., 2010. P. 184.

21. *Gafiatulina N.Kh.* Social health and perception of risks by students living in southern Russian regions (based on sociological questioning data obtained in Rostov-on-Don). *Health Risk Analysis / N.Kh. Gafiatulina, L.V. Tarasenko, S.I. Samygin, S.Yu. Eliseeva.* 2017. № 4. С. 66–75.

22. *Biderman K.* Coordination of volunteers and management of volunteer programs in the UK / trans. with him. Sannikova, Muller. М., 1999. P. 39.

23. *Stebbins R.A.* Free time: to the optimal style of leisure / per. from English YES. Kuvardina // Sociological studies. 2000. № 7. P. 64–72.

24. *Gafiatulina N.Kh.* Volunteer activity in the system of organizing social work with youth at risk / N.Kh. Gafiatulina, A.T. Latysheva, S.I. Samygin // Humanitarian, social, economic and social sciences. 2020. № 1.

25. *Chernega A.A.* The specifics of social resources: from understanding to application // Bulletin of the Kemerovo State University. 2014. № 2(58). P. 157–161.

Кожин Владимир Владимирович

соискатель кафедры
теоретической социологии
и методологии
региональных исследований,
Южный федеральный университет
89526071117@mail.ru

Горшкова Светлана Викторовна

заместитель директора по учебной работе,
Ростовское областное училище (колледж)
олимпийского резерва
lanka876@mail.ru

**ТРАНСФОРМАЦИЯ
НЕФОРМАЛЬНЫХ НОРМ СПОРТА
ВЫСШИХ ДОСТИЖЕНИЙ
В СУБИНСТИТУТ
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СПОРТ**

Аннотация. В данной статье предпринимается попытка проанализировать с применением трех переменных и совокупности заданных значений характер неформальных норм профессионального спорта, сложившихся в результате трансформации любительского спорта высших достижений. Основная идея статьи состоит в том, что новая нормативность в современном спорте свидетельствуют о существенных видоизменениях его институциональных свойств. Полученные выводы основываются на результатах экспертного опроса, проведенного авторами среди основных субъектов профессионального спорта: руководителей спортивных команд, спортивных менеджеров, тренеров, профессиональных спортсменов, руководителей в системе министерств спорта (федерального и двух региональных), а также болельщиков из числа бывших спортсменов.

Ключевые слова: профессиональный спорт, спорт высших достижений, трансформация, деформация, риски, субъекты профессионального спорта.

Институционализация современного профессионального спорта осуществляется за счет трансформационных процессов, проходивших в любительском спорте высших достижений. Длительное время на уровне массового сознания демаркационная линия между ними, отделяющая один тип нормативности от другого, вычерчивала границу, на одной стороне которой располагался любительский спорт, как спорт «настоящий», «подлинный», а на другой – профессиональный, некое искаженное подобие, лишь внешнее проявление спорта, скрывающее за спортивным фасадом коррупцию, криминал, допинг, нормативную релевантность, произвол букмекеров, диктат

Vladimir V. Kozhin

Candidate of the Department
of Theoretical Sociology
and Methodology of Regional Studies,
Southern Federal University
89526071117@mail.ru

Svetlana V. Gorshkova

Deputy Director for Academic Affairs,
Rostov Regional school (College)
of the Olympic Reserve
lanka876@mail.ru

**TRANSFORMATION
OF INFORMAL NORMS
OF TOP-LEVEL SPORTS
IN THE SUBINSTITUTE
OF PROFESSIONAL SPORTS**

Annotation. This article attempts to analyze, using three variables and a set of set values, the nature of informal norms of professional sports that have developed as a result of the transformation of Amateur sports of higher achievements. The main idea is that the new normality in modern sport indicates significant changes in its institutional properties. The findings are based on the results of an expert survey conducted by the authors among the main subjects of professional sports: heads of sports teams, sports managers, coaches, professional athletes, managers in the system of sports ministries (Federal and two regional), as well as fans from among former athletes.

Keywords: professional sports, top-level sports, transformation, deformation, risks, subjects of professional sports.

спортивных функционеров, страсть к наживе, нарочитую демонстрационность и акцент на зрелищность. Настоящий же спорт, получивший мировое признание в качестве особой системы ценностей физической культуры, имел принципиально иное содержание [1]. Прежде всего, он отвечал четко определенным принципам, в числе которых важнейшими следует назвать «гуманизм», «честность спортивного состязания», «безопасность жизни и здоровья», «свободное вхождение в процесс состязания на основе достижения соответствующего результата» «заведомую неизвестность спортивного состязания», «равенство шансов на победу». Эти принципы

определяли сущность любительского спорта как антитезы спорта профессионального [2].

На современном этапе развития спорт не может оцениваться по столь шаблонным лекалам [3]. Они сейчас также далеки от реальности, как профессиональный спорт наших дней от своего исторического предшественника. Трансформация спорта привела к тому, что, в известном смысле, больше нет ни любительского, ни профессионального спорта. Но проблема заключается в том, что может иметь место деформация профессионального спорта и обретение им институциональных свойств, характерных для института предпринимательства.

Не отступая от заявленной в титуле статьи научной проблемы, обратимся к результатам проведенного авторами экспертного опроса в форме анкетирования. Исследование осуществлялось в трех субъектах Российской Федерации: в г. Москве, в Ростовской и Астраханской областях. Общий объем выборки 290 экспертов в пропорциональном относительно выделенных регионов соотношении. В качестве экспертов опрашивалась группа «профессионалов», состоящая из

руководителей спортивных команд, спортивных менеджеров, тренеров, профессиональных спортсменов, руководителей в системе министерств спорта (федерального и двух региональных), а также группа «болельщиков» из числа бывших спортсменов.

Далее мы возьмем три переменных, то есть, свойств старого профессионального спорта – симуляция правил, тактические фолы, имитация спортивной борьбы. Они содержат в себе как значения, указывающие на процесс трансформации любительского спорта высших достижений в профессиональный спорт, так и те из них, по которым можно понять вероятный потенциал деформации профессионального спорта в зрелище на продажу, лишь формально соответствующее спорту. Все вопросы сконструированы по единообразной структуре: первый пункт свидетельствует о процессе деформации, смысловое пространство второго и третьего значений указывает на протекание трансформационных процессов, четвертое фиксирует приверженность классическим принципам спорта.

Итак, начнем с вопроса о симуляциях.

Таблица 1

Определите свое отношение к симуляциям в спорте в форме имитации нарушения правил с целью введения судьи в заблуждение и несправедливого наказания соперника (не более двух вариантов ответа)

Параметр оценки	Результат			
	Профессионалы		Болельщики	
	в процентах	в числах	в процентах	в числах
1) положительно, в современном спорте все средства хороши, особенно если за их применение не следует наказания	17,2	20	1,3	2
2) положительно, в некоторых случаях они жизненно необходимы, т.к. от них зависит обеспечение результата команды	47,4	55	7,6	12
3) отрицательно, т.к. симуляции запрещены спортивными правилами	26,7	31	40,5	64
4) отрицательно, они ломают ритм игры, нервнируют болельщиков, нарушают принцип честности спортивного состязания	36,2	42	80,4	127

По этой переменной можно выделить ряд моментов. Прежде всего, бросается в глаза существенная разница в нормативных представлениях, существующая между профессионалами и болельщиками. Трансформация базовых принципов спорта характерна в значительной степени именно для профессионалов. Особенно сильно это заметно в отношении профессиональных спортсменов. Мы провели сопряжение со статусом профессионалов и выяснилось, что только два тренера из тринадцати выбрали симуляцию в качестве нормы. От этого единогласно отказались спонсоры, менеджеры и руководители спортивных команд. В какой-то степени, такая трансформация есть результат ужесточения спортивной борьбы, роста травматизма, и со стороны спортсменов использование симуляций выступает защитной реакцией. Но очевидно и другое: её применение в спортивных состязаниях отражает расширение границ институциональных ограничений, т.к. отныне победный результат можно достигать любыми способами.

Болельщики, в подавляющем большинстве, не считают симуляции нормой и не приветствуют их применение в спортивных турнирах. В то же время, и это отметили более трети профессионалов, принцип «честности спортивного состязания» является для них нормативным правилом. Также важно, что деформационная переменная, свидетельствующая о деградации спорта и потере им своего институционального содержания, результативна всего для 17,2 % нами опрошенных респондентов. Это – достаточно много, но не критично для институционального равновесия, хотя определенный дисбаланс всё же имеется, т.к. болельщики крайне негативно относятся к симуляциям на спортивных аренах, даже, когда речь идет о спортсменах их любимых команд.

Далее перейдем к вопросу о применении тактических фолов в профессиональном спорте.

По второй переменной результат получился не таким противоречивым, как в случае с симуляциями. Но различия хорошо заметны по крайним

показателям. Удельный вес значения в пользу деградации спорта 23.5 % (профессионалы) > 3.1 % (болельщики) – это один полюс, расположенный фактически за пределами институциональных границ спорта. И, соответственно, удельный вес значения, отражающий традиционное понимание спорта, 15.7 % (профессионалы) < 55.3 % (болельщики) – это второй полюс, как модель классического спорта. Мы видим, что разница в понимании спортивной нормативности существенная. Причем, в представлениях профессионалов нормы, указывающие на деформацию спорта, выражены более явно, чем нормы классического спорта. Но, следует отметить, что в условиях

границах современного профессионального спорта расположены нормативные представления большинства профессионалов, которые либо отрицают возможность применения тактических фолов из-за угрозы нанесения травмы сопернику (32,2 %), либо допускают их применение для исключительных случаев (49,6 %). Что касается болельщиков, то, как видно из таблицы 2, большая их часть (55,3 %) выступает против тактических фолов из-за их чужеродности миру спорта и значительная часть (35,8 %) отрицает по причине их опасности для здоровья спортсменов.

Таблица 2

Как Вы оцениваете широкое применение профессиональными спортсменами тактических фолов для достижения спортивных результатов (не более двух вариантов ответа)

Параметр оценки	Результат			
	Профессионалы		Болельщики	
	в процентах	в числах	в процентах	в числах
1) положительно, в современном спорте все средства хороши, особенно если за их применение не следует наказания	23,5	27	3,1	5
2) положительно, в некоторых случаях они жизненно необходимы, т.к. от них зависит обеспечение результата команды	49,6	57	28,3	45
3) отрицательно, они могут принести ущерб здоровью спортсмена	32,2	37	35,8	57
4) отрицательно, они ломают ритм игры, нервнируют болельщиков, нарушают принцип честности спортивного состязания	15,7	18	55,3	88

Согласно полученным результатам, риски деградации профессионального спорта по второму индикатору выражены не сильно, хотя количество профессионалов, считающих, что в современном спорте все средства хороши, особенно если за их применение не следует наказания, достигает тревожной отметки в 23,5 %. Те же беспокойства можно выразить и в отношении глубины трансформационного процесса между двумя

выделенными группами экспертов. Между болельщиками и профессионалами отсутствует институциональное равновесие, что проявляется в разных пониманиях нормативности. Здесь это не столь заметно, как на примере с симуляциями, но тоже четко выражено.

Теперь обратимся к данным по такому критерию, как имитация спортивной борьбы.

Таблица 3

Как Вы считаете, должен ли спортсмен-профессионал всегда бороться за победу, если в этом нет турнирного смысла (не более двух вариантов ответа)

Параметр оценки	Результат			
	Профессионалы		Болельщики	
	в процентах	в числах	в процентах	в числах
1) нет, данный вопрос находится в компетенции его работодателя, который оплачивает труд спортсмена	15,0	17	1,9	3
2) нет, спортсмен-профессионал вправе распределять свои силы так, чтобы их хватало на реализацию турнирной стратегии	28,3	32	21,3	34
3) да, болельщиков никто не ставит в известность о том, будет спортсмен играть в полную силу или нет, от него всегда ждут борьбы за победу	39,8	45	53,1	85
4) да, заведомая «сдача игры» нарушает спортивный принцип неизвестности спортивного состязания	36,3	41	41,9	67

Третья переменная показывает нам ту же логику, что и предыдущие две: по всем четырем

заданным значениям глубина трансформации норм современного спорта у профессионалов

больше, чем у болельщиков. При этом статусные характеристики профессионалов, как показали сопоставления переменных, не играют существенной роли, колеблясь в диапазоне 3–4 % (исключение составляют руководители из министерства спорта, но, надо полагать, у них в данной ситуации больше идентичности с болельщиками). Однако степень дифференциации позиций здесь уже не так заметна. В наибольшей степени несогласованность видна по первому значению. 15 % опрошенных профессионалов полагают, что вопросы интенсивности спортивной борьбы находятся в компетенции работодателя, который оплачивает труд спортсмена. Это намного больше, чем среди болельщиков, из которых такой позиции придерживаются лишь 1,9 %. По остальным заданным значениям различия столь сильно не дифференцируются. Показательно, что большинство ответов в обеих группах экспертов расположились в заданных нами институциональных границах профессионального спорта.

Итак, мы рассмотрели трансформацию норм спорта высших достижений в современный профессиональный спорт. Она происходила через выработку в процессе саморегуляции спортивной деятельности устойчивых комплексов неформальных норм. Эти нормы определили дуалистичный характер современного профессионального спорта, содержащего в себе как нормативность традиционного любительского спорта, так и нормы принципиально иного порядка, заимствованные из старого профессионального спорта. Как показали данные проведенного социологического опроса, для современного профессионала нельзя назвать чуждыми принципы «гуманизма», «честности спортивного состязания», «безопасности жизни и здоровья», «свободный вход в процесс состязания на основе достижения соответствующего результата», «заведомую неизвестность спортивного состязания», «равенство шансов на победу». По каждой из предложенных позиций не менее трети профессионалов выбирали эти нормы-принципы. Однако в настоящее время

Литература:

1. *Сучилин А.А.* Идеалы Пьера де Кубертена и современное олимпийское движение // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2012. № 4. С. 65–69.
2. *Должикова Х.В.* Мировые тенденции развития профессионального и любительского спорта // Актуальные аспекты фундаментальных и прикладных исследований. Сборник научных трудов. Орёл : ОрёлГУЭТ, 2018. С. 252–256.
3. *Ковалев В.В.* Роль и значение аксиологических стереотипов для формирования устойчивости развития социальных институтов российского общества // Гуманитарий юга России. 2015. № 1. С. 36–40.

спортивная деятельность регулируется и принципиально иными правилами, которые ранее были присущи лишь старому профессиональному спорту. Это – жесткость единоборств, симуляции, тактические фолы, имитация спортивной борьбы. Эта нормативность использовалась в качестве переменных при анкетировании экспертов. Чтобы понять глубину её проникновения в сознание субъектов профессионального спорта, производилось не только обычное частотное измерение, но и применялся принцип сопряжения переменных. В соответствии с ним, ответы по первым пунктам свидетельствовали о деформации спортивной составляющей, т.к. показывали нормативность старого профессионализма, а ответы по второму и третьему пунктам указывали на искомые институциональные комплексы нового профессионального спорта. Большинство ответов из группы «профессионалы» расположились между значениями второго и третьего пунктов, а из группы «болельщики» – третьего и четвертого пунктов. Это свидетельствует о разной степени проявления новых неформальных спортивных правил в двух выделенных группах, что в конечном итоге указывает на отсутствие институциональной достаточности нормативного регулирования. Риски деформации современного профессионального спорта в «чистый» продукт для продажи в форме постановочного зрелища также имеются, но их потенциал трудно назвать весомым. В целом, можно утверждать, что трансформация спорта, которая происходила через диффузию двух его разновидностей – любительского спорта высших достижений и предпринимательского профессионального спорта, как он сложился во второй половине XIX века, в основе своей состоялась. В итоге образовался субинститут профессионального спорта, близко связанный с бизнесом, но не интегрированный в него, а сохранивший свою онтологическую связь с социальным институтом спорта за счет признания его основополагающих неформальных институциональных ограничений.

Literature:

1. *Suchilin A.A.* Ideals of Pierre de Coubertin and the modern Olympic movement // News of the Volgograd State Pedagogical University. 2012. № 4. P. 65–69.
2. *Nadekova H.V.* World trends in the development of professional and amateur sports // Topical aspects of fundamental and applied research. Collection of scientific works. Orel : Orel GUET, 2018. P. 252–256.
3. *Kovalev V.V.* Role and significance of axiological stereotypes for formation of sustainability of development of social institutions of Russian society // Humanitary of southern Russia. 2015. №1. P. 36–40.

Колесникова Елена Юрьевна
кандидат социологических наук,
доцент кафедры
теоретической социологии
и методологии
региональных исследований,
Институт социологии и регионоведения
Южного федерального университета

Пестов Роман Аркадьевич
кандидат юридических наук,
доцент кафедры
административного права,
Ростовский юридический институт
МВД России

Мигунова Зульфия Радиковна
старший преподаватель
кафедры профессиональной подготовки,
Уфимский юридический институт
МВД России

СОЦИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ЮГА РОССИИ В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА

Аннотация. Статья посвящена социологической диагностике поливариантных форм социального поведения студенческой молодежи Юга России в сфере высшего образования. Интерпретация эмпирических данных регионального социологического исследования позволила обосновать доминантную модель социального поведения студенческой молодежи Юга России в сфере высшего образования как модель «гибридную», «консервативно-либерального» типа, сочетающую в себе как рациональные, рыночно-ориентированные, так и социокультурные, неутилитарные представления, ценности и установки.

Ключевые слова: высшее образование, социальное поведение, модели социального поведения, консервативная модель социального поведения, либеральная модель социального поведения, гибридная модель социального поведения.

В российской системе высшего образования сложилась новая институциональная среда, адаптация к которой изменила типы социального

Elena Yu. Kolesnikova
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor Department
of Theoretical Sociology and Methodology
of Regional Studies,
Southern Federal University,

Roman A. Pestov
Candidate of Juridical Sciences,
Associate Professor of Department
of Administrative Law,
Rostov Legal Institute Ministry of Internal
Affairs of the Russian Federation

Zulfiya R. Migunova
Senior lecturer at the Department
of Professional training,
Ufa Legal Institute Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation

SOCIAL BEHAVIOR OF STUDENT YOUTH OF SOUTHERN RUSSIA IN HIGHER EDUCATION: SOCIOLOGICAL DIAGNOSTICS

Annotation. The article is devoted to the study of polyvariant forms and the nature of the motivation of social behavior of students in southern Russia, sociological diagnosis and verification of models of its social behavior in higher education in a transforming institutional environment and social mechanisms of reproduction of educational structures. Theoretical and conceptual interpretation of the empirical data of a representative regional sociological study allowed us to substantiate the dominant model of social behavior of students in southern Russia in the field of higher education as a «hybrid», «conservative-liberal» type that combines both rational, market-oriented, and sociocultural, non-utilitarian representations, values and installations. The article is of interest to researchers, teachers and heads of educational institutions of higher education and all those who are interested in the problems of educating students.

Keywords: higher education, social behavior, social behavior models, conservative social behavior model, liberal social behavior model, hybrid social behavior model.

поведения молодежи в сфере высшего образования. Доминирующей тенденцией, определяющей характер институциональных практик студенческой

молодежи в сфере высшего образования, постепенно становится поляризация образовательных стратегий и адаптация образовательных стратегий к ресурсным ограничениям при входе в образовательные системы материально необеспеченных групп молодежи.

Снижение продуктивности социального воспроизводства в сфере образования создается в контексте неэффективного использования демографического потенциала нации. Социальное поведение в сфере образования вносит корректировки в практику функционирования институтов образования. Движущей силой в этой сфере является социальная ценность образования, обуславливающая необходимость исследования институциональных и ментальных факторов социального поведения молодежи в сфере образования и выработки механизмов его регулирования.

Процессы социальной дифференциации в образовании актуальны в той мере, в какой молодежь испытывает потребность в получении профессиональных навыков или в получении диплома как свидетельства социальной компетентности. Большинство молодых людей признают ценность образования, но, в целом, их отношение варьируется в диапазоне от «социокультурного» («образование как социальное благо») до инструментального и прагматичного («образование как товар» и «как услуга»).

При изучении социального поведения студенческой молодежи региона в сфере образования большое значение имеет понимание лежащих в его основе представлений и ценностных ориентаций. В последнее время особый интерес в региональных исследованиях вызывает теория социального поведения молодежи в контексте рынка труда и образования [6]. При исследовании социального поведения молодежи южно-российского региона в сфере образования социологи обращают внимание на образовательное неравенство, которое обусловлено имущественными и территориальными факторами. Речь идет о неравном доступе к качественному образованию молодых людей из семей, обладающих низким финансовым и культурным капиталом. Наличие образовательного неравенства порождает различные варианты социального поведения в сфере образования. При этом, как считают исследователи, чем выше положение молодых людей в социальной иерархии, тем больше в их социальном поведении признаков самоопределения, и чем ниже – тем больше признаков социального поведения адаптивного характера [2, с. 6–24].

В региональных научных исследованиях особое внимание уделяется объективным и субъективным факторам социального поведения молодежи в сфере образования [1, с. 78–83]. В качестве объективных факторов исследователи называют:

– социально-экономические и демографические изменения в стране;

– трансформацию ценностных ориентаций, в том числе, связанных с престижем образования и различных профессий;

– формирование иерархии элитарных и общедоступных образовательных учреждений; внедрение платного обучения;

– материальное положение, социально-профессиональный статус родителей.

К субъективным факторам относят социальные установки и ценности, закрепленные в общественном и индивидуальном сознании [2, с. 118–119].

Некоторые специалисты отмечают, что социальное поведение в сфере образования на Юге России связано с представлением об образовании как о социальной ценности [3, 59–65]. Отсюда и специфика системы образования, которая определяется доминированием социального спроса населения. Спрос на высшее образование обусловлен тем, что оно определяет судьбу человека, его ценности и образ жизни. В этом смысле, стремление родителей дать детям высшее образование основано на желании обеспечить им благополучную жизнь. Академическая среда и профессиональные связи помогают выпускнику в «прорыве» в высокие социальные страты, потому что высшее образование является доминирующим фактором образовательных стратегий молодежи [4, с. 373–382].

Таким образом, в региональных исследованиях уже рассматривались различные сюжеты, связанные с выяснением особенностей социального поведения молодежи региона в сфере образования, модели которого еще не стали предметом специальных исследований как на уровне теоретической рефлексии, так и на уровне эмпирических практик, поэтому выявление особенностей моделей социального поведения связано с поисками подходов к построению непротиворечивых моделей социального поведения в условиях смены набора ключевых принципов в российской системе образования.

В современных исследовательских практиках для объяснения особенностей социального поведения, чаще всего, используется дихотомия «либеральное» – «консервативное» – как наиболее адекватно отражающая «разломы» сознания населения российского общества. В связи с этим, для выявления специфики социального поведения студенческой молодежи Юга России в сфере образования необходимо использовать дихотомическую модель оценки в терминах «консервативная»/«либеральная» [5].

В основе консервативной модели поведения в сфере образования лежат представления об образовании как о социальном институте, выполняющем роль бесплатного «социального лифта» для всех. В рамках консервативной модели ответственность за реализацию права граждан на образование возложена на государство [7]. Среди установок консервативной модели можно выделить категорическую неготовность платить за образование, а также нацеленность на получение образования только в России. Установки консервативной модели верифицируют мнения относительно проводимых по «западной модели»

либеральных реформ российского образования. «Консерваторы» оценивают их негативно, полагая, что произошло разрушение традиций российского образования, усилились социальное неравенство и коррупция. Для этой модели характерно представление о том, что западная система образования неприемлема в российских условиях.

Либеральная модель социального поведения в сфере образования придает ему статус прикладной ценности, в соответствии с которой получение образования является гарантией карьеры и дохода. Среди установок либеральной модели можно выделить готовность платить за образование и нацеленность на получение образования за рубежом. Для этой модели характерны представления о необходимости западных образовательных стандартов. Для либеральной модели характерен индивидуализм и прагматизм.

Модели социального поведения студенческой молодежи в сфере высшего образования на Юге России эмпирически верифицируют данные опроса, проведенного исследовательским коллективом Института социологии и регионоведения ЮФУ летом 2017 года в шести субъектах Российской Федерации: в Ростовской области, Ставропольском крае, Республике Адыгее, Кабардино-Балкарской Республике и в Республике Крым, по результатом которого можно выделить представления и ценности, определяющие поведение студенческой молодежи южно-российского региона в сфере высшего образования. Представления об образовании как о материальном благополучии характерны для 25 % опрошенных, представления о том, что это социальный капитал и путь к профессиональной карьере – для 28 %, к высокому социальному статусу – 11,3 %. Ценности образования связаны также с возможностью заниматься творчеством для 27,5 % опрошенных. Ответы респондентов свидетельствуют о единстве либеральных и консервативных представлений.

О терминальных ценностях и представлениях, определяющих поведение в сфере образования, свидетельствуют и ответы на вопрос, каким должно быть образование в России. В ответах респондентов очевидно преобладание консервативных элементов социального поведения, так как большая часть респондентов – 54,7 % – придерживается представления об образовании как о социальном благе, бесплатном для всех. Желают видеть его платным представляется всего для 2,4 % студенческой молодежи региона. Представление об образовании, как о бесплатном, так и коммерческом – у 33,2 % опрошенных позволяет идентифицировать смешанную – консервативно-либеральную – модель социального поведения. Вопрос о субъекте ответственности за реализацию права граждан на образование позволяет также верифицировать преобладание консервативной интенции поведения студенческой молодежи Юга России. Так, большинство (74,4 %) разделяет представление об ответственности государства, тогда как всего 15,9 % предлагает возложить ответственность за получение образование на самого человека.

С представлениями и ценностями в сфере образования тесно сопряжены и социальные установки. Показательны в этом плане данные, отражающие готовность молодежи Юга России платить за образование. Здесь обнаруживаются как консервативные установки социального поведения (26,8 % опрошенных ответили «скорее всего, нет» и 9,5 % – «нет, ни при каких обстоятельствах» на вопрос о готовности платить за образование), так и либеральные (49,5 % готовы платить за образование при условии его качества и престижа). 53,8 % опрошенных уже приходилось платить за образование. О направленности и содержании представлений, ценностей и установок, лежащих в основе социального поведения студенческой молодежи в сфере образования, свидетельствуют и ответы на вопрос: «Как Вы оцениваете проводимые в последние годы реформы российской системы образования?». Респонденты, для которых представление об образовании как способе достижения высокого социального статуса, оценивают результаты образовательных реформ положительно. Однако представители этой позиции среди молодежи Юга России не столь многочисленны – всего 6,5 % студенческой молодежи региона оценивают результаты реформирования российского образования «однозначно положительно», и 19,7 % – «скорее положительно». 35,2 % студенческой молодежи оценивают их как «противоречивые» и 22,6 % – однозначно как отрицательные.

Конкретные социальные «эффекты» образовательных реформ большинство студенческой молодежи Юга России оценивает негативно, полагая, что они привели к разрушению традиций российского образования (46,2 %), а также – к его коммерциализации, усилившей социальное неравенство в обществе (46,1 %). 51,0 % опрошенных полагает, что подготовка к ЕГЭ заменила собой полноценное образование. 39,6 % считает, что в результате реформ усилилась коррупция в учебных учреждениях.

Можно констатировать, что на Юге России не так уж много сторонников либеральной модели «в чистом виде», об этом свидетельствуют и распределения ответов на вопрос: «В какой мере система образования должна следовать опыту Запада?». Для части респондентов характерна ориентация на необходимость «собственного, российского пути развития образования» (29,4 %), а также – «необходимость меньше оглядываться на западную систему образования, которая внедряется в искаженном виде» (32,7 %). О необходимости следования западным образовательным стандартам заявило только 10 % опрошенных, частично переосмыслить советскую образовательную систему и внедрять ее с учетом современных требований предлагают 29,4 % опрошенных. На вопрос: «Если бы у Вас появился шанс получить образование за рубежом, воспользовались бы Вы этой возможностью?», 24,4 % опрошенных ответили, что образование за рубежом более качественное, и этим шансом они бы воспользовались. 32,5 % опрошенной студенческой молодежи Юга России заявило, что они должны учиться только в России. Анализ ответов на эти вопросы показывает, что в их сознании либеральные

представления, ценности и установки перестают быть доминирующими. Если в 1990-е гг. активно воспроизводилась либеральная модель социального поведения студенческой молодежи в сфере

образования, то сейчас происходит очевидный «дрейф» в сторону сбалансированных версий социального поведения.

Литература:

1. *Бойко Л.И.* Трансформация функций высшего образования и социальные позиции студенчества // Социологические исследования, 2001. № 3.
2. Анализ состояния, проблем и перспектив развития высшего образования и науки на Юге России. Ростов-н/Д. : Изд-во ЮНЦ РАН, 2010.
3. *Карамурзов Б.С.* Региональный вуз в современной России // Высшее образование в России, 2013. № 6.
4. *Колесникова Е.Ю.* Региональная система образования Юга России: тенденции и проблемы / Е.Ю. Колесникова, Л.Ш. Крупеникова // Юг России: институты и стратегии модернизации экономики. М. : Вузовская книга, 2014.
5. Ментальные программы и модальные модели социального поведения на Юге России. М. : Социально-гуманитарные знания, 2017.
6. *Лубский Р.А.* Нормативно-правовая база организации и деятельности органов государственной власти // Регионоведение : учебное пособие. Ростов-н/Д. : Издательство «Феникс», 2002.
7. *Лубский Р.А.* Российская государственность как социальная реальность: методология многомерного исследования, типы, специфика развития // Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. Ростов-н/Д. : ФГКОУ РЮИ МВД России, 2015.

Literature:

1. *Boyko L.I.* Transformation of higher education functions and social positions of students // Sociological research, 2001. № 3.
2. Analysis of the state, problems and prospects of development of higher education and science in the South of Russia. Rostov-on/D. : UNC RAS publishing House, 2010.
3. *Karamurзов B.S.* Regional University in modern Russia // Higher education in Russia, 2013. № 6.
4. *Kolesnikova E.Yu.* Regional system of education in the South of Russia: trends and problems / E.Yu. Kolesnikova, L.Sh. Krupenikova // South of Russia: institutions and strategies for economic modernization. M. : University book, 2014.
5. Mental programs and modal models of social behavior in the South of Russia. M. : Social and humanitarian knowledge, 2017.
6. *Lubsky R.A.* Normative-legal base of the organization and activity of state authorities // Regional Studies : textbook. Rostov-on/D. : Phoenix publishing House, 2002.
7. *Lubsky R.A.* Russian statehood as a social reality: methodology of multidimensional research, types, specifics of development // Dissertation for the degree of doctor of philosophy. Rostov-on/D. : FSUE RUI of the Ministry of internal Affairs of Russia, 2015.

Кулешова Галина Петровна

доктор социологических наук,
доцент,
директор,
Средне-Волжский институт (филиал)
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России)
kaf_prav@mail.ru

Кильдюшева Ольга Александровна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры теории,
истории государства и права и философии,
Средне-Волжский институт (филиал)
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России)
kaf_prav@mail.ru

**МАРГИНАЛЬНОСТЬ И БЕЗРАБОТИЦА
КАК ОДНА ИЗ ДВИЖУЩИХ СИЛ
МАРГИНАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА**

Аннотация. Настоящая статья посвящена особенностям такого явления, как маргинальность в современном обществе. На основе работ зарубежных и отечественных исследователей, а также – нормативных правовых актов рассматриваются ее сущность, предпосылки и причины. Опираясь на имеющиеся по данной тематике материалы и данные статистики, авторы указывают на ведущую роль безработицы в маргинализации общества. Особое внимание ими уделяется различным видам маргинализации работников, и их личностным ресурсам и социальным связям для ее преодоления и недопущения.

Ключевые слова: маргинальность, маргинализация, культура, общество, социальная структура, безработица, социальное неравенство, личностные ресурсы, социальные связи, взаимодействие.

Явление маргинальности возникает в первой половине XX века, когда происходит ассимиляция части переселенцев Старого Света с населением колоний, приведшая к образованию аккумулирующей в себе смеси культур группы, названной впоследствии «маргиналами по этническому происхождению» [1, с. 27]. Сам же термин «маргинальность» вводится в научный оборот социологом Р. Парком в труде «Человеческая миграция и маргинальный человек», написанном под влиянием обозначенных переселенческих событий и подразумевающим под «маргинальным человеком» человека, деятельность которого сочетается в себе симбиоз традиций и культур нескольких народов [2]. С течением времени данное

Galina P. Kuleshova

Doctor Sociological Sciences,
Associate Professor,
Director,
Middle Volga Institute (branch)
of the All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia)
kaf_prav@mail.ru

Olga A. Kildyusheva

Doctor Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Theory, History of the State
and Law and Philosophy,
Middle Volga Institute (branch)
of the All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia)
kaf_prav@mail.ru

**MARGINALITY AND UNEMPLOYMENT
AS A DRIVING FORCE FOR
THE MARGINALIZATION OF SOCIETY**

Annotation. This article is devoted to the peculiarities of the phenomenon of marginalization in modern society. On the basis of the works of foreign and domestic researchers, as well as normative legal acts, its essence, prerequisites and reasons are considered. Based on available data and statistics, the authors point to the leading role of unemployment in marginalizing society. Special attention is paid to the various types of marginalization of workers, and their personal resources and social ties to overcome and prevent it.

Keywords: marginalization, marginalization, culture, society, social structure, unemployment, social inequality, personal resources, social connections, interaction.

социологическое явление получило более широкое научное исследование, в связи с чем, изменилось и содержание самого термина, который приобрел общее значение, включая в себя самые разнообразные проявления данного феномена и его детерминированности. Маргинальность рассматривается в качестве промежуточного (пограничного) положения человека между какими-либо социальными группами, определенным образом, влияющим на психику индивида.

В 90-х годах прошлого столетия резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1990 г. № 45/12 маргинальность определялась как негативное социально-опасное явление, которое

характеризуется наличием в современных государствах значительного числа «рискогенных» групп переселенцев, мигрантов, беженцев, несовершеннолетних, воспитывающихся в неблагополучных семьях, лиц, злоупотребляющих спиртными напитками и наркотическими средствами, и др. с устойчивыми стереотипами нежелательного поведения. Данная резолюция обращала внимание государственных органов, институтов правосудия и правоохранительных систем, средств массовой информации и ученых, разрабатывающих программы и политику предупреждения правонарушений в формате совместной деятельности Организации Объединенных Наций, на проблемы маргинальности [3].

Для развития у личности маргинальных начал должны, определенным образом, сложиться обстоятельства окружающей обстановки. Негативное влияние социального окружения и вынужденные изменения в образе жизни являются катализаторами процесса.

Среди предпосылок такого явления выделяют незавершенность социального перемещения, миграцию, потерю работы (безработица) и материальное благополучие и др. Наибольший интерес для исследования представляет именно потеря работы и материального благополучия, поскольку представляет собой наибольшую угрозу, как для человека, так и для общества, в целом. Изменения в профессиональной сфере вынуждают индивида изменять уже сложившуюся систему взглядов, подстраивать их в соответствии с новым статусом (вернее его отсутствием).

Маргинализация, возникшая вследствие безработицы, может существовать лишь в рамках рыночной экономики, а в командно-административной экономике наблюдаться не будет. Действительно, в Советском Союзе в соответствии со статьей 12 Конституции СССР 1936 года «труд является обязанностью» [4, ст. 12] и за неисполнение трудовой функции предусматривалась уголовная ответственность. Сложно представить подобные сдерживающие механизмы в условиях рынка, где работодатель стремится нанять на работу более квалифицированного сотрудника и, как следствие, неконкурентоспособные остаются без работы, что вынуждает их либо повышать свою компетенцию, либо остаться в том положении, которое у них уже есть, а оно, в свою очередь, является пограничным. Но это – не единственная причина появления безработицы в условиях рынка; среди них могут быть и кризис, сокращение производства, структурные изменения в экономике и пр. Маргинальность будет иметь место даже при самом минимально возможном уровне безработицы. Это явление существует не только в периоды резких изменений социальной обстановки (реформы, революции), но и в стабильных социально-экономических реалиях. Определенный уровень безработицы для рынка является стандартной ситуацией, важным является недопущение резкого скачка этого показателя, что, в свою очередь, увеличивает и количество лиц-маргиналов.

В современном обществе одной из характерных черт безработицы является нечеткость ее границ и появление новых категорий, расширяющих возможность распространения маргинальных явлений. Происходит размытие социально профессионального статуса, категорий занятости и безработицы. Создаются особые условия – условия не востребованности. Это происходит в той ситуации, когда граждане являются официально трудоустроенными, но заработной платы им не достаточно для комфортного проживания или её вовсе не выплачивают. Безработные часто имеют неформальную занятость, которая нигде не фиксируется. В таких условиях появляется определенная градация – формальная занятость, формальная безработица, неформальная занятость, неформальная безработица. Возможна ситуация, когда полностью занятым будет безработный и не полностью занятым – официально трудоустроенный человек.

Не все безработные регистрируются на бирже труда, поскольку у многих отсутствует стимул для регистрации своего статуса как безработного. В России число безработного населения определяется именно по количеству людей, учтенных службой занятости. Так, по данным официальной статистики количество безработных в 2018 г. составило 3657 тыс. чел., а число состоящих на учете в службе занятости – 693 тыс. чел. [5, с. 32]. Однако такой показатель отражает истинную ситуацию не будет, поэтому подобные исследования публикуются в статистических сборниках справочно.

По мнению А.Н. Демина и И.П. Поповой, статус зарегистрированного безработного, несмотря на нестабильную позицию, всё же закрепляет за ним определённую роль в обществе. Эта переходная позиция позволяет узаконить (закрепить) свое социальное положение. В данном случае, не идет речи о группе хронических безработных, которая с течением времени может получить и иные статусы посредством теневой, криминальной и иной запрещённой деятельности. Поэтому не все безработные будут относиться к маргиналам, а лишь определенная их часть. Немаргинальные безработные могут осуществлять трудовую функцию неофициально, и каких-либо изменений в психике, как у маргиналов вследствие потери работы, у них наблюдаться не будет. Такие безработные будут заниматься активным поиском работы или осуществлять иную деятельность, полезную для общества.

В науке присутствует позиция относительно существования особого вида маргинализации – маргинализация через безделье на работе. От 30 % работников маргинализируются из-за недостатка загруженности на рабочем месте, что приводит к развитию у них депрессии и не продвижению по службе. Подобный феномен получил название «маргинальное преследование». Однако – это лишь одна из частей всего массива проявления маргинализации работников. Такой вид маргинализации может быть вызван как плохо организованным процессом управления в организации, так и спадом экономики, что может

привести к безработице. Данный вид маргинализации может находиться в форме стагнации длительного времени, не приводя к всплеску количества безработного населения. В условиях изменения экономической ситуации в стране, экономического кризиса и более глубинных причин, безработица станет закономерным явлением, поэтому важным является осуществление контроля не только за уровнем безработицы, но и за эффективностью управленческого процесса в организации.

Формы проявления маргинальности могут различаться. Как отмечалось выше, она может стать основой для неправомερных действий, революций, восстаний, войн, что является одними из способов утверждения маргиналами своего места в социальном пространстве. Такие проявления свойственны для больших масс населения и в критические этапы, при групповой маргинализации. Вместе с негативными последствиями в обычной экономической и политической обстановке маргинальность может привести и к положительным результатам – отдельным индивидом возможно обретение нового социального статуса путем вертикальной мобильности. В данном случае маргинальность выступает стимулирующим фактором к росту и развитию личностного потенциала.

Сфера антропологических, биопсихологических переживаний, эмоций, мотивов, порождающих коллизии, конфликты и др. являются весомыми детерминантами маргинального поведения. Анализ психических процессов непосредственным образом влияет на возможность полноценного изучения этого явления, поэтому восприятие положения как пограничного зависит лишь от психики индивида и его жизненных установок. Для выхода из маргинального положения необходима социальная активность, активная жизненная позиция. Однако личные ресурсы человеческого сознания – не единственный способ выхода индивида из маргинального положения. Влияние

Литература:

1. *Colyvas J.A. Ubiquity and Legitimacy: Disentangling Diffusion and Institutionalization / J.A. Colyvas, S. Jonsson // Sociological Theory. 2011. Vol. 29. № 1. P. 27–53.*
2. *Park R.E. Human migration and the marginal man // American Journal of Sociology. 1928. Vol. 33. № 6.*
3. Генеральная Ассамблея ООН, Руководящие принципы ООН по предупреждению преступности среди несовершеннолетних («Эр-Риядские руководящие принципы»): резолюция принятая Генеральной Ассамблеей, 14 декабря 1990 года. A/RES/45/112. URL : <https://www.refworld.org/docid/3b00f21d1c.html> (по состоянию на 30 января 2020 года).
4. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда

социальных связей – также один из ресурсов преодоления или недопущения маргинальности. В современных условиях реализация гармоничных взаимоотношений предполагает наличие соответствующих социально-экономических, политически, морально и культурно обоснованных и реализуемых программ, выдвигаемых с учётом экономических возможностей и потребностей всех субъектов общественных отношений. Их обоснование есть одна из задач теоретического изучения маргинальности [6, с. 16].

Таким образом, подводя итог, можно заключить, что маргинальность – сложный термин, неразрывно связанный с концепцией неравенства, обозначающий переплетение культурной маргинальности с социальной стратификацией и обусловленный социальными процессами. Озабоченность по поводу маргинализации носит относительно недавний характер, и требует изучения траектории ее развития в отношении маргинализированных групп. Особое внимание уделяется безработице, представляющей собой явление структурно неоднородное. В большинстве своем она несет негативные последствия в форме маргинализации. Определенный уровень безработицы для рынка является стандартной ситуацией и важным является препятствование резкому скачку этого показателя, что, в свою очередь, увеличивает и количество лиц-маргиналов. Маргинальность воздействует на психику, выступая сложным, полиструктурным (как социально-правовым, так и личностно-субъективистским) явлением из-за чего выход из такого положения затруднителен людям определенных категорий (например, лицам с неустойчивой психикой). Кризисы в социальной и личностной сферах и многое другое изменяют формы взаимодействия индивида и государства, общества, вследствие чего необходимо создание условий для использования человеческого потенциала для развития государства, а не осуществления криминальной деятельности.

Literature:

1. *Colyvas J.A. Ubiquity and Legitimacy: Disentangling Diffusion and Institutionalization / J.A. Colyvas, S. Jonsson // Sociological Theory. 2011. Vol. 29. № 1. P. 27–53.*
2. *Park R.E. Human migration and the marginal man // American Journal of Sociology. 1928. Vol. 33. № 6.*
3. UN General Assembly, United Nations Guidelines for the Prevention of Juvenile Delinquency («The Riyadh Guidelines»): resolution / adopted by the General Assembly, 14 December 1990, A/RES/45/112. URL : <https://www.refworld.org/docid/3b00f21d1c.html> (accessed 30 January 2020).
4. Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics (approved by the Decision of the Emergency VIII Congress of Soviets of the Union of

Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.). Доступ из справочной правовой системы КонсультантПлюс.

5. Россия в цифрах. 2019 : Крат. стат. сб. / Росстат. М., 2019. 549 с.

6. *Рыбаков О.Ю.* Стратегия права: в поисках гармонии личности и государства / О.Ю. Рыбаков; Под ред. О.Ю. Рыбакова // Стратегии правового развития России. М., 2015. С. 16.

Soviet Socialist Republics of December 5, 1936). Access from help legal system ConsultantPlus. Text : electronic.

5. Russia in figures. 2019 : Krat. to become. St. / Rosstat. M., 2019. 549 p.

6. *Riybakov O.Y.* Strategy of Law: in Search of Harmony of Person and State / O.Y. Riybakov; under ed. O.Y. Riybakov // Strategy of Legal Development of Russia. M, 2015. P. 16.

Охотский Евгений Васильевич

доктор социологических наук,
профессор кафедры
государственного управления и права,
Московский государственный институт
международных отношений (университет)
МИД Российской Федерации
e.ohotskii@mail.ru

Кравченко Сергей Александрович

доктор философских наук,
профессор,
заведующий кафедрой социологии,
Московский государственный институт
международных отношений (университет)
МИД Российской Федерации
sociol7@yandex.ru

Понеделков Александр Васильевич

Заслуженный деятель науки РФ,
доктор политических наук,
профессор,
заведующий лабораторией,
Южно-Российский институт управления
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Тихонов Константин Михайлович

магистрант факультета политологии,
Южно-Российский институт управления,
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
rostow@yandex.ru

**Россия в системе глобального
противодействия коррупции**

Аннотация. В статье исследуются политический смысл современной усложняющейся коррупции, анализируется специфика коррупционной деятельности в условиях «мирового общества риска» (У. Бек) и становления глоболокальных реалий, а также новые тренды международного антикоррупционного сотрудничества. Если в традиционном и даже индустриальном обществе характер коррупции определялся своеобразием локальных социальных патологий, то ныне коррупция выходит за пределы национально-территориального контекста, обретая принципиально новые глобо-локальные качества, становясь космополитическим явлением. Как рефлексия на это в международной политике

Evgeny V. Okhotsky

Doctor Sociological Sciences,
Professor of Department
Governance and Rights,
Moscow State Institute
International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation
e.ohotskii@mail.ru

Sergey A. Kravchenko

Doctor Philosophical Sciences,
Professor,
Head of the Department of Sociology,
Moscow State Institute
International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation,
sociol7@yandex.ru

Alexander V. Ponedelkov

Honored Worker of Science
of the Russian Federation,
Doctor of Political Science,
Professor,
Head of the laboratory,
South Russian Institute of Management
branch of the Russian Academy
and Public Service
at the President Russian
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Konstantin M. Tikhonov

Undergraduate of faculty of Political Science,
South Russian Institute of Management,
branch of the Russian Academy
and Public Service at the President Russian
rostow@yandex.ru

**RUSSIA IN THE GLOBAL
ANTI-CORRUPTION SYSTEM**

Annotation. The article explores the political meaning of the modern complicating corruption, analyzes the specifics of corruption activity in the conditions of the «world risk society» (W. Beck) and the emergence of global reality, as well as new trends of international anti-corruption cooperation. If in traditional and even industrial society the nature of corruption was determined by the specificity of local social pathologies, now corruption goes beyond the national-territorial context, gaining fundamentally new global-local qualities, becoming a cosmopolitan phenomenon. As a reflection on this, new means of combating corruption are being formed in international policy: anti-corruption legislation is being developed, supranational structures to

главная задача которого обеспечение необходимого взаимодействия с зарубежными компетентными органами в сфере выявления, уголовного расследования и информационно-правовой помощи по коррупционным делам крупного масштаба, прежде всего высокого элитно-политического уровня. Только в 2018 г., по данным Генпрокуратуры РФ, по статье «утрата доверия» было уволено 1,3 тыс. государственных служащих, еще 33,2 тыс. должностных лиц было наказано в дисциплинарном порядке.

Тем не менее, для минимизации рисков глобальной коррупции, как нам представляется, необходим более активный курс на деполитизацию процессов борьбы с коррупцией. Все более актуальной становится задача повышение качества взаимодействия и лучшая скоординированность деятельности спецслужб и правоохранительных органов с выходом на их международное сетевое взаимодействие. Не потеряла своей актуальности также практика противодействия экспорту коррупции как особой формы решения политических проблем. Даже самые рационально обоснованные реформы, направленные на утверждение законности, демократии и цивилизованных рыночных отношений, при определенных обстоятельствах не только могут порождать, но и порождают новые, явные и латентные, с каждым разом все более коварные и изощренные формы корыстных злоупотреблений. Публично декларированная антикоррупционная деятельность в этом случае существенно расходится с ее замыслами. Их тренд ориентирован в прямо противоположную сторону, используется не ради утверждения принципов демократии, законности и социальной справедливости, а в деструктивных целях разрушения материального и духовного национального потенциала, используется как средство удовлетворения публичного интереса государств, стремящихся к мировому господству. Именно в этом главный политический смысл экспорта коррупции как инструмента «продвижения жизненных интересов» государств или транснациональных корпораций, для которых зоной национальных интересов являются все страны, все континенты и все уголки мирового пространства.

Коррупция (как экспортный товар) становится средством обеспечения политического доминирования и внешнего управляющего воздействия, фактором дестабилизации политической, экономической и социально-психологической ситуации в стране-конкуренте, а далее – организация смут, оранжевых революций и государственных переворотов; инструментом формирования «выгодных» коррумпированных режимов и насаждения марионеточных правительств. Можно привести множество примеров государственных переворотов и цветных революций, совершенных в результате не только антиправительственных движений, но и инсценирования громких коррупционных разоблачений элитного уровня, которые затем попадают в социальные сети и буквально взрывают международное общественное мнение. Итог известен: власти теряют авторитет, работают не наступательно и продуктивно, а довольствуются «удобными» абстрактными сценариями, за которыми преимущества и привилегии правящей

элиты, с одной стороны, и человеческие трагедии и разорение государства, с другой.

В деле продвижения геополитических интересов все средства хороши:

- инвестиции в «демократическое обновление»;
- кредитование на определенных политических условиях;
- подкуп правительственных чиновников, парламентариев, судей и менеджмента транснациональных корпораций;
- шантаж влиятельных политиков и представителей финансово-промышленного олигархата;
- выделение специальных грантов под просветительно-идеологические проекты;
- материально-финансовая поддержка оппозиционных партий, неправительственных организаций и средств массовой информации под определенные политические цели;
- мешки наличных долларов в дипломатической почте «для решения социальных проблем». Да и санкционные (индивидуальные, секторальные) ограничения в значительной степени носят международно-коррупционный смысл с соответствующей политической нагрузкой.

В этом случае можно говорить о формировании глобальной сетевой коррупции, субъекты которой не отдельные физические или юридические лица, а система государственных властно-управленческих структур, специальных служб и олигархических кланов. Предназначение – не борьба с коррупционным злом как таковым, а, напротив, раскручивание темы коррупции в контексте «перформансов с коррупционными смыслами» [2] в качестве эффективного инструмента решения политических, экономических и иных задач глобального масштаба. Экспорт коррупции становится инструментом политической эрозии, социальной дезинтеграции и экономической деградации. Последствия: власть «подконтрольного государства» теряет авторитет, становится безвольной, работает не системно и продуктивно, а ограничивается далекими от национального интереса «удобными для других абстрактными сценариями».

При этом используется стратегия и тактика двойных стандартов: наличие коррупционной составляющей во внешней политике и коррупции как инструмента внешнеполитического давления на другие государства (в отношении государств-оппонентов и государств-конкурентов) вовсе не означает, что государство-фаворит терпимо относится к коррупционной болезни в своей стране. По отношению к «своим» коррупционерам – предельная жесткость закона и строгость наказания, а вот на внешнем направлении – политика экспорта и стимулирования коррупции. У себя дома законность и должный правовой порядок, преимущества свободного рынка, открытая конкуренция, жесткое противодействие «насаждаемой крупными корпорациями коррупции в бизнесе и политике».

А на внешнем контуре – «научные выводы» типа того, что:

– коррупция – это «мощный экономический стимул для бюрократии»;

– коррупция – важный инструмент «эффективного распределения ресурсов» и действенное средство «выравнивания спроса и предложения» в условиях свободных рыночных отношений [3].

Да еще заключения типа того, что коррупция «очищает рынок от лишних игроков», является «мирной альтернативой насилию в модернизируемых обществах» [4], «одним из позитивных факторов экономического роста и политического развития» [5, с. 190].

Сложность ситуации состоит в том, что мировое сообщество пока не выработало адекватных мер противодействия экспортной модели коррупционного воздействия. Если конкретного субъекта (физическое или юридическое лицо), организующего коррупционную схему или получающего коррупционные дивиденды, относительно легко установить, разоблачить и привлечь к ответственности, то сеть с активным участием государственных структур, транснациональных корпораций, международных фондов и НКО остается вне досягаемости, а значит, должного политико-правового анализа, соответствующей юридической оценки и адекватного политико-правового реагирования.

Украина признается самым коррумпированным государством Европы, в отношениях с украинским режимом практически открыто используются коррупционные схемы, но никаких практических решений по противодействию такой практике не принимается. Даже попытка Президента США разобраться в отдельных фактах участия в коррупционных схемах бывшего вице-президента США натолкнулись на беспрецедентное сопротивление вплоть до объявления процедуры импичмента инициатору такого разбирательства. И все это на фоне многочисленных выводов о том, что коррупция представляет собой серьезную опасность для демократических ценностей, подрывает доверие граждан к властям, разрушает правовые нормы, сдерживает социально-экономическое развитие [9]. В таком же ключе звучат призывы к принятию эффективных мер по предотвращению коррупции, лишению прав на доходы от коррупционной преступности, содействию специализации органов, ответственных за борьбу с коррупцией, обеспечении их соответствующими средствами.

Конечно, наивно полагать, что заключение антикоррупционных конвенций, подписание соответствующих договоров и последующая их имплементация в национальную политико-правовую систему в автоматическом режиме обеспечит решение проблемы коррупции. Наличие политической воли и хороших законов не гарантирует эффективность антикоррупционных организационно-правовых механизмов. Необходимо соответствующие антикоррупционные механизмы и, самое главное – массовое антикоррупционное осознание

опасности коррупционной болезни, соответствующая правовая культура общества, «открытый профессиональный диалог» власти с институтами гражданского общества. В том числе с предпринимательскими структурами и оппозицией с учетом тех возможностей, которые предоставляют федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» от 21 июня 2014 г. № 212-ФЗ, «Концепция открытости федеральных органов исполнительной власти», утвержденная распоряжением Правительства РФ от 30 января 2014 г. № 93-р. и соответствующими ведомственными планами реализации требований указанной концепции.

Причем, не следует, как говорится, бояться, что в процессе борьбы с коррупцией общественность превратится в «оппозиционную силу» [6], нарушит «размеренный ритм» деятельности органов государственной власти [7], из фактора борьбы с коррупцией станет субъектом борьбы за власть и в фактор социально-политической дестабилизации. Такое, действительно, может случиться. Но не в результате чрезмерной гражданской активности, а как итог пассивности госаппарата, бюрократических проволочек и «замедленного режима внесения необходимых поправок в антикоррупционное законодательство» [10, с. 385–386]. Опасна не забота о общем благе, а забота «о своей власти, своем статусе, своих должностях и своих деньгах» [6, с. 2].

В практике международного сотрудничества в сфере противодействия коррупции сделано, делается немало и в будущем, несомненно, будет делаться еще больше. Антикоррупционные мероприятия стали ведущей составляющей государственной стратегии Российской Федерации на принципах системности, конструктивности и гибкости. Имеется также сильная политическая воля руководства стран и единая государственная политика противостояния коррупции. Ее главные направления в международном аспекте на ближайшую перспективу:

- а) активное участие в соответствующих международных и межгосударственных структурах, поощрение всех форм международного сотрудничества и технического содействия предупреждению и борьбе с коррупцией;
- б) реформа международных кредитно-финансовых отношений, усиление надзора и контроля в сфере международной торговли ценными бумагами, ужесточение государственного контроля за ценовыми паритетами;
- в) рационализация практики финансирования политических партий и избирательных кампаний (контроль поступления и использования пожертвований, займов и государственных дотаций, раскрытие сведений о доходах, расходах и имуществе кандидатов и т.д.);
- г) поощрение честности и ответственности и надлежащего управления публичными делами и публичным имуществом;

7. *Борисов И.Б.* Общественный контроль на выборах как фактор легитимности власти // Юридический мир. 2012. № 9. С. 58–61.

8. *Arnim H.H.* Aus Politik und Zeigeschichte // Die Rolle der Berufspolitiker. B16/2000. P. 2–34.

9. Резолюция о 20 руководящих принципах в борьбе с коррупцией (принята Комитетом министров 6 ноября 1997 г. на его 101-й встрече // Интернет-сайт Совета Европы. URL : www.coe.int

10. *Моисеев В.В.* Противодействие коррупции в современной России : монография / В.В. Моисеев, В.Н. Прокуратов. Орел : АПЛИТ, 2012. 428 с.

11. *Сельцовский П.А.* Российская модернизация и коррупция / П.А. Сельцовский, В.Г. Воронин, В.С. Шукшин, М.Ю. Попов. М., 2011. 462 с.

7. *Borison I.B.* Public control of elections as a factor of legitimacy of power / Legal peace. 2012. № 9. P. 58–61.

8. *Arnim H.H.* Aus Politik und Zeigeschichte // Die Rolle der Berufspolitiker. B16/2000. P. 2–34.

9. Resolution on 20 Guidelines in The Fight Against Corruption (adopted by the Committee of Ministers on 6 November 1997 at its 101st meeting // Website of the Council of Europe. URL : www.coe.int

10. *Moiseyev V.V.* Anti-Corruption in Modern Russia : monograph / V.V. Moiseyev, V.N. Prokuratov. Orel : APLIT, 2012. 428 p.

11. *Seltsovsky P.A.* Russian modernization and corruption / P.A. Seltsovsky, V.G. Voronin, V.S. Shukshin, M.Y. Popov. M., 2011. 462 p.

Охотский Евгений Васильевич

доктор социологических наук,
профессор кафедры
государственного управления и права,
Московский государственный институт
международных отношений (университет)
МИД Российской Федерации
e.ohotskii@mail.ru

Кравченко Сергей Александрович

доктор философских наук,
профессор,
заведующий кафедрой социологии,
Московский государственный институт
международных отношений (университет)
МИД Российской Федерации
sociol7@yandex.ru

Понеделков Александр Васильевич

Заслуженный деятель науки РФ,
доктор политических наук,
профессор,
заведующий лабораторией,
Южно-Российский институт управления
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Тихонов Константин Михайлович

магистрант факультета политологии,
Южно-Российский институт управления
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
rostow@yandex.ru

**ГЛОБОЛОКАЛЬНАЯ КОРРУПЦИЯ:
КОНТУРЫ КОНЦЕПЦИИ,
МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО
В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ**

Аннотация. В статье исследуются политический смысл современной усложняющейся коррупции, анализируется специфика коррупционной деятельности в условиях «мирового общества риска» (У. Бек) и становления глоболокальных реалий, а также новые тренды международного антикоррупционного сотрудничества. Если в традиционном и даже индустриальном обществе характер коррупции определялся своеобразием локальных социальных патологий, то ныне коррупция выходит за

Okhotsky V. Evgeny

Doctor Sociological Sciences,
Professor of Department
Governance and Rights,
Russian Foreign Ministry,
Moscow State Institute
International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation
e.ohotskii@mail.ru

Sergey A. Kravchenko

Doctor Philosophical Sciences,
Professor,
Head of the Department of Sociology,
Moscow State Institute
International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation
sociol7@yandex.ru

Alexander V. Ponedelkov

Honored Worker of Science
of the Russian Federation,
Doctor of Political Science,
Professor,
Head of the laboratory,
South Russian Institute of Management
branch of the Russian Academy
and Public Service
at the President Russian
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Konstantin M. Tikhonov

Undergraduate of faculty of Political Science,
South Russian Institute of Management
branch of the Russian Academy
and Public Service at the President Russian
rostow@yandex.ru

**GLOBAL CORRUPTION:
CONTOURS CONCEPT,
INTERNATIONAL COSEBY
IN THE WORLD**

Annotation. The article explores the political meaning of the increasingly complex corruption, analyses the specifics of corruption activities in the terms of e «world risk society» (W. Beck) and the emergence of global realities, as well as new trends in international anti-corruption cooperation. If in traditional and even industrial society the nature of corruption was determined by the specificity of local social pathologies, now corruption goes beyond the national-territorial context, gaining fundamentally new global-local qualities,

пределы национально-территориального контекста, обретая принципиально новые глобо-локальные качества, становясь космополитическим явлением. Как рефлексия на это в международной политике формируются новые средства противодействия коррупции: идет становление антикоррупционного законодательства, появились наднациональные структуры борьбы с ней. Авторы анализируют новые аспекты международного сотрудничества, формы международного взаимодействия в сфере противодействия коррупции, уделяя особое внимание проблемным зонам взаимодействия России с другими государствами и международными организациями. Обосновывается, что политика противодействия коррупции и те меры, которые предпринимаются на национальном уровне, сейчас уже не могут быть функционально эффективными вне тесного сотрудничества национальных политических структур, правоохранительных органов, научных центров и институтов гражданского общества с другими государствами и соответствующими международными организациями. По-новому ставится проблема экспорта коррупции.

Ключевые слова: антикоррупционная политика, глоболокальная коррупция, инсценирование коррупции, коррупционные риски, сетевая коррупция, экспорт коррупции, международное сотрудничество в сфере противодействия коррупции.

Международное сотрудничество в сфере противодействия коррупции – неотъемлемая составляющая общемирового процесса борьбы с организованной преступностью, обретающей трансграничную природу. Космополитизация мировых реалий объективно способствует тому, что современная сложная коррупция глоболокального типа, находящаяся в одном ряду с международным терроризмом, незаконным распространением оружия, нелегальной миграцией, киберпреступностью.

Согласно постулата «стрелы времени», обоснованного И. Пригожиным, вся материя, включая социальные реалии, развивается не только ускоряющимися темпами, но и усложняющимся образом, что является фактором становления «порядка из хаоса» [1]. Сказанное касается и природы коррупции – сегодня слишком узко мыслить ее проявления как следствие нефункциональности и дисфункциональности институтов конкретного общества, ибо условия существования всех стран мира обрели космополитический характер. Как считает У. Бек, космополитизация «стала определяющей чертой новой эры, в которой национальные границы и различия растворяются» [2, с. 2]. Глобальные риски, угроза террора, коррупционные проявления не знают границ. Возник и получил развитие «экспорт коррупции», осуществляемый под прикрытием «экстренной финансовой помощи» и «бескорыстного лоббирования», что не только наносит невосполнимый финансово-экономический, политический и имиджевый вред государственным и национальным интересам, конкретным компаниям и гражданам, но

becoming a cosmopolitan phenomenon. As a reflection of this in international politics, more means of combating corruption are being formed: the anti-corruption legislator is being formed, supranational structures of fight with it have emerged. The authors analyse new aspects of international cooperation, forms of international cooperation in the field of anti-corruption, paying special attention to problematic zones of interaction between Russia and other States and international organizations. It was believed that the policy of combating corruption and the measures taken at the national level could no longer be functionally effective outside the close cooperation of national political structures, law enforcement agencies, scientific centres and civil society institutions with other States and relevant international organizations. In a new way, there is a problem of export corruption.

Keywords: anti-corruption policy, globolokalny corruption, corruption instsenirovaniye, corruption risks, network corruption, corruption export, the international cooperation in the sphere of anti-corruption.

и порождает новые все более разрушительные вызовы для всего мирового сообщества. Появились даже термины «узаконенное взяточничество», «политика деления казенного пирога», «коррупционная клановость», «коэффициент окупаемости политических инвестиций» [3, с. 129; 131], отражающие черты новой сложной коррупции. Справиться с этими вызовами, минимизировать их явные и побочные эффекты с помощью прежних институтов, имеющих локально-территориальную функциональность, просто невозможно: «это предвещает начало борьбы за форму и содержание институализированного космополитизма в смысле стабильной кооперации между государственными и негосударственными акторами на глобальном и локальном уровнях в дополнении к группам гражданского общества, различным сетям, корпорациям, международным организациям, Организации Объединенных Наций, «церквям» и т.д.» [2, с. 36]. Не случайно в «Концепции внешней политики Российской Федерации» подчеркивается актуальность задачи адекватной реакции на коррупционные вызовы со стороны международного сообщества, консолидации общих усилий на антикоррупционном направлении при координирующей роли Организации Объединенных Наций [4]. Вместе с тем, У. Бек делает принципиальное замечание: «Национальная перспектива исключает космополитическую перспективу. Космополитическое видение, напротив, понимает национальную перспективу как выражение национального и раскрывает ее конструктивные недостатки. Из этого следует, что космополитическая перспектива раскрывает ту же национальную реальность

различным образом, а также иные, дополнительные реальности новыми способами. Космополитическая перспектива, тем самым, включает и переосмысливает реальность национальной перспективы, в то время как национальная перспектива слепа по отношению к реальностям космополитической эры, затмевает их» [2, с. 31]. Отсюда, по нашему мнению, современная сложная коррупция обретает *глоболокальный характер*.

Глоболокальная коррупция как противоправная деятельность по использованию полномочий для получения имущественных или иных корыстных выгод, благ и преимуществ, явление многоликое, многофакторное и многоуровневое, зависит от множества социальных, политических, экономических, культурных и пространственно-временных факторов, *имеющих отношение как к глобальным, так и локальным реалиям*. Если в традиционном и даже индустриальном обществе представление о коррупции и коррупционерах были достаточно однозначным – определялись господствующими моральными ценностями и нормами *локальной культуры*, доктринальными обобщениями политической и юридической науки, соответственно задавались средства противодействия коррупционным патологиям, то сейчас ситуация принципиально иная. Многие формы преступных и противоправных действий, включая и коррупционные механизмы, пришли в нашу страну в результате глобализации, привнесенных ею ценностных неопределенностей, чему во многом способствовала неолиберальная политика.

В итоге, жизнедеятельность в мире и России становится более опасной, доверие к властям падает, а чем ниже рейтинги доверия, тем больше рисков противоправной и коррупционной деятельности. Поэтому диагностика политического доверия и его факторов становится важнейшей составляющей государственного антикоррупционного управления [5, с. 102–103]. Вместе с тем, возникают принципиально новые космополитические возможности противодействия международным и специфически страновым формам коррупционной преступности. Рассуждения типа того, что коррупция – локальная проблема и внутреннее дело государства ушли в прошлое. Отметим, на наш взгляд, наиболее значимые факторы, характерные для сложного социума, явно или латентно способствующие воспроизводству глоболокальной коррупции.

Первое. *Само становление сложного глоболокального мира*, в котором порядок формируется из множества неопределенностей и хаоса, что порождает центробежные тенденции, уход из привычного жизненного мира, в котором был весьма *функционален государственный и неинституциональный контроль* за деятельностью людей, что ограничивало масштабы коррупции. Соответственно, ныне возникает множество новых уязвимостей, в том числе правового и управленческого толка [6, с. 3–12]. *Все неправовые* и особенно коррупционные отношения подвержены радикальным трансформациям: до определенной степени они, конечно, сохраняют национально-локальный контекст, но выходя за его пределы, становятся

открытыми для внешних воздействий. Глоболокальная коррупция не могла бы возникнуть вне контекста транснациональных и наднациональных сетей, разгосударствления собственности, таких заимствованных неолиберальных ценностей как формальный рационализм, прагматизм, меркантилизм, «экономический человек», принявший императив полезности, культ силы и наживы [7]. Ее акторы, аккумулируя значительные экономические и финансовые ресурсы, на квазирыночной основе функционируют более успешно, чем традиционный бюрократический аппарат управления [8]. Приходится констатировать, что «рыночные институты без ответственных институтов государственной власти и управления «не работают»; вернее работают, но только как теневые и криминальные» [9, с. 67].

Второе. Глоболокализация не только породила новые интеграционные тренды, но и столкнула друг с другом культурные, идейные и мировоззренческие ценности разных цивилизаций. Целые сообщества оказались в разных *темпомирах* [10] и в специфических глоболокальных социумах, что, с одной стороны, способствует воспроизводству «старых форм» коррупции, а с другой, эмерджентно порождает новые коррупционные проявления. Так, образуются невиданные ранее гибридные социальные патологии, парадоксальным образом включающие в себя *коррупционные практики из разных пространств и культур*. Пример тому – *офшоринг*, который, по определению британского социолога Дж. Урри, «наносит ущерб странам, особенно развивающимся», не только вследствие вывоза капиталов и налогов, но также производств, развлечений, энергоресурсов, средств безопасности, «перемещаемых из одной национальной территории в другую, где все полностью или частично скрывается от ответственности и/или властей. Такой офшоринг, естественно, включает нарушение закона одним или тремя способами»:

- 1) нелегальных уход от налогов;
- 2) осуществление действий, «противоречащих духу закона даже тогда, когда все делается технически «законно»;
- 3) «использование законов в одной юрисдикции для подрыва законов, функционирующих в другой» [11, с. 3; 9]. К противостоянию с такими проявлениями глоболокальной коррупции многие политические акторы и государственные антикоррупционные структуры оказались не готовыми, сводя борьбу с ними преимущественно к выявлению отдельных коррупционеров и мерам репрессивно-силового характера.

Третье. Глоболокальная коррупция в значительной степени обусловлена *неуправляемой открытостью общества*. Открытое общество, несомненно, дает его членам серьезные свободы и преимущества [12], но наряду с очевидными благами несет в себе имманентные опасности прежде всего в отношении ценностей и норм, представлений о добре и зле, что создает благоприятные условия для коррупции. Возникают эффекты, обозначенные нами как «*нормальная аномия*», под которой понимается расширяющаяся

совокупность уязвимостей для социума в виде побочных эффектов инновационной деятельности человека [13], в частности, принятие толерантности к ценностям, чуждым для большинства россиян, вызвало всплеск проявлений девиантного поведения в 90-е годы прошлого столетия. Кроме того, неуправляемая открытость позволяет преступлениям из иного культурного контекста, никогда ранее массово не проявлявшихся (похищение людей с целью наживы, организованная наркоторговля, «крышевание» нелегальной деятельности, строительство финансовых пирамид, игровой бизнес и т.д.) проникать в наше общество, что создает благодатную почву для подрыва социальной справедливости, всевозможных злоупотреблений и мошеннических схем.

Четвертое. Под влиянием космополитизации в жизнь современного человека в пришли интернет-коммуникации и социальные сети со всеми их преимуществами, но и *рисками сетевой коррупции*. М. Кастельс, автор теории сетевого общества, отмечает, что новые реалии создают «каналы увеличения личного обогащения». Один из них – «вопиющая коррупция в различных формах: подкупы, извлечения преимуществ из инсайдерского знания о финансовых сделках и реальной оценке приобретений, участие в бизнес спекуляциях в обмен на политическую благосклонность» [14, с.146]. Глоболокальная коррупция в итоге выступает в виде многочисленных криминальных узлов, связанных друг с другом не только иерархически, но и горизонтально.

Пятое. Россия и страны мира ныне оказались подвержены *социальным и культурным травмам*, которые способствуют воспроизводству глоболокальной коррупции. Трактовки ныне происходящих изменений, пишет Ж.Т. Тощенко, «можно расширить до понятия «общество травмы», если иметь в виду противоречивый, турбулентный и деформированный характер общественных процессов, когда анализ происходящих изменений в мире и в конкретных обществах имеет огромный смысл с точки зрения объяснения и понимания сущности происходящих преобразований (катастроф)». По его мнению, Россия и ряд стран Восточной Европы, оказавшиеся в состоянии травмы «в результате ошибочного курса по изменению общественного строя». При этом возникает *взаимозависимость травм и коррупции*: «Российское общество травмы поражено *гигантским объемом и ростом коррупции*, которая пронизывает не только экономические и финансовые отношения, но и государственное управление, а также повседневную жизнь людей, что проявляется в деформации услуг здравоохранения, быта, торговли и других ее сфер» [15, с. 25; 36; 74]. Из этого следует, что «оздоровление» нашего общества представляется весьма сложным процессом, предполагающим совместные средства противодействия и травм, и коррупции.

Шестое. *Кризисные процессы, турбулентности в Европейском Союзе* непосредственно влияют

Литература:

1. *Пригожин И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. М. : Эдиториал УРСС, 2001.

на увеличение глоболокальной коррупции. Э. Гидденс, исследующий последствия этих процессов, прямо указывает на то, что «у этих процессов глубокое корни»: «не случайно произошел всплеск коррупционных случаев по всей Европе за последние годы. Все основные европейские страны с Севера до Юга включены в них». Для борьбы коррупцией используются новейшие технологии: «новые он-лайн услуги были внедрены с целью минимизации хаоса и коррупции, которые существовали на протяжении ряда лет» [16, с. 50; 110]. Заметим, в России резко увеличились налоговые сборы благодаря внедрению цифровых технологий, которые, разумеется, не являются универсальным средством против сложных форм коррупции.

Седьмое. Сложный социум органично включает в себя виртуальную реальность и, соответственно, *инсценирование коррупции*, что, конечно, не предполагает однозначно намеренную фальсификацию объективной реальности, но не исключает преувеличение и даже абсолютизацию коррупционных проявлений. Однако возможны намеренные мистификации в виде «инсценированной коррупции», все шире используемые в политических целях, особенно во время «цветных революций». Дж. Александер отмечает, что для этого задействуются механизмы *драматизации сознания*. Когда проблемы коррупции, репрессий и т.д. «входят в суматоху революционной социальной борьбы, они, выступая как знаки, формирующие эмпирические факты («означаемые» в семиотических терминах), образуют в итоге цепь уже значимых символов. В то время как их материальность иллюзорна, они обладают фактической ценностью – этот вымысел практически задействуется... Для участников, равно как и наблюдателей, революционные конфликты воспринимаются как борьба на жизнь и смерть не между просто социальными группами, а между социальными представлениями, с одной стороны, священного, а с другой – нечестивого». В результате происходит мистификация добра и зла в целом, предполагающая ценностные зигзаги и повороты: «Прошлое становится золотым веком, а настоящее фреймируется как падение в подавленность, нигилизм или аномию». Некоторые индивиды могут и не осознавать, что символы «инсценированной коррупции» травмируют их сознание – они принимают деформированные ценности, проявляя готовность к жизни с мистифицированными представлениями о своей истории, настоящем и возможном будущем. В итоге, не только реальные коррупционные деяния, но и *инсценирование коррупции становится неотъемлемой частью современного политического ландшафта* [17]. Обывателю же отличить событие реальной коррупции от инсценированной коррупции как не-события оказывается непросто. Подчас, он поддается пропагандистскому воздействию «митинговых борцов с коррупцией» и антикоррупционных мероприятий, сопровождаемых «бурными информационными шумами».

Literature:

1. *Prigogine I.* Order from chaos. A new dialogue between man and nature / I. Prigogine, I. Stengers. M. : editorial URSS, 2001.

2. *Beck U.* Cosmopolitan Version. Cambridge : Polity Press, 2007.
3. Капитализм для народа. Либеральная революция против коррумпированной экономики / Пер. с англ. М. Бендет. М. : Изд-во Института Гайдара, 2016. 368 с.
4. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации 30 ноября 2016 г.
5. Государственное управление в условиях кризиса и санкционных ограничений: отечественный и зарубежный опыт : монография / Под ред. Е.В. Охотского. М. : МГИМО-Университет, 2017.
6. *Kravchenko S.A.* Становящаяся сложная социальная реальность: проблема новых уязвимостей // Социологические исследования, 2013. № 5. С. 3–12.
7. *Coleman J.* Foundations of Social Theory. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 1990.
8. *Rudenko V.V.* Противодействие коррупции в условиях глобализации // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции. 2019. № 1. С 198–208.
9. *Tikhonov A.V.* Социология управления. М. : Канон+, 2007.
10. *Knyazeva E.N.* Синергетика: Нелинейность времени и ландшафты коэволюции / Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов. М. : КомКнига, 2007. 272 с.
11. *Urry J.* Offshoring. Cambridge: Polity Press, 2014.
12. *Popper K.* Открытое общество и его враги. М. : Культурная инициатива, 1992. 976 с.
13. *Kravchenko S.A.* «Нормальная аномия»: контуры концепции // Социологические исследования. 2014. № 8. С. 3–10.
14. *Catells M.* The Information Age: Economy, Society and Culture. Volume I: The Rise of the Network Society. Second edition. Oxford : Wiley-Blackwell, 2010.
15. *Toshchenko Zh.T.* Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М. : Весь Мир, 2019. 344 с.
16. *Giddens A.* Turbulent and Mighty Continent. What Future For Europe? Cambridge : Polity Press, 2014.
17. Провокация: сферы коммуникативного проявления : сборник статей / Кол. авторов; Под ред. чл.-корр. РАН А.В. Дмитриева. М. : РУЧАЙНС, 2016. 158 с.
18. *Попов М.Ю.* Коррупция в современной России: причины, динамика, альтернативы / М.Ю. Попов, А.А. Курносенко, В.В. Войнов, В.Н. Гришай, М.А. Абрамов, А.З. Афаунов. М., 2016. 163 с.
2. *Beck U.* Cosmopolitan Version. Cambridge : Polity Press, 2007.
3. Capitalism for the people. The liberal revolution against a corrupt economy / Translation from English M. Bendet. M. : Publishing house of the Gaidar Institute, 2016. 368 p.
4. Concept of foreign policy of the Russian Federation. Approved by the President of the Russian Federation on November 30, 2016.
5. Public administration in the conditions of crisis and sanctions restrictions: domestic and foreign experience : monograph / Under the editorship of E.V. okhotskiy. M. : MGIMO-University, 2017.
6. *Kravchenko S.A.* Emerging complex social reality: the problem of new vulnerabilities // Sociological research, 2013. No. 5. Pp. 3-12.
7. *Coleman J.* Foundations of Social Theory. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 1990.
8. *Rudenko V.V.* Anti-corruption in the conditions of globalization // Actual problems of scientific support of the state policy of the Russian Federation in the field of anti-corruption. 2019. № 1. P. 198–208.
9. *Tikhonov A. V.* Sociology of management. M. : Kanon+, 2007.
10. *Knyazeva E.N.* Synergetics: Nonlinearity of time and landscapes of co-evolution / E.N. Knyazeva, S.P. Kurdyumov. M. : Komkniga, 2007. 272 p.
11. *Urry J.* Offshoring. Cambridge: Polity Press, 2014.
12. *Popper K.* open society and its enemies. M. : Cultural initiative, 1992. 976 p.
13. *Kravchenko S.A.* «Normal anomie»: contours of the concept // Sociological research. 2014. № 8. P. 3–10.
14. *Catells M.* The Information Age: Economy, Society and Culture. Volume I: the Rise of the Network Society. Second edition. Oxford : Wiley-Blackwell, 2010.
15. *Toshchenko Zh.T.* society of trauma: between evolution and revolution (experience of theoretical and empirical analysis). M. : The Whole World, 2019. 344 p.
16. *Giddens A.* Turbulent and Mighty Continent. What Future For Europe? Cambridge : Polity Press, 2014.
17. Provocation: the scope of a communicative display : a collection of articles / Group of authors; under the editorship of corresponding member Corr. RAS A.V. Dmitriev. M. : RUCINS, 2016. 158 p.
18. *Popov M. Y.* Corruption in modern Russia: causes, dynamics, alternatives / M.Y. Popov, A.A. Kurnosenko, V.V. Voynov, V.N. Grishay, M.A. Abramov, A.S. Afaunov. M., 2016. 163 p.

Патокина Наталья Николаевна
ассистент кафедры социологии
проектной деятельности
и проконкурентного регулирования,
Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского
natpatok@gmail.com

ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО МЕХАНИЗМА ПРОКОНКУРЕНТНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НА ОСНОВЕ ПОДХОДОВ ОБЩЕСТВЕННОГО УЧАСТИЯ

Аннотация. Рассматривается проблематика научно-методических оснований механизма развития конкуренции в России на современном этапе. На основе анализа нового целеполагания государственной политики в данной сфере, определенного Указом Президента от 21.12.2017 № 618, формирующихся практик его реализации, делается вывод о необходимости модернизации подходов к развитию конкуренции в РФ: придания ей человекоцентричности, изменения, в связи с этим, принципиальных оснований построения политики и практик проконкурентного регулирования. Формулируются предложения по формированию соответствующего социального механизма на основе подходов участвующего управления.

Ключевые слова: конкуренция, социально ориентированная конкурентная политика, мониторинг, участвующее управление, удовлетворенность потребителей, приоритетные и социально значимые товарные рынки, дорожная карта.

Развитие конкуренции является одним из приоритетных направлений государственной политики в Российской Федерации, новым вектором, ориентированным в направлении:

– повышения удовлетворенности потребителей ассортимента товаров, работ, услуг, повышения их качества и снижения цен;

– повышения экономической эффективности и конкурентоспособности хозяйствующих субъектов, в том числе, за счет обеспечения равного доступа к товарам и услугам субъектов естественных монополий и государственным услугам, необходимым для ведения предпринимательской деятельности, стимулирования инновационной активности хозяйствующих субъектов, повышения доли наукоемких товаров и услуг в структуре производства, развития рынков высокотехнологичной продукции;

Natalia N. Patokina
Assistant to Department of Sociology
design activity
and Pro-competitive regulation,
Nizhny Novgorod State
Lobachevsky University
natpatok@gmail.com

PRINCIPLES OF FORMING A SOCIAL MECHANISM FOR COMPETITIVE REGULATION BASED ON PUBLIC PARTICIPATION APPROACHES

Annotation. The issue of scientific and methodological foundations of the competition development mechanism in Russia at the present stage has been considered. The analysis of the new goal-setting of state policy in this area, as determined by December 21, 2017 the RF Presidential Decree № 618, and the implementation practices allows making a conclusion about modernization necessity of the approaches to the competition development in the Russian Federation: making it human-centered, changing the fundamental basics of building the policies and practices of the pro-competitive regulation. The proposals for the formation of the appropriate social mechanism based on the approaches of the participating management have been formulated.

Keywords: competition, socially oriented competition policy, monitoring, participating management, consumer satisfaction, priority and socially important commodity markets, road map.

– обеспечения стабильного роста и развития многоукладной экономики, развития технологий, снижения издержек в масштабе национальной экономики [1].

Именно данные цели определены в качестве первоочередных Указом Президента РФ от 21.12.2017 № 618 «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции» (далее – Указ).

С вступлением в силу Указа и последующей необходимой проработкой, и созданием во исполнение его актов различных уровней, процесс формирования социально ориентированной проконкурентной политики получил новый импульс целеполагания и соответствующий ему новый вектор развития. Как это следует из системного восприятия положений Указа и утвержденного в соответствии с ним Национального плана развития

конкуренции в Российской Федерации на 2018–2020 годы, повышение удовлетворенности потребителей, развитие диалога между населением, бизнесом и властью определяется как базовый постулат новой, человекоориентированной государственной политики по развитию конкуренции. В силу этого, государственная политика по развитию конкуренции подлежит переопределению – организации на основании более широкого набора принципов, включающего не только капитализацию лучших практик в сфере конкуренции как системы отношений в экономике, но и развитие конкуренции как социального механизма.

Идея ориентации на конечных потребителей в формировании политики по развитию конкуренции обладает в РФ определенной традицией. Уже на этапах разработки Стандарта развития конкуренции в субъектах Российской Федерации (далее – Стандарт) предполагалось, что деятельность всех участников процесса содействия развитию конкуренции на региональных рынках должна основываться на осуществлении обратной связи с потребителями и другими заинтересованными сторонами, а также - на принципе открытости и доступности информации о системе мер, процедурах и решениях, направленных на развитие проконкурентной экономической среды и конкурентных отношений [2]. В связи с этим, ежегодное проведение уполномоченным органом исполнительной власти субъекта по содействию развитию конкуренции в регионе мониторинга удовлетворенности потребителей артикулировалось в качестве ключевой составляющей реализации Стандарта.

Однако этот подход не получил на предшествующем этапе реального воплощения и не принес значимых результатов: отсутствие в Стандарте прямых указаний на механизмы и техники мониторинга лишало его операциональности и прикладного значения, а сложившееся в результате многообразие региональных практик в данном отношении не решало, а, скорее, усугубляло эту проблему [3]. Необходимость оценки удовлетворенности граждан в отсутствие единого подхода породила обширную палитру используемых техник мониторинга, различающихся по существу и объединяемых эмоционально-субъективным подходом к их конструированию, в рамках которых не предусматривается установление каких – либо специально обосновываемых требований к выборкам, процедурам сбора данных, моделям их обработки и аналитическим схемам интерпретации результатов. В большинстве случаев положение дел усугублялось разрешением дилеммы стоимость/результативность в пользу экономии средств – представления формально материального, но при этом также субъективного.

В результате, вполне прагматичная и, казалось бы, предполагающая технократическое решение задача формирования массива объективных фактов для планирования и осуществления последующих управленческих действий, оказалась решаемая в парадигме интуитивного постижения анализируемой реальности. Закономерно, что формируемое в результате представление о ситуации, в подавляющем большинстве случаев, оказывается

комплиментарным в отношении исторически сложившихся региональных моделей и подходов по развитию конкуренции, лишённым проблемности и не предполагающим действий по их изменению. Применение интуитивистского подхода к объектам социального управления закономерно, на наш взгляд, привело к ожидаемо тривиальным результатам.

Вместе с тем, манифестирование в форме введения в действие Стандарта развития конкуренции обеспечения удовлетворенности потребителя как новой задачи, породив новые практики, позволило приблизиться к пониманию того, что установление единообразия в отношении механизма мониторинга, научность и методологическое единство при его организации как новый принцип политики по развитию конкуренции предоставляет необходимые возможности по реализации положений Указа. В их числе – возможность сопоставления уровня, качества и результатов соответствующей работы, проводимой различными субъектами РФ и муниципальными образованиями, создания национального механизма развития конкуренции, ориентированного на конечного потребителя.

Использование потенциала естественно-научного знания для решения задач, относящихся к явлениям поведенческого характера, открывает значимые перспективы в сфере управления развитием конкуренции как социально-экономическим явлением. Ряд региональных практик мониторинга, в частности, в период 2014–2018 гг. в Нижегородской области, которые изначально строились на указанных основаниях, позволили сформировать и апробировать основу такого механизма [4]. При этом отличительной особенностью модели мониторинга, опирающейся на международный опыт и реализуемой в Нижегородской области, является вовлеченность ее участников – органов власти и управления, граждан и бизнеса – в процесс преодоления неудовлетворенности на всех его этапах, от целеполагания до конечной оценки достигнутого, сопричастность и ответственность в отношении получаемых результатов.

Вместе с тем, полностью потенциал этой возможности может быть реализован при изменении принципов мониторинга в национальном масштабе; конкуренция достижений субъектов РФ в данной сфере станет еще одним драйвером реализации целей, определенных Указом. В настоящее время данное поле деятельности не определено регулятивно и, соответственно, административно. По существу, многообразные, как сами подходы к конструированию мониторинга, так и формы реагирования на его результаты входят к *common sense*. Закономерный на начальных этапах, данный подход не отвечает задаче «политизации» работы по развитию конкуренции. Обеспечение реализации целей, определенных Указом, предполагает распространение принципа единства на механизмы оценки и использования результатов мониторинга с сохранением их способности учитывать локальные (территориальные, региональные, отраслевые) особенности в интересах человекоориентированной политики по развитию конкуренции в РФ.

Утверждение Указом Национального плана развития конкуренции в Российской Федерации на 2018–2020 годы отражает необходимость продолжения вектора проконкурентной политики в новых количественных границах в отношении определенных товарных рынков, определенных в качестве социально значимых и приоритетных и объединяемых по этим признакам на региональном уровне согласно критериям, определяемым также на местах, поскольку Национальный план не содержит критериев соответствующей группировки и, в связи с этим, предпосылок для построения системы соответствующих приоритетов применительно к национальной экономике в целом. Таким образом, единый научно-методический и организационный подход к мониторингованию, единые критерии выбора товарных рынков, в отношении которых должно применяться новое проконкурентное регулирование, рассматриваются как принцип, ожидающий своего воплощения.

Модернизация в результате реализации Национального плана на 2018–2020 гг. конкурентной структуры национальной экономики – создание институциональной среды с качественно новыми пропорциями частного и общественного сектора, сегментированной в увязке с локальными условиями и особенностями в территориальном и отраслевом отношении, предположительно создаст условия для следующего шага, который должен обеспечить со-настройку конкурентной экономической среды и ожиданий и представлений соответствующих социумов, выражаемых населением и предпринимателями в отношении форм и результатов ее функционирования для создания и запуска устойчиво работающего механизма закрепления достигнутого уровня удовлетворенности (во значимых проекциях) и его положительной динамики.

Удовлетворенность состоянием конкуренции рассматривается как свойство и характеристика социума, который существует и действует в развивающемся экономическом пространстве. Необходимость осознания этого пространства как среды, внутренне организованной таким образом, что обеспечивается положительная динамика удовлетворенности потребителей, диктуется новой парадигмой развития конкуренции, определенной Указом. В связи с этим, актуальной становится задача формирования национальной системы индикаторов, оценка которых должна быть источником соответствующих действий органов власти и управления, органов местного самоуправления, заинтересованных сторон, определения подходов к организации таких действий. Представляется очевидным, что данная задача может результативно решаться лишь при постоянном участии социума в лице представителей и выразителей интересов заинтересованных социальных групп и структур.

Международный опыт содержит многочисленные примеры эффективных техник участвующего

Литература:

1. Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции: Указ Президента РФ от 21.12.2017 г. № 618, «Собрание законодательства РФ», 25.12.2017, № 52 (Ч. I),

управления – успешного вовлечения сообществ во взаимодействие с официальными структурами в целях достижения согласия с конечными потребителями по вопросам предоставления тех или иных социальных услуг, развития среды обитания, решения иных вопросов местного уровня [5]. В связи с длительностью существования, устойчивостью и обширностью такого рода практик, по существу, в их рамках реализуется определенный общественный договор, состоящий в том, что не ревизуются границы соответствующих предметных полей, определенные в достаточной степени для того, чтобы дискуссия не утрачивала содержательного характера, а ее предмет оставался в зоне контроля участвующих структур и, одновременно, в области законных требований и ожиданий граждан.

В отношении обеспечения повышения удовлетворенности потребителей за счет развития конкуренции имеет место иное положение вещей. В силу особенностей социально-экономического развития в России, в их числе – высоких темпов и глобальности преобразований, формируются, в частности, значимые риски завышенных и опережающих ожиданий потребителей. В связи с этим, задача гармонизации ожиданий социума в отношении развития экономики и доступных в условиях располагаемой ресурсной базы возможностей должна решаться на основе иного принципа организации общественного участия – принципа со-участия и со-ответственности, предусматривающего, в частности, содержательное вовлечение сторон, представляющих потребителей и/или выражающих их интересы, в процесс развития конкуренции на всех его этапах и принятие ими ответственности за результаты реализации совместно вырабатываемых и воплощаемых решений.

Обобщая выше изложенное, можно заключить, что новое качество целей государственной политики по развитию конкуренции в РФ предъясняет принципиально новые требования к механизму их реализации, включая и действующие его элементы такие, как стандарт развития конкуренции субъекта Федерации и Дорожные карты развития конкуренции:

– основанность на подходах и методах научно обоснованного объективного мониторинга процессов по развитию конкуренции и их результатов в восприятии конечных потребителей;

– вовлечение конечных потребителей в лице представителей и выразителей их интересов в указанные процессы на всех этапах на основе подходов участвующего управления;

– единый подход к его масштабированию до уровня субъекта РФ и местного самоуправления.

Literature:

1. On the main directions of state policy for the development of competition: Decree of the President of the Russian Federation dated 21.12.2017 № 618, «Collection of legislation of the Russian Federation»,

ст. 8111. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_285796/ (дата обращения 24.12.2019).

2. Распоряжение Правительства РФ от 17.04.2019 № 768-р «Об утверждении стандарта развития конкуренции в субъектах Российской Федерации», «Собрание законодательства РФ», 29.04.2019, № 17, ст. 2145. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323102/ (дата обращения 24.12.2019).

3. *Теодорович М.Л.* Разработка мониторинга конкуренции на муниципальном уровне / М.Л. Теодорович, Н.Н. Иващенко // Социологический альманах. 2015. № 6. С. 428–435.

4. Мониторинг состояния и развития конкурентной среды на рынках товаров и услуг. Официальный сайт Министерства экономического развития и инвестиций Нижегородской области. URL : <https://minec.government-nnov.ru/?id=164724> (дата обращения 24.12.2019).

5. Партисипаторный подход в повышении качества жизни населения : монография / Под общей редакцией М.Н. Римашевской, Н.Н. Иващенко. М. : Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2013. 268 с.

25.12.2017. № 52 (Part I), article 8111. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_285796/ (accessed 28.11.2019).

2. Order Of the government of the Russian Federation of 17.04.2019 № 768-R «on approval of the standard for the development of competition in the subjects of the Russian Federation», «Collection of legislation of the Russian Federation», 29.04.2019, N17, article 2145. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323102/ (accessed 28.11.2019).

3. *Teodorovich M.L.* Development of competition monitoring at the municipal level / M.L. Teodorovich, N.N. Ivashinenko // Sociological almanac. 2015. № 6. P. 428–435.

4. Monitoring the state and development of the competitive environment in the markets of goods and services. Official website of the Ministry of economic development and investment of the Nizhny Novgorod. URL : <https://minec.government-nnov.ru/?id=164724> (accessed 25.11.2019).

5. Participatory approach to improving the quality of life of the population Monograph. Under the General editorship of M.N. Rimashevskaya, N.N. Ivashinenko. N.N., Moscow, publishing house of Nizhny Novgorod state University. N.I. Lobachevsky, 2013. P. 268.

Пономарев Игорь Евгеньевич

кандидат социологических наук,
профессор,
Ростовский государственный
экономический университет
ponomarev.igor54@gmail.com

Нагорных Виктория Николаевна

старший преподаватель,
Донской государственный
технический университет;
Институт физической культуры,
кафедра физического воспитания и спорта
ponomarev.igor54@gmail.com

Роль физкультурно-оздоровительной деятельности и спорта в формировании жизненных стратегий российской молодежи

Аннотация. Здоровая молодежь – это мощный ресурс для развития общества. Среди актуальных вопросов, связанных с молодежью, важным является вопрос о жизненном планировании. Авторы статьи в работе указывают на то, что физкультурно-оздоровительная деятельность и спорт способствуют выстраиванию успешных жизненных стратегий молодежи. Повышение значимости физической культуры в массовом сознании и социальных практиках молодежи позволяет воспитать активных, здоровых, талантливых молодых людей, нацеленных на саморазвитие и самосовершенствование.

Ключевые слова: физическое воспитание, физическая культура, физкультурно-оздоровительная деятельность, спорт, здоровье, здоровый образ жизни, молодежь, ценностные установки, жизненное ориентирование, жизненные стратегии.

Современная молодежь является особой социально-демографической и социокультурной группой, которая одновременно выступает и субъектом социального воспроизводства, и активным носителем социальных инноваций. Молодежь – это мощный ресурс для развития России, будущая элита страны, высококвалифицированные специалисты и эксперты в разных областях жизни.

Исследования многих ученых направлены на изучение специфики молодежи как социально-демографической группы, особенностей их социального положения, взаимоотношений с другими общественными группами. Активным образом рассматриваются ценностные ориентации и установки молодежи, а также – саморегуляция

Igor E. Ponomarev

Candidate of Sociological Sciences,
Professor,
Rostov State University of Economics
ponomarev.igor54@gmail.com

Victoria N. Nagornyh

Senior teacher,
Donskoy State Technical University (DHTU);
Institute of Physical Culture,
Department of Physical Education and Sports
ponomarev.igor54@gmail.com

THE ROLE OF SPORTS AND RECREATIONAL ACTIVITIES AND SPORTS IN SHAPING THE LIFE STRATEGIES OF RUSSIAN YOUTH

Annotation. Healthy youth is a powerful resource for the development of society. Among topical issues related to youth, the issue of life planning is important. The authors of the article believe that sports and fitness activities and sports contribute to building the life strategies of youth. Increasing the importance of physical culture in the mass consciousness and social practices of young people makes it possible to raise active, healthy, talented young people aimed at self-development and self-improvement.

Keywords: physical education, physical culture, physical-health-improving work, sport, health, healthy lifestyle, youth, value attitudes, life orientation, life strategies.

смысложизненных ценностей в культурном пространстве [1; 2]. Интерес вызывают проблемы жизненного самоопределения молодежи [3]. Особое внимание уделяется социальному здоровью российской молодежи, их установкам на здоровый образ жизни [4; 5]. Важное место в изучении молодежных проблем занимают работы, касающиеся физического воспитания молодежи: спорт рассматривается как базовый ресурс здоровой нации, а также важным является популяризация физической культуры и спорта в массовом сознании молодежи [6; 7].

Стоит отметить, что очень актуальной на сегодняшний день темой исследований в гуманитарных и социальных науках является тема жизненного проектирования: исследуются жизненные

планы, жизненные ориентиры, жизненные притязания, жизненные перспективы и жизненные стратегии [8; 9]. Среди множества проблем, связанных с молодежью, ставятся, в то же время, и вопросы о представлениях молодых людей о своем будущем: исследуется жизненный мир молодежи, структура жизненных стратегий российского студенчества [10].

Анализ научной литературы данного предметного поля свидетельствует о том, что вопросы жизненного проектирования молодежи активно отражаются в рамках различных концептуальных исследований. Также, на наш взгляд, не менее важным и актуальным в вопросе жизненного проектирования молодежи является фактор физкультурно-оздоровительной деятельности и спорта. Этим обстоятельством обусловлен выбор цели данного исследования.

В рамках данной статьи мы определим роль физкультурно-оздоровительной деятельности и спорта в формировании жизненных стратегий российской молодежи.

Сегодня в связи с активными трансформационными процессами в обществе молодые люди находятся в условиях неопределенности и вынуждены конструировать свою реальность, выбирая новые модели поведения, выстраивая жизненные стратегии, направленные на относительно благополучную жизнь.

Концепт «жизненные стратегии» стал использоваться отечественными учеными в 80-х годах XX века. Отметим, что понятие «жизненные стратегии» применяется в работах психологов, социологов, философов, педагогов. Одним из самых распространенных и признанных в отечественной науке определений данного термина является определение К.А. Абульхановой-Славской. В ее понимании «стратегия жизни» – это стратегия поиска, обоснования и реализации своей личности в жизни путем соотношения жизненных требований с личностной активностью, ее ценностями и способом самоутверждения [8, с. 67]. Любая стратегия возникает сначала как замысел жизни, а в дальнейшем требует реализации на практике. А на практике люди сталкиваются и с тем, что открывает дорогу для реализации их замысла, и с тем, что ему противоречит, что может увести в сторону. Жизненная стратегия соотносится с настоящим повседневным и ориентирована на долговременную перспективу. Жизненные стратегии молодежи предполагают активность, ответственную деятельность, в результате которой личность преобразует свое жизненное пространство в лучшую сторону, в том числе и в сторону оздоровления.

В данной работе под жизненной стратегией молодежи мы подразумеваем динамическую систему перспективного ориентирования молодых людей, которая направлена на позитивное конструирование своей будущей жизни. Социологический подход к пониманию роли физкультурно-оздоровительной деятельности и спорта в формировании жизненных стратегий российской молодежи заключается в рассмотрении типичных для нее

притязаний в контексте жизненной ситуации. Основными характеристиками жизненных стратегий молодежи является принятие ответственности за свою жизнь и здоровье, осмысленность физкультурно-оздоровительной жизнедеятельности, наличие выстроенной системы ценностей здорового образа жизни (ЗОЖ).

В этой связи, уместным будет вспомнить, что на заседании Совета по развитию физической культуры и спорта, который проходил в октябре 2019 года, Президент В.В. Путин отметил, что здоровый образ жизни является синонимом успеха. Трудно переоценить социальную роль физического воспитания, в связи с чем, перед государством стоит очень важная задача вовлечения граждан России, в особенности молодых людей, в систематические занятия физической культурой и спортом.

Ценностные ориентации молодежи, вовлеченной в спортивную субкультуру, отличаются от ценностных установок тех молодых людей, которые не занимаются физкультурно-оздоровительной деятельностью и спортом [11]. Выстраивая свои жизненные стратегии, молодые люди ориентируются на успешность, саморазвитие, активную жизненную позицию, а занятия спортом способствуют поддержанию дисциплины, организованности, концентрации внимания, социальной активности, коммуникабельности, работоспособности, интеллектуального развития, стрессоустойчивости и в целом жизненного самочувствия человека.

Физической культуре и спорту присущи общекультурные функции:

– общеобразовательная (полноценное формирование жизненного фонда двигательных знаний, умений и навыков, общефизического развития и создания основы ЗОЖ);

– жизненно-преобразовательная (преодоление стереотипов наследственного детерминизма психофизического состояния, формирования стратегии ЗОЖ на поведенческом уровне);

– коммуникативно-трансляционная (обеспечение трансляции опыта ведения ЗОЖ, преемственности ценностных ориентаций, формирующих стратегии физкультурно-оздоровительной жизнедеятельности).

Понимание специфической сущности этих функций позволяет тактически верно определить роль и значение физической культуры и спорта в жизни молодежи; сформулировать цели физкультурно-оздоровительной деятельности; систему задач, средства, методы обучения и развития российской молодежи в целях формирования у нее устойчивой стратегии здоровьесбережения, в частности, и жизненных стратегий, в целом [12].

Современная социальная реальность представлена таким образом, что молодежь, чтобы быть успешной и востребованной, должна быть здоровой, заниматься спортом, что помогает развивать различные навыки и способности, позволяющие стать более организованными, коммуникабельными,

работоспособными и стрессоустойчивыми. В связи с этим, физическое воспитание помогает молодым людям сконструировать реальность вокруг себя и избежать деструктивного влияния рискованных факторов социальной среды [13].

По данным опроса Всероссийского центра общественного мнения каждый второй россиянин (62 %) считает, что занятие спортом – это важный элемент воспитания детей. По мнению граждан России, физкультурно-оздоровительная деятельность и занятия спортом улучшают здоровье их детей (87 %), содействуют их гармоничному развитию (29 %), формируют характер (26 %) и дисциплинируют (17 %) [14].

Если обратиться к молодым предпринимателям, которые успешно выстраивают свои жизненные стратегии и добиваются высоких результатов во многих сферах жизни, то мы увидим, что спорт помогает реализовывать поставленные задачи. Успешные предприниматели-практики утверждают, что спорт и физические нагрузки – это хорошие помощники в решении бизнес-задач. По мнению Алексея Иркова, технического директора проекта Altair Digital, именно спорт развивает навык достижений. По его мнению, «любая нагрузка влечёт за собой выброс гормона эндорфина, что способствует снижению стресса, повышению настроения. Так что, регулярные занятия спортом помогают мне расслабиться и восстановить энергию. Во время тренировок отключаешься от забот, переключаешься только на физическую нагрузку» [15].

Безусловно, необходимо отметить, что физкультурно-оздоровительная деятельность способствует реализации не только карьерных стратегий, также – спорт помогает развитию гармоничных взаимоотношений в семье. Совместные занятия спортом сближают членов семьи, у них

Литература:

1. *Сердюченко Я.В.* Ценность семьи в иерархии ценностей молодёжи на Юге России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 1. С. 103–107.
2. *Зубок Ю.А.* Самоорганизация в механизме саморегуляции жизнедеятельности молодежи практики / Зубок Ю.А., Чупров В.И., Любутов А.С. Под ред. С.В. Рязанцева, Т.К. Ростовской. // Молодежь и молодежная политика: новые смыслы и М., 2019. С. 15–35.
3. *Ральникова И.А.* Жизненные перспективы молодежи в условиях социальных изменений / И.А. Ральникова, О.С. Гурова, Е.А. Ипполитова. Барнаул, 2018.
4. *Гафиатулина Н.Х.* Социальное здоровье и социализация российской студенческой молодежи // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 11. С. 175–180.
5. *Воробьев Г.А.* Формирование установки на здоровый образ жизни как мера профилактики девиантного поведения среди молодежи / Г.А. Воробьев, Н.Х. Гафиатулина, С.И. Самыгин //

появляются совместные цели и общие темы для разговоров.

Также, физкультурно-спортивные занятия выступают в качестве хорошего хобби и проведения досуга молодежи. Рекреационная среда городского пространства предлагает нам прокатиться по зеленому парку на специально оборудованных велодорожках, попрыгать на батутах в центрах развлечений, в торговых центрах оборудованы катки, помещения для боулинга, работают студии танцев, йоги, фитнес залы с тренажерами [16].

Таким образом, на основе проведенного нами анализа видно, что спорт и физическая культура развивают физические, психические и социальные качества личности, дают молодому человеку веру в собственные силы и возможности, способствуют борьбе со стрессом, стимулируют к достижению результата, успех которого зависит от силы воли, целеустремленности и трудолюбия молодого человека. Физкультурно-оздоровительная деятельность помогает выстраивать систему установок, формировать собственные жизненные стратегии, основываясь на своих ценностных ориентациях.

В связи с этим, необходимо регулярно делать акцент на позитивной роли физической культуры и спорта в жизни молодежи. Физически активный образ жизни должен быть доступным, необходимым, интересным, а самое главное человек должен осознавать, что такой образ жизни неразрывно связан с моделью социально-успешного человека. Для популяризации спорта в сознании и социальных практиках молодежи важно реализовывать целый комплекс научно-методических, организационных, правовых, финансово-экономических мер на государственном, региональном и муниципальном уровнях.

Literature:

1. *Serdyuchenko Ya.V.* Family value in the hierarchy of youth values in the South of Russia // Humanitarian, Social, Economic and Social Sciences. 2014. № 1. P.103–107.
2. *Zubok Yu.A.* Self-organization in the mechanism of self-regulation of youth's life / Yu.A. Zubok, V.I. Chuprov, A.S. Lyubutov; ed. S.V. Ryazantseva, T.K. Rostov // Youth and youth policy: new meanings and practices M., 2019. P. 15–35.
3. *Ralnikova I.A.* Life prospects of youth in the conditions of social change / I.A. Ralnikova, O.S. Gurova, E.A. Ippolitova. Barnaul, 2018. 336 p.
4. *Gafiatulina N.Kh.* Social health and socialization of Russian student youth // Social and humanitarian knowledge. 2014. № 11. P. 175–180.
5. *Vorobyov G.A.* The formation of the attitude towards a healthy lifestyle as a measure of the prevention of deviant behavior among young people / G.A. Vorobyov, N.Kh. Gafiatulina, S.I. Samygin //

Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 10. С. 54–58.

6. *Ponomarev I.E.* The influence of social justice crisis on social health and spiritual security of young students (a case study of the south of Russia). *International Journal of Applied Exercise Physiology* / I.E. Ponomarev, N.K. Gafiatulina, E.I. Zritineva, et al. 2019. T. 8. № 2.1. P. 250–257.

7. *Пономарев И.Е.* Популяризация в российском обществе физической культуры и спорта как фактора формирования ценностных ориентаций молодежи / И.Е. Пономарев, О.Ю. Стриева, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. С. 61–64.

8. *Абульханова-Славская К.А.* Стратегия жизни. М., 1991. 299 с.

9. *Резник Ю.М.* Жизненный выбор человека: сущность и стратегии реализации // *Личность. Культура. Общество*. 2012. Вып. 2. № 71. С. 123–137.

10. *Легостаева Н.И.* Структура жизненных стратегий современного российского студенчества : дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2012. 186 с.

11. *Кузнецов П.К.* Гуманистические ценности массового спорта как средство формирования всесторонне развитой личности // *Известия РГПУ им. А.И. Герцена*. 2012. № 152. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/gumanisticheskie-tsennosti-massovogo-sporta-kak-sredstvo-formirovaniya-vsestoronne-razvitoy-lichnosti>

12. *Gafiatulina N.Kh.* Social health of students in the gender dimension // *Bulletin of Perm State University*. 2015. № 17. P. 146–157.

13. *Давыдова С.А.* Функции физической культуры в формировании стратегии здоровьесбережения // *Дискуссия*. 2012. № 4(22). С. 146–148.

14. Опрос ВЦИОМ «Россия – спортивная страна». URL : <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10001>

15. Спорт в помощь: как физические нагрузки помогают решать бизнес-задачи. URL : <https://biz360.ru/materials/sport-v-pomoshch-kak-fizicheskie-nagruzki-pomogayut-reshat-biznes-zadachi/>

16. *Пономарев И.Е.* Организация спортивно-массовой и физкультурно-оздоровительной работы в студенческой среде / И.Е. Пономарев, С.В. Барсуков // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. 2019. № 2. С. 225–229.

Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2019. № 10. P. 54–58.

6. *Ponomarev I.E.* The influence of social justice crisis on social health and spiritual security of young students (a case study of the south of Russia). *International Journal of Applied Exercise Physiology* / I.E. Ponomarev, N.K. Gafiatulina, E.I. Zritineva, et al. 2019. T. 8. № 2.1. P. 250–257.

7. *Ponomarev I.E.* Popularization in the Russian society of physical culture and sport as a factor in the formation of value orientations of youth / I.E. Ponomarev, O.Yu. Strieva, S.I. Samygin // *Humanitarian, socio-economic and social sciences*. 2018. P. 61–64.

8. *Abulkhanova-Slavskaya K.A.* Life strategy. M., 1991. 299 p.

9. *Reznik Yu.M.* Human life choice: essence and implementation strategies // *Personality. The culture. Society*. 2012. Vol. 2. № 71. P. 123–137.

10. *Legostaeva N.I.* The structure of life strategies of modern Russian students : dis. ... cand. sociol. sciences. SPb., 2012. 186 p.

11. *Kuznetsov P.K.* The humanistic values of mass sport as a means of forming a comprehensively developed personality // *Izvestiya RGPU im. A.I. Herzen*. 2012. № 152. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/gumanisticheskie-tsennosti-massovogo-sporta-kak-sredstvo-formirovaniya-vsestoronne-razvitoy-lichnosti>

12. *Gafiatulina N.Kh.* Social health of students in the gender dimension // *Bulletin of Perm State University*. 2015. № 17. P. 146–157.

13. *Davydova S.A.* Functions of physical culture in the formation of a health-saving strategy // *Discussion*. 2012. № 4(22). P. 146–148.

14. A survey by the All-Russian Public Opinion Research Center «Russia is a sports country». URL : <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10001/>

15. Sports to the rescue: how physical activities help solve business problems. URL : <https://biz360.ru/materials/sport-v-pomoshch-kak-fizicheskie-nagruzki-pomogayut-reshat-biznes-zadachi/>

16. *Ponomarev I.E.* Organization of mass sports and fitness work in the student environment / I.E. Ponomarev, S.V. Barsukov // *State and Municipal Administration. Scientists notes*. 2019. № 2. P. 225–229.

Согомонян Ксения Владимировна
старший преподаватель кафедры
физической культуры и спорта,
Академия физической культуры и спорта,
Южный федеральный университет
k.v.sogomonyan@gmail.com

Косинов Сергей Сергеевич
кандидат социологических наук,
старший преподаватель кафедры
физического воспитания и спорта,
Ростовский государственный
экономический университет
ssk29.81@mail.ru

Громик Ольга Станиславовна
старший преподаватель кафедры
спортивных дисциплин,
Академия физической культуры и спорта,
Южный федеральный университет
ogromik65@mail.ru

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ У СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

■ ■ ■

Аннотация. В статье доказывается, что среди приоритетных направлений реформирования профессионального образования определена необходимость разработки стандартов профессиональной компетентности с учетом перспектив развития аграрного производства и осуществления его научных исследований. Раскрывается понятие исследовательской компетентности; компетентность рассматривается как сложный синтез когнитивного, предметно-практического и личностного видов опыта специалиста. Дается описание четырехуровневой структуры содержания исследовательской компетенции будущих специалистов аграрной сферы.

Ключевые слова: физическая культура, оздоровительная физическая культура, физическое воспитание, физическое развитие, физкультурно-оздоровительная деятельность, спорт, здоровье, здоровый образ жизни, студенческая молодежь.

■ ■ ■

В настоящее время в России принят курс на инновационный социально ориентированный тип экономического развития, одним из приоритетных направлений которого выступает формирование системы мотивации граждан к здоровому образу жизни (ЗОЖ), включая здоровое питание и отказ от вредных привычек. В связи с

Ksenia V. Soghomonyan
Senior teacher Department
of Physical Culture and Sports,
Academy of Physical Culture and Sports,
South Federal University
k.v.sogomonyan@gmail.com

Sergey S. Kosinov
Candidate of Sociological Sciences,
Senior teacher Department
of Natural Education and Sports,
Rostov State Economic University (RINH)
ssk29.81@mail.ru

Olga S. Gromik
Senior teacher Department
of Sports Disciplines,
Academy of Physical Culture
and Sports, South Federal University
ogromik65@mail.ru

PHYSICAL CULTURE AND SPORT AS A MEANS OF FORMING A HEALTHY LIFESTYLE AMONG STUDENTS

■ ■ ■

Annotation. Currently, young people are losing the value of health, which makes the most relevant search for means to promote a healthy lifestyle (HLS). The authors of the article believe that physical education and sport contribute to the formation of healthy lifestyles in the student youth environment. It is these tools that allow students to form an active life position among students, contribute to concentration, working capacity and intellectual development.

Keywords: physical culture, health-improving physical culture, physical education, physical development, physical-health-improving activity, sport, health, healthy lifestyle, student youth.

■ ■ ■

этим, одной из приоритетных задач, стоящих перед государством, является увеличение доли молодых граждан, ведущих ЗОЖ, а также увеличение до 55 % доли граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом, и повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет (к 2030 году – до 80 лет) [1].

Опираясь на ежегодные данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения, отметим, что все группы населения, проживающие в России: дети, молодежь, граждане трудоспособного возраста и пенсионеры, могут быть отнесены к группам риска по состоянию здоровья [2]. Особую тревогу вызывает такая социальная группа, как молодежь, так как отмечено, что лишь 10 % выпускников российских школ считаются здоровыми, а если рассматривать студенческую молодежь, то практически половина студентов имеют отклонения в состоянии здоровья [3].

Поскольку молодежь – это мощный ресурс для развития общества, то особо актуально и важно исследовать вопросы, касающиеся данной социально-демографической группы. Именно молодежь должна стать определенным авангардом в формировании здорового образа жизни [4].

Специфика молодежи как особой социально-демографической группы активно изучается ответственными исследователями. Ученые отмечают, что у современного молодого поколения не выработан приоритет здорового образа жизни, не разработан механизм ответственности молодого человека за выбор здоровьесберегающих способов жизнедеятельности, слабо поставлена пропагандистская установка на формирование ЗОЖ и здоровьесберегающие технологии [5; 6; 7]. Молодежь развивается в постоянно трансформирующемся обществе – обществе риска, что, в свою очередь, влияет на конструирование жизненных стратегий и приоритетов молодых людей. Также многие исследователи утверждают, что в связи с множеством факторов снижается уровень здоровья и сформированности ЗОЖ именно у студенческой молодежи [8].

Таким образом, мы видим приоритетность и актуальность формирования системы мотивации молодежи к здоровому образу жизни, который обозначается как на государственном уровне, так и выявляется учеными, работающими в данной предметной области.

Цель данной статьи – рассмотреть физическую культуру и спорт в качестве средства формирования ЗОЖ студенческой молодежи.

Проводя анализ понятия «студенческая молодежь», мы можем отметить тот факт, что в настоящее время размыты возрастные границы данной категории. Тем не менее, отметим, что в каждом возрасте у такой социальной группы, как молодежь, отмечаются свои социально-психологические особенности. Не вдаваясь в тонкости психологии, стоит сказать, что молодые люди школьного возраста от 14 до 17 лет чаще всего испытывают потребности в самопознании, самооценке, независимости. На данном возрастном отрезке у молодых людей происходит осознанное формирование духовно-нравственных норм, а также начало выбора жизненной траектории. Касаясь такого возраста, как 18–22 лет, отметим, что молодежь приобретает профессию, обучаясь в учебном заведении, выстраивает карьерные стратегии, ведет активный поиск себя в жизни. В

связи с трехступенчатой системой образования (бакалавриат, магистратура, аспирантура) период приобретения профессиональных компетенций и обучения в образовательных учреждениях может растягиваться до 30 лет. В целом же, в возрасте от 22 до 27 лет у молодых людей усиливается значимость семейных, профессиональных ценностей, материального благополучия. Молодые люди в возрасте от 26 до 35 лет представляют собой сформировавшихся профессионалов в своей профессиональной области и опытных родителей [9]. Таким образом, мы видим, что в каждой возрастной категории молодежной группы выделяются свои социально-психологические особенности и социальные потребности.

Рассматривая в данной работе студенческую молодежь, отметим, что именно данный возраст считается наиболее значимым в плане разного рода воздействий, так как в студенческий период времени активно формируется структура жизненных планов молодых людей, приобретаются общекультурные и профессиональные компетенции. Период обучения, который часто молодые люди совмещают с работой, является весьма трудозатратным как в моральном, так и в физическом плане. В связи с этим, молодые люди должны очень внимательно относиться к своему здоровью. Специалисты, занимающиеся проблемами здоровья студенческой молодежи, утверждают, что именно на этапе студенчества молодые люди могут «пресечь» развитие будущих заболеваний, отказаться от многих «вредных привычек» [10].

Проанализировав результаты исследований, стоит отметить тот факт, что для значительной части молодежи здоровье не является ценностью или же переходит из разряда терминальных ценностей в инструментальные. Чаще всего, именно молодые люди подвержены таким социальным болезням, как табакокурение, наркомания, алкоголизм [11], что в очередной раз убеждает нас в том, что необходимо подпитывать сознание молодежи основами культуры здоровья и здорового образа жизни в рамках теоретического и практического обучения.

Опираясь на определение Всемирной организации здравоохранения, отметим, что здоровый образ жизни – это поведение человека, которое позволяет ему укреплять свое здоровье. ЗОЖ – это система жизни, где физическое воспитание и правильные привычки становятся нормой жизни и помогают реализовать личностные запросы человека.

Формирование ЗОЖ должно происходить в рамках физического воспитания – процесса, который позволяет не только развивать физические возможности человека, приобрести знания о физической культуре и спорте, но и воспитать личность физически здорового человека с высоким уровнем физической культуры [12]. Физическая культура является частью культуры и представляет собой совокупность ценностей, норм и знаний, создаваемых и используемых обществом в целях физического и интеллектуального развития молодежи совершенствования его двигательной

активности и формирования здорового образа жизни, социальной адаптации путем физического воспитания, физической подготовки и физического развития [12]. Опираясь на данное определение, мы понимаем, что сформировать физическую культуру (ценности, нормы и знания) можно при помощи средств физического воспитания, среди которых необходимо отметить спорт. Спорт – сфера социально-культурной деятельности как совокупность видов спорта, сложившаяся в форме соревнований и специальной практики подготовки человека к ним. Таким образом, физическая культура и спорт неразрывно связаны друг с другом.

Популяризация физической культуры и спорта протекает при помощи деятельности таких агентов, как государство, семья, образование. Касаясь такого агента, как образование, отметим, что в рамках учебного процесса дисциплины по физической культуре входят в Федеральные государственные образовательные стандарты по каждому направлению уровня бакалавриата.

Характеризуя реализацию дисциплин по физической культуре и спорту в условиях учреждений высшего образования, Л.Б. Андрущенко, С.В. Белецкий, Е.Ю. Внукова и М.Ю. Точигин подчеркивают, что специфика организации занятий по физической культуре предполагает дифференцированный подход по полу, уровню физической подготовленности, наличию ограничений и противопоказаний по состоянию здоровья. Формирование ЗОЖ у студенческой молодежи происходит в рамках занятий в малых группах при выполнении физических упражнений. Благодаря таким упражнениям студенческая молодежь познает, что такое единство соперничества и сотрудничества для достижения общих целей. При этом указанные авторы отмечают, что в условиях модернизации образовательных организаций (объединение или присоединение) кафедры физического воспитания становятся самыми многочисленными по составу профессорско-преподавательского и вспомогательного состава, ибо они оказывают образовательные услуги по дисциплинам физической культуры и спорта 90 % студентов, обучающихся по программам бакалавриата [13].

Реализация дисциплин (модулей) происходит в рамках базовой части Блока 1, то есть, является обязательным компонентом учебного процесса. Также стоит отметить, что для лиц с ограниченными возможностями здоровья образовательная организация должна установить особый порядок освоения дисциплин (модулей) по физической культуре и спорту с учетом состояния их здоровья. Во многих вузах в рамках учебного процесса обучающийся имеет возможность выбрать наиболее подходящую для него секцию физической культуры [14].

Модель дисциплины «Физическая культура» для студенческой молодежи включает в себя формирование спортивной культуры обучающегося, своевременное формирование мышечной системы, предотвращающей дисбаланс в развитии, ловкость, адаптацию к требованиям окружающей среды, овладение методами самовоспитания;

овладение знаниями, позволяющими противодействовать преждевременному старению; физическая культура и спорт рассматривается не только как средство формирования здорового образа жизни, но как способ реализации современной стратегии здравоохранения [15].

В своем диссертационном исследовании Е.С. Садовников указывает на то, что адаптацию системы физкультурно-оздоровительной деятельности к современным условиям целесообразно осуществлять по направлениям, определяющим механизм реализации следующих принципов:

– мотивационному (связанному с развитием мотивации к выполнению физкультурно-оздоровительной деятельности);

– организационному (выстраивающему физкультурно-оздоровительную деятельность в рамках ЗОЖ);

– технологическому (реализующему основные положения конструирования физкультурно-оздоровительных технологий);

– субъектному, (формирующему убежденность в необходимости выполнения физкультурно-оздоровительной деятельности у молодежи);

– патриотическому (консолидирующему заботу о себе с заботой о государстве) [16, с. 10].

Результаты экспериментальной работы по практической реализации разработанных принципов позволяют констатировать достоверные позитивные изменения, произошедшие у студентов: так, у них повысился уровень организованности, личностного качества, определяющего эффективность выполнения физкультурно-оздоровительной деятельности, направленной на формирование ЗОЖ. При этом повысились «общественные цели» (15,60 %), «социоцентричность» (16,8 %), «осмысленность» (18,9 %), «продуктивность» (19,3 %), «адаптивность» (18,7 %) и др. качества. Увеличилось состояние готовности к ЗОЖ и саморазвитию в физической культуре [16, с. 36].

Физическая культура и спорт являются важным фактором социализации и установления активной жизненной позиции, ибо социальная активность передается на другие сферы жизнедеятельности – учебную, трудовую, общественную [17]. Занимаясь физкультурно-спортивной деятельностью, молодежь набирает и накапливает в себе социальный опыт, в результате чего происходит повышение ее социальной активности.

Итак, благодаря обучению студенческой молодежи основам культуры здоровья, она станет более мотивированной к здоровому образу жизни. Физическая культура и спорт поможет молодежи стать успешнее. Занятия спортом способствуют формированию у нее активной жизненной позиции, поддержанию дисциплины, концентрации внимания, коммуникабельности, работоспособности, интеллектуальному развитию, стрессоустойчивости, что является неотъемлемыми качествами успешной личности.

Литература:

1. Указ Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL : <http://kremlin.ru/events/president/news/57425>
2. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE). URL : <https://www.hse.ru/rllms>
3. Физическая культура. Основы здорового образа жизни / Под ред. Ю.П. Кобякова. Ростов-н/Д., 2014.
4. *Воробьев Г.А.* Формирование установки на здоровый образ жизни как мера профилактики девиантного поведения среди молодежи / Г.А. Воробьев, Н.Х. Гафиатулина, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 10. С. 54–58.
5. *Буянова Л.В.* Формирование здорового образа жизни учащихся как профилактика девиантного поведения // Устойчивое развитие науки и образования. 2018. № 9. С. 243–248.
6. *Пономарев И.Е.* Популяризация в российском обществе физической культуры и спорта как фактора формирования ценностных ориентаций молодежи / И.Е. Пономарев, О.Ю. Стриева, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 3. С. 61–64.
7. *Gafiatulina N.K.* The role of health-saving technologies in the process of students educational and professional socialization / N.K. Gafiatulina, L.I. Makadey, I.V. Gluzman, A.D. Lozhechkina, L.A. Volkova, A.P. Bandurin. EurAsian Journal of Biosciences. 2019. T. 13. № 2. С. 1557–1563.
8. *Шириева З.Ш.* Ориентация студентов на здоровый образ жизни как основа физического воспитания // Теория и практика общественного развития. 2015. № 18. С. 22–28.
9. *Сердюченко Я.В.* Ценность семьи в иерархии ценностей молодежи на Юге России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки, 2014. № 1. С. 103–107.
10. *Добровотворская С.Г.* Проектирование и реализация системы педагогической ориентации студентов на здоровый образ жизни : автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01. Казань. 2002. 49 с.
11. *Ермаков В.А.* Воспитание здорового образа жизни : монография / Тульский гос. ун-т. Тула, 2012. 113 с.
12. Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (дата обращения 9.02.2020).
13. *Андрющенко Л.Б.* Реализация дисциплин по физической культуре и спорту в условиях учреждений высшего образования / Л.Б. Андрющенко,

Literature:

1. Decree of the President of the Russian Federation «On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period until 2024». URL : <http://kremlin.ru/events/president/news/57425>
2. Russian monitoring of the economic situation and public health of the Higher School of Economics (RLMS HSE). URL : <https://www.hse.ru/rllms>
3. Physical education. The basics of a healthy lifestyle / ed. Yu.P. Kobayakova. Rostov-on/D. : Phoenix, 2014.
4. *Vorobyov G.A.* The formation of the attitude towards a healthy lifestyle as a measure of the prevention of deviant behavior among young people / G.A. Vorobyov, N.Kh. Gafiatulina, S.I. Samygin // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2019. № 10. P. 54–58.
5. *Buyanova L.V.* The formation of a healthy lifestyle of students as prevention of deviant behavior // Sustainable development of science and education. 2018. № 9. P. 243–248.
6. *Ponomarev I.E.* Popularization in the Russian society of physical culture and sport as a factor in the formation of value orientations of youth / I.E. Ponomarev, O.Yu. Strieva, S.I. Samygin // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2018. № 3. P. 61–64.
7. *Gafiatulina N.K.* The role of health-saving technologies in the process of students educational and professional socialization / N.K. Gafiatulina, L.I. Makadey, I.V. Gluzman, A.D. Lozhechkina, L.A. Volkova, A.P. Bandurin. EurAsian Journal of Biosciences. 2019. T. 13. № 2. С. 1557–1563.
8. *Shirieva Z.Sh.* Orientation of students to a healthy lifestyle as the basis of physical education // Theory and practice of social development. 2015. № 18. P. 22–28.
9. *Serdyuchenko Ya.V.* Family value in the hierarchy of youth values in the South of Russia // Humanitarian, Social, Economic and Social Sciences, 2014. № 1. P. 103–107.
10. *Dobrotvorskaya S.G.* Design and implementation of a system of pedagogical orientation of students to a healthy lifestyle : abstract. dis dr ped. sciences: 13.00.01. Kazan. 2002. 49 p.
11. *Ermakov V.A.* Education of a healthy lifestyle: monograph. Tula, 2012. 113 p.
12. Federal Law of 04.12.2007 № 329-ФЗ (as amended on 08.02.2019) «On Physical Culture and Sport in the Russian Federation».
13. *Andryushchenko L.B.* The implementation of disciplines in physical education and sports in higher education institutions / L.B. Andryushchenko,

С.В. Белецкий, Е.Ю. Внукова, М.Ю. Точигин // Теория и практика физической культуры. 2016. № 9. С. 3–5.

14. *Борцов Ю.С.* Проектирование образовательных программ подготовки молодых специалистов в сфере физкультурно-оздоровительных услуг / Ю.С. Борцов, Н.Х. Гафиатулина, С.С. Косинов // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 3. С. 222–225.

15. *Олонец С.Б.* Физическая культура и спорт как способ реализации стратегии здравоохранения / С.Б. Олонец, В.М. Бабаева, К.В. Согомонян // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 9.

16. *Садовников Е.С.* Принципы функционирования системы физкультурно-оздоровительной деятельности молодежи : автореф. ... д-ра педаг. наук. Тамбов, 2019. 42 с.

17. *Косинов С.С.* Спорт как агент социализации молодежи в условиях кризиса социализационной системы российского общества // Общество и право. 2012. № 5 (42). С. 281–285.

S.V. Beletsky, E.Yu. Vnukova, M.Yu. Tochigin // Theory and practice of physical education. 2016. № 9.

14. *Bortsov Yu.S.* Designing educational programs for training young specialists in the field of fitness services / Yu.S. Bortsov, N.Kh. Gafiatulina, S.S. Kosinov // State and municipal administration. Scientists notes. 2019. № 3. P. 222–225.

15. *Olonets S.B.* Physical education and sport as a way to implement the health care strategy / S.B. Olonets, V.M. Babaeva, K.V. Soghomonyan // Humanitarian, Social, Economic and Social Sciences. 2019. № 9.

16. *Sadovnikov E.S.* The principles of functioning of the system of youth fitness activities : author. ... dr. educator. sciences. Tambov, 2019. 42 p.

17. *Kosinov S.S.* Sport as an agent of youth socialization in a crisis of the socialization system of Russian society // Society and Law. 2012. № 5(42). P. 281–285.

Степаненко Сергей Григорьевич
кандидат исторических наук,
старший преподаватель
кафедры социологии,
правоведения и работы с персоналом,
Кубанский государственный
технологический университет
stepik71@mail.ru

Sergey G. Stepanenko
Candidate of Historical Sciences,
Senior teacher
Department of Sociology,
Legal and Personnel Management,
Kuban State Technological University
stepik71@mail.ru

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ КАК ЭТАП МИРОВОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

DIGITALIZATION OF EDUCATION AS A STAGE OF GLOBALIZATION

Аннотация. В статье рассматривается проблема мировой глобализации в аспекте цифровой трансформации, когда вопросы производства, распределения, обмена и потребления информации становятся первостепенными. Особое внимание автор уделяет цифровизации образования как очередной попытке его реформирования и модернизации с целью недопущения отставания от ведущих мировых государств. Делается вывод о преимуществах и недостатках цифровизации в сфере образования на всех уровнях, необходимости осторожного и вдумчивого подхода при переходе на «цифру».

Ключевые слова: глобализация, цифровая трансформация, модернизация образования, цифровизация образования.

Annotation. The article considers the problem of globalization in the aspect of digital transformation, when issues of production, distribution, exchange and consumption of information become paramount. The author pays special attention to the digitalization of education as an attempt in reformation and modernization of education in order to prevent lagging behind the leading world states. The conclusion is made about the advantages and disadvantages of digitalization of education at all levels, as well as about the need for a cautious and thoughtful approach when switching to the «digital».

Keywords: globalization, digital transformation, modernization of education, digitalization of education.

Процесс глобализации в мировой экономике приобрел всеобъемлющий характер. Реализуется мировая глобализация в образовании единой зоны для беспрепятственного перемещения товаров, услуг, трудовых ресурсов, капитала, информации. Государства с отсталой или мало развитой экономикой, которые формально не задействованы в интеграции, тем не менее, включаются в мировые рынки. Услуги, товары, рабочая сила представляют собой активный экспорт, знания – импорт, а капитал – инвестиции во внутреннюю экономику страны.

Очевиден факт, что мировая глобализация не только выходит за рамки экономической интеграции (ВТО), но и оказывает существенное воздействие на жизненно определяющие сферы государств: культуру, идеологию, политику. Одним из вопросов современности является возможность включения того или иного социума (государства) в этот процесс интеграции.

Мировое сообщество переходит к цифровой трансформации, когда процессы производства, распределения, обмена и потребления информации становятся первостепенными по отношению к другим видам экономической деятельности, что усиливает виртуализацию экономики, порождая её новую – цифровую – форму.

В настоящее время можно говорить о едином процессе преобразования общества, в основе которого лежат развивающиеся технологии, первой из которых стала информатизация, сменяемая сегодня цифровизацией.

Концепция цифровой экономики уже вышла за рамки электронной торговли и включает в себя ведение бизнеса, коммуникацию и предоставление услуг во всех отраслях, включая финансы, производство, транспорт, образование, здравоохранение, сельское хозяйство, СМИ и т.д.

Глобализация влечёт за собой не только укрупнение государственных образований и образование надгосударственных структур, этническую (национальную) ассимиляцию и экономическую интеграцию, следствием которой отдельные регионы мира неизбежно превращаются в сырьевые придатки мирового народного хозяйства, но и заключается в установлении тотального контроля за каждой отдельной личностью, вне зависимости от места её нахождения. Представители соответствующих спецслужб и ведомств без проблем получают информацию о перемещениях отдельного индивида, его финансовых операциях, круге общения и содержании переписки, информации, которой обменивается, а также каких социальных, политических, религиозных и т.д. воззрений

придерживается. Более того, современные технологии уже позволяют предугадывать намерения индивида и соответствующим образом на них воздействовать (наиболее показательна реклама), пока достаточно примитивно, но это – лишь вопрос времени.

А.О. Лапшин [1] справедливо ставит вопрос: «Как осуществлять мониторинг глобализации и цифровизации? Кто его будет осуществлять? Не секрет, что субъекты, владеющие и управляющие компьютерными сетями, могут это делать в своих интересах или в интересах ТНК, которые оплачивают эти исследования».

Разумеется, всё это делается только из лучших побуждений (либо необходимости) и, безусловно, направлено на удобство индивида и общества (государства). Но дальнейшее развитие цифровых технологий, сопряжённых с глобализацией, позволит в кратчайшие сроки выявлять, отслеживать и при необходимости тем или иным способом «нейтрализовать» индивидов, поведение которых не соответствует лекалу («прокрустову ложу»?). Всё это будет осуществляться, конечно же, только в целях обеспечения безопасности и в интересах общества, иначе ведь и быть не может?

Тем не менее, процесс цифровизации экономики, образования и любых иных сфер жизни человека предполагает формирование у него цифровой (информационной) культуры, позволяющей грамотно использовать открывающиеся возможности и органично встраиваться в среду информационного общества.

Россия, несмотря на сегодняшние экономические трудности, вынуждена следовать по пути цифровизации российской экономики, с целью получения различных позитивных экономических эффектов. Однако многие эксперты и исследователи проблемы, указывают на определенные риски. В сфере экономики – это:

– сокращение рабочих мест, снижение уровня безопасности по причине неразвитых технологий защиты;

– нарастание конкурентной борьбы во всех сферах экономики;

– нарушение частной жизни человека, угроза «цифровому суверенитету» страны и многое другое.

Последствия все более оцифрованного мира теперь проникают во все уголки нашей жизни. Розенберг Н.В. [2] в работе «Особенности развития национальных культур в современном глобальном мире» в цифровизации видит угрозу в плане изменения культуры. С ним солидарны Головинский В.В. и Дорофеев Р.А. [3], которые считают, что Россия – многонациональная страна, где культура имеет большое значение для человека. И особенности, которые присущи русской культуре, не могут быть оцифрованы. На Западе, где мировоззрение и мышление людей уже

стандартизировано и ограничено в пределах их узкой специализации, стандарт заменил человечность в отношениях.

Обсуждая проблему реализации цифровизации общества, нельзя обойти стороной такую сферу, как образование. В рамках государственной программы «Развитие образования на 2013–2020 годы» в 2016 году стартовал федеральный проект «Современная образовательная среда в Российской Федерации».

В соответствии с данным проектом, необходимо «модернизировать систему образования, профессиональной подготовки, привести образовательные программы в соответствие с нуждами цифровой экономики. Необходимо широко внедрить цифровые инструменты учебной деятельности и целостно включить их в информационную среду, обеспечить возможность обучения граждан по индивидуальному учебному плану в течение всей жизни, в любое время и в любом месте» [4].

В сфере образования цифровизация преследует две цели:

1. *Непрерывность процесса обучения*, т.н. life – long – learning, обучение в течение всей жизни.

2. *Индивидуальность образования* на основе advanced – learning – technologies, технологий продвинутого обучения [5].

Процесс цифровизации образования и иных сфер жизни человека предполагает формирование у него цифровой (информационной) культуры, позволяющей грамотно использовать открывающиеся возможности и органично встраиваться в среду информационного общества [6].

В этой связи, следует отметить серьезный и целостный подход в рассмотрении проблемы цифровизации образования Е.В. Устюжаниной и С.Г. Евсюковым [7]. По их мнению, цифровое образование (онлайн-образование) позволяет решить ряд положительных вопросов, свойственных «классическому» образованию.

Среди них выделяют следующие:

– доступность образования (территориальные барьеры, временные ограничения, доступ к знаниям от ведущих высококвалифицированных преподавателей и т.д.);

– *возможность выбора* преподавания, способа усвоения материала и его глубина, комфортности способа контроля знаний (тесты, задачи, сочинение, проект, а также – широта форм передачи знаний); *снижение затрат* на образование.

Недостатки цифровизации образования можно разделить на современные «болезни роста» и имманентные, т.е. присущие сути явления.

К «болезням роста» отнесем:

– фактический перевод в «цифру» модели очного образования;

- сомнительный контроль качества образования;
- низкую интерактивность;
- примитивность компетенций, свойственная использованию цифровых технологий.

Проблема состоит в том, что «электронные помощники» в определенный момент атрофируют способности пользователей как принятие самостоятельного решения (как, например, при использовании навигаторов водителями такси), так и неспособность выстроить собственную целостную картину окружающей действительности.

В результате, во всех сферах общества происходит смена ролей. Бывшие «помощники» приобретают решающую роль, становясь центральным звеном процесса, а бывшие «специалисты» становятся «операторами» при соответствующих программах.

Девид Бромвич [8] отмечает, что обучение – это передача не только фактов, но и искусство интеллектуального поиска, которое требует общения со студентами лицом к лицу. У него нет сомнений, что эффективность решения задач осуществляется с помощью учителя, который помогает вспомогательными вопросами, исправляет ошибки и одновременно оценивает новые подходы к решению задачи, предлагаемые учениками. Данные проблемы (социализация и передача неявного знания) и невозможность их решения без учителя обуславливают нецелесообразность вытеснения традиционного образования цифровым.

По мере развития электронного образования, его цифровизации, «рынок образовательных услуг» становится всё более глобальным. Несвоевременный выход на любой рынок влечёт трудности в достижении значимых позиций в его иерархии. Завоевание существенной доли рынка гораздо легче осуществить на этапе его становления. Следует учитывать, что доминирующие игроки устанавливают на своем поле рынка собственные стандарты и собственные правила игры, препятствуя изменению иерархии этого поля.

Цифровизация школьного образования должна проходить в несколько этапов. Ключевыми программными документами трансформации российского образования, направленными на «сликвидацию традиционных моделей образовательной системы» и ее замена «цифровым образованием» является форсайт-проект «Образование-2030».

Самые масштабные ее этапы на сегодняшний день, это проекты «Цифровая школа» (2017 г.) и «Образование-2018» (2018 г.). Они предусматривают не только цифровые технологии в школе, но и дистанционное и онлайн образование с Единой системой идентификации и аутентификации. Цифровая среда и от преподавателей, в первую очередь, требует не только новых форм и методов работы, но и другого менталитета, и другой картины мира.

Выпускникам школы для поступления в высшие учебные заведения надобность в ЕГЭ отпадет,

так как вместо баллов они должны будут предоставлять *цифровые образовательные портфолио* (электронную биографию). Собственно портфолио – это не что иное как своеобразное досье о всех достижениях школьника, которое собрано и хранит данные о его успехах на протяжении всего периода обучения.

Цифровизация школьного образования, вызывает ряд опасений у Г. Киссинджера: «...Несмотря на все достижения, цифровой мир рискует сам себя уничтожить, потому что недостатков больше, чем удобств». Действительно: наблюдения специалистов – медиков, психологов, педагогов – за процессами компьютеризации в школьном образовании в последние годы говорят: дети сегодня – это будущее нации, а угрозы их здоровью очевидны. Отказ от бумажных учебников, многочасовые пребывания у экранов с электромагнитным излучением приводят не только к утрате зрения, слуха, но и навыков письма, речевым дефектам, потере способности воспринимать большие тексты [9]. В целом, это ведет к снижению социальных навыков и к утрате способности к творчеству. Физиология младших школьников не устойчива к массированному воздействию внедряемых цифровых средств обучения.

Самая серьёзная проблема, по поводу которой бьют тревогу учителя, заключается даже не в том, что дети мало читают и плохо запоминают, а в том, что они *не понимают смысла прочитанного*, плохо понимают чужие мысли и написать изложение для них – это сверхзадача. Ученики быстро забывают то, чему их недавно учили, и не могут осилить произведения классической литературы. Так, когда в ходе одного из исследований российским старшеклассникам предложили ответить на ряд элементарных вопросов из программы предыдущих классов, результаты показали, что коэффициент усвоения знаний у школьников – 10 % [10].

К негативным последствиям для развития мозга ребёнка ведёт использование социальных сетей, в результате чего падает его социальная активность, которая играет крайне важную роль. Как пишет М. Шпитцер [11], наши социальные навыки (способность сопереживать, умение поставить себя на место другого человека, совершение поступков, направленных на улучшение положения других людей), способствует развитию и увеличению участков мозга, ответственных за *социальное мышление*. Жизнь в более крупной социальной группе позволяет совершенствовать свои социальные навыки и приводит к росту участков головного мозга, ответственных за эту функцию. И наоборот, пользование социальными сетями в интернете, которое сопровождается малым количеством контактов в реальной жизни, ведёт к уменьшению у детей размеров участков головного мозга, отвечающих за социальную активность и, следовательно, к снижению социальных навыков.

Школа перестала быть местом обучения и воспитания Человека, но местом предоставления «услуг», роль Учителя как наставника-воспитателя нивелирована. В условиях цифровизации

школы (онлайн-обучение, видео-уроки, электронные дневники, виртуальные экскурсии, виртуальные лаборатории, электронные библиотеки). Учитель практически становится персоной, утилизированной до уровня оператора станка с числовым управлением.

Итак, цифровизация общества порождает виртуализацию жизни. Следствием этого является потеря реального общения и одиночество индивида, возникновение у него «клипового мышления» и, по сути, ведет к подрыву здоровья нации,

Литература:

1. Лапшин А.О. Глобализация и цифровое общество: заметки на полях // Власть, 2019. Т. 27. № 1. С. 63–68. URL : <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i1.6228> (дата обращения 02.02.2020 г.).
2. Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. 2015. №1. С. 26-30.
3. Цифровая экономика – это наше новое все? // Обозник. URL : <http://www.oboznik.ru/?p=56149> (дата обращения 03.02.2020 г.).
4. Никулина Т.В. Информатизация и цифровое образование: понятия, технологии, управление / Т.В. Никулина, Е.Б. Стариченко // Педагогическое образование в России. 2018. № 8. С. 108.
5. Там же. С. 109.
6. Там же. С. 111.
7. Устюжанина Е.В. Цифровизация образовательной среды: возможности и угрозы / Е.В. Устюжанина, С.Г. Евсюков // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2018. № 1(97).
8. Bromwich D. Trapped in the Virtual Classroom. New-York Review of Books, 2015, July 9.
9. URL : <https://eduinspector.ru/2019/07/25/o-rabochih-tetradyah-i-shkolnom-pitanii-porucheniya-prezidenta-rossii/> (дата обращения 07.02.2020 г.).
10. Косенко А. Что такое клиповое мышление. URL : <http://www.lookatme.ru/mag/how-to/inspiration-howitworks/207449-clip> (дата обращения 07.02.2020).
11. Шпитцер М. Антимозг. Цифровые технологии и мозг. М., Издательство АСТ, 2014. URL : <https://www.litmir.me/br/?b=189102&p=1> (дата обращения 09.02.2020).

к подрыву государственной и общественной безопасности. А в целом здесь речь идет о сохранении самой государственности.

Поскольку процессы глобализации не отменить, российское руководство считает: им надо соответствовать. Но мы «играем» не на своем поле и не по своим правилам. Собственно говоря, нам эти правила навязали, а мы с радостью от приобретения к мировым стандартам начали в угоду Западу модернизировать все, включая систему образования.

Literature:

1. Lapshin A.O. Globalization and the digital society: marginal notes // Power, 2019. Vol. 27. № 1. P. 63–68. URL : <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i1.6228> (accessed August 31, 2019).
2. Bulletin of the Tambov University. Series: Social Sciences. 2015. № 1. P. 26–30.
3. Is the digital economy our new all? // Browser. URL : <http://www.oboznik.ru/?p=56149> (accessed August 26, 2019).
4. Nikulina T.V. Informatization and digital education: concepts, technologies, management. Pedagogical education in Russia. 2018. № 8. P. 108.
5. In the same place. P. 109.
6. In the same place. P. 111.
7. Ustyuzhanina E.V. Digitalization of the educational environment: opportunities and threats / E.V. Ustyuzhanina, S.G. Evsyukov. Bulletin of the Russian Economic University. G.V. Plekhanov. 2018. № 1(97).
8. Bromwich D. Trapped in the Virtual Classroom. New-York Review of Books, 2015, July 9.
9. URL : <https://eduinspector.ru/2019/07/25/o-rabochih-tetradyah-i-shkolnom-pitanii-porucheniya-prezidenta-rossii/> (accessed September 12, 2019).
10. Kosenko A. What is clip thinking. URL : <http://www.lookatme.ru/mag/how-to/inspiration-howitworks/207449-clip> (accessed September 2, 2019).
11. Spitzer M. Anti-brain. Digital technology and the brain. M., AST Publishing House, 2014 URL : <https://www.litmir.me/br/?b=189102&p=1> (accessed September 3, 2019).

Тужба Захар Эмирович
аспирант кафедры социологии,
правоведения и работы
с персоналом ФГБОУ ВО,
Кубанский государственный
технологический университет
zah1989@mail.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассмотрены теоретические основы к исследованию социальных рисков в городской среде, которые являются постоянными спутником человеческой деятельности, начиная с XIX века. Показано, что процесс формирования теоретических основ риска происходил на протяжении большого периода времени в западной социологической мысли, что привело к возникновению отраслевого направления, социологии города. Рост интереса к исследованию городской среды, начиная со второй половины XIX в., стал ответом на процессы урбанизации. Возникновение новых и развитие старых городов, увеличение их политической, экономической и культурной роли способствовали оттоку населения из сельской местности в города, что вело к доминированию городского населения, результатом чего стало возникновение современного «общества риска», в котором риск воспринимается как обратная сторона прогресса.

Ключевые слова: крупный город, социальные риски, социогенные риски, техногенные риски, урбанизация, глобализация, городская среда, мегаполис.

На протяжении всей своей истории человечество проживало в сельской местности в рамках аграрного общества. Еще в начале XIX века 97 % жителей земли проживало в сельских поселениях, в численном отношении редко превышавших 5 тыс. человек. В течение двух веков, уже к 2000 г. в мире сформировалось 254 города с населением в 1 млн и более человек [1].

На сегодняшний день существует более 400 городов-миллионников, которые различаются по своему характеру, культуре и истории.

Если взять за основу фактор населения, то выделяют:

– сверхкрупные города, превышающие 3 млн чел.;

– крупнейшие – более 1 млн чел.;

Zakhar E. Tuzhba
Graduate student of Department of Sociology,
Jurisprudence and work with
the staff of FSBOU VO
Kuban State Technological University
zah1989@mail.ru

SOCIAL RISKS IN THE URBAN ENVIRONMENT: THEORETICAL FOUNDATIONS OF THE STUDY

Annotation. The theoretical foundations for the study of social risks in the urban environment, which have been a constant companion of human activity since the XIX century, are considered. It is shown that the process of forming the theoretical foundations of risk occurred over a long period of time in Western sociological thought, which led to the emergence of an industry direction, the sociology of the city. The growth of interest in the study of the urban environment since the second half of the XIX century was a response to the processes of urbanization. The emergence of new and development of old cities, increasing their political, economic and cultural role, contributed to the outflow of population from rural areas to cities, which led to the dominance of the urban population. The result was the emergence of a modern «risk society» in which risk is perceived as the reverse side of progress.

Keywords: large city, social risks, sociogenic risks, technogenic risks, urbanization, globalization, urban environment, metropolis.

– крупные – от 250 тыс. до 1 млн чел.;

– большие – от 100 до 250 тыс. чел.;

– средние – от 50 до 100 тыс. чел.;

– малые с населением менее 50 тыс. чел.

Рост интереса к исследованию городской среды со второй половины XIX в. явился реакцией на процессы урбанизации. Возникновение новых и развитие старых городов, увеличение их политической, экономической и культурной роли, способствовали оттоку населения из сельской местности в города, что вело к доминированию городского населения. В XX веке урбанизация обрела глобальные черты, в разных частях света стали возникать мегаполисы с большим количеством населения и прогнозируется их дальнейшее расширение, что актуализирует развитие такого отраслевого направления, как социология города.

Первые современные теоретические исследования города охватывали вопросы, связанные:

- с причиной их возникновения, структурой и функциями;
- с особенностями образа жизни населения и различных групп;
- с межличностной коммуникацией в условиях города;
- с факторами их развития и усложнения.

Одним из первых изучал городскую жизнь Дж. Кей-Шаттлуорт, которому принадлежит сбор и анализ количественных данных о нравственных и интеллектуальных характеристиках различных слоев населения с целью разработки решений в области социальной политики и социального управления; рекомендаций по улучшению санитарных условий жизни текстильных рабочих г. Манчестера [2].

В работах К. Маркса прослежена историческая связь материального производства, форм собственности, дифференциации и разделения труда с городской средой. На разных стадиях развития с изменением общественных отношений изменяется и роль города. Основатель диалектико-материалистического подхода к изучению общества проводит сравнительный анализ города и цивилизации, города и деревни. Индустриальный город у К. Маркса рассматривается в контексте исторического процесса, являясь ступенью на пути экономического развития и строительства социализма. Город как бы противопоставлен деревне, это место разрушения сельской традиционной жизни, место формирования «классового сознания», объединения рабочего класса для свершения социальной революции. Именно города, по мнению К. Маркса, выступают местом сосредоточения огромного количества рабочих и их эксплуататоров, полем классовой борьбы достигающей именно здесь своего наивысшего проявления.

Э. Дюркгейм пишет: «Города всегда происходят от потребности, побуждающей индивидов постоянно находиться в максимально возможной близости друг к другу; они представляют, как бы точки, в которых социальная масса сжимается сильнее, чем в других местах»... «Города возникают от необходимости, стимулирующей людей находиться в близости друг к другу, в них социальная масса сжимается сильнее, чем в иных местах» [3, с. 241].

Э. Дюркгейм в своем анализе общества воспринимает его не просто объединением людей, а как живую целостность, состав которой определяется поведением индивидов и собственными законами развития. Общество им рассматривается в качестве единого социального организма системы, элементы которой должны гармонизировать между собой ради сохранения целого. Общие нормы и ценности выступают основой взаимодействия экономики, государства, семьи и т.д., и на основе этих норм и ценностей происходит социализация индивидов.

Во взаимодействии общества и личности важное значение имеет коллективное сознание. Коллективность трактуется Э. Дюркгеймом, как «основной фактор социальности», естественное лоно жизнедеятельности людей. Основатель структурного функционализма, одного из основных направлений в современной социологической теории рассматривал индустриальное общество как структуру функциональных отношений.

Классик анализировал общества, основанные на механической (простые) и органической (сложные) солидарности. В первом случае речь идет о традиционном обществе, во втором – об индустриальном. Для традиционной солидарности специфично следующее:

- одинаковость сознания, которое подчинено коллективному сознанию;
- отношения между людьми непосредственны.

Церковь и семья являются основными агентами социального контроля.

Органическая солидарность предполагает, что отношения между людьми строятся на основе выполняемых ими профессиональных функций. Люди отличаются, принадлежат к собственной сфере деятельности, обладают индивидуальным сознанием. Признавая важность и связывая надежды на усиление значения «органической солидарности», автор, тем не менее, выражает озабоченность тем, что переход от традиционного общества (основанного на механической солидарности) к индустриальному (основанному на органической солидарности), чреват разрушением традиционного социального контроля, усилением девиаций в поведении, социальной аномии. Как мы видим, в первом случае разговор идет об аграрных обществах, во втором – о городских. Тем не менее, Э. Дюркгейм полагает, что основой урбанизации и прогрессивного развития общества является профессиональное разделение труда. На этих позициях стоят и многие современные авторы, а некоторые идеи продолжают развитие в социологии города – городская среда как уплотнение пространства и интенсификации взаимосвязей и взаимодействий; городская среда как новая форма социокультурной интеграции, переход к обществу иного типа.

В одной из своих работ, посвященных положению рабочего класса в Англии, Ф. Энгельс пишет: «Промышленная революция второй половины XVIII века в Англии, произвела переворот в гражданском обществе, способствуя развитию пролетариата... До использования машин полный цикл производства ткани осуществлялся в рамках семейного производства располагавшегося вблизи городов, а произведенная продукция продавалась. Материальное положение таких рабочих было значительно лучше, они не переутомлялись, имели возможность откладывать часть вырученных средств и арендовать небольшой участок земли, который обрабатывали в часы досуга... Они в моральном и интеллектуальном отношении находились на уровне крестьян, который был выше, чем у городских жителей.

Проживая по соседству с городами и не посещая их, они вели приличный образ жизни, регулярно посещали церковь, не устраивали заговоров и превосходно уживались с привилегированным классом. В их среде отсутствовали и поводы к безнравственной жизни, поскольку по близости не было кабаков, притонов... [4]. Машинное производство способствовало увеличению производительности, снижению цены на продукцию, что постепенно вело к исчезновению ткачей-земледельцев и превращению их в новый класс ткачей, не имевших собственности и существовавших только на заработную плату. Результатом явилось то, что меньшинство (капиталисты) богатели, а рабочий класс утратил всякую собственность, уверенность в заработке. Население росло очень быстро, и практически весь прирост прихотился на рабочий класс. Аналогичные процессы наблюдались и в сфере ремесленного производства и торговли. На смену мастерам и подмастерам пришли капиталисты и рабочие, а ремесло превратилось в фабричное производство.

В этом и состоят социальные риски города, о которых Энгельс не говорит прямо, хотя отмечает, что социальное положение масс местом концентрации которых выступают города, только ухудшается.

Встает вопрос, как Энгельс объясняет возникновение больших городов, и какие факторы определяют их развитие?

Каждая вновь созданная фабрика, построенная в сельской местности, утверждает автор, потенциальный зародыш фабричного города. Когда фабрика не может обеспечить работой всех желающих, начинает падать заработная плата, что приводит к появлению новых фабрикантов (конкуренция) и поселок постепенно превращается в город. Чем больше город, тем лучше инфраструктура и его привлекательность для основания бизнеса, централизация собственности здесь достигает апогея, и тем последствия этого развития по отношению к рабочим проявлены наиболее определенно. Большие города с их централизацией, скоплением огромного количества людей в одном пространстве умножают мощь, но и предполагают жертвы, которые обнаруживаются впоследствии.

Ф. Энгельс пишет: «Это обособленность, бесчувственное равнодушие каждого, преследующего только свои частные интересы человека, тем более оскорбительны и отвратительны, поскольку эти индивиды сосредоточены в ограниченном пространстве.... этот ограниченный эгоизм есть основной и всеобщий принцип нашего современного общества, и он больше всего просматривается в суесть большого города. Социальная война «всех против всех» провозглашена здесь открыто, и каждый воспринимает другого в качестве объекта эксплуатации» [4].

Таким образом, в работе Ф. Энгельса представлены закономерности капиталистической формы хозяйствования, рассматривается специфика промышленного переворота, приведшего к возникновению заводского пролетариата, и отмечен

классовый антагонизм. Критика капитализма основана на утверждении неизбежности образования армии безработных, периодического возникновения экономических кризисов, и усиления эксплуатации трудящихся в процессе расширения капиталистического производства, что, в конечном счете, вызовет волну возмущений и приведет к свержению существующего строя.

Идеи К. Маркса и Э. Дюркгейма несмотря на то, что у них не было специализированных работ, посвященных городу, тем не менее, оказали значительное влияние на исследование городской среды.

Одну из первых систем исследования города предложил М. Вебер [5].

Он не ограничивается определением понятия «город», предлагает собственную классификацию типов городов, показывает их отличия, выделяет факторы оказывающих влияние на формирование типа города. Он вводит в свою методологию категорию идеальный тип, и предлагает любые процессы или общественные явления объяснять посредством отклонения от условно принятого идеала. Идеальный тип это некая модель того, что отвечает интересам и полезна индивиду. Религиозные, моральные, политические и другие ценности и основанные на них нормы, правила и установки поведения и общежития могут выступать в качестве идеальных типов.

Главными показателями его системы выступают пространственные характеристики города, хозяйственные занятия, основа выживания населения, стратификационная корреляция между различными слоями, культура города, специфика управленческой деятельности, творческая деятельность, динамика эволюционных трансформаций характерных для городской повседневности. Таким образом, город это поле аккумуляции факторов оказывающих влияние на его развитие, центр потребления и производства, специфика которых определяется сложностью социальной структуры. Товарно-денежные отношения выступают экономической базой города, причем М. Вебер проводит различия между хозяйственной составляющей и административно-политической, так как в первом случае разговор идет о рынках и деньгах, а во втором об армии и крепостных сооружениях. В функциональном отношении Вебер выделил несколько принципов отличающих город от других населенных пунктов. Это безопасность, управление, торговля и обмен, разделение труда и промышленность способствующие эффективности общественного производства [5].

Г. Зиммель в сравнительном анализе жизни в большом городе и сельской местности отмечает социально-психологические риски, вызванные повышенной нервозностью городской жизни, возникающей от непрерывной смены впечатлений. Большой город порождает подобные психологические условия стремительным темпом, разнообразием хозяйственно-профессиональной и общественной жизни [6].

В сельской местности впечатления протекают равномерно, медленно в условиях привычного образа жизни, что требует меньшей затраты сознания. Этим и объясняется превосходство интеллектуального характера душевной жизни в больших городах в сравнении с сельской местностью, где требуется проявление души и чувственных отношений.

Большие города, будучи центрами обмена и финансового хозяйства, придали функции обмена такое значение, которое оно не могло достичь в сельской местности ввиду скудности обменных отношений. Денежное хозяйство и рассудочность находятся в тесной взаимосвязи, так как и первому и второму свойственно деловое отношение к людям, при котором очень часто формальная справедливость сочетается с жестокостью и равнодушием. Противоположный характер людских отношений в сельской местности, где они проникнуты чувствами, а продукт производится для знакомого потребителя, большой же город живет производством для рынка для неизвестного потребителя, что приводит к формализации и обезличиванию отношений. Выражая явные симпатии сельскому образу жизни, Г. Зиммель признает, что разнообразия и сложности жизни большого города, вызванные скоплением такой большой людской массы с дифференцированными интересами в ограниченном пространстве, предполагают именно такой порядок, иначе неизбежно наступление полнейшего хаоса. Г. Зиммель пишет: «Жизнь большого города предполагает пунктуальность, точность, расчётливость, его сложность и пространственность находятся в тесной связи с его финансово-хозяйственным и интеллектуалистическим характером.... Факторы и условия, способствовавшие возникновению совершенно безличной формации, оказываю влияние, в то же время, на крайнее развитие ее индивидуальности» [6].

Ф. Тённис рассматривает город посредством анализа двух типов общественной организации, которыми являются социальная общность и общество. В своей типологии социальности он предлагает различать общинные отношения, где доминируют родственные и личностные отношения и общественные, где доминируют формальные институты. Общинные отношения естественны, общественные искусственны, в случае с общинными отношениями разговор идет о земле, территории, семейном праве; с общественными об имуществе, финансах, торговом праве [7]. По его мнению, в исторической перспективе общественная социальность вытесняет общинную. Эти два типа социальности характеризуют как взаимоотношения людей, так и их отношение к социуму. В обществе целое возникает из частей, в общине социальное целое предшествует частям.

По мнению Ф. Тённиса, исследование города предполагает анализ функционирования города в качестве организма, выступающего неотделимой частью общности [7, с. 58]. В идеале традиционное сельское общество Тённиса характеризуется следующими чертами:

– непосредственные взаимоотношения и контакты выступают главенствующей формой отношений;

– основной регуляцией взаимоотношений выступает традиция, кровное родство, дружеские и соседские отношения;

– социальное положение индивида определяется полученным по родству статусом;

– «самость», функционирующая на основе личных убеждений и возникающая на этапе первичной социализации, является субъектом социального действия.

В идеале тип нового, городского общества характеризуется следующими чертами:

– безличными, специализированными отношениями, основанными на расчете, выступают основной формой отношений;

– формальная деловая этика и нормативность выступают механизмами регуляции взаимоотношений индивидов;

– личностные достижения, достигаемый статус – основа социального положения человека;

– субъектом социального действия выступает человек, действующий на основе формальной механической солидарности с другими членами общества и формальными организациями.

Итак, к началу XX века в работах западных авторов были заложены основы в исследовании города, которые стали ориентирами для последующих исследований. В зарубежной научной традиции накоплен большой опыт исследования городской среды, в результате чего сформировалось несколько теоретических подходов к анализу феномена городского пространства. Согласно социологическому подходу, городская среда понимается как социальное пространство, динамическая система социальных взаимоотношений и коммуникаций, на которую возложена посредническая функция в формировании межличностных отношений. Город при социологическом ракурсе рассмотрения – это социальный институт, обеспечивающий коммуникацию множества гетерогенных человеческих общностей и индивидов.

В современном мире образ жизни городских жителей определяет стандарты человеческого существования, и именно поэтому город интересен как объект изучения. Город имеет прямое отношение к социологии, являясь, по сути, основой всего социального поля функционирования всех сфер жизнедеятельности, где граждане реализуют свои способности и потребности. Он является местом сосредоточения финансов и власти, источником инноваций, духовного и культурного влияния [8, с. 5].

Урбанизация – это всеобъемлющий процесс усиления роли городов, городской культуры и образа жизни в развитии социума, охватывающий в территориальном аспекте и сельскую местность, определяя ее трансформацию – социальную,

экономическую, демографическую и т.д. В результате наблюдается стремительное развитие пригородов крупных городов – субурбанизация, сопровождающаяся внедрением некоторых городских условий и норм жизни в сельское поселение. Все это ведет к качественным изменениям сельской местности:

Литература:

1. *Cohen R.* Global sociology / R. Cohen, P. Kennedy. N.Y., 2007. 408 p.
2. *Добреньков В.И.* История зарубежной социологии / В.И. Добреньков, А.И. Кравченко. URL : http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/dobr/14.php (дата обращения 04.02.2020).
3. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм; Пер. Л.Б. Гофмана. М. : Наука. 1991. 576 с.
4. *Энгельс Ф.* Положение рабочего класса в Англии. URL : <http://www.agitclub.ru/front/eng/prolet03.htm> (дата обращения 17.01. 2020).
5. *Вебер М.* Город // Вебер М. Избранное. Образ общества. М. : Юрист 1994. 704 с.
6. *Зиммель Георг.* Большие города и духовная жизнь. URL : <http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/zim.html> (дата обращения 24.11.2019).
7. *Тённис Ф.* Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб. : Владимир Даль, 2002. 452 с.
8. *Тужба Э.Н.* Глобализация и социальная идентичность: социокультурный анализ / Э.Н. Тужба, В.Н. Муха // Современные исследования социальных проблем (электронный журнал). 2013. № 10. С. 5–9.

– увеличиваются несельскохозяйственные занятия сельского населения и маятниковая миграция;

– изменяется социально-профессиональная структура, образ жизни сельских жителей, уровень благоустройства.

Literature:

1. *Cohen R.* Global sociology / R. Cohen, P. Kennedy. N.Y., 2007. 408 p.
2. *Dobrenkov V.I.* History of foreign sociology / V.I. Dobrenkov, A.I. Kravchenko URL : http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/dobr/14.php (accessed 04.02.2020).
3. *Durkheim E.* on the division of social labor. Method of sociology // Per. L.B. Hoffman. M. : Nauka. 1991. 576 p.
4. *Engels F.* The Position of the working class in England. URL : <http://www.agitclub.ru/front/eng/prolet03.htm> (accessed 17.01. 2020).
5. *Weber M.* The City // Veber M. Favorites. The image of the companies. M. : Yurist 1994. 704 p.
6. *Simmel Georg.* Big cities and spiritual life. URL : <http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/zim.html> (accessed 24.11.2019).
7. *Tennis F.* Community and society. Basic concepts of pure sociology. SPb. : Vladimir Dahl, 2002. 452 p.
8. *Tuzhba E.N.* Globalization and social identity: socio-cultural analysis / E.N. Tuzhba, V.N. Mukha // Modern studies of social problems (electronic journal). 2013. № 10. P. 5–9.

Тютюнников Виктор Иванович

старший преподаватель
Донской государственной
технической университет;
кафедра физического воспитания и спорта,
Институт физической культуры
viktorivanovich@gmail.com

Сорокин Владимир Алексеевич

старший преподаватель
Донской государственной
технической университет;
Институт физической культуры,
кафедра физического воспитания и спорта
mr.vova.976@mail.ru

**ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫХ АСПЕКТОВ
ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА
У СОВРЕМЕННОЙ
РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ**

Аннотация. Современная цивилизация в значительной степени преобразует окружающую среду, социальные институты, самого человека. В этой связи физическую культуру и спорт можно оценить как неиссякаемый источник оздоровления. Перспективы развития оздоровительных аспектов физической культуры и спорта (ФКиС) среди российской молодежи имеют особое значение. Авторы описывают два инновационных «сценария» дальнейшего перспективного развертывания в российском социуме движения «Спорт для всех», а также рассматривают программы, направленные на развитие оздоровительных аспектов ФКиС в среде современной российской молодежи.

Ключевые слова: российская молодежь, физическая культура, спорт, физкультурно-оздоровительная деятельность, здоровый образ жизни, перспективы развития ФКиС.

Интерес к физической культуре и спорту как социальному институту, способствующему формированию здорового образа жизни и здоровья, в целом [1], определяется многими обстоятельствами. Современная цивилизация в значительной степени преобразует окружающую среду, социальные институты, самого человека. В этой связи физическую культуру и спорт можно оценить как неиссякаемый источник оздоровления. Отсюда становится понятным стремление современных исследователей выявить потенциал физической культуры и спорта как социального института, формирующего здоровый образ жизни, найти его внутренние резервы и новые возможности в развитии молодежи [2].

Viktor I. Tyutyunikov

Senior teacher,
Donskoy State Technical University;
Department of Physical Education
and Dispute,
Institute of Physical Culture
viktorivanovich@gmail.com

Vladimir A. Sorokin

Senior teacher,
Donskoy State Technical University;
Department of Physical Education
and Dispute,
Institute of Physical Culture
mr.vova.976@mail.ru

**PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT
OF HEALTHY ASPECTS OF PHYSICAL
CULTURE AND SPORTS
IN MODERN RUSSIAN YOUTH**

Annotation. Modern civilization is transforming the environment, social institutions, human beings to a great extent. In this regard, physical culture and sport can be assessed as an inexhaustible source of recovery. Prospects for the development of health-improving aspects of physical culture and sports (FCS) among Russian youth are of particular importance. The authors describe two innovative «scenarios» for the further perspective deployment of the «Sport for All» movement in Russian society, and also consider programs aimed at developing the health-improving aspects of physical culture and recreation among modern Russian youth.

Keywords: russian youth, physical education, sports, fitness activities, a healthy lifestyle, prospects for the development of FCS.

Целеустановка характера развития спорта в молодежной среде отражена в Международной хартии физического воспитания и спорта ЮНЕСКО: «В учебных программах необходимо отвести важное место воспитательной деятельности, основанной на ценностях спорта и последствиях взаимодействия между спортом, обществом и культурой» [3]. В другом международном документе – Европейском манифесте «Молодые люди и спорт» – определена нацеленность занятий физической культурой и спортом на следующие значимые для формирования личности аспекты:

– развитие психических, физических и социальных качеств;

– обучение этическим ценностям, справедливости, дисциплинированности; воспитание уважения к себе и другим людям;

– воспитание самоконтроля и развитие положительных качеств личности; обучение терпимости и ответственности как предпосылки жизни в демократическом обществе;

– пропаганду здорового образа жизни [4].

Во многих зарубежных странах физкультурно-оздоровительная и спортивная деятельность органически сочетают и соединяют усилия государства, его правительственных, общественных и частных организаций, учреждений и социальных институтов. Развитием спорта в различных территориальных единицах, прежде всего в городах, занимаются муниципальные органы, которые выработывают и осуществляют коммунальную спортивную политику.

Занятия физической культурой и спортом (ФКиС) оказывают общее профилактическое воздействие на организм молодого человека, способствуют увеличению сопротивляемости организма вредным воздействиям окружающей среды, способствуют отказу от вредных привычек, а повышение уровня двигательных навыков существенно снижает риск травматизма.

Мощный оздоровительный потенциал физической культуры и спорта, возможности этой сферы в формировании волевых качеств молодежи и гармонично развитой личности на протяжении многих лет недооценивались в России. Тем не менее, как показывают современные исследования, в рейтинге молодежных интересов физкультурно-спортивная деятельность, устойчиво занимает одно из первых мест.

Так, результаты, полученные в ходе проведения различных исследований, являются хорошим подтверждением данных фактов:

– если молодежь уделяет спорту и физическим упражнениям значительное количество времени, то она утомляется в 1,5 раза меньше, в отличие от тех, кого не привлекает физическая активность;

– также, физические упражнения позволяют избежать заболевания органов желудочно-кишечного тракта, предотвращают гипертонические болезни и грипп [5].

Как подчеркивают в своем исследовании, посвященном осмыслению массового спорта и спорта высших достижений как современного социокультурного феномена И.Е. Пономарев, Л.Ю. Стриева и С.Б. Олонец, современный спорт выступает во многих ипостасях:

– как средство оздоровления;

– как средство психофизического совершенствования;

– как действенное средство отдыха и восстановления работоспособности;

– как зрелище, и как профессиональный труд [6, с. 237].

По мнению Н.Е. Веткова, в последние годы потребность в регулярных занятиях ФКиС в общественном сознании и в сознании молодежи, в частности, несколько возросла. Можно согласиться с тем, что стимулом для этого является значение ФКиС «как фактора совершенствования природы человека, как элемента компенсации развивающегося дисбаланса требуемого объема и качества двигательной активности, с одной стороны, и реальной физической активности в повседневной жизни – с другой» [7, с. 31].

Вместе с тем, по данным статистики, российское общество еще серьезно отстает от ведущих стран по показателям, характеризующим массовость физкультурно-спортивных занятий среди различных слоев населения. Как отмечают В.В. Келарев, Г.Н. Лесникова и С.Г. Сеин, в других странах показатели активного занятия массовой физической культурой и спортом оцениваются на уровне 40–50 % населения, в то время как у нас, эта цифра находится «на уровне 30–35 %, а в ряде регионов эти показатели значительно ниже среднероссийских цифр» [8, с. 228].

В условиях современного общества необходимо разработать более точные подходы к формированию потребности молодежи в физическом совершенствовании, положив в основу здоровьесберегающие стратегии и опыт лучших специалистов в сфере физической культуры и спорта [9; 10].

В современном обществе спорт и физическая культура выполняют функции агентов формирования здорового образа жизни, позволяя индивиду в процессе физкультурно-спортивной деятельности отработать социальные роли и обрести необходимый ему социальный опыт. Спорт и физическая культура соединяют воедино социальное и биологическое в человеке, служат действенным механизмом сохранения социального здоровья (как на уровне общества, так и на уровне индивида) [11].

Существуют два инновационных «сценария» дальнейшего перспективного развертывания в российском социуме движения «Спорт для всех». Так, первый сценарий предусматривает оптимизированное сочетание пролонгированных компонентов базовой физической культуры (в виде общефизкультурной тренировки, в качестве которой, по всей вероятности, пригодны некоторые из практикуемых вариантов фитнес-тренинга, аэробного тренинга и т.п.) с профилированными компонентами избирательно-оздоровительной физической культуры (рекреативно-оздоровительной) и с регламентированной спортивно-совершенствовательной деятельностью (включая ее спортивно-игровые разновидности). Этот сценарий предполагает интегративное использование общедоступных факторов физической культуры в целях сбережения здоровья (либо восстановления его уровня, сниженного по каким-либо причинам), гарантирования того состояния функциональных и адаптационных возможностей индивида, какое способствует полноценной

жизнедеятельности и нормированному развитию двигательных способностей. Условия реализации такого сценария обязывают к тщательной разработке адекватных программ, нормативных, контрольных, методических и других установочных положений, дифференцированных применительно к особенностям различных контингентов (возрастным, половым, связанным с различиями уровней физической подготовленности, состояния здоровья и условий жизнедеятельности). Реальные предпосылки к этому имеются. В последние десятилетия они существенно пополнены благодаря свежим исследовательским разработкам по теории и методике физической культуры и общедоступного спорта, физкультурно-прикладным разделам валеологических и медицинских дисциплин.

Второй сценарий предусматривает развертывание действительно спортивного движения применительно к особенностям общедоступного спорта. К этому сценарию может подойти существующий уже девиз «Спорт для всех», но с необходимыми уточнениями его содержания. Намечаемый сценарий ориентирован на преимущественное использование соревновательной деятельности и профилированной системы подготовки к достижениям факторов выявления и увеличения возможностей индивида ради незаурядного развития его физических и психических способностей. Реализация такой ориентации объективно связана с воплощением специфических черт и неотъемлемых условий собственно спортивной деятельности, в том числе таких, как:

– системность соревновательной практики; унификация состава действий, разрешаемых в состязании, условий их выполнения, распорядка состязания и способов оценки достижений;

– регламентация поведения соревнующихся по принципам неантагонистической конкуренции, имеющим гуманную основу;

– системное поощрение за спортивные достижения, последовательно возрастающее пропорционально уровню достижений;

– непрерывность тренировочного процесса, его структурная упорядоченность, планомерное возрастание в нем параметров, обеспечивающих тренирующие и развивающие воздействия на достиженческие способности молодежи.

В число задач, направленных на развитие физической культуры и спорта у современной российской молодежи на перспективу входят [12]:

– увеличение финансирования спорта наряду с удешевлением физкультурно-спортивных и туристических услуг для всего населения;

– обеспечение молодежи и другим слоям населения равных возможностей для занятий физической культурой и спортом;

– возведение новых и реконструкция имеющихся физкультурно-оздоровительных и спортивных комплексов;

– улучшение качества процесса физического

воспитания и образования молодой части населения;

– формирование у молодежи интереса, желания и потребности в регулярных занятиях физической культурой и спортом, а главное – навыков здорового образа и стиля жизни.

Говоря о перспективах развития оздоровительных аспектов физической культуры и спорта у современной российской молодежи, необходимо опираться на следующие программы:

1. Создание институтов с помощью СМИ и медиасферы для воздействия на сознание молодежи в пользу того, что физическая культура и спорт – это важный социальный институт оздоровления, ключевой целью которого является решение социальных, экономических и гуманитарно-нравственных задач общества.

2. Необходимо создание продуманных и хорошо сбалансированных программ, открывающих молодежи всех возрастных групп доступ к занятиям физической культурой и спортом. Программы должны быть нацелены на гармонизацию физиологического, психофизического и социального развития.

3. Программы должны отражать нужды и учитывать возможности всех молодых людей различного возраста и уровня развития, дифференцированно подходя к каждому из них.

4. Необходимо обеспечение повсеместной доступности молодежи к физкультурно-спортивным услугам. Данная доступность определяется целым рядом следующих факторов: физиологических, половозрастных, информационных, инфраструктурных, транспортных и стоимостных. Эти факторы исходят из того, что доступ к физкультурно-спортивным услугам зависит от социально-культурных ценностей молодежи и ее потребностей к физкультурно-оздоровительным занятиям, от доступности к инфраструктурным физкультурно-спортивным объектам, а также от экономических возможностей, обуславливающих платежеспособный спрос молодежи, от которого напрямую зависит эта доступность.

5. Программы должны предусматривать возможности контактов между молодыми людьми различных регионов и стран через спорт.

Реализация различных программ, направленных на развитие оздоровительных аспектов физической культуры и спорта в среде современной российской молодежи, должна быть проведена на трех уровнях: федеральном, региональном и муниципальном.

Перспективой инновационного развития в сфере оздоровительной деятельности физической культуры и спорта должно стать направление в деятельности субъектов сферы ФКиС, которое с необходимостью должно включать в себя все прогрессивные оздоровительные технологии, позволяющие повысить эффективность функционирования физкультурно-спортивных объектов и все инфраструктуры ФКиС по оказанию соответствующих услуг.

Литература:

1. Гафиатулина Н.Х. Многофакторная модель детерминированности социального здоровья молодежи в российском обществе // Инженерный Вестник Дона. 2014. № 4-1. URL : <http://ivdon.ru/magazine/archive/n4y2014/2596>.
2. Гафиатулина Н.Х. Спортивное движение как эффективное средство развития социального здоровья российской студенческой молодежи / Н.Х. Гафиатулина, С.С. Косинов, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 3. С. 19–22.
3. Исаев А.А. Спортивная политика России. М, 2006.
4. Европейский манифест «Молодые люди и спорт». URL : <http://lib.sportedu.ru/GetText.idc?TxtID=1543>
5. Ишкинеева Ф.Ф. Здоровье, спортивные практики, качество и доступность спортивной инфраструктуры в оценках россиян / Ф.Ф. Ишкинеева, А.Д. Кавеева, К.А. Озерова // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. 2017. № 4. С. 18–24.
6. Пономарев И.Е. Массовый спорт и спорт высших достижений как современный социокультурный феномен / И.Е. Пономарев, Л.Ю. Стриева, С.Б. Олонец // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 1. С. 236–240.
7. Ветков Н.Е. Физическая культура и спорт как социальные феномены общества // Наука-2020. 2016. № 2(8). С. 30–43.
8. Келарев В.В. Основные направления совершенствования механизма государственного управления развитием сферы физической культуры и спорта / В.В. Келарев, Г.Н. Лесникова, С.Г. Сеин // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 1. С. 227–235.
9. Экономика физической культуры и спорта М., 2001.
10. Гафиатулина Н.Х. Управление процессом формирования социального здоровья российской студенческой молодежи: социальные технологии управления / Н.Х. Гафиатулина, С.С. Косинов, Н.П. Любецкий // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2018. № 3. С. 189–194.
11. Ponomarev I.E. The influence of social justice crisis on social health and spiritual security of young students (a case study of the south of Russia). International Journal of Applied Exercise Physiology / I.E. Ponomarev, N.K. Gafiatulina, E.I. Zritineva, V.V. Kasyanov, T.V. Bahutashyili, P.A. Ponomarev. 2019. Vol. 8. № 2.1. P. 250–257.
12. Паршакова В.М. Перспективы развития физической культуры и спорта в современной России / В.М. Паршакова, Д.Н. Прянишникова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 1.

Literature:

1. Gafiatulina N.Kh. A multifactorial model of the determination of social health of youth in Russian society // Engineering Herald of the Don. 2014. № 4-1. URL : <http://ivdon.ru/magazine/archive/n4y2014/2596>
2. Gafiatulina N.Kh. The sports movement as an effective tool for the development of social health of Russian students / N.Kh. Gafiatulina, S.S. Kosinov, S.I. Samygin // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2018. № 3. P. 19–22.
3. Isaev A.A. Sports policy of Russia. M, 2006.
4. European manifesto «Young people and sport». URL : <http://lib.sportedu.ru/GetText.idc?TxtID=1543>.
5. Ishkineeva F.F. Health, sports practices, quality and availability of sports infrastructure in the estimates of Russians / F.F. Ishkineeva, A.D. Kaveeva, K.A. Ozerova // Bulletin of Tula State University. Physical Culture. Sport. 2017. № 4. P. 18–24.
6. Ponomarev I.E. Mass sport and sports of the highest achievements as a modern sociocultural phenomenon / I.E. Ponomarev, L.Yu. Strieva, S.B. Olo-nets // State and Municipal Administration. Scientists notes. 2019. № 1. P. 236–240.
7. Vetkov N.E. Physical culture and sport as social phenomena of society // Science-2020. 2016. № 2. (8). P. 30–43.
8. Kelarev V.V. The main directions of improving the mechanism of state management of the development of the sphere of physical culture and sports / V.V. Kelarev, G.N. Lesnikova, S.G. Sein // State and municipal management. Scientists notes. 2019. № 1. P. 227–235.
9. Economics of physical education and sports M., 2001.
10. Gafiatulina N.Kh. Management of the process of formation of social health of Russian students: social management technologies / N.Kh. Gafiatulina, S.S. Kosinov, N.P. Lyubetskiy. State and municipal management. Scientists notes. 2018. № 3.
11. Ponomarev I.E. The influence of social justice crisis on social health and spiritual security of young students (a case study of the south of Russia). International Journal of Applied Exercise Physiology / I.E. Ponomarev, N.K. Gafiatulina, E.I. Zritineva, et al. 2019. Vol. 8. № 2.1. P. 250–257.
12. Parshakova V.M. Prospects for the development of physical culture and sports in modern Russia / V.M. Parshakova, D.N. Pryanishnikova // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2019. № 1.

Шагина Инна Рудольфовна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры физики, математики
и медицинской информатики,
Астраханский государственный
медицинский университет
Минздрава России
inna_shagina@mail.ru

Кубекова Алия Салаватовна

старший преподаватель
кафедры психологии и педагогики,
Астраханский государственный
медицинский университет
Минздрава России
alya_kubekova@mail.ru

Смахтина Татьяна Александровна

кандидат психологических наук,
доцент кафедры психологии и педагогики,
Астраханский государственный
медицинский университет
Минздрава России
andry75@list.ru

Абдуллаев Сардор Собитхон угли

студент 414 группы
педиатрического факультета,
Астраханский государственный
медицинский университет
Минздрава России
inna_shagina@mail.ru

**УМЕНИЕ ОКАЗАНИЯ
ПЕРВОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ
В ЗАВИСИМОСТИ
ОТ КУРСА ОБУЧЕНИЯ**

Аннотация. В статье отражены результаты исследования показателей умений оказания первой медицинской помощи студентов начальных и выпускных курсов медицинского вуза. Первая медицинская помощь может минимизировать осложнения при полученных травмах и поддержать жизнь пострадавшего до прибытия бригады скорой медицинской помощи. Цель исследования статьи заключалась в определении уровня показателей умения оказывать первую медицинскую помощь у студентов медицинского вуза. Выборку исследования составили студенты 1-2 и 5-6 курсов лечебного, педиатрического, стоматологического и фармацевтического факультетов в количестве 1178 человек. Проанализированы показатели умения оказания первой медицинской помощи у юношей и девушек начальных и выпускных курсов медицинского вуза. Были определены проблемные моменты при обучении оказания первой медицинской помощи студентов-медиков.

Inna R. Shagina

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of Physics,
Mathematics and Medical Informatics,
Astrakhan State Medical University
of the Ministry of Health of Russia
inna_shagina@mail.ru

Aliya S. Kubekova

Senior teacher
Departments of Psychology and Pedagogy,
Astrakhan State Medical University
of the Ministry of Health of Russia
alya_kubekova@mail.ru

Tatyana A. Smakhtina

Candidate of Psychological Sciences,
Associate Professor
of Psychology and Pedagogy,
Astrakhan State Medical University
of the Ministry of Health of Russia
andry75@list.ru

Sardor S. Abdullayev

Student 414 of the Paediatric
faculty group,
Astrakhan State Medical University
of the Ministry of Health of Russia
inna_shagina@mail.ru

**ABILITY OF FIRST
AID MEASURES DEPENDING
ON THE TRAINING COURSE**

Annotation. The article reflects the results of a study of indicators of the ability to provide first aid to students of primary and final courses of a medical university. First aid can minimize injuries and support the life of the victim until the ambulance arrives. The purpose of the research article was to determine the level of indicators of the ability to provide first aid for students of a medical university. A sample of the study consisted of students of 1-2 and 5-6 courses of medical, pediatric, dental and pharmaceutical faculties in the amount of 1178 people. The indicators of the ability to provide first aid in young men and women of primary and final courses of a medical university are analyzed. Problem points were identified in the training of first aid for students.

Ключевые слова: медицинский вуз; медицинская помощь; студенты медицинского вуза; приемы и способы оказания первой медицинской помощи; обучение.

Keywords: medical university; health care; medical students; receptions and methods of first aid; training.

Введение. Ежегодно в Астраханской области происходят чрезвычайные ситуации, такие происшествия, как пожары (в 2019 году пожароопасность достигла 5 класса), ДТП (количество погибших до 1000 человек) и др. Травматизм является одной из наиболее острых медицинских и социальных проблем как во всем мире, так и в России [1]. Как показывает отечественный и зарубежный опыт, наиболее правильным является оказание медицинской помощи пострадавшим еще до прибытия бригад скорой медицинской помощи.

В исследовании Грушко Г.В., Линченко С.Н., Горина И.И. было установлено, что опыт преподавания вариативного курса в медицинском университете подтвердил его целесообразность и эффективность, показал присутствие у студентов положительной мотивации к изучению основ оказания первой помощи пострадавшим и ухода за ними [1]. Необходим анализ уровня подготовки студентов для выработки унифицированных требований к подготовке и необходимому объему знаний [4]. Появляется острая необходимость практического обучения студентов-медиков и отработке навыков оказания первой медицинской помощи, а также создания отрядов по оказанию помощи в местах происшествий и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций.

Цель исследования статьи заключалась в определении уровня показателей умения оказания первой медицинской помощи у студентов медицинского вуза.

Материалы и методы. С целью изучения уровня показателей умения оказания первой медицинской помощи Астраханского медицинского университета было проведено комплексное медико-социологическое исследование в декабре 2019 года. Выборку исследования составили студенты 1–2 и 5–6 курсов лечебного, педиатрического, стоматологического и фармацевтического факультетов в количестве 1178 человек. Было проведено анкетирование студентов медицинского вуза по специально разработанному опроснику с последующим анализом полученного материала. Статистическая обработка данных осуществлялась после формирования базы данных в программе Microsoft Excel при помощи программы Statistica 20.0. Результаты исследования представлены в рисунке 1 и 2.

Результаты и обсуждение. Проведенное исследование показало, что среди юношей начальных курсов, оказание первой медицинской помощи тонущему человеку было на первом месте в ранге.

Данный показатель набрал – 52,0 %. Следует отметить, что оказать первую помощь тонущему человеку могут только 36,1% девушек начальных курсов, т.к. большинство респонденток признались в боязни воды и отсутствия умений плавать (рис. 1). Высокий процент оказания первой медицинской помощи у девушек при ожоге – 58,5 %. Равное соотношение было у юношей (48,6 %) и девушек (41,0 %) в показателе оказания первой медицинской помощи при переломе. Способны оказать первую медицинскую помощь человеку, ставшему плохо в транспорте лишь 11,3 % и человеку, ставшему плохо на улице 18,7 % юношей. В целом, следует отметить, низкие показали умения среди студентов начальных курсов при оказании первой медицинской помощи.

В следующем рисунке 2 представлены результаты анализа показателей оказания первой медицинской помощи у студентов-медиков выпускных курсов. Высокие показатели были как у юношей, так и девушек при оказании первой медицинской помощи при ожогах – 65,0 % и 67,2 %, соответственно. При отравлении могут оказать помощь 65,1 % юношей. Данный показатель значительно увеличился к выпускным курсам у девушек – 49,2 %.

К концу обучения у студентов-медиков увеличились показатели умения оказания помощи при черепно-мозговой травме и при сердечной недостаточности, как свидетельство приобретения практических навыков в результате изучения соответствующих дисциплин и выработке клинического мышления, провоцирующего быстроту реакции на принятие правильного решения.

Однако, по-прежнему, остаются низкими показатели при оказании первой медицинской помощи пораженному электрическим током у юношей (24,0 %) и девушек (27,5 %).

Заключение. Таким образом, на основе проведенного исследования, следует отметить положительную динамику умения оказания первой медицинской помощи у студентов медицинского вуза от курса к курсу. Появляется необходимость внедрения в учебный процесс новых технологий, применение новейших форм и методов обучения при оказании первой медицинской помощи, а также организации учебного процесса во внеаудиторной работы и создания студенческого отряда по оказанию помощи в местах происшествий и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций.

Рисунок 1 – Показатели умения оказания первой медицинской помощи у студентов медицинского вуза 1–2 курсов

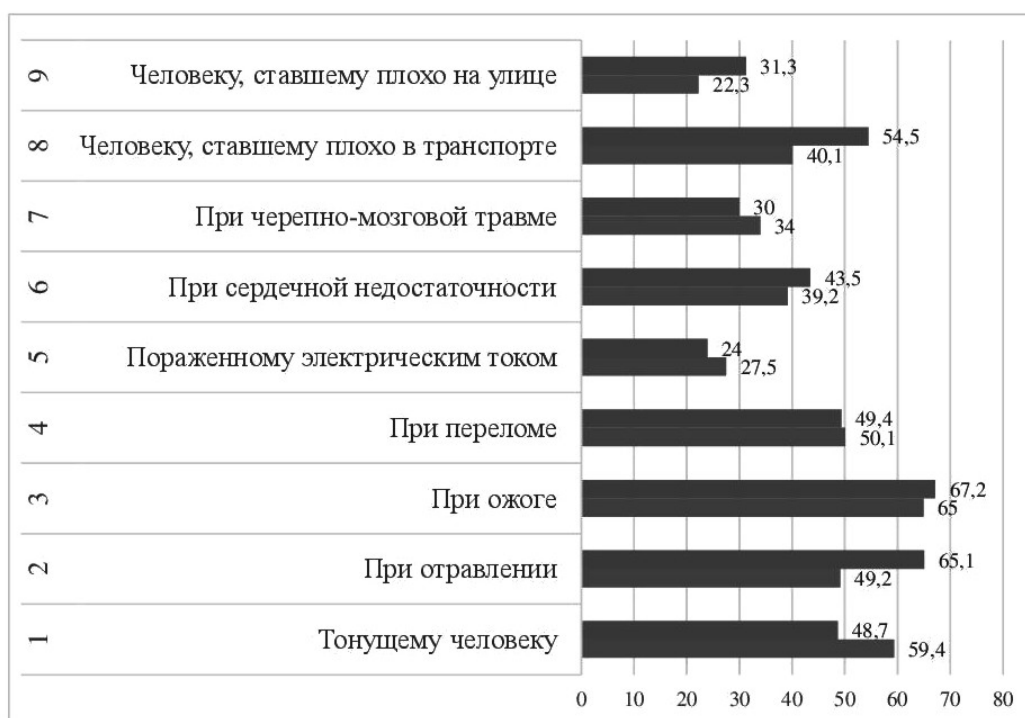

Рисунок 2 – Показатели умения оказания первой медицинской помощи у студентов медицинского вуза 5–6 курсов

Литература:

1. Грушко Г.В. Специфика обучения основам оказания первой помощи студентов медицинского вуза / Г.В. Грушко, С.Н. Линченко, И.И. Горина // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2014. № 3-2. С. 41–43; URL : <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=4820> (дата обращения 03.02.2020).

Literature:

1. Grushko G.V. The specifics of teaching the basics of first aid for medical students / G.V. Grushko, S.N. Linchenko, I.I. Gorina // International Journal of Applied and Basic Research. 2014. № 3-2. P. 41–43; URL : <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=4820> (accessed 03.02.2020).

2. *Борисенко Л.В.* Первая помощь: изменения в законодательстве и пути решения новых проблем / Л.В. Борисенко, А.В. Акиншин, С.И. Черняк // Медицина катастроф. 2010. № 3.
2. *Borisenko L.V.* First aid: changes in legislation and ways to solve new problems / L.V. Borisenko, A.V. Akinshin, S.I. Chernyak // Disaster Medicine. 2010. № 3.
3. *Петров С.В.* Современные проблемы высшего медицинского образования. Роль фундаментализации высшего медицинского образования / С.В. Петров, А.В. Балаханов, М.Н. Молитвин, О.В. Фионик // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2006. Сер. 11. Вып. 4. Ч. 3. С. 124–133.
3. *Petrov S.V.* Modern problems of higher medical education. Part 3. The role of fundamentalization of higher medical education / S.V. Petrov, A.V. Balakhanov, M.N. Molitvin, O.V. Fionik // Bulletin of St. Petersburg University. 2006. Ser. 11. Issue 4. P. 124–133.
4. *Колодкин А.А.* Обучение населения навыкам оказания первой помощи силами студенческого спасательного отряда / А.А. Колодкин, Л.И. Дежурный, С.Н. Линченко, В.И. Старченко, Д.В. Пухняк // Кубанский научный медицинский вестник. 2015. № 5. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/obuchenie-naseleniya-navykam-okazaniya-pervoy-pomoschi-silami-studencheskogo-spasatel'nogo-otryada> (дата обращения 03.02.2020).
4. *Kolodkin A.A.* Teaching the population the skills of first aid by the student rescue team / A.A. Kolodkin, L.I. Dezurni, S.N. Linchenko, V.I. Starchenko, D.V. Pukhnyak // Kuban Scientific Medical Bulletin. 2015. № 5. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/obuchenie-naseleniya-navykam-okazaniya-pervoy-pomoschi-silami-studencheskogo-spasatel'nogo-otryada> (accessed 03.02.2020).
5. *Дежурный Л.И.* Первая помощь – ее роль и место в системе скорой медицинской помощи // Скорая медицинская помощь: Национальное руководство / Л.И. Дежурный; Под ред. С.Ф. Багненко, М.Ш. Хубутия, А.Г. Мирошниченко, И.П. Миннулина. М. : ГЭОТАР-Медиа, 2015. С. 130–135.
5. *Dezurni L.I.* First aid – its role and place in the ambulance system / L.I. Dezurni; ed. S.F. Bagnenko, M.Sh. Khubutia, A.G. Miroshnichenko, I.P. Minnulin // Ambulance: National Guide. M. : GEOTAR-Media, 2015. P. 130–135.
6. *Петров С.В.* Современные проблемы высшего медицинского образования. Роль фундаментализации высшего медицинского образования / С.В. Петров, А.В. Балаханов, М.Н. Молитвин, О.В. Фионик // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2006. Сер. 11. Ч. 3. Вып. 4. С. 124–133.
6. *Petrov S.V.* Modern problems of higher medical education. Part 3. The role of fundamentalization of higher medical education / S.V. Petrov, A.V. Balakhanov, M.N. Molitvin, O.V. Fionik // Bulletin of St. Petersburg University. 2006. Ser. 11. Issue 4. P. 124–133.
7. *Бубнов В.Г.* Основы медицинских знаний. М., 2005. 252 с. С. 2; Бубнов В.Г., Бубнова Н.В. Как оказать помощь при автодорожном происшествии. М., 2010. 154 С. 3; Гатин Р.М., Зимагулов А.Х. Первая доврачебная медицинская помощь. Казань, 2010.
7. *Bubnov V.G.* The basics of medical knowledge. M., 2005. 252 p. P. 2; Bubnov V.G., Bubnova N.V. How to help with a car accident. M., 2010. 154. P. 3. Gatin R.M., Zimagulov A.Kh. First medical aid. Kazan, 2010.

Ямщиков Сергей Викторович
кандидат исторических наук,
доцент,
доцент кафедры
социологии и гуманитарных наук,
Государственный университет «Дубна»
iiysv@yandex.ru

Ивлева Анна Сергеевна
магистрант кафедры
социологии и гуманитарных наук,
Государственный университет «Дубна»
nuta-zaichik96@mail.ru

КОДЕКС ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ КАК СРЕДСТВО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. В статье рассматриваются профессионально-этические нормы государственной службы как средство борьбы с коррупцией, анализируются кодексы профессиональной этики сквозь призму зарубежного и российского опыта их разработки и практического применения. В современной России весьма распространена и трудно искоренима коррупция среди государственных служащих. В связи с этим, рассматривается вопрос о разработке и введении в действие кодекса профессиональной этики государственных служащих как средства противодействия коррупции. Но может ли эта мера быть эффективной и кардинальным образом решить проблему коррупции в государственной службе?

Ключевые слова: кодекс профессиональной этики, этика, нравственность, мораль, государственная служба, государственный служащий, государственная гражданская служба, государственный гражданский служащий, муниципальная служба, муниципальный служащий, механизм управления, коррупция.

Общество нуждается в эффективном механизме государственного управления. Государственная служба, как системообразующий элемент государственного управления, призвана обеспечивать общественную стабильность, социально-экономическое развитие, внутреннее оздоровление общества и функционирование правового государства [17, с. 11–19]. Однако в современной России институт государственной службы неэффективен по причине его внутренней деформации и патологичности. Государственную службу, как и всё российское общество, охватила

Sergey V. Yamshchikov
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor
of Sociology and Humanities,
State University «Dubna»
iiysv@yandex.ru

Anna S. Ivleva
Undergraduate of the Department
of Sociology and Humanities,
State University «Dubna»
nuta-zaichik96@mail.ru

CODE OF PROFESSIONAL ETHICS FOR CIVIL SERVANTS AS A MEANS OF COMBATING CORRUPTION IN MODERN RUSSIA

Annotation. The article examines the professional and ethical standards of public service as a means of combating corruption, analyzes codes of professional ethics through the prism of foreign and Russian experience in their development and practical application. In modern Russia, corruption among public servants is very widespread and difficult to eradicate. In this regard, the issue of the development and implementation of a code of professional ethics for civil servants as a means of combating corruption is being considered. But can this measure be an effective and cardinal way to solve the problem of corruption in public service?

Keywords: code of professional ethics, ethics, morality, morality, public service, public servant, public civil service, public civil servant, municipal service, municipal servant, governance mechanism, corruption.

эпидемия коррупции. Россия находится в числе 50 наиболее коррумпированных стран мира, в которых взяточничество стало массовым явлением [25]. Так, например, по данным российского антикоррупционного комитета, общая сумма взяток в России в 2017 году составила 6,7 млрд рублей и возросла по сравнению с 2016 годом почти в три раза [22].

Коррупция, как многогранный (социальный, политический, правовой, культурный, экономический) феномен интересен для изучения различным

областям и отраслям социально-гуманитарного знания и познания.

В социально-философском аспекте коррупция рассматривается как преследование государственным служащим своих корыстных интересов [11, с. 11–19].

В правовой трактовке коррупция – это «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп, либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц, либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение указанных деяний от имени или в интересах юридического лица» [1].

В политологической науке коррупция представляется как способ борьбы за власть, как способ существования власти, как характерная черта политического режима [8, с. 6–9].

Интерпретация коррупции в политико-юридическом смысле, взгляд на коррупцию «сверху», со стороны политической и правовой надстройки, не даёт полного понимания её сущности, причин, следствий и последствий. Для проникновения в суть этого явления необходим его социокультурный анализ.

В социологической науке с присущей ей комплексным изучением всех сфер общественной жизни во взаимосвязи и взаимозависимости коррупция исследуется как многомерное, сложное социальное явление [18, с. 112–125].

Некоторые авторы считают коррупцию частью деловой культуры организации и анализируют её с точки зрения функционирования корпоративной культуры [10, с. 21–25]. В другом понимании коррупция – это дисфункция в культуре, культурная девиация [20, с. 56–73], следствие аномии [21, с. 19–23]. Например, пропаганда предприимчивости, предпринимательского поведения среди государственных служащих при снижении контроля за их деятельностью в 1990-х годах в России и отсутствии законодательного подкрепления для многих сделок между администрациями и бизнесом привела к тому, что нарушаемые при этом правила стали рассматриваться как «несовершенные и устаревшие», то есть как правила, соблюдение которых не является моральным долгом [5, с. 36–47].

С макросоциологической точки зрения коррупция – это явление, постоянно воспроизводимое культурной традицией, опирающееся на устойчивые черты национальной культуры [7, с. 7–11]. В рамках этого подхода социологи отмечают негативную тенденцию роста коррупции в России, укоренения её в обществе и превращения её в социокультурную норму [3, с. 78–81].

Исследователями установлена корреляция, существующая между нравственной культурой и коррупцией [12, с. 5–8]. О взаимосвязи этики и коррупции говорится в Международном кодексе поведения государственных должностных лиц, принятом Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 28 января 1997 года и в Рекомендациях Комитета министров Совета Европы «О кодексах поведения для государственных служащих», принятых в 2000 году [2].

Таким образом, коррупция – это системное явление социокультурного, социально-экономического, нравственно-этического, политико-юридического характера. Поэтому эффективно противодействовать ей можно только комплексом политических, правовых, социальных, экономических, кадровых, организационных, информационных, этических мер, реализуемых синергетически.

Ключевым элементом системы борьбы с коррупцией является человек с его пониманием и личностным усвоением морально-нравственных норм, определяющих уровень его этической культуры и его способность противостоять коррупции [9, с. 64–73]. Главным морально-нравственным регулятором поведения человека выступает совесть. Но не всегда, не везде и не у всех этот внутренний контролёр работает, поэтому сложилась система социального контроля, включающая писанные нормы и правила, императивно детерминирующие социальное поведение человека. К таким формализованным ограничителям социального поведения человека относятся профессионально-этические кодексы, включающие общие принципы служебной этики и основные правила служебного поведения, которыми должны руководствоваться профессионалы. В то же время, профессиональный кодекс – это юридический документ, закрепляющий общезначимые цели и задачи профессии.

В 1996 году ООН приняла Международный кодекс поведения государственных чиновников, содержащий нормы, препятствующие конфликту интересов, личной и финансовой заинтересованности, злоупотреблению должностными полномочиями [23].

Зарубежные кодексы профессиональной этики государственных служащих содержат нормы, препятствующие коррупционному поведению чиновников. Так, принятый в 1958 году в США Кодекс этики правительственной службы (кодекс поведения государственных служащих), предписывает государственным служащим профессионально, честно исполнять должностные обязанности [16, с. 24–27] и проходить ежегодное этическое обучение [4, с. 18–22].

Принятый в 1985 году в Канаде Ценностный этический кодекс государственной службы, являющийся составной частью трудового контракта, к недостойному и неприемлемому поведению относит злоупотребление полномочиями для личной выгоды [19, с. 31–33].

Моральный кодекс гражданского служащего Великобритании, действующий с 90-х годов прошлого века, основан на принципах нестяжательства, неподкупности, служения обществу [15, с. 107–116].

Кодекс действий служащего министерства иностранных дел Японии устанавливает прямую обязанность сотрудников обеспечивать доверие населения, противодействовать любым коррупционным проявлениям в государственной службе [13, с. 10–16].

В России до сих пор в полной мере не осознана сущность административной этики и необходимость управления ею. Этическая составляющая в системе государственного управления российским обществом воспринимается лишь как несущественное дополнение к регулированию наиболее значимых проблем государственной службы [14, с. 41–52]. А между тем, проведение субъектом государственного управления определенных этических мероприятий может оказаться серьезным подспорьем формирования этической инфраструктуры государственной службы и эффективной антикоррупционной политики в этой сфере.

В нашей стране неоднократно разрабатывали и пытались принять кодифицированные нормы этики государственных служащих [6, с. 12–15].

Литература:

1. Федеральный закон Российской Федерации от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».
2. Модельный кодекс поведения для государственных служащих / Совет Европы и Россия. 2000. № 2 (документ не вступил в силу).
3. *Артюшенкова Е.В.* Управление миграционными процессами России и Китая в современных условиях : автореф. дис. ... канд. социол. наук : защищена 12.02.2005 : утв. 24.06.2005 / Е.В. Артюшенкова. Чита : Изд-во ЧитГУ, 2005. 121 с.
4. *Барабашев А.Г.* Реформа государственной службы: канадский опыт и российская действительность / А.Г. Барабашев, М.В. Кабышев. М. : Изд-во Формула права, 2006. 92 с.
5. *Барсукова С.Ю.* Коррупция: научные дебаты и российская реальность // *Общественные науки и современность*. 2008. № 5. С. 36–47.
6. *Васильев Д.В.* Кодекс поведения государственных служащих: европейский опыт и российская действительность // *Брифинг московского центра Карнеги*. 2002. Т. 4. Вып. 7. С. 12–15.
7. *Воротников А.А.* Бюрократия в российском государстве: историко-теоретический аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : защищена 07.02.2005 : утв. 22.06.2005 / А.А. Воротников. Саратов : Изд-во СГУУ, 2005. 117 с.
8. *Гаухман Л.* Коррупция и коррупционное преступление // *Законность*. 2000. № 6. С. 6–9.
9. *Гражданская служба: нравственные основы, профессиональная этика : учебное пособие / Под ред. В.М. Соколова, А. И. Турчинова. М. : Изд-во РАГС, 2012. 151 с.*

21 октября 2010 года решением президиума совета по противодействию коррупции принят типовый кодекс этики и служебного поведения государственных и муниципальных служащих Российской Федерации, вменяющий государственному служащему в обязанность уведомлять работодателя или надзорные органы обо всех случаях склонения его к совершению коррупционных преступлений, о проверках в отношении его по факту коррупционного правонарушения [24]. Однако этот документ носит рекомендательный характер и представляет собой основу для разработки эффективных и действенных кодексов этики и служебного поведения государственных и муниципальных служащих.

Учитывая принципиальную новизну этических механизмов для отечественной системы государственного управления, кодексы профессиональной этики государственных и муниципальных служащих необходимо внедрять осторожно, постепенно, деликатно. Самое главное при этом реальная действенность и эффективность этих документов в борьбе с коррупцией.

Literature:

1. Federal Law of the Russian Federation dated December 25, 2008 № 273-ФЗ «On Combating Corruption».
2. Model Code of Conduct for Civil Servants / Council of Europe and Russia. 2000. № 2 (the document has not entered into force).
3. *Artyushenkova E.V.* Management of migration processes in Russia and China in modern conditions : author. dis. ... cand. sociol. Sciences: protected 12.02.2005: approved. 06.24.2005 / E.V. Artyushenkova. Chita : Publishing house of ChitGU, 2005. 121 p.
4. *Barabashev A.G.* Civil Service Reform: Canadian Experience and Russian Reality / A.G. Barabashev, M.V. Kabyshev. M. : Publishing House of Formula of Law, 2006. 92 p.
5. *Barsukova S.Yu.* Corruption: scientific debate and Russian reality // *Social sciences and modernity*. 2008. № 5. P. 36–47.
6. *Vasiliev D.V.* Code of conduct for public servants: European experience and Russian reality // *Briefing of the Carnegie Moscow Center*. 2002. Vol. 4. Iss. 7. P. 12–15.
7. *Vorotnikov A.A.* Bureaucracy in the Russian state: historical and theoretical aspect : author. dis. ... cand. legal Sciences: protected 02.07.2005: approved. 06.22.2005. Saratov : Publishing House of SSUU, 2005. 117 p.
8. *Gaukhan L.* Corruption and corruption crime // *Legality*. 2000. № 6. P. 6–9.
9. *Civil service: moral foundations, professional ethics : textbook / Ed. V.M.Sokolova, A.I. Turchinova. M. : Publishing House of the Russian Civil Aviation Administration, 2012. 151 p.*

10. *Дегтярев А.В.* Институциональный анализ деловой коррупции в России / А.В. Дегтярев, Р.Д. Маликов // Вопросы экономики. 2005. № 10. С. 52–73.
11. *Качкин А.В.* Коррупция и основные элементы стратегии противодействия ей : учебное пособие / А.В. Качкин, Т.Б. Качкина. Ульяновск : ОАО «Областная типография «Печатный двор», 2010. 157 с.
12. *Качкин А.В.* Противодействие коррупции через образование : метод. рекомендации / А.В. Качкин Т.Б. Качкина. Ульяновск : ОАО Областная типография «Печатный двор», 2010. 161 с.
13. Кодекс действий служащего Министерства иностранных дел Японии / Под ред. В.М. Соколова, А.И. Турчинова // Гражданская служба: нравственные основы, профессиональная этика : учебное пособие. М. : Изд-во РАГС Статут, 2006. 332 с.
14. *Макеев Я.А.* Институциональные особенности коррупции в местном сообществе : автореф. дис. ... канд. соц. наук : защищена 15.02.2013 : утв. 19.06.2013. Ставрополь : Изд-во СГУ, 2013. 117 с.
15. Моральный кодекс гражданского служащего Великобритании // Вопросы государственного и муниципального управления. 2007. № 1. С. 107–116.
16. *Николайчик В.М.* США: Правовое регулирование этики официальных лиц. М. : Изд-во Институт США и Канады РАН, 1998. 213 с.
17. *Левакин И.В.* Противодействие коррупции: учебник и практикум для бакалавриата и специалиста / Левакин И.В., Охотский Е.В., Охотский И.Е., Шедий М.В.; Под общ. ред. Охотского Е.В. 3-е изд. М. : Изд-во Юрайт, 2019. 127 с.
18. *Сатаров Г.А.* Некоторые задачи и проблемы социологии коррупции // Россия и современный мир. 2003. № 4. С. 112–125.
19. *Соколов В.М.* Ценностной этический кодекс государственной службы Канады. Гражданская служба: нравственные основы, профессиональная этика : учеб. пособие / В.М. Соколов, А.И. Турчинов; Под ред. В. М. Соколова. М. : Изд-во РАГС, Статут, 2006. 147 с.
20. *Шипунова Т.В.* Введение в синтетическую теорию преступности и девиантности. СПб., 2003. 341 с.
21. McCaghy, Ch. Deviant Behavior: Crime, Conflict, and Interest Groups. Third edition / Ch. McCaghy. Macmillan College Publishing Company, Inc, 1994. 212 p.
22. Коррупция в России растет. URL : <http://smolnarod.ru/sn/korrupciya-v-rossii-rastet-srednyaya-summa-vzyatki-451-tysyacha-rublej/> (дата обращения 21.01.2020).
23. Международный кодекс поведения государственных должностных лиц / Резолюция 51/59
10. *Degtyarev A.V.* Institutional analysis of business corruption in Russia / A.V. Degtyarev, R.D. Malikov // Economics. 2005. № 10. P. 52–73.
11. *Kachkin A.V.* Corruption and the main elements of the strategy to counter it : a training manual / A.V. Kachkin, T.B. Kachkina. Ulyanovsk : OJSC «Regional Printing House» Printing House», 2010. 157 p.
12. *Kachkin A.V.* Anti-corruption through education: method. recommendations / A.V. Kachkin, T.B. Kachkina. Ulyanovsk : OJSC Regional Printing House «Printing House», 2010. 161 p.
13. Code of Action for an employee of the Ministry of Foreign Affairs of Japan // Civil Service: Moral Foundations, Professional Ethics. Textbook / ed. Sokolova V.M., Turchinova A.I. M. : Publishing house of the RAGS Statute, 2006. 332 p.
14. *Makeev Ya.A.* Institutional features of corruption in the local community : author. dis. ... cand. social Sciences: protected 02.15.2013: approved. 06.19.2013. Stavropol : Publishing House of SSU, 2013. 117 p.
15. Code of Ethics for the Civil Servant of Great Britain // Issues of State and Municipal Administration. 2007. № 1. P. 107–116.
16. *Nikolaychik V.M.* USA: Legal regulation of ethics of officials. M. : Publishing House Institute of the USA and Canada RAS, 1998. 213 p.
17. Anti-corruption: a textbook and workshop for undergraduate and specialty / Levakin I.V., Okhotsky E.V., Okhotsky I.E., Shedi M.V.; under the general. ed. Okhotsky E.V. 3rd ed. M. : Yurayt Publishing House, 2019. 127 p.
18. *Satarov G.A.* Some tasks and problems of the sociology of corruption // Russia and the modern world. 2003. № 4. P. 112–125.
19. *Sokolov V.M.* The Code of Ethics for Public Service of Canada. Civil service: moral foundations, professional ethics: textbook. allowance / V.M. Sokolov, A.I. Turchinov; ed. V.M. Sokolova. M. : Publishing House of the RAGS, Statute, 2006. 147 p.
20. *Shipunova T.V.* Introduction to the synthetic theory of crime and deviance. SPb., 2003. 341 p.
21. McCaghy, Ch. Deviant Behavior: Crime, Conflict, and Interest Groups. Third edition / Ch. McCaghy. Macmillan College Publishing Company, Inc, 1994. 212 p.
22. Corruption in Russia is growing. URL : <http://smolnarod.ru/sn/korrupciya-v-rossii-rastet-srednyaya-summa-vzyatki-451-tysyacha-rublej/> (accessed 01.21.2020).
23. International Code of Conduct for Government Officials / UN General Assembly Resolution 51/59 of

Генеральной Ассамблеи ООН от 12 декабря 1996
URL : https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/int_code_of_conduct.shtml (дата обращения 01.01.2020).

24. Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных и муниципальных служащих / Президиум совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции, 2010. URL : <https://rosmintrud.ru/ministry/programms/anti-corruption/9/3> (дата обращения 12.01.2020).

25. Corruption Perceptions Index 2017. Transparency International. URL : <http://CorruptionPerceptionsIndex/> (дата обращения 19.11.2019).

December 12, 1996. URL : https://www.un.org/en/documents/decl_conv/conventions/int_code_of_conduct.shtml (date appeals 01.01.2020).

24. Model Code of Ethics and Official Conduct of State and Municipal Servants / Presidium of the Council of the President of the Russian Federation on Combating Corruption, 2010. URL : <https://rosmintrud.ru/ministry/programms/anticorruption/9/3> (date appeals 01/12/2020).

25. Corruption Perceptions Index 2017. Transparency International. URL : <http://CorruptionPerceptionsIndex/> (accessed 11/19/2019).

**ЮРИДИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Абукарова Мейрам Узеровна
старший преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин,
Дагестанский государственный
университет народного хозяйства
abukarova.maryam@mail.ru

Meiram U. Abukarova
Senior teacher of the Departmentstate
Law Disciplines,
Dagestan State University
of National Economy
abukarova.maryam@mail.ru

РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ И ПРАВОВОМ ФОРМАТЕ

RUSSIAN-AMERICAN RELATIONS IN HISTORICAL AND LEGAL FORMAT

Аннотация. Вследствие непризнания Соединёнными Штатами советского государства после Октябрьской революции 1917 года, в российско-американских отношениях наступает раскол. Это способствовало началу формирования антиамериканских настроений в советском обществе. На сегодняшний день российско-американские отношения продолжают оставаться одним из главных направлений внешней политики России. Статья посвящена анализу новейшего периода российско-американских отношений, которые, по мнению автора, представляют собой угрозу безопасности в глобальном масштабе.

Annotation. Due to the non-recognition by the United States of the Soviet state after the October Revolution of 1917, a split occurs in Russian-American relations. This contributed to the beginning of the formation of anti-American sentiments in Soviet society. Today, Russian-American relations continue to be one of the main directions of Russia's foreign policy. The article is devoted to the analysis of the latest period of Russian-American relations, which, according to the author, pose a threat to security on a global scale.

Ключевые слова: Россия, США, система сдержек или противовесов, российско-американские отношения, «перезагрузка», партнёрские отношения, глобальные трансформации, международные отношения.

Keywords: Russia, the USA, a system of checks or balances, Russian-American relations, «reset», partnerships, global transformations, international relations.

О тношения России и США всегда играли особую роль в решении международных вопросов. Более 250-лет составляет история российско-американских отношений, и никакой враждебностью они, в принципе, не характеризовались. В 1807 году между Санкт-Петербургом и Вашингтоном установились официальные дипломатические отношения. Отметим что, задолго до этого тихоокеанский регион был местом торгово-экономических отношений между США и Россией.

настроения. Далее наступает долгий период «холодной войны» между СССР и США. По словам А. А. Семашкина: более полувека гражданам нашей страны был навязан образ Америки как противника и недоброжелателя Родины [3, с. 266]. Так этот образ и сохранился, как мы полагаем, и до наших дней, в результате чего и у российского, и у американского народов сложился, можно сказать, устойчивый стереотип восприятия друг друга как противников. Наверное, иначе и быть не могло, ведь «холодная война» продолжалась более полувека. Что можно сказать о современном этапе российско-американских отношений? На сегодняшний день мы можем выявить тенденцию, причём достаточно устойчивую, к усилению недоверия к Америке с нашей стороны. Проследим некую цепочку событий, выявляющих противоположные подходы к международным отношениям между Россией и США. Прежде всего, это грузинская проблема, по которой кардинально противоположное отношение и у России, и у США. Небезызвестные события августа 2008 года, когда грузинские войска вторглись в Южную Осетию, привели к новому ветку недружественных отношений между Россией и США. Все мы знаем, что территория Осетии была освобождена российскими войсками. Россия была в числе тех немногих государств, которые признали Южную

Между Россией и США первым официальным договором явилась заключённая в 1824 году Конвенция о торговле и мореплавании. В соответствии с этим договором, Российская империя и США были наделены равными правами на судоходство и рыбную ловлю. Благодаря ей, наступил достаточно долгий период стабильных отношений между нашими странами. Этому послужил заключённый в 1832 году Договор о торговле и мореплавании.

После Октябрьской революции 1917 г. наступает, если можно так сказать, первый раскол в российско-американских отношениях. Этому способствовал факт непризнания США советского государства. С этого периода в советском обществе начинают формироваться антиамериканские

Осетию и Абхазию независимыми государствами. Затем, нельзя оставить без внимания проблему развёртывания Соединёнными Штатами в Европе системы противоракетной обороны. Мы знаем, что в 2007 году Россия и США были крайне недовольны друг другом в связи с решением США установить свои ракетные комплексы в Польше и Чехии, как они утверждали, с целью защитить Европу от иранских и северокорейских ракет. Россия с этим не согласилась. Кроме того, нет согласия в вопросах помощи России Ирану в осуществлении его ядерной программы.

На сегодняшний день российско-американские отношения продолжают оставаться одним из главных направлений внешней политики России. Это обусловлено тем, что накаливание отношений между Россией и США закономерно вызывают сложности в урегулировании важнейших мировых конфликтов. Примером тому является арабо – израильский конфликт, который не удалось вовремя остановить. Кроме того, нет чётко разработанной стратегии противостояния между народному терроризму.

Если обратиться к вопросу о российско-американских отношениях в области сокращения ядерных вооружений, то здесь следует отметить, что основополагающим моментом является ядерное сдерживание. В военной сфере отношения США и России по-прежнему носят стратегический характер. Поэтому особенно важным здесь является оздоровление российско -американского сотрудничества в сфере создания европейской противоракетной обороны. Априори, обладая ядерным оружием, Россия выступает главным игроком на международной арене. Особую важность приобретает вопрос, который вызывает сильную тревогу – это возможность приобретения оружия массового уничтожения террористами. В данном вопросе сотрудничество России и США как стран, которые обладают ядерным оружием, сверх важно для решения этих проблем. В России Соединённые Штаты воспринимают как страну, которая испытывает к России глубокую антипатию. А в Соединённых Штатах Россия воспринимается как самый главный геополитический противник. Они усматривают Россию, чуть ли, не как скрытую, а то и явную внешнюю угрозу национальной безопасности США. Нам приписывается аннексия Крыма, а также – война в Восточной Украине, поддержка режима президента Башара Асада в Сирии. Кроме того, нас обвиняют в подавлении гражданских свобод в нашей стране.

Однако нельзя отрицать очевидные факты, свидетельствующие о положительной динамике в отношениях между Россией и США. Тем не менее, мы должны подчеркнуть, что все происходящее в российско-американских отношениях в течение последних лет имеет одну цель, а именно – создание новой атмосферы в отношении между нашими странами, которая предполагает, прежде всего, учёт взаимных интересов. Положительная динамика прослеживается в том, что оба государства показывают готовность к сотрудничеству. Несомненно, это является хорошим знаком и создаёт возможности для появления взаимного доверия в отношениях между двумя странами.

Несомненно, что США питают иллюзии установить контроль над Россией, да и не только над ней, а, можно сказать, над всеми европейскими государствами. Это выражается в попытках, которые мы можем сейчас наблюдать в виде санкций и некоего внешнего давления. Несомненно, что России будет целесообразно выстроить, если не дружественные, то партнёрские отношения с Соединёнными Штатами.

Таким образом, подведём некоторые итоги. Российско-американские отношения на современном этапе можно охарактеризовать как наиболее запутанные за весь период после окончания «холодной войны». С одной стороны, между нашими государствами имеются глубокие противоречия по кризисам на Украине и в Сирии, а также - по ряду вопросов одностороннего применения силы Соединёнными Штатами, ограничения вооружений и размещения систем ПРО в Европе. Однако, с другой стороны мы не можем не отметить положительную динамику: на уровне глав государств укрепляется взаимное доверие, мы можем наблюдать тенденцию продвижения к конструктивному диалогу, особенно здесь речь идёт о вопросах европейской безопасности и противоракетной обороны.

Говоря о перспективе развития российско-американских отношений необходимо также подчеркнуть, что у них достаточно много нерешённых проблем, много сохраняется и противоречий. Однако нельзя сказать, что никаких продвижений в лучшую сторону нет. Значительно возрос перечень сфер деятельности, в области которых наши страны сотрудничают. Например, относительно новым является договор по СНВ, а также подписанное сторонами соглашение о воздушном транзите военных грузов США через территорию России в Афганистан. Но наибольшие противоречия у России и США сохраняются в Арктическом регионе. По данному вопросу имеются разночтения следующего характера: ещё в 1920-х годах сложилась секторальная система раздела Арктики. Россия выступает за то, чтобы сохранить данную модель. США же предлагают отказаться от данного типа и предлагает интернационализацию Северного Ледовитого океана. Дело в том, что пять государств «имеют виды» на Арктику, четыре из которых являются членами НАТО. Ещё в 2010 году Россия и Норвегия заключили Мурманский договор, который оказал также особое влияние и на российско-американские отношения в Арктике. Именно на основе этого договора впервые стало понятно, что есть возможность ведения диалога России с другими арктическими государствами без участия США, и это обстоятельство имело немаловажное значение. По мнению ряда авторов, США – это такой опасный участник мировой политики, с которым нельзя враждовать, но которому нельзя и доверять [4]. Кстати, это верно подмечено. Всё же нельзя не подчеркнуть, что в США такая же оценка даётся российскому обществу, такая, своего рода, русофобия, которая имеет место быть. Кроме того, мы знаем, что в США долгое время не прекращался достаточно острый период антироссийской фобии, связанной

со скандалом вокруг мнимого российского вмешательства в президентские выборы 2016 года. Всё это усугубляет и без того запутанные отношения между США и Россией. Конечно, со временем этот скандал пошёл на убыль. На сегодняшний день явно то, что исчерпала себя модель, при которой США отводилась определяющая роль в мировом пространстве. Говорить о том, что антиамериканские настроения в России преодолены, пока говорить не приходится.

Таким образом, можно отметить некоторые важные моменты. На сегодняшний день уже не представляют актуальности вопросы остановки «гонки вооружений» или же предотвращения опасной эскалации региональных конфликтов, о чём ранее так много говорилось. Далее, мы не можем не признать тот факт, что российско-американские отношения, несмотря ни на какие на противоречия, всё же имеют тенденцию к установлению партнёрства. Говоря о партнёрских отношениях, конечно, следует отметить, что они таковыми выстраиваются вовсе не из солидарности и из-за чего бы то ни было ещё, а прежде всего, исходя из своих национальных интересов. Если интересы совпадают в каких-то знаковых вопросах, значит, будет сотрудничество, например, в космосе или же борьба с терроризмом. Любая страна будет действовать исключительно в своих интересах.

Хотелось бы сделать небольшую оговорку по вопросу борьбы с терроризмом. США и Россия ещё задолго до событий 11 сентября 2011 г. предпринимали ряд попыток в организации совместных действий в противодействии международному терроризму. Но всё же, на том этапе в США предложения России организовать совместные действия в борьбе с терроризмом воспринимали как некий шаг России узаконить войну в Чечне, то есть, придать ей легитимность или же, что ещё более абсурдно - как способ вовлечения США в войну с исламским фундаментализмом в интересах России.

Литература:

1. *Богатуров А.* Стратегия разравнивания в международных отношениях и внешней политике США // *Мировая экономика и международные отношения.* 2001. № 2. С. 20
2. *Коновалов А.* Как Россия и США потеряли друг друга // *Мировая экономика и международные отношения.* 2000. № 7. С. 3–15.
3. *Козлов Л.Е.* Антиамериканизм и внешнеполитическая элита России / Л.Е. Козлов, А.А. Семашкина // *Российский Дальний Восток в Азиатско - Тихоокеанском регионе на рубеже веков: Политика, экономика, безопасность.* Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2005. С. 266–267.
4. *Озовская И.* Антиамериканизм в России и русофобия в Америке: реальная проблема или миф? URL : <http://www.voanews.com/russian/archive/2008-01/2008-01-25>

Россия является одним из мощных государств в мире и никого не вовлекает в решение своих личных проблем. Наша страна способна решать сама свои задачи. Однако, произошедшие, к сожалению, события 11 сентября вынудили и США, и Россию по-новому взглянуть на российско-американские отношения. Как выяснилось со временем, Россия – очень ценный и надёжный партнёр для США, нежели страны НАТО. В интервью «Известиям» К. Райс отметила, что Россия очень искренний, щедрый партнёр. Россия предоставила США разведданные, предоставила воздушное пространство для американских самолётов. Но сотрудничество наших государств оказалось хрупким. Как только Россия выразила свою позицию и своё отношение к войне в Ираке, началось российско-американское «отчуждение». Кроме того, США очень негативную оценку высказывают по поводу военно-технического сотрудничества Российской Федерации с рядом стран. Речь идет, прежде всего, о сотрудничестве с Ираном. И не только с Ираном. США обвинили Россию в том, что мы нарушаем режим нераспространения ракетных технологий, продавая Индии криогенные двигатели и технологию их производства, а также – продаём свои вооружения Китаю, Сирии и Кипру. По мнению США, вероятно, мы должны спрашивать у них разрешение, что нам делать. И мы знаем, что их недовольство не ограничилось только этим. Против России неоднократно вводится множество санкций. Хотелось бы привести цитаты из высказываний двух очень компетентных авторов, которые как нельзя лучше определяют характер и динамику российско-американских отношений. А. Коновалов в своей статье отметил, что отношения России и США прошли путь от взаимных надежд и искреннего стремления сторон к партнёрству до таких же взаимных разочарований, непонимания друг друга [1, с. 20]. А. Богатуров определяет модель поведения США в отношении России, в частности делает акцент на стремлении к вовлечению России в невраждебные отношения в качестве своего «младшего партнёра» [2, с. 5].

Literature:

1. *Bogaturov A.* Leveling Strategy in international relations and US foreign policy.// *World economy and international relations.* 2001. № 2. P. 20
2. *Kononov A.* How Russia and the USA lost each other // *World Economy and International Relations.* 2000. № 7. P. 3–15
3. *Kozlov L.E.* Anti-Americanism and Russia's Foreign Policy Elite / L.E. Kozlov, A.A. Semashkina // *Russian Far East in the Asia-Pacific Region at the Turn of the Century: Politics, Economics, Security.* Vladivostok : VGUES Publishing House, 2005. P. 266–267.
4. *Ozovskaya I.* Anti- Americanism in Russia and Russophobia in America: a real problem or myth? URL : <http://www.voanews.com/russian/archive/2008-01/2008-01-25>

Бидова Бэла Бертовна
кандидат юридических наук,
доцент,
заведующая кафедрой
уголовного права и криминологии,
Чеченский государственный университет
Bela_00769@mail.ru

ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. Целью настоящего исследования является изучение общественных отношений, возникающих при реализации уголовной политики по обеспечению экономической безопасности; выводы выражены в системном анализе современных научных взглядов на понятие, структуру и содержание уголовной политики в области экономической безопасности, где под уголовной политикой понимается уголовная политика, направленная на обеспечение экономической безопасности и стабильности, являющейся составной частью уголовной политики Российской Федерации, а именно – уголовной политики противодействия экономической преступности. Основываясь на анализе идеологии современной политики по обеспечению экономической безопасности посредством противодействия экономической преступности, а также, на основных этапах ее формирования, автор определил сущность, содержание, основные признаки уголовной политики по обеспечению экономической безопасности. Выявлены границы сопоставления данной уголовной политики с динамикой социально-экономического развития страны, а также – с изменениями криминогенной ситуации.

Ключевые слова: безопасность, экономика, общественные отношения, уголовная политика, экономическая безопасность, экономическая преступность, коррупциогенность, криминогенная ситуация, противодействие, криминальные угрозы.

Предваряя рассмотрение вопросов, обозначенных в названии данной работы, поясним, что мы исходим из того, что право должно быть адекватно состоянию социального организма. Правовая политика государства (разновидностью которой является уголовная политика) является инструментом адаптации к условиям окружающей среды, средством разрешения наиболее актуальных социально-экономических проблем. Уголовная политика противодействия экономической преступности выступает продолжением экономической политики государства по достижению стратегически значимых целей, но специфическими

Bela B. Bidova
Candidate of Jurisprudence,
Associate,
Professor of Criminal Law
and Criminology,
Chechen State University
Bela_00769@mail.ru

LEGAL ANALYSIS OF MODERN CRIMINAL POLICY TO ENSURE ECONOMIC SECURITY

Annotation. The purpose of this research is the study of social relations arising in the implementation of criminal policy to ensure economic security; insights reflected in the system analysis of modern scientific views on the concept, structure and content of criminal policy in the field of economic security, where criminal policy is understood as a criminal policy aimed at ensuring economic security and stability, which is an integral part of criminal policy of the Russian Federation, namely criminal policy to combat economic crime. Based on the analysis of the ideology of modern policy to ensure economic security by countering economic crime, as well as at the main stages of its formation, the author determined the essence, content, and main features of criminal policy to ensure economic security. The author reveals the limits of comparison of this criminal policy with the dynamics of socio-economic development of the country, as well as with changes in the criminal situation.

Keywords: security, economy, public relations, criminal policy, economic security, economic crime, corruption, criminal situation, counteraction, criminal threats.

средствами: уголовно-правовыми, уголовно-процессуальными и прочими юридическими средствами криминального блока. У уголовной политики, как части целого, должны быть общая с экономической политикой идеология и цели. Меняются обстоятельства, порождающие криминальные угрозы, меняется и уголовная политика.

Уголовная политика, тем более, уголовная политика в такой чувствительной для общества области, как экономика, должна быть в общем тренде – экономическом, социальном, политическом, в том числе, в международно-политическом. Она

должна быть адекватной ситуации, которая складывается как внутри, так и вне России.

По нашему мнению, уголовно-политические тенденции, в конечном счете, являются отражением – с большей или меньшей объективностью – реальных изменений в экономическом базисе современного российского общества, его идеологической и правовой надстройке. Целью анализируемой нами уголовной политики в стратегическом плане является переход на качественно новый уровень правового регулирования общественных отношений в сфере предпринимательской или иной экономической деятельности. В этом состоит обеспечение экономической безопасности, равно как и назначение механизма правового регулирования в сфере экономики, который включает в себя антикриминальное законодательство.

В последние годы законодательство, регулирующее сферу экономической деятельности, качественно изменилось. По мнению, председателя Комитета Государственной Думы Федерального Собрания РФ по безопасности и противодействию коррупции И.А. Яровой, Россия за короткий срок сформировала современное и прогрессивное законодательство, которое, прежде всего, регулирует отношения в сфере экономики. После возникновения фундаментальных основ (ГК РФ и другие нормативные правовые акты), определяющих отношения в сфере экономики, возникла необходимость дополнительного регулирования взаимодействия государства и предпринимательства с позиции уточнения процедур, которые бы позволили максимально избежать личного, субъективного влияния на эти правоотношения [1, с. 145]. Глубоким преобразованием в гражданско-правовой сфере корреспондируют и изменения в уголовно-правовой политике, суть их состоит в том, чтобы существовал правовой механизм, адекватный уровню модернизации социально-экономических отношений и главное – обеспечивающий их дальнейшее развитие. По нашему мнению, антикриминальное законодательство, прежде всего УК РФ, в концептуальном плане отстает от развития частного права, которое изменяется быстрее. Новая уголовная экономическая политика – стала способом преодоления этого отставания. Эффективной уголовная политика станет тогда, когда в полной мере будет отражать диалектику развития современного общества потребления (буржуазного).

Одновременно с позитивными изменениями в социально-экономическом базисе происходит и формирование новой экономической преступности как неизбежного спутника буржуазного общества; соответственно, возникает потребность и в поиске правовых форм сосуществования с ней государства и общества, контроля над ней. Социум становится более цивилизованным, основы института частной собственности сформированы, рыночные механизмы действуют, первичный этап накопления капитала, приобретения частной собственности завершился, поэтому буржуазия нуждается в законности, правопорядке, который создавал бы для нее наиболее благоприятный режим получения прибыли, преумножения частной собственности – посредством предпринимательской

деятельности. Поскольку иного способа преумножения богатства, кроме предпринимательской деятельности и частной инициативы, не дано, постольку буржуазное право главным предметом своего регулирования имеет общественные отношения в сфере производства, то есть предпринимательскую деятельность. Роль уголовного права в механизме правового регулирования предпринимательской деятельности состоит в том, чтобы обеспечить охрану предпринимательской деятельности от наиболее серьезных угроз в виде преступности. Причем не просто преступности, а самых опасных проявлений преступности, каковыми мы считаем организованную экономическую преступность, сросшуюся с коррумпированной частью государственной власти.

Разумеется, уголовное право имеет по отношению к экономике, производству не прямую роль регулятора, но выполняет охранительную функцию; уголовно-правовой механизм включается тогда, когда не срабатывают иные (цивилистские, административные) инструменты правового воздействия. Однако стратегически неверно преуменьшать роль государства и его правоохранительной системы, в том числе, уголовной юстиции, в охране правопорядка в сфере экономической деятельности. Нахождение оптимального баланса в обеспечении частного и общественного интереса, определении меры активности правоохранителей в области экономики – это большая политическая, научная проблема и, наверное, культурно-правовая проблема.

Конечно, быстрое достижение такого баланса – через оптимальную формулу социального договора – затруднительно для любой элиты: притирка интересов бизнеса, в том числе теневого, к интересам государства и общества осложнилась криминальным или не вполне юридически чистым происхождением первого и менталитетом сотрудников правоохранительного аппарата. Правоохранители и уголовный закон во время «переходного периода» по своему правосознанию (и «способу бытия») оставались «социалистическими» и враждебными предпринимательству, хотя и сам предприниматель был не без греха.

К институту частной собственности в России с момента ее рождения был применим афоризм Прудона «собственность – это кража», причем, в буквальном смысле. Для многих представителей новой русской буржуазии схема «украл-вывел-свалил» стала архетипической: такова модель их поведения и таков менталитет. Сложился антагонизм: «собственники» и «пролетарии правоохранительного труда», и те, и другие демонстрировали пренебрежение к закону, который перестал быть правом. Становление нынешнего предпринимательства в России происходило в сложных экономических и правовых условиях, когда массив законодательства был основан на понимании экономики, как плановой, основанной исключительно на государственной собственности и защищаемой государством от участия в ней частной собственности, в том числе путем прямой уголовной репрессии [2, с. 204].

Реформирование уголовного законодательства в экономической сфере в настоящее время приобретает острую актуальность. По мнению участников круглого стола «Декриминализация бизнеса: необходимость совершенствования уголовного законодательства в экономической сфере», отношение государства до сих пор носит репрессивный характер по отношению к предпринимателю, и «уголовное право, которое призвано защищать личность, защищать права человека, защищать право собственности по-прежнему остается инструментом государственного регулирования экономики; при этом многие предпринимательские отношения, параллельно с гражданским правом, у нас еще регулируются и правом уголовным» [3].

По мнению И.А. Александровой, в обществе формировались стереотипы: предприниматели – «жулики и воры», а «милиция» – вся коррумпирована, некомпетентна и жестока. Это была неформальная, психо-эмоциональная подоплека постсоветской уголовной политики в сфере экономической деятельности. В риторике победившей буржуазии данный феномен отрефлексировался в виде тезисов о том, что у нас произошла «искусственная криминализация бизнеса», что «обычные для рыночной экономики отношения объявляются незаконными и влекут уголовную репрессию, как основанную на действующем законодательстве, так и не основанную на нем, но применяемую путем расширительного толкования уголовной нормы» [4, с. 78].

В такого рода текстах ситуация описывалась как нетерпимая; при этом искусно подменялись интересы буржуазии интересами всего общества. Вот иллюстрация этому: «Чрезмерная уголовная политика формирует социальную среду, которая создает негативную обстановку для дальнейшего развития общества. Когда в тюрьмы в массовом порядке попадают предприниматели, мы получаем социальное общество, в котором заведомо занижены нравственные барьеры, общественные тормоза. Опасность формирования такой социальной среды в стране нельзя сбрасывать со счетов, потому что дальше нельзя калечить социальную структуру общества» [5, с. 328]. Надо понимать, что для буржуазии любая уголовная политика будет чрезмерной, если она мешает ей делать деньги и извлекать прибыль. Мы ни в коем случае не преуменьшаем позитивного значения предпринимательской или иной экономической деятельности. Мы признаем, что уголовная политика, прежде всего, должна обеспечивать безопасность предпринимательской деятельности и частной собственности. Однако надо учитывать два обстоятельства:

– во-первых, преступные действия части представителей бизнес сообщества вредят, в первую очередь, законопослушным предпринимателям;

– во-вторых, для получения сверхприбыли нет такого преступления, на которое не пошел бы капитал.

В целом и общем, можно говорить о том, что как на идейном, так и на законодательном уровне сложилась вполне четкая модель уголовной

политики – Новая уголовная экономическая политика. Ее суть состоит в создании специальных правовых гарантий неприкосновенности «предпринимателей» от публичного уголовного преследования, введения для них особого правового механизма по разрешению уголовно-правовых конфликтов между бизнесменами и государством альтернативным, «мирным», экономическим путем – как и планировалась некоторыми выразителями интересов промышленников и предпринимателей.

Некоторые авторы отмечали, что государство в лице его законодательных органов последовательно проводит курс на гуманизацию уголовной ответственности за преступления экономической направленности [6, с. 20]. Позитивно оцениваются принимаемые решения, направленные на совершенствование уголовно-правовых норм, предусматривающих уголовную ответственность за преступления в сфере экономики; отмечается, что о последствиях данных шагов пока говорить преждевременно, их результаты появятся не ранее чем через пять-шесть лет [7, с. 62]. Приветствовал отражение в уголовном законодательстве либеральных идей профессор А.В. Наумов; он пишет о достижении положительного результата гуманной уголовной политики в виде сокращения «тюремного» населения России, предупреждая при этом о недопустимости «перебора» и ослабления борьбы с тяжкими и особо тяжкими преступлениями при упразднении нижнего предела санкций в виде лишения свободы по 68 составам, об опасности радикального расширения судейского усмотрения: «степень судейского (судебного) усмотрения следует сужать, а не расширять», что к тому же «снизит коррупцию в судах» [8, с. 38].

Профессор А.Г. Кибальник относится к политическим решениям, связанным с изменением положений, которые именно в данный момент интересуют законодателя при неизменности смежных норм, как к «законодательной небрежности», атакующей устои уголовного права. Давая невысокую оценку злоупотреблению специальными составами для усиления борьбы с отдельными видами преступлений, он подробно проанализировал «законотворческие ошибки» [9, с. 24]. Таким образом, принципиальной критики сама идеология либерализации уголовной политики по обеспечению экономической безопасности в научном сообществе не встретила.

Есть ученые, у которых правомерность изменения уголовной политики вызывает не только сомнения, но и убеждение в необходимости принятия срочных мер по ее пересмотру. Опираясь на данные статистики, они указывают на лживость данных о криминализации бизнеса и числе осужденных предпринимателей и указывают на опасность криминализации бизнеса в отсутствие противодействия со стороны правоохранительной системы. Как отмечают критики проводимого курса уголовной политики противодействия преступлениям в сфере экономической деятельности, некоторые законодательные новеллы являются социально не обусловленным и теоретически не обоснованным вторжением в идеологию

Уголовного кодекса РФ, поэтому они способны существенно подорвать его научные основы и оказать отрицательное влияние на качество уголовного законодательства.

Рассуждая, таким образом, мы приходим к тому, что предметом уголовной политики по обеспечению экономической безопасности является экономическая преступность. В нашем представлении данная уголовная политика представляет собой противодействие преступлениям экономической направленности, совершаемым в сфере предпринимательской или иной экономической деятельности.

Как любая форма преступности экономическая воспринимается как зло. Этот факт вполне признаваем в официальных документах и текстах авторитетных ученых-криминалистов. Правонарушения в экономике являются мощнейшим катализатором практически всех нарушений законности, они представляют собой фундамент, на котором стоит здание правонарушаемости. Нарушения уголовного закона в сфере предпринимательской или иной экономической деятельности угрожают не только институту частной собственности, но и свободе экономической деятельности, препятствуют экономическому росту нашей страны, а, следовательно, подрывают основы национальной безопасности.

При «первом приближении» преступность в сфере экономической деятельности выглядит как преступность в сфере предпринимательства, в сфере предпринимательской деятельности, в сфере бизнеса. Соответственно, при таком подходе преступность в сфере экономической деятельности, в целом, допустимо идентифицировать с понятием «экономическая преступность» [10, с. 32]. Между тем, реальность сложнее, она еще и искусственно осложнена. Надо признать, что в науке уголовного права и криминологии не выработано единого подхода к определению понятия «преступность в сфере экономики» (экономической преступности). В этом, как нам представляется, одна из причин последовательности уголовной политики по противодействию этой преступности. По мнению ведущих отечественных криминологов, экономическую преступность, в наиболее общем виде, можно определить как специфическую, превращенную форму экономической деятельности, осуществляемой в сфере предпринимательства его субъектами с целью достижения незаконного обогащения.

Экономическая преступность есть превращенная форма экономической деятельности, осуществляемая в сфере предпринимательства его субъектами методами, обеспечивающими достижение незаконного обогащения. Экономическая преступность – это превращенная форма экономической (предпринимательской) деятельности, осуществляемой ее субъектами с целью достижения социально несправедливого обогащения за счет нарушения принципа эквивалентности обмена.

Взаимовыгодное сосуществование властной элиты и экономической преступности имеет место во всех государствах, где есть традиционно

криминализованные сектора экономики, и государство веками мирится с этим. Так что, уголовно-правовой механизм должен рассматриваться как механизм, призванный дифференцированно управлять экономической преступностью, а не уничтожать ее. Уголовное право и судопроизводство отнюдь не исключают экономическую преступность из жизни общества, но включают ее в систему взаимовыгодного обмена посредством целого ряда серых, полукриминальных и легальных схем. У нас криминализованы целые сектора экономики, значительная часть экономики находится в тени. Это выгодно бизнесу. И иногда не особенно мешает власти. Например, речь идет о рынке труда мигрантов из ближнего зарубежья. С помощью уголовного аппарата государство весьма приблизительно и непоследовательно проводит границу между преступностью и законопослушностью, переиначивая ее тогда, когда это выгодно элите.

Уголовная политика в современном буржуазном обществе сводится к тому, что преступностью (экономической) надо управлять, включать ее в приносящие пользу системы, направлять на благо экономической элиты, приводить к оптимальному функционированию. Не подавление, а сосуществование с экономической преступностью.

Одним из главных исходных положений в уголовно-правовой стратегии обеспечения экономической безопасности является критерий (или критерии) определения общественной опасности преступлений в сфере экономической деятельности (экономике) или выявление их «криминообразующих признаков». Именно они служат оправданием вмешательства государства в гражданско-правовые отношения субъектов предпринимательской деятельности между собой, а также – между ними и другими субъектами. Такое вмешательство дает субъектам предпринимательской деятельности, при необходимости, возможность не просто возмещения причиненного вреда, восстановления нарушенного права, но и наказания правонарушителя.

Практически все существующие подходы к оценке экономической безопасности ориентированы преимущественно на уровень страны. Особенности социально-экономического развития регионов обусловили необходимость разработки показателей безопасности регионального уровня, определения ее пороговых значений. [11, с. 20]

Мы считаем, что правомерно будет сущность экономической безопасности определять как состояние экономики и институтов власти, при которых обеспечиваются гарантированная защита национальных интересов, социальная направленность политики, достаточный оборонный потенциал государства даже при неблагоприятных условиях развития внутренних и внешних процессов. Из этого мы можем заключить, что экономическая безопасность – это состояние защищенности экономики от наиболее опасных и угроз (в виде эксцессов правоприменения со стороны правоохранителей и эксцессов в поведении субъектов предпринимательской деятельности – виде нарушения

закона), что подразумевает контроль и управление угрозами.

Новые параметры экономической безопасности, на которые надлежит настраивать и концепцию уголовной политики по ее достижению, объективно обусловлены приоритетами в обеспечении национальной безопасности, которые определяются в нормативных актах Президента России. Как известно из печати, в настоящее время идет активная работа по их разработке с учетом новых внешних и внутренних условий, в том числе и неблагоприятных – в виде «угроз», к которым должна адаптироваться российская социально-экономическая и государственно-правовая системы.

Нельзя не сказать о методе исследуемой нами уголовной политики. К уже сказанному нами по этому поводу в теоретико-методологической части нашей работы, следует специально добавить то, что именно для современной уголовной политики по обеспечению экономической безопасности государства актуальным является перенос внимания с юридико-технических методов осуществления уголовной политики на методы правового регулирования: переход с исключительно публично-правового (императивного) на частично диспозитивный метод правового регулирования уголовно-правовых отношений, складывающихся в сфере экономической деятельности. [12, с. 44]

Перейдем к другому принципиальному элементу правового механизма уголовной политики по обеспечению экономической безопасности и противодействию преступлениям в сфере экономической деятельности. Речь идет о распространении частно-публичного правового режима уголовного преследования на дела о наиболее распространенных в сфере экономической деятельности преступлениях, в том числе, о мошенничестве. Публично-правовая обязанность правоохранительных органов осуществлять уголовное преследование по целому ряду, традиционно считавшихся объектом публично-правовых отношений преступлений, изменила формат. Сразу отметим, что решение о переводе дел о мошенничестве, составляющем основной массив корыстных преступлений в сфере предпринимательской или иной экономической деятельности, в разряд дел частно-публичного обвинения стало уникальным в мировой практике примером приватизации правового механизма противодействия экономической преступности [13, с. 11]. Тем самым, в стратегическом плане сформировалась новый тип правового механизма противодействия экономической преступности и обеспечения, таким образом, экономической безопасности. Этот правовой механизм отличается тем, что только от воли самого потерпевшего как заявителя-обвинителя зависит вмешательство государства в его отношения с предпринимателем, в связи с возможным преступным нарушением его прав и законных интересов (в результате совершения преступлений, предусмотренных ст. 159, 1595, 1596 УК РФ). Только заинтересованное лицо (потерпевший) решает, имеет ли деяние, причинившее ему вред, затронувшее его интересы, уголовно-правовую характеристику или нет. Фигура

«потерпевшего» становится ключевой для правоохранителя, обязанного применять уголовный закон. Следователь не вправе возбудить уголовное дело при наличии данных о том, что жертвами мошенничества, иного преступления, указанного в ч. 4 ст. 20 УПК РФ, стали несколько лиц, но ни одно из них не обратилось с заявлением.

Следуя «генеральной линии», проводимой современным законодателем, приходится считать, что полиция, прокуратура, другие правоохранительные органы не обязаны осуществлять публичное уголовное преследование в экономической сфере в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений, если они затрагивают граждан, простых обывателей. Защита прав гражданина (даже группы граждан) – потребителя продуктов и услуг субъектов предпринимательской деятельности является отныне правом самого потребителя, но не обязанностью государства. Если сторонами в хозяйственном споре являются частные лица, то проведение ОРМ для выявления и раскрытия преступлений, относящихся к делам частно-публичного обвинения, недопустимо. Выход за пределы, очерченные уголовно-процессуальным правом, чреват угрозой привлечения к уголовной ответственности по ч. 3 ст. 303 УК РФ или другой ответственности (ч. 2 ст. 6 ФЗ «О полиции»). Неслучайно введена статья 169 УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность за воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности, а в статью 63 УК РФ добавлено обстоятельство (пункт о совершении умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел), специально отягчающее ответственность, и усилена наказуемость за деяния, охватываемые ст. 303 УК РФ.

Происходящая в последнее время либерализация уголовного законодательства, выраженная в депенализации ряда преступлений, уменьшении возможностей применения уголовно-правовых репрессий в отношении посягательств на сферу экономической деятельности не встроены в систему сопутствующих изменений в части доработки административного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного законодательства, оперативно-розыскной и иной правоохранительной деятельности. Между тем, необходимыми предпосылками успеха в противодействии криминальным посягательствам являются, в частности, координация всех мероприятий, имеющих отношение к противодействию преступности, проработанность целей, определяемых общим результатом, и их согласованность с происходящими в стране преобразованиями в области социально-экономических и иных процессов.

Тезис о необходимости невмешательства государства в хозяйственные споры, ограничения активности правоохранительных органов, на наш взгляд, не выдерживает критики. Ведь, тем самым, презюмируется неправомочность государства, поощряются антигосударственные настроения, подрываются устои правопорядка. А должно быть так, чтобы уголовная юстиция срабатывала там и тогда, где и когда неправомочное поведение собственника в сфере предпринимательской деятельности затрагивает интересы других лиц

или же опасно для общества, в целом, поскольку разрушает правопорядок в сфере предпринимательской деятельности, составляет угрозу экономической безопасности страны.

Когда совершается экономическое преступление, т.е., общественно опасное деяние, страдают интересы не только и не столько отдельного потерпевшего, сколько правовые институты (частной собственности, договора), налоговая, кредитно-финансовая и пр. системы, т.е., публичный интерес, который состоит в обеспечении экономической безопасности государства. Правоохранительная система не может не реагировать на это. Более того, она обязана работать на опережение, предотвращать, выявлять в самом начале преступные элементы в сфере экономики, не давать им развиться, чтобы не допустить более тяжелых последствий. Так что, критерий для публично-правового вмешательства один: как только правовой конфликт выходит за пределы частных интересов спорящих собственников, обвинительная власть государства вправе вмешаться. Если хозяйственный спор ограничивается сугубо интересами спорящих лиц, предприниматели могут его решать в гражданском суде. Правовой механизм уголовного преследования должно быть таким, чтобы общество было гарантированно защищено от наиболее опасных антисоциальных проявлений. Мы полагаем, что в условиях буржуазного общества речь должна идти, прежде всего, о тяжелых и особо тяжелых налоговых и других экономических преступлениях, совершаемых в сфере предпринимательской или иной экономической деятельности.

В противоправной, криминализованной среде невозможно эффективно осуществлять честную предпринимательскую деятельность. Правовое государство должно обладать ресурсами и волей защитить себя и общество, интересы которого она призвана охранять от попыток плутократии поставить себя выше закона, выше интересов общества и личности. Преступники, в какой бы сфере они не совершали преступления, должны отвечать за содеянное общественно-опасное деяние на формально одинаковых условиях.

Нужна продуманная, комплексная, научная работа по реформе уголовного и уголовно-процессуального права. Время обсуждения самобытного пути правового развития прошло. Опыт учит, что ничего нового здесь мы изобрести не можем, самобытного пути правового строительства, отличного от европейского, нет. Значит надо воспользоваться теми юридическими моделями и механизмами, которыми уже давно и с успехом пользуются западные демократии для противодействия беловоротничковой преступности. Именно через адаптацию западных правовых технологий к российской действительности надо создавать концепцию борьбы с экономической преступностью и коррупцией. Так поступили наши более дальновидные соседи по СНГ, ориентированные на европейскую интеграцию.

Надо объявить мораторий на новые непродуманные скоропалительные, самостийные новации уголовного и уголовно-процессуального законодательства под лозунгами гуманизации отношения к преступникам-предпринимателям.

По результатам проведенного исследования мы можем сделать следующие обобщающие выводы.

Уголовная политика по противодействию организованной экономической преступности – это стратегически важное направление деятельности субъектов политики, законотворчества и правоохраны по выработке законопроектов и их реализации для обеспечения экономической безопасности страны. Уголовная политика является концентрированным выражением экономики, она есть продолжение внутренней и внешней политики государства посредством использования уголовно-правовых средств. Уголовная политика есть воля экономически господствующего класса, возведенная в уголовное право, и воплощенная в правопорядке, в системе охраняемых уголовным законом общественных отношений. В классовом обществе уголовная политика не может не носить классового характера.

Целью уголовной политики является противодействие преступности и обеспечение правопорядка, она направлена на достижение желаемого для правящей элитой состояния преступности. Уголовная политика нацелена на такой правопорядок, при котором сумма противозаконностей не критична для нормального производства и воспроизводства общественных отношений. Целью уголовной политики по противодействию экономической преступности, является обеспечение экономической безопасности государства. Экономическая безопасность означает снятие основных угроз институтам рыночной экономики, частной собственности и нормального функционирования народного хозяйства.

Экономическая безопасность – состояние защищенности от наиболее опасных угроз (в виде эксцессов правоприменения со стороны правоохранителей и эксцессов предпринимательской деятельности), что подразумевает контроль и управление угрозами. Состояние экономической безопасности означает отсутствие реальной опасности базовым институтам рыночной экономики, народному хозяйству страны.

Уголовная политика призвана обеспечить такой уровень правонарушений в сфере предпринимательской или иной экономической деятельности, который не носит разрушительный характер для народного хозяйства, является управляемым, контролируемым, то есть, терпимым для общества. Состояние экономической безопасности означает отсутствие реальной опасности базовым институтам рыночной экономики, народному хозяйству страны.

Литература:

1. *Цирин А.М.* Современные стандарты и технологии противодействия коррупции / А.М. Цирин, Е.В. Черепанова, О.А. Тулинова // Журнал российского права. 2014. № 7. С. 143–171.
2. *Никитина И.А.* Уголовная политика по противодействию преступности в сфере предпринимательской деятельности // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2016. № 2(47). С. 203–207.
3. Декриминализация бизнеса: необходимость совершенствования уголовного законодательства в экономической сфере: материал подготовлен Фондом «Институт современного развития». URL : <http://www.insor-russia.ru/ru/news/8223> (дата обращения 31.01.2020)
4. *Александрова И.А.* Теоретическая концепция уголовной политики по обеспечению экономической безопасности и противодействию коррупции // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 1(33). С. 75–86.
5. *Феоктистов М.В.* Уголовно-правовая политика: есть или нет // Современные проблемы уголовной политики: материалы III международной научно-практической конференции (28 сентября 2019 г.). Краснодар : КрУ МВД России, 2019. С. 324–330.
6. *Егорова Н.А.* Реформа Уголовного кодекса РФ (декабрь 2011 г.): проблемы применения новых норм // Уголовное право. 2012. № 3. С. 18–22.
7. *Лопашенко Н.А.* Уголовное право: теория и практика изменения или ожидаемые перемены и неожиданные результаты // Уголовное право в эпоху перемен: материалы IX российского конгресса уголовного права (29–30 мая 2014 г.). М., 2014. С. 54–70.
8. *Наумов А.* О серьезной уязвимости одного из последних законопроектов о внесении поправок в УК РФ // Уголовное право. 2011. № 1. С. 38–39.
9. *Кибальник А.Г.* К чему приведет «гуманизация уголовного законодательства»? // Законность. 2011. № 9. С. 22–25.
10. *Ураков Д.И.* Уголовно-процессуальная реформа как компонент изменения уголовной политики противодействия мошенничеству в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 3(31). С. 32–35.
11. *Хандажапова Л.М.* Экономическая безопасность приграничного региона: факторы и ограничения / Л.М. Хандажапова, Н.Б. Лубсанова, С.Д. Дагбаева // Национальная безопасность. 2018. № 6. С. 19–26.

Literature:

1. *Cirin A.M.* Modern Standards and Technologies of Anti-Corruption / A.M. Cirin, E.V. Cherepanov, O.A. Tulinov // Journal of Russian Law. 2014. № 7. P. 143–171.
2. *Nikitina I.A.* Criminal Policy on Combating Crime in the Sphere of Business//Journal of the University of Oman. Series «Right». 2016. № 2(47). P. 203–207.
3. Decriminalization of business: the need to improve criminal legislation in the economic sphere: the material was prepared by the Institute of Modern Development Foundation. URL : <http://www.insor-russia.ru/ru/news/8223> (date of the address 31.01.2020)
4. *Alexandrov I.A.* Theoretical Concept of Criminal Policy on Economic Security and Anti-Corruption//Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2016. № 1(33). P. 75–86.
5. *Feoktists M.V.* Criminal Law Policy: Whether or Not // Modern Problems of Criminal Policy: Materials of the III International Scientific and Practical Conference (September 28, 2019). Krasnodar : Kru Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019. P. 324–330.
6. *Yegorova N.A.* Reform of the Criminal Code of the Russian Federation (December 2011): Problems of application of new norms//Criminal law. 2012. № 3. P. 18–22.
7. *Lopashenko N.A.* Criminal Law: Theory and Practice of Change or Expected Change and Unexpected Results // Criminal Law in the Era of Change: Materials of the IX Russian Congress of Criminal Law (May 29-30, 2014). M., 2014. P. 54–70.
8. *Naumov A.* On Serious Vulnerability of One of the Latest Draft Laws on the Introduction of Popra Vok in the Criminal Code of the Russian Federation//Criminal Law. 2011. № 1. P. 38–39.
9. *Kibalnik A.G.* What will the «humanization of criminal legislation» lead to? // Legality. 2011. № 9. P. 22–25.
10. *Urakov D.I.* Criminal procedure reform as a component of changing the criminal policy of combating fraud in the sphere of business and other economic activities // Legal science and practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2015. № 3(31). P. 32–35.
11. *Khandajapova L.M.* Economic security of the border region: factors and restrictions / L.M. Khandajapova, N.B. Lubsanova, S.D. Dagbayeva // National security/nota bene. 2018. № 6. С. 19–26.

12. *Беляева Г.С.* К вопросу о некоторых направлениях оптимизации механизма обеспечения национальной безопасности в России / Г.С. Беляева, В.П. Беляев // Национальная безопасность. 2018. № 5. С. 37–46.

13. *Александров А.С.* Новая уголовная политика в сфере противодействия экономической и налоговой преступности: есть вопросы / А.С. Александров, И.А. Александрова // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 1(6). С. 5–20.

12. *Bialiayeva G.S.* To the question of some directions of optimization of the mechanism of national security in Russia / G.S. Bialiayeva, V.P. Bialiaev // National security/nota bene. 2018. № 5. С. 37–46.

13. *Alexandrov A.S.* New criminal policy in the field of counteracting economic and tax crime: there are questions / A.S. Alexandrov, I.A. Alexandrov // Forensic library. Scientific magazine. 2013. № 1(6). P. 5–20.

Гармаев Юрий Петрович

доктор юридических наук,
профессор кафедры уголовного процесса
и криминалистики,
Бурятский государственный университет
garmaeff1@mail.ru

Макаров Александр Петрович

старший помощник прокурора
Нахимовского района
города Севастополя,
аспирант,
Кубанский государственный
аграрный университет
имени И.Т. Трубилина
alexandr_mak@mail.ru

**ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
РЕЗУЛЬТАТОВ ОРД ПО УГОЛОВНЫМ
ДЕЛАМ О ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ
В КРЫМСКОМ РЕГИОНЕ:
АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ
АНКЕТИРОВАНИЯ
ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЕЙ**

Аннотация. В статье представлен анализ результатов анкетирования работников правоохранительных органов Республики Крым и города Севастополя по вопросам расследования уголовных дел о взяточничестве и иных коррупционных преступлений с использованием результатов оперативно-розыскной деятельности. Данный анализ опирается на данные криминальной статистики, исследование специфики преступной коррупционной деятельности в Крымском регионе и изучение действующего российского законодательства об оперативно-розыскной деятельности.

Ключевые слова: взяточничество, коррупционные преступления, оперативно-розыскная деятельность, результаты оперативно-розыскной деятельности, выявление и раскрытие преступлений, допустимые доказательства, анкетирование практических работников.

На современном этапе правоохранительная система Российской Федерации, обладая постоянно совершенствующимся нормативно-правовым инструментарием, стремится к совершенствованию своей деятельности по борьбе с коррупцией, в том числе, оперативно-розыскными средствами. За период 2019 года в стране зарегистрировано 30991 преступлений коррупционной направленности, что на 1,6 % больше по сравнению с показателями 2018 года [1]. При этом в 2019 году число преступлений, связанных

Yury P. Garmaev

Doctor of Jurisprudence
Professor Department of Criminal Procedure
and Forensic Science,
Buryat State University
garmaeff1@mail.ru

Aleksandr P. Makarov

Senior Assistant Prosecutor
Nakhimov area city of Sevastopol,
Graduate student,
Kuban State Agricultural University
name of I.T. Trubilin
alexandr_mak@mail.ru

**PROBLEMS OF USE OF THE RESULTS
OF OPERATIVE RESEARCH ACTIVITIES
IN CRIMINAL CASES OF BRIBERY
IN THE CRIMEAN REGION:
ANALYSIS OF RESULTS
OF THE QUESTIONNAIRE OF LAWYERS**

Annotation. The article presents an analysis of the results of a survey of law enforcement officials of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol on the investigation of criminal cases of bribery and other corruption crimes using the results of operational search activities. This analysis is based on criminal statistics and a study of the specifics of criminal corruption activity in the Crimean region and a study of the current Russian legislation on operational-search activity.

Keywords: bribery, corruption crimes, operational-search activities, results of operational-search activities, detection and disclosure of crimes, admissible evidence, questionnaire of practitioners.

с взяточничеством (ст. ст. 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ), достигло 13867, то есть, почти половины от всех зарегистрированных коррупционных посягательствах.

Рост количества преступлений, связанных с взяточничеством, составил 10,7 % (получение взятки + 14 %, дача взятки + 21,5 %, посредничество во взяточничестве + 32,5 %). Динамику на снижение в 2019 году демонстрирует лишь мелкое взяточничество (на 0,5 %). Наблюдается и рост

коэффициента раскрытых коррупционных преступлений в 2019 году по сравнению с 2018 годом (в целом – на 4 %; получение взятки + 11,1 %, дача взятки + 25,4 %, посредничество во взяточничестве + 30,8 %). Вместе с тем, снизился уровень раскрываемости мелкого взяточничества (– 11,3 %) [2].

В ходе исследования одним из авторов получены статистические данные, предоставленные правоохранительными органами города федерального значения Севастополя в сфере выявления расследования фактов взяточничества.

По результатам доследственных проверок следственными органами города Севастополя в 2019 году возбуждено 35 уголовных дел, связанных со взяточничеством (ст. ст. 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ), что на 6 % ниже показателей 2018 года. При этом количество уголовных дел, возбужденных по фактам получения взятки и мелкого взяточничества, по сравнению с 2018 годом уменьшилось на 53,3 % и 85,7 %, соответственно. Вместе с тем, в 2019 году по сравнению с 2018 годом увеличился рост количества возбужденных уголовных дел по фактам дачи взяток на 20 %, а посредничества во взяточничестве – на 100 %. Рост числа зарегистрированных преступлений требует от правоохранителей принятия дополнительных мер по повышению эффективности выявления и раскрытия преступлений указанной категории, повышения качества их расследования.

Широко известно, что основными и наиболее эффективными средствами выявления и раскрытия взяточничества является использование возможностей оперативных подразделений органов – субъектов ОРД. Проведенные неоднократно и многими исследователями обобщения следственно-судебной практики показали, что примерно около 70 % всех обвинительных приговоров по делам о коррупционных преступлениях основаны, прежде всего, на доказательствах, полученных в результате легализации результатов ОРД. В то же время, изучение прекращенных дел и оправдательных приговоров показывает, что более чем половина из окончательных правовых решений принималась в связи с недоказанностью прямого умысла, корыстного мотива дающего взятку, посредника и/или получателя. Эти обстоятельства, чаще всего, устанавливаются путем проведения оперативно-разыскных мероприятий. Они же (указанные обстоятельства) являются наиболее сложными в выявлении и доказывании. И, напротив – по большинству дел с обвинительными приговорами одной из решающих причин успеха стороны обвинения было то обстоятельство, что оперативные сотрудники не допустили существенных нарушений законодательства об оперативно-разыскной деятельности. Это означает, что по каждому материалу проверки и уголовному делу, особенно на доследственном и первоначальном этапах, стороне обвинения нужно ориентироваться, прежде всего, на законность и эффективность проведения оперативными сотрудниками ОРМ и использование результатов ОРД в доказывании [3].

В рамках специального исследования, ориентированного на установление правовой основы, проблематики и обстоятельства использования результатов оперативно-разыскной деятельности при расследовании уголовных дел о взяточничестве, с учетом практики, сложившейся на территории новых субъектов Российской Федерации – Республики Крым и города федерального значения Севастополя, одним из авторов проведено анкетирование сотрудников оперативных подразделений, следователей и прокурорских работников.

Актуальность исследования обусловлена наличием существенных и закономерных особенностей криминальной, оперативно-разыскной и криминалистической деятельности, специфики указанных субъектов Российской Федерации, принятых в состав Российской Федерации в 2014 году [4].

Таковыми особенностями являются:

– применение на территории Республики Крым и города федерального значения Севастополя до марта 2014 года уголовно-процессуального законодательства другой страны – Украины и наличие в производстве органов расследования материалов уголовных дел, возбужденных до 18 марта 2014 года;

– региональные особенности формирования практики раскрытия и расследования уголовных дел о взяточничестве в указанных регионах;

– складывающийся столетиями специфический региональный коррупционный менталитет определенной части населения полуострова.

Задачами анкетирования были определены:

– исследование наиболее распространенных оснований для возбуждения уголовных дел;

– оценка практическими работниками значения использования результатов ОРД в уголовном судопроизводстве по делам о взяточничестве;

– определение наиболее часто используемых оперативно-разыскных мероприятий по делам указанной категории;

– оценка эффективности оперативно-разыскных мероприятий;

– оценка уровня и качества взаимодействия оперативных сотрудников и следователей на этапе проведения доследственных проверок и предварительного расследования уголовных дел о взяточничестве;

– выяснение мнений практических работников о необходимости внесения изменений в действующее оперативно-разыскное и уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации, а также о необходимости разработки методических рекомендаций по расследованию уголовных дел о взяточничестве и использованию результатов оперативно-разыскной деятельности;

– выявление вероятных тенденций изменения уровня криминальной коррупции и взяточничества в регионе с момента воссоединения Республики Крым и города федерального значения Севастополя с Российской Федерацией.

Аналогичные исследования по вопросам использования результатов оперативно-разыскной деятельности в уголовном судопроизводстве по делам о взяточничестве, с учетом правоприменительной практики в Республике Крым и Севастополе в составе России, ранее не проводились. В анкетировании приняли участие 187 оперативных сотрудников, 165 следователей, 280 прокурорских работников Республики Крым и города Севастополя.

На вопрос о том, какое значение имеют результаты ОРД для собирания доказательственной базы по делам о взяточничестве, респондентам было предложено отметить при совпадении мнения с одним или несколькими вариантами ответов соответствующие пункты.

Респонденты ответили следующим образом:

– результаты ОРД зачастую являются источниками информации о совершении преступлений указанной категории и служат поводом для возбуждения уголовного дела (13 % оперативных сотрудников, 35 % следователей, 44 % прокурорских работников);

– являются ориентирующей информацией для проведения следственных действий и закрепления полученных сведений в качестве доказательств (6 % оперативных сотрудников, 23 % следователей, 15 % прокурорских работников);

– имеют ключевое значение в процессе доказывания по уголовному делу и могут быть положены в основу доказательной базы по уголовному делу (81 % оперативных сотрудников, 65 % следователей, 51 % прокурорских работников).

Анализ результатов анкетирования работников правоохранительных органов по указанному вопросу свидетельствует о том, что большинство респондентов – практиков из числа оперуполномоченных, следователей и прокурорских работников считают, что результаты оперативно-разыскной деятельности в процессе доказывания играют ключевую роль и могут быть положены в основу доказательной базы по уголовному делу в случае соблюдения требований оперативно-разыскного и уголовно-процессуального законодательства.

По мнению следователей, которым было предложено выбрать одновременно несколько вариантов, последние указали на то, что наиболее эффективно позволяют выявлять и раскрывать взяточничество следующие оперативно-разыскные мероприятия: оперативный эксперимент – 60 %, прослушивание телефонных переговоров – 52 %, наблюдение – 50 %, снятие информации с технических каналов связи – 48 %. При этом мнение должностных лиц следственных органов

заслуживает особого внимания, поскольку сотрудники следствия в соответствии со ст. 75, 88, 89 УПК РФ [5] наравне с прокурором и судом правомочны оценивать доказательства с точки зрения допустимости их использования в уголовном судопроизводстве.

Одним из наиболее актуальных и дискуссионных вопросов в научном сообществе в области оперативно-разыскной деятельности является обсуждение необходимости внедрения в законодательство об оперативно-разыскной деятельности понятий и регламентации правил проведения оперативно-разыскных мероприятий более определенных правил и алгоритмов дальнейшего использования их в уголовном судопроизводстве.

Так, М.П. Поляков справедливо отмечает, что результаты оперативно-разыскной деятельности есть готовый информационный продукт, нуждающийся не в трансформации, а в интерпретации [6]. По мнению С. Б. Россинского, в тексте ст. 89 УПК РФ законодателем намеренно подчеркнута роль результатов оперативно-разыскной деятельности и их исключительное значение для уголовного дела [7].

На вопрос о необходимости внесения в Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ изменений в части «нормативного закрепления порядка и правил проведения оперативно-разыскных мероприятий, критериев допустимости использования результатов оперативно-разыскной деятельности» положительный ответ дали 71 % оперативных сотрудников, 73 % следователей, 35 % прокурорских работников. Отрицательный ответ дали 19 % оперативных сотрудников, 20 % следователей, 32,5 % прокурорских работников. Затруднились ответить 10 % оперативных сотрудников, 7 % следователей, 32,5 % прокурорских работников. Эти результаты анкетирования явно свидетельствуют в пользу внесения изменений в оперативно-разыскное и уголовно-процессуальное законодательство.

Внесение соответствующих изменений и дополнений позволило бы устранить те недостатки действующего законодательства, которые создают условия для широко распространенных и системных нарушений закона со стороны правоохранителей для ущемления прав и законных интересов граждан, в отношении или с участием которых проводятся ОРМ. Речь идет о таких существенных и неустраняемых в рамках уголовного судопроизводства нарушениях закона, как провокационно-подстрекательские действия в части получения, дачи взятки, провокации каких-либо иных коррупционных и сопутствующих преступлений [8], отсутствие или ненадлежащие основания для проведения ОРМ и иные нарушения законодательства [9] со стороны оперативных сотрудников органов – субъектов ОРД, субъектов расследования. Причинами и условиями подобных системных и широко распространенных нарушений закона является как не высокий уровень квалификации некоторых правоохранителей, так и указанные недостатки нормативно-правовой базы.

Литература:

1. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Главное управление правовой статистики и информационных технологий. Состояние преступности за январь-декабрь 2018 год. URL : https://genproc.gov.ru/upload/iblock/034/sbornik_12_2019.pdf (дата обращения 25.01.2020).
2. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Главное управление правовой статистики и информационных технологий. Состояние преступности за январь-декабрь 2018 год. URL : https://genproc.gov.ru/upload/iblock/be9/sbornik_1_2018.pdf (дата обращения 16.01.2020).
3. См., например: Гармаев Ю.П. Основы методики расследования коррупционных преступлений. URL : <http://www.iuaj.net/node/2490> (дата обращения 18.01.2020).
4. Федеральный конституционный закон от 21.03.2014 № 6-ФКЗ (ред. от 27.12.2019) «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_160618/ (дата обращения 16.01.2020).
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с изменениями и дополнениями от 27 декабря 2019 г.). URL : <https://base.garant.ru/12125178/> (дата обращения 16.01.2020).
6. Поляков М.П. Использование результатов ОРД в доказывании // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: год правоприменения и преподавания: материалы Международной научно-практической конференции (27–28 октября 2003 г.). М. : МГЮА, 2004. С. 182–184.
7. Россинский С.Б. Проблема использования в уголовном процессе результатов оперативно-розыскной деятельности требует окончательного разрешения // Lex Russica. 2018. №10(143). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-ispolzovaniya-v-ugolovnom-protseesse-rezultatov-operativno-rozysknoy-deyatelnosti-trebuets-okonchatelnogo-razresheniya> (дата обращения 01.02.2020).
8. Чупилкин Ю.Б. Как адвокату доказывать провокацию преступления // Уголовный процесс. 2018. № 12(168). С. 23–33.
9. Гармаев Ю.П. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности при расследовании уголовных дел о взяточничестве : практич. пособие. М. : Издательский дом Шумиловой И.И., 2005. 82 с.

Literature:

1. Prosecutor General 's Office of the Russian Federation. General Directorate of Legal Statistics and Information Technology. State of crime for January-December 2018. URL : https://genproc.gov.ru/upload/iblock/034/sbornik_12_2019.pdf (date of appeal 25.01.2020).
2. Prosecutor General 's Office of the Russian Federation. General Directorate of Legal Statistics and Information Technology. State of crime for January-December 2018. URL : https://genproc.gov.ru/upload/iblock/be9/sbornik_12_2018.pdf. (date of the address 16.01.2020).
3. See, for example: Garmayev YU. Basics of the methodology of investigation of corruption crimes. URL : <http://www.iuaj.net/node/2490> (date of the address 18.01.2020).
4. Federal Constitutional Law № 6-ФКЗ of 21.03.2014 (ed. 27.12.2019) «On Admission to the Russian Federation of the Republic of Crimea and Formation of New Subjects within the Russian Federation – the Republic of Crimea and the City of Federal Importance of Sevastopol». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_160618/ (date of Appeal 16.01.220).
5. The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of December 18, 2001. № 174-FZ (with changes and additions of December 27, 2019). URL : <https://base.garant.ru/12125178/> (date of the address 16.01.2020).
6. Polyakov M.P. Use of ORD Results in Proof // Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Year of Law Enforcement and Teaching: Materials of the International Scientific and Practical Conference (October 27–28, 2003). M. : MGSA, 2004. P. 182–184.
7. Rossinsky S.B. The problem of using the results of operational and search activities in criminal proceedings requires final permission // Lex Russia. 2018. № 10(143). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-ispolzovaniya-v-ugolovnom-protseesse-rezultatov-operativno-rozysknoy-deyatelnosti-trebuets-okonchatelnogo-razresheniya> (дата обращения 01.02.2020).
8. Chupilkin Yu.B. As a lawyer to prove provocation of crime // Criminal trial. 2018. № 12(168). P. 23–33.
9. Garmayev Yu.P. Use of the results of operational and search activities in the investigation of criminal cases of bribery : practice. manual. M. : Schumilova Publishing House I.I., 2005. 82 p.

Зацепин Михаил Николаевич

Заслуженный юрист
Российской Федерации,
доктор юридических наук,
профессор,
аналитик управления
научных исследований и
международного сотрудничества,
Уральский государственный
юридический университет,
вице президент Российской
криминологической ассоциации
mnz-1958@mail.ru

Зацепин Александр Михайлович

кандидат юридических наук,
доцент,
заместитель директора
Уральского института (филиала) ВГУЮ
(РПА Минюста России),
доцент кафедры уголовного права,
Уральский государственный
юридический университет,
председатель отделения Российской
криминологической ассоциации
tp0507@ya.ru

Глушкова Елена Михайловна

кандидат юридических наук,
доцент,
преподаватель,
Уральский институт (филиал) ВГУЮ
(РПА Минюста России),
член Российской
криминологической ассоциации,
нотариус г. Екатеринбурга
tp0507@ya.ru

**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА**

■ ■ ■

Аннотация. Анализируя гражданско-правовые аспекты обеспечения и охраны предпринимательства, следует исходить из того, что безопасность представляет собой универсальную систему согласованных механизмов мер и гарантий, основанных на соблюдении общепризнанных принципов и норм действующего законодательства, начиная с налогового, гражданского, административного, трудового, уголовного.

Научная концепция безопасности предпринимательства – междисциплинарное направление, имеющее большое криминологическое и уголовно-правовое значение, что обусловлено формированием и применением новых гарантий защиты честного бизнеса, осуществляемой по двум основным направлениям: гражданско-правовому и уголовно-правовому.

Mikhail Ni. Zatsepin

Honored Lawyer
Russian Federation,
Doctor of Jurisprudence,
Professor,
Analyst of Management
Scientific Research and
International Cooperation,
Ural State Legal University,
Vice-president Russian
Criminological Association
mnz-1958@mail.ru

Alexander M. Zatsepin

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Deputy Director
Ural Institute (branch)
(RPA of the Ministry of Justice
of the Russian Federation),
Associate Professor of Criminal Law,
Ural State Legal University,
Chairman of office Russian
tp0507@ya.ru

Elena M. Glushkova

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Teacher,
Ural Institute (branch)
(RPA of the Ministry of Justice
of the Russian Federation),
member of the Russian
Criminological Associations,
notary of Yekaterinburg
tp0507@ya.ru

**MODERN PROBLEMS
OF ENSURING THE SECURITY
OF BUSINESS**

■ ■ ■

Annotation. Analyzing the civil-legal aspects of ensuring and protecting business, we should proceed from the fact that security is a universal system of agreed mechanisms of measures and guarantees based on compliance with generally recognized principles and norms of current legislation, starting with tax, civil, administrative, labor, criminal.

The scientific concept of business security is an interdisciplinary direction that has great criminological and criminal-legal significance, which is due to the formation and application of new guarantees for the protection of honest business, carried out in two main directions: civil law and criminal law.

Ключевые слова: : гражданско-правовые аспекты обеспечения и охраны предпринимательства, уголовное законодательство, хозяйственная деятельность, получение прибыли, налоговое право.

Keywords: civil-legal aspects of ensuring and protecting entrepreneurship, criminal legislation, economic activity, profit-making, tax law.

Предприниматель в нашем законодательстве, по ряду существенных признаков, является особым субъектом хозяйственных отношений, напоминающим купца в российской традиции торгового права. С точки зрения торгового права – это физическое либо юридическое лицо, которое осуществляет хозяйственную деятельность систематически в виде промысла с целью извлечения прибыли [2].

Важнейшим признаком предпринимательской деятельности является ее инициативный и самостоятельный характер. Предприниматель сам планирует свою деятельность, опираясь на выявленный спрос и конъюнктуру рынка, распоряжается чистой прибылью, т.е., прибылью, оставшейся после уплаты налогов и других обязательных платежей. Однако самостоятельность предпринимателя не беспредельна, она ограничивается регулирующим и координирующим воздействием органов государственного (муниципального) управления, на которые эта задача возложена законом и нормативно-правовыми актами.

ГК РФ, закрепивший гарантии предпринимательской деятельности, содержит правило, запрещающее вмешательство государства и его органов в деятельность предприятий. Вместе с тем, ГК содержит оговорку о возможности воздействия государственных органов на предпринимательскую деятельность по основаниям и в пределах полномочий, предусмотренных законом. К сожалению, запрет вмешиваться вне рамок закона в ту сферу предпринимательской деятельности, где право принятия решений принадлежит предпринимателям, органы власти и управления нередко нарушают. К ущемлению прав и законных интересов предпринимателей приводит принятие государственными органами властных актов с нарушением своей компетенции.

Несмотря то, что законодатель предусмотрел, на случай нарушения данных запретов неблагоприятные последствия:

– признание общим или арбитражным судом властного акта государственного и иного органа, принятого с нарушением законодательства, недействительным (полностью или частично);

– непридание арбитражным судом правовой силы такому акту;

– взыскание общим или арбитражным судом по иску предпринимателя убытков, причиненных ему неправомерными действиями (бездействием) государственного или иного органа [1].

Уголовно-правовая защита бизнеса от преступных посягательств состоит из четырех основных направлений:

– охраны экономической деятельности объединений, государственных и акционерных предприятий;

– охраны предпринимательской деятельности частных лиц;

– охраны прибыли, полученной в результате коммерческой деятельности; охрана от преступных посягательств со стороны лиц, работающих в самой предпринимательской структуре.

Противоправная деятельность в сфере предпринимательства может быть разделена на посягательства, совершаемые в сфере предпринимательской деятельности, и посягательства, совершаемые в отношении предпринимателей.

С позиций концептуальных представлений необходимо выделить:

– особую роль в современных условиях формирования и развития той части преступной деятельности, которую можно рассматривать как форму криминального бизнеса. Расширение связей между организованной преступностью и легальным бизнесом с целью и вложения капитала в криминальную сферу, и «отмывания» денег, добытых преступным путем;

– перехода от «натурального» преступного хозяйства к «товарному»;

– расслоение преступников на «капиталистов» и «наемных работников».

Преступность в предпринимательской сфере – это не только издержки (экономические, идеологические, политические, психологические, моральные, демографические) общественных явлений и процессов, их прямые и косвенные потери. И надо знать, каковы эти издержки в данный момент и на перспективу, каково их влияние на жизнь общества, какие ресурсы необходимо выделить на борьбу с преступностью, каких результатов можно ждать, воздействуя на нее. Борьба с преступностью в сфере недобросовестного предпринимательства – это одновременно одна из составляющих обеспечения экономической и общей безопасности законопослушных предпринимателей, предотвращения коррупции.

В настоящее время в разъядаемую мировым кризисом экономику устремилось большое число криминально ориентированных лиц и групп. Преступные группировки пытаются орудовать во всех промышленно и торгово-предпринимательских отраслях, проникают в банковскую и внешнеэкономическую сферу (суть способа – подкуп, коррупция), практически взяли под свой контроль работу многих предпринимателей и банковских структур.

В серьезную проблему сегодня превратилась защита от расхищения и незаконного вывоза за пределы России финансовых, сырьевых ресурсов. В незаконных операциях активно участвуют фондовые биржи, брокерские конторы, причем, перечень объектов преступных устремлений постоянно расширяется. Все это происходит в условиях, когда многие государственные предприятия не обеспечивают надлежащей охраны материальных ценностей контроля за их использованием, а созданные при них предприятия организуются фактически для посреднической деятельности по перекачке материальных ресурсов и денежных средств.

Для эффективного противодействия этому явлению необходимы освоение специалистами в области уголовного права, криминологии и смежных дисциплин уже выработанных подходов, нового понятийного аппарата, иной информационной базы, использование знаний об объективных закономерностях, определяющих состояние и тенденции экономической преступности о реальных возможностях общества в конкретный период его развития. Именно тезис о наличии объективных закономерностей, определяющих состояние и развитие преступности в сфере предпринимательской деятельности, является основой эффективной организации такой борьбы. При этом мы вправе исходить из того, что движение социальных явлений может ускоряться или замедляться благодаря сознательной деятельности правительства, исходящей из существующих и познанных возможностей общества. Исследования в этой сфере требуют расширения, интенсификации. Но первоначальная научная информация уже есть и ее нельзя игнорировать. Соответственно задачам определяются объем и структура анализа и прогноза преступности в сфере предпринимательской деятельности. Решение указанного вопроса производно от необходимости получить базу (достаточную) для законодательных, управленческих и правоприменительных решений соответствующего уровня. Ее составят:

Литература:

1. Защита прав человека в условиях перехода к рынку: Материалы «круглого стола» // Государство и право. 1993. № 6. С. 29–33.
2. Чанкин В.В. Торговое право: современные тенденции // Государство и право. 1993. № 2. С. 18.

– показатели количественной и качественной характеристики состояния, уровня и структуры экономической преступности по видам, категориям, контингентам преступников, а равно по группам преступлений, выделенных по какому-либо признаку, который существен для воздействия на преступность (анализ по видам и группам преступлений с анализом контингента лиц их совершивших, мотив, способ и т.д.);

– характеристика динамики преступности, ее распространенности и изменений;

– выявление на этой основе относительно устойчивых и новых «тенденций» преступности;

– установление, исходя из модели причинного комплекса преступности, устойчивых и интенсивных связей между уровнем, структурой, динамикой преступности и социальными, социально-психологическими явлениями и процессами;

– установление на основе этих корреляций обоснованных и содержательных связей между состоянием, динамикой преступности и ее детерминантами;

– определение способов повышения эффективности воздействия на преступность, соотнесение вреда, который она причиняет, с ресурсами, которые целесообразно выделить для борьбы с нею.

Таким образом, обеспечение безопасности предпринимательства с позиций криминологии проходит три стадии:

– выяснение фактической картины в пределах существующих методик;

– объяснение этой картины, ее изменений, их прогноз;

– дача рекомендаций по устранению, нейтрализации или ослаблению отрицательных тенденций.

Literature:

1. Protection of human rights in the context of the transition to the market: Materials of the round table // State and law. 1993. № 6. P. 29–33.
2. Changkin V.V. Trade Law: Current Trends // State and Law. 1993. № 2. P.18.

Имгрунт Светлана Ивановна

доктор философских наук,
доцент кафедры теории, истории
государства и права и политологии,
Адыгейский государственный университет
Sveddy@mail.ru

Самыгин Петр Сергеевич

доктор социологических наук,
доцент,
профессор кафедры теории
и истории государства и права,
Ростовский государственный
экономический университет
samugin78@yandex.ru

**ОСОБЕННОСТИ
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СУДА
ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ
В ДЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ**

Аннотация. В статье анализируются особенности функционирования суда присяжных в дореволюционной России, выделяются исторические корни и причины введения суда присяжных заседателей в российскую систему судопроизводства, факторы, обусловившие кризис данного института и его дальнейшие преобразования в период 1870–1880-х годов. Авторы показывают, что в период с 1864 по 1917 гг. был накоплен большой опыт применения законодательства о суде присяжных заседателей в российских условиях: данный опыт может быть использован для решения тех проблем, которые имеются в правоприменительной практике суда присяжных в современной России.

Ключевые слова: судебная реформа, присяжные заседатели, суд присяжных, судопроизводство, судебная система, правосудие.

С о времени введения в российскую судебную систему суда присяжных заседателей прошло уже более двадцати лет, однако, споры вокруг данного института продолжают как среди ученых-теоретиков, так и среди практикующих юристов, работников судебной системы. Несмотря на то, что за прошедшие годы суд присяжных уже утвердился в качестве неотъемлемой составляющей системы отечественного судопроизводства, накоплен немалый опыт в сфере делопроизводства с участием присяжных, в деятельности данного суда сохраняются определенные недостатки, справедливо вызывающие критические замечания со стороны различных специалистов [1, 2]. Значимость данного суда при этом констатируется в целом ряде специальных

Svetlana I. Imgrunt

Doctor of Philosophy,
Associate Professor of Theory, History
States and Law and Political Science,
Adygei State University
Sveddy@mail.ru

Petr S. Samygin

Doctor of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Professor of Department of the Theory
and the History of the State and the Law,
Rostov State
Economic University
samugin78@yandex.ru

**FEATURES OF THE FUNCTIONING
OF THE JURY COURT
IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA**

Annotation. The article highlights features of the functioning of the jury court in pre-revolutionary Russia, historical background and the reasons of implementation of the jury court into Russian system of jurisdiction, the factors causing crisis of the institution and its further development in the period of 1870–1880. The authors reinforce that from 1864 till 1917 wide experience of legislation application of the jury court in Russia has been gained: the experience can be used to solve the problems of law enforcement practice of the jury court in modern Russia.

Keywords: judicial reform, jury, jury trial, jurisdiction, judicial system, justice.

исследований: так, А.В. Воронин в тексте своей кандидатской диссертации, посвященной суду присяжных, обращает внимание на то обстоятельство, что в отечественной суде присяжных нашли отражение такие значимые правовые принципы, как презумпция невиновности, а также – состоятельности, независимости судей и др. В то же время, с точки зрения данного исследователя, многие нормы, регулирующие деятельность современного российского суда присяжных, нуждаются в совершенствовании на основании как зарубежного, так отечественного опыта функционирования данного института [3, с. 10]. Данное обстоятельство и объясняет авторский интерес к данной теме, ее актуальность, обусловленную необходимостью устранения имеющихся в

законодательстве пробелов, которые регулируют, в том числе, практические аспекты деятельности суда присяжных заседателей.

Необходимо отметить, что в ряде работ отечественных авторов, посвященных функционированию дореволюционного суда присяжных, подчеркивается, что данный институт, введенный в российскую систему судопроизводства в рамках судебной реформы 1864 г., являлся принципиально новым институтом для нашей страны, что во многом обусловило его последующий кризис. Так, по мнению крупнейшего российского исследователя дореволюционного суда присяжных А.А. Демичева, данный суд стал для России «совершенно новым явлением», поскольку не имел под собой никакой исторической почвы, и для введения этого института якобы не существовало никаких объективных исторических предпосылок [4, с. 163]. Интересно, что аналогичной точки зрения в тот период времени придерживались многие мыслители, представляющие, так называемое, консервативное направление общественно-политической мысли: по мнению одного из них, К.П. Победоносцева, «суд присяжных оказался совсем несообразным с условиями нашего быта и условиями наших судов» [5, с. 161].

В то же время, исторические источники свидетельствуют о том, что у суда присяжных в нашей стране имеются глубокие исторические корни. Так, еще в Русской Правде указывалось на то, что лицо, совершившее преступление и отрицавшее свою вину, должно предстать перед двенадцатью мужами, призванными решить вопрос о виновности данного лица. Об аналогичном обычае говорится и в других документах, к числу которых относятся упоминание о выборных судьях, содержащееся в договоре Смоленска с немецкими городами, датированном 1229 г., и Псковской судной грамоте 1467 г. В тексте Новгородской судной грамоты 1471 г. содержится упоминание о «суде одрин», который по своему характеру можно рассматривать в качестве своеобразного предшественника суда присяжных: в состав этого суда входили представители городов, от каждого города по одному боярину и свободному человеку, и по одному приставу со стороны обвиняемого и потерпевшего. Заседание этого суда происходило под председательством тиуна, при этом один из судей являлся докладчиком, а в исследовании доказательств в праве были участвовать все судьи; по завершении данного исследования выносился приговор. Данный суд был общим судом для свободных новгородцев, рассматривая гражданские и уголовные дела; указанный суд считался своего рода аналогом вече [6, с. 35–36].

Необходимо отметить, что инициативы о введении суда присяжных в нашей стране имели место задолго до 1864 г.: предложение создать этот суд вносилось, в частности, в царствование Екатерины II в процессе работы Уложенной комиссии 1767 г. Это предложение не было реализовано, в первую очередь, по причине крайнего несоответствия правовой системы России в данный период ее западноевропейским аналогам, а также, из-за общей отсталости государства в эту эпоху, сохранения архаичной крепостнической системы.

Введение суда присяжных предусматривалось программой преобразования государственного строя Российской империи, подготовленной в 1809 г. М.М. Сперанским; наряду с судом присяжных планировалось также ввести и другие нововведения в судебной системе, однако, они были реализованы, вследствие чего данная система в этот период продолжала оставаться архаичной и громоздкой с большим количеством специальных и ведомственных судов, призванных отправлять судопроизводство. Несмотря на крайнюю отсталость дореформенной судебной системы, отдельные элементы суда присяжных в ее рамках уже присутствовали: речь идет об институте сословных заседателей, которые избирались в судебные палаты на несколько лет, хотя их присутствие на судебных заседаниях и сохраняло преимущественно формальный характер. Как мы видим, суд присяжных не представлял собой принципиально новый для российской судебной системы институт.

Непосредственно сам институт присяжных заседателей был введен в нашей стране «Основными положениями преобразования судебной части в России» 1862 г. Через несколько лет, в 1865 г. Высочайшим указом было утверждено «Положение о введении в действие Судебных уставов 20 ноября 1864 г.». Сам процесс введения данного суда осуществлялся постепенно от губернии к губернии, при этом объем юрисдикции суда присяжных заседателей на первом этапе его функционирования, с 1864 г. по 1878 г., был весьма значительным: к ведению суда присяжных было отнесено более четырехсот статей Уложения о наказаниях уголовных и исправительных или приблизительно пятую часть от числа всех карательных статей уголовного законодательства Российской империи [7, с. 146]. Суд присяжных оказался одним из наиболее демократических институтов той судебной системы, которая была сформирована в процессе осуществления соответствующей реформы. Значение данного суда заключалось в том, что он обеспечивал реальное и непосредственное участие населения в отправлении правосудия.

Необходимо отметить, что суд присяжных в дореволюционной России не представлял собой учреждения самостоятельного характера, а функционировал в качестве особого присутствия окружного суда, чей коронный состав формировался из трех судей, в том числе, председателя и его двух заместителей, которые именовались товарищами. Привлечение присяжных заседателей к судопроизводству осуществлялось для рассмотрения дел о преступных деяниях, за совершение которых уголовным законодательством предусматривалось наказание в виде лишения прав состояния, что обычно предусматривало каторжные работы, ссылку или тюремное заключение. Несмотря на то, что суд присяжных, созданный судебными уставами 1864 г., существовал в России до 1917 г., уже в период 1870–1880-х годов он претерпел существенные изменения, выразившиеся в принятии более десяти временных и постоянных законов, регламентирующих деятельность суда присяжных заседателей: с точки зрения О.Е. Лепешевой, речь может идти фактически

о создании нового суда присяжных, который характеризовался существенными отличиями от данного института образца 1864 г. [6, с. 146].

Необходимо отметить, что рассматриваемый период нередко характеризуется некоторыми исследователями суда присяжных, к числу которых относится и А.А. Демичев, как период «кризиса суда присяжных». К числу основных причин данного кризиса указанный исследователь относит ментальные или социокультурные причины: они, с точки зрения Демичева, явились закономерным следствием несоответствия российского правосознания характеру учрежденного западноевропейского правового института, в качестве которого выступил суд присяжных. Речь здесь идет о том, что судебные уставы 1864 г. действительно разрабатывались с учетом опыта европейских стран, вследствие чего российским присяжным заседателям оказалось подсудно достаточно большое количество преступлений. Российские присяжные, отмечает А.А. Демичев, оказались не в состоянии по причинам, связанным с неграмотностью или малограмотностью присяжных заседателей, объективно судить ряд преступлений и проступков, поскольку они были слишком сложными и труднодоступными для их понимания (в результате присяжные нередко оправдывали виновных людей, будучи не в состоянии постичь суть дела) [4, с. 162].

Соглашаясь частично с точкой зрения А.А. Демичева, отметим, что, так называемый, кризис суда присяжных, который сопровождался серьезными законодательными изменениями характера и принципов его деятельности, был обусловлен, в первую очередь, причинами политического, а не социокультурного характера. Критика суда присяжных в этот период времени была во многом связана с характерным для него низким уровнем репрессивности, что объяснялось неграмотностью присяжных заседателей или их возможной предвзятостью в отношении определенных преступлений (так, к примеру, в 1885 г. присяжные во Владимирском окружном суде оправдали бастовавших рабочих Морозовской фабрики, обозначив, тем самым, свою гражданскую позицию), а также, так называемой, обывательской психологией (ее суть заключалась в том, что, по мнению рядового обывателя, «лучше вынести оправдательный вердикт, нежели подвергнуть подсудимого наказанию») [6, с. 40]. Суд присяжных в России действительно выносил довольно большое количество оправдательных вердиктов, однако как показали данные исследования, проведенного в 1874 г. Министерством юстиции, около половины (47,5 %) таких вердиктов было вынесено по причине плохой работы предварительного следствия, т.е., суд не получил весомых улик, еще 25 % оправдательных вердиктов были вынесены вследствие незначительности причиненного вреда, 15 % были обусловлены индивидуальными характеристиками подсудимых, а 11 % – мотивами совершения преступлений. Лишь небольшая часть данных вердиктов (8 %) явились результатом предвзятости присяжных заседателей в отношении определенных преступных деяний [6, с. 39].

С точки зрения одного из идеологов созданного суда присяжных, видного дореволюционного юриста Д.А. Ровинского, тезис о неподготовленности россиян к данному судебному институту не выдерживает никакой критики: как справедливо отмечал Ровинский, «ни в одном государстве не могут еще похвастаться ни юридическим образованием, ни способностью к тонкому анализу» [8, с. 17]. Как уже отмечалось выше, Министерство юстиции в первые десятилетия после введения суда присяжных осуществляло сбор у председателей и прокуроров окружных судов данных и статистики, иллюстрирующей деятельность присяжных. Рассматриваемая статистика, в целом, свидетельствовала о том, что присяжные заседатели достаточно неплохо справлялись со своими обязанностями, выслушивая доводы сторон и принимая в большинстве случаев справедливые решения. Анализ данных статистики показывает, что уровень образованности присяжных не выступал в качестве сколько-нибудь значимого фактора, который определял существо их вердикта: как справедливо отмечает А.В. Воронин, вынесение присяжными заседателями вердикта было, в сущности, процедурой выбора между доводами за и против подсудимого (присяжные во многом опирались на собственный житейский опыт, характерные для них чувство справедливости и ценности морально-этического характера) [3, с. 15].

Российский суд присяжных действительно выносил большое количество оправдательных вердиктов, от 25 % до 35 %, что превышало аналогичные показатели в западноевропейских судах, однако это, по мнению А.А. Олейникова, было обусловлено не «жалостливостью к подсудимым», а тем, что они (присяжные) «просто ставили себя на его место, относились к содеянному с пониманием» [9, с. 461]. Немаловажное значение здесь имело то обстоятельство, что изначально в Судебных уставах 1864 г. содержалось положение, согласно которому присяжные не должны были знать о наказании, которое должно было быть назначено подсудимому: по этой причине в ряде случаев у присяжных заседателей возникали представления о якобы страшных наказаниях, которые должны были быть назначены подсудимым даже за малозначительные преступления (в таких случаях они нередко выносили оправдательные вердикты).

Таким образом, кризис суда присяжных был во многом обусловлен причинами юридического характера, связанными с несовершенством российского законодательства, которое являлось препятствием нормальному функционированию рассматриваемого института [10, с. 11]. Однако основными причинами, обусловившими преобразование суда присяжных в период 1870–1880-х годов, были причины политические, связанные с ростом в стране революционного движения. Стремление царского правительства к наведению порядка в стране вступало в противоречие с деятельностью демократического суда присяжных, чьи решения по делам с политической подоплекой зачастую имели непредсказуемый характер. Толчком к началу преобразования суда присяжных стало решение суда с участием присяжных по делу Веры Засулич в апреле 1878 г. (она была

оправдана присяжными, несмотря на то, что ею фактически было совершено преступление в отношении петербургского градоначальника Ф.А. Трепова, в которого стреляла Засулич). После этого случая принимается закон, в соответствии с которым из ведения суда присяжных были изъяты преступления, связанные с сопротивлением властям, убийством и покушением на убийство должностных лиц и т.д. Данные меры, таким образом, носили чисто политический характер. В результате проведенных преобразований, в ведении суда присяжных заседателей были оставлены только чисто уголовные дела без какой-либо политической подоплеки. Так, после 1889 г. в компетенции присяжных было приблизительно 300 статей Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, тогда как изначально, в 1860-е годы, было 410 статей.

Литература:

1. *Ponomarev I.E.* The influence of social justice crisis on social health and spiritual security of young students (a case study of the south of Russia). *International Journal of Applied Exercise Physiology / I.E. Ponomarev, N.K. Gafiatulina, E.I. Zritineva, V.V. Kasyanov, T.V. Bahutashyili, P.A. Ponomarev.* 2019. Т. 8. № 2.1. С. 250–257.
2. *Gafiatulina N.Kh.* Social health and perception of risks by students living in southern Russian regions (based on sociological questioning data obtained in Rostov-on-don) / N.Kh. Gafiatulina, L.V. Tarasenko, S.I. Samygin, S.Yu. Eliseeva // *Health Risk Analysis.* 2017. № 4. С. 66–75.
3. *Воронин А.В.* Реализация института присяжных заседателей в России: 1864–1917 гг. : автореф. дис. ... на соис. уч. ст. канд. юрид. наук, Саратов, 2004.
4. *Демичев А.А.* История суда присяжных в дореволюционной России (1864–1917 гг.). М. : Издательство «Юрлитинформ», 2007.
5. *Харитонов А.С. Победоносцев К.П.:* консервативная критика «судебных уставов» 1864 г. // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 4.
6. *Ильюхов А.А.* Суд присяжных в России: история его становления и развития // *История государства и права.* 2015. № 23.
7. *Лепешева О.Е.* Суд присяжных в дореволюционной России // *Грамота.* 2008. № 6(13) : в 2-х ч. Ч. I.
8. *Ровинский Д.А.* Устройство уголовного суда // *Материалы по судебной реформе в России 1864 года.* СПб., 1857–1866. Т. 17.
9. *Олейников А.А.* Суд присяжных в дореволюционной и Новой России // *Молодой ученый.* 2016. № 14.
10. *Имгрунт С.И.* Парадоксы социального и правового неравенства в российском обществе /

Несмотря на данные изменения в функционировании суда присяжных, различные трудности, которые были связаны с его деятельностью в дореволюционный период, институт присяжных заседателей стал неотъемлемой частью отечественной судебной системы: необходимость существования рассматриваемой формы судопроизводства в этот период подчеркивалась многочисленными юристами, как теоретиками, так и практиками. В период с 1864 по 1917 гг. был накоплен большой опыт применения законодательства о суде присяжных заседателей в российских условиях. Данный опыт может быть использован для решения тех проблем, которые имеются в правоприменительной практике суда присяжных в современной России.

Literature:

1. *Ponomarev I.E.* The influence of social justice crisis on social health and spiritual security of young students (a case study of the south of Russia). *International Journal of Applied Exercise Physiology / I.E. Ponomarev, N.K. Gafiatulina, E.I. Zritineva, V.V. Kasyanov, T.V. Bahutashyili, P.A. Ponomarev.* 2019. Т. 8. № 2.1. С. 250–257.
2. *Gafiatulina N.Kh.* Social health and perception of risks by students living in southern Russian regions (based on sociological questioning data obtained in Rostov-on-don) / N.Kh. Gafiatulina, L.V. Tarasenko, S.I. Samygin, S.Yu. Eliseeva // *Health Risk Analysis.* 2017. № 4. С. 66–75.
3. *Voronin A.V.* Implementation of the jury institute in Russia: 1864–1917. : abstract of dissertation on competition of a scientific degree of candidate of legal sciences, Saratov, 2004.
4. *Demichev A.A.* History of jury trial in pre-revolutionary Russia (1864–1917). М. : «Yurlitinform», 2007.
5. *Kharitonov A.S. Pobedonostsev K.P.:* conservative critics of «judicial charters» 1864 г. // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 4.
6. *Ilyuhov A.A.* Jury trial in Russia: history of its establishment and development // *History of state and law.* 2015. № 23.
7. *Lepesheva O.E.* Jury trial in pre-revolutionary Russia // *Gramota.* 2008. № 6(13) : in 2 parts. V. I.
8. *Rovinsky D.A.* Criminal court proceedings // *Materials of judicial reform in Russia of 1864 year.* SPb., 1857–1866. V. 17.
9. *Oleinikov A.A.* Jury trial in pre-revolutionary and New Russia // *Molodoj uchenyj.* 2016. № 14.
10. *Imgrunt S.I.* Paradoxes of social and legal inequality in Russian society / S.I. Imgrunt, S.I. Samygin,

С.И. Имгрунт, С.И. Самыгин, П.С. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 1.

11. *Гафиатулина Н.Х.* Модель преступного поведения: социологический анализ / Н.Х. Гафиатулина, Г.А. Топорков // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 5. С. 25–27.

P.S. Samygin // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2017. № 1.

11. *Gafiatulina N.Kh.* The model of criminal behavior: sociological analysis / N.Kh. Gafiatulina, G.A. Toporkov // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2018. № 5. P. 25–27.

Карлеба Владимир Александрович
кандидат исторических наук,
доцент кафедры уголовного процесса,
Кубанский государственный
аграрный университет
karleba@mail.ru

Vladimir A. Karleba
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of Criminal Procedure,
Kuban State Agricultural University
karleba@mail.ru

ЯВКА С ПОВИННОЙ – ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

CONFESSION – THEORETICAL AND PRACTICAL ISSUES

Аннотация. В российской уголовной юстиции есть ряд институтов, которые имеют многовековую историческую и правовую преемственность, а поэтому являются базовыми и морально значимыми. К таким институтам относится явка с повинной.

Статья посвящена практике следственных и судебных органов по вопросам оценки явки с повинной при рассмотрении уголовных дел. На основе анализа практики Верховного Суда РФ и решений, принятых судами в апелляционном и кассационном порядке, выявлены признаки, которым должна отвечать явка с повинной в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: поводы для возбуждения уголовного дела, предварительное расследование, судебное разбирательство, смягчающие вину обстоятельства, явка с повинной, деятельное раскаяние, активное содействие раскрытию и расследованию преступления.

Annotation. In Russian criminal justice there are a number of institutions that have centuries of historical and legal continuity, and therefore are basic and morally significant. Such institutions include the appearance of guilt. The article is devoted to the legal practice of investigative and judicial authorities on issues of assessing confession in criminal cases. On the basis of the analysis of the decisions of the Supreme Court of the Russian Federation and the decisions taken in the appeal and cassation procedure, signs have been identified that must meet the confession in criminal proceedings.

Keywords: reasons for initiating a criminal case, preliminary investigation, trial, extenuating circumstances, confession, active repentance, actively contributing to the disclosure and investigation of the crime.

В российской уголовной юстиции есть ряд институтов, которые имеют многовековую историческую и правовую преемственность, а поэтому являются базовыми и морально значимыми. К таким институтам относится явка с повинной.

Издrevле русский народ исповедовал такие моральные правила, которые были направлены на примирение пострадавшего и обидчика, прощение повинившегося преступника – «Повинную голову и меч не сечет», «Повиниться – что богу помолиться». Основой для такого отношения к преступнику служило понимание того, что наказание, в какой-то мере, может восстановить нарушенное равновесие в обществе, но истинное примирение возможно только тогда, когда повинная преступника очистит его душу и произойдет его сближение с народом.

В правовом поле подобное отношение к лицам, которые совершили преступления, стало проявляться в Российской юстиции с XVII века. В этот период проявились тенденции перехода от мести преступнику за содеянное, к порядку пользы, т.е., отказа от бесцельности наказания и, прежде всего, тогда, «когда виновный добровольно и прежде, нежели на него пало какое-либо

подозрение, явился в суд или же к местному или другому начальству и вполне чистосердечно с раскаянием сознался в учинённом преступлении» [1]

На упоминании известного положения из «Уложения о наказаниях (1879)» закончим исторический экскурс и перейдем к современному пониманию явки с повинной в уголовном и уголовно-процессуальном праве.

Согласно положениям ст. 142 УПК РФ, явка с повинной представляет собой добровольное сообщение лицом о совершенном преступлении. При характеристике института явки с повинной в уголовном праве ключевой является норма, регламентируемая п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ, которая закрепляет положение, что явка с повинной отнесена к обстоятельствам, смягчающим наказание, а, в соответствии со ст. 75 УК РФ, она является даже основанием освобождением от наказания.

Правовое содержание явки с повинной составляют следующие элементы:

– добровольное заявление лица о совершенном им или с его соучастием преступлении, сделанное в письменном или устном виде;

– заявление адресовано и принято сотрудниками органа, уполномоченного проводить предварительное расследование;

– орган предварительного расследования, до момента принятия заявления, не располагал сведениями о лицах совершивших преступление.

В настоящее время общественность и, особенно адвокатское сообщество, развернуло широкую дискуссию по поводу процессуального порядка принятия и оформления явки с повинной. В Государственной Думе Российской Федерации рассматривается законопроект о совершенствовании порядка добровольного сообщения лица о совершенном им преступлении и внесении изменений в ст.ст. 49, 75 и 142 УПК РФ [2]. По указанным вопросам мы уже высказывались в научных источниках [3], однако, сейчас попытаемся ответить на ряд практических вопросов.

Вопрос первый: заявление о явке с повинной – только обстоятельство, смягчающее вину и наказание или полноценное доказательство?

При решении данного вопроса необходимо обратиться к ст. 73 УПУ РФ и понять, что во-первых, в соответствии с ч.1 п. 6 и 7 – явка с повинной входит в предмет доказывания по уголовному делу, т.е., является обстоятельствами подлежащими доказыванию.

Во-вторых, явка с повинной, в соответствии со ст. 140 УПК РФ, является поводом к возбуждению уголовного дела, т.е., источником информации, откуда органам предварительного расследования становится известно о совершенном преступлении.

В-третьих, получение органами предварительного расследования от заявителя явки с повинной (заявление о явке с повинной) является процессуальным действием и в соответствии со ст. 141 и 142 оформляется протоколом.

В соответствии с первым тезисом подчеркнем, что отсутствие процессуального оформления явки с повинной и иного повода к возбуждению уголовного дела не лишает возможности признать в судебном порядке фактического наличия явки с повинной по данному уголовному делу со всеми вытекающими последствиями.

Так, в обзоре судебной практики Верховного суда Российской Федерации № 4 (2016), утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2016 г. (второй раздел - Процессуальные вопросы), приводится в качестве примера определение Судебной коллегии Верховного суда № 36-АПУ 16-4 по делу Ш., осужденному по ст. 105 УК РФ к 11 годам лишения свободы. Как следует из материалов уголовного дела, гражданин Ш. после совершения убийства позвонил сотруднику ОВД и сообщил о совершенном преступлении и остался ждать следственно-оперативную группу на месте преступления. В ходе предварительного следствия и в суде Ш. давал признательные показания. Таким образом, фактические обстоятельства дела свидетельствовали о том, что Ш. добровольно сообщил о совершенном

преступлении, при этом очевидцев преступления не было, а обстоятельства содеянного стали известны свидетелям со слов самого обвиняемого.

«Не оформление заявления о явке с повинной в качестве самостоятельного процессуального документа не влияет в данной ситуации на учет этого обстоятельства в качестве смягчающего наказание. Судебная коллегия признала явку с повинной обстоятельством, смягчающим наказание, смягчила наказание Ш. пол ч. 1 ст. 105 УК РФ до 10 лет лишения свободы» [4].

На наш взгляд, отказ в оформлении явки с повинной или не оформление органами предварительного расследования явки с повинной при фактическом ее поступлении, можно расценивать как нарушение права обвиняемого на защиту и справедливое судебное разбирательство.

Далее, на наш взгляд, необходимо различать саму явку с повинной, как добровольное заявление о преступлении, и содержание этой явки, то есть, данные лицом пояснения о совершенном преступлении, а в последующем – и показания.

Вполне очевидно, что ч. 2 ст. 74 УПК РФ не относит явку с повинной, как и любые заявления, к доказательствам по уголовным делам. Кто придерживается другого мнения, явно допускают расширительное толкование, что позволяет им делать положения ч. 1 ст. 75, где указано, что «доказательствами по уголовному делу являются любые сведения», однако, забывая о том, что эти сведения должны быть получены в ходе предварительного расследования, а не на стадии возбуждения уголовного дела.

Наша точка зрения исходит из судебной практики, т.е., «добровольное сообщение лица о совершенном им с его участием преступлении признается явкой с повинной и в том случае, когда лицо в дальнейшем в ходе предварительного расследования или судебном заседании не подтвердило сообщенные им сведения» [5].

Вполне очевидно, что к содержанию самих заявлений лица, давшего явку с повинной, надо подходить с позиции положений ч. 2 ст. 77 УПК РФ, т.е., все указанные заявления должны подтверждаться «совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств».

Следующим вопросом, возникающим на практике, является вопрос о возможности оформления явки с повинной, если лицо находится в статусе заподозренного лица (находящегося под подозрением) и задержано гражданами или сотрудниками правоохранительных органов.

Так, сотрудники органов внутренних дел и следователи очень часто, в случае доставления в следственные органы лиц, совершивших тяжкие, трудно раскрываемые и резонансные преступления, предлагают им написать явку с повинной для последующего смягчения наказания. Это происходит даже тогда, когда у следственных органов достаточно доказательств вины лиц, совершивших преступление, и есть достаточные основания и мотивы для их задержания и ареста.

Совершенно свежий пример по резонансному уголовному делу. Так, 9 ноября 2019 г. доцент исторического факультета СПбГУ Олег Соколов, в своей квартире в г. Санкт-Петербурге совершил убийство аспирантки выше указанного вуза Анастасии Ищенко, выстрелив в неё из обрезка ружья. Труп он расчленил, а останки тела пытался утопить в реке Мойка, однако, отступился и упал в реку. Гражданами и сотрудниками полиции он был спасён. При нем оказался травматический пистолет, рюкзак с частями тела покойной, а поэтому он был доставлен в отдел полиции в связи с подозрением в убийстве неустановленного лица. Кроме этого, следует полагать, что, исходя из обстоятельств дела, на теле и одежде Соколова О. остались следы пороховых газов, следы крови жертвы, а также – в квартире – части тела жертвы и другие следы преступления.

Очевидность преступления не вызывало сомнений, однако, сотрудники следственных органов оформили явку с повинной от Соколова О., то есть, получается, что последний добровольно сделал сообщение о совершенном преступлении, т.е., о преступлении, о котором правоохранительные органы и понятия не имели.

Абсурдным является и то, что органы предварительного следствия не могли не понимать, что объективно у Соколова О. не было реальных условий и возможностей продолжать преступную деятельность, а поэтому он с неизбежностью будет привлечен к уголовной ответственности, а, осознав условия в которых он находится, вынужденно сообщил о совершенном преступлении.

Литература:

1. Полный свод уголовных законов. Уложение о наказаниях. М., 1879. С. 42–43.
2. Законопроект № 631546-7 О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (о совершенствовании порядка добровольного сообщения лица о совершенном им преступлении). URL : <http://sozd.duma.gov.ru/bill/631546-7> (дата обращения 22.09.2019).
3. *Карлеба В.А.* О некоторых вопросах, связанных с правовой регламентацией института явки с повинной в уголовном судопроизводстве / В.А. Карлеба, М.М. Пастухов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 8. С. 112–116.
4. Определение судебной коллегии Верховного суда № 36-АПУ 16-4 по делу Ш. осужденному по ст. 105 УК РФ. См.: Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации № 4 (2016), утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2016 г. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209326/ (дата обращения 20.01.2020).
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 58 от 22 декабря 2015 года (ред. 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской

К сожалению, у сотрудников правоохранительных органов присутствует весьма глубокое заблуждение, то есть – лицо признает себя виновным в совершении преступления, задержано сотрудниками правоохранительных органов как заподозренное в совершении указанного преступления, но постановление о возбуждении уголовного дела еще не вынесено, а поэтому есть основания для оформления явки с повинной. Ничтожность подобной явки с повинной очевидна.

Обратимся к судебной практике. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 58 от 22 декабря 2015 года (ред. 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» п. 29 четко указано: «Не может признаваться добровольным заявление о преступлении, сделанное лицом в связи с его задержанием по подозрению в совершении этого преступления. Признание лицом своей вины в совершении преступления в таких случаях может быть учтено судом в качестве иного смягчающего обстоятельства в порядке части 2 статьи 61 УК РФ или, при наличии к тому оснований, как активное способствование раскрытию и расследованию преступления» [6].

В заключении необходимо отметить, что уяснение уголовно-правовой и уголовно-процессуальной природы явки с повинной и возможностей ее реализации в уголовном судопроизводстве позволяет совершенствовать правила и практику применения этого института, обеспечить соблюдение прав участников уголовного процесса.

Literature:

1. A complete set of criminal laws. Code of punishments. M., 1879. P. 42–43.
2. Bill № 631546-7 on amendments to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation (on improving the procedure for a person to voluntarily report a crime committed by him). URL : <http://sozd.duma.gov.ru/bill/631546-7> (date appeals 09/22/2019).
3. *Karleba V.A.* About some issues related to the legal regulation of the institute of confession in criminal proceedings / V.A. Karleba, M.M. Pastukhov // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2019. № 8. P. 112–116.
4. Decision of the judicial board of the Supreme Court № 36-APU 16-4 in the case of Sh. Convicted under Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation. See: Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation № 4 (2016), approved. The Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation of December 20, 2016. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209326/ (date of appeal 01.20.2020).
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 58 dated December 22, 2015 (as amended on December 18, 2018) «On

Федерации уголовного наказания». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209326/ (дата обращения 20.01.2020).

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 58 от 22 декабря 2015 года (ред. 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209326/ (дата обращения 20.01.2020).

the practice of imposing criminal punishment by the courts of the Russian Federation» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209326/ (date of appeal 01/20/2020).

6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 58 dated December 22, 2015 (as amended on December 18, 2018) «On the practice of imposing criminal punishment by the courts of the Russian Federation» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209326/ (date of appeal 01/20/2020).

Кашкаров Александр Александрович

кандидат юридических наук,
доцент кафедры
уголовно-правовых дисциплин,
Крымский юридический институт –
филиал Университета прокуратуры
Российской Федерации
kashkarov79@yandex.ru

Кашкаров Алексей Александрович

кандидат юридических наук,
доцент,
начальник кафедры
уголовного права и криминологии,
Крымский филиал Краснодарского
университета МВД России
kashkarov79@yandex.ru

**Новый взгляд
НА УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ
ПРИКОСНОВЕННОСТИ
К ПРЕСТУПЛЕНИЮ**

■ ■ ■

Аннотация. Традиционно, в национальной доктрине уголовного права институт соучастия в преступлении раскрывается посредством закрепления норм и положений, характеризующих и описывающих соучастие в нормах Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации. В статье рассмотрены вопросы, связанные с характеристикой такого уголовно-правового института, как прикосновенность к преступлению и его отличия от соучастия в преступлении. Подтверждён вывод о том, что прикосновенность к преступлению создаёт условия для совершения иных «главных» преступлений.

Ключевые слова: преступление, попустительство в преступлении, недонесение о преступлении, укрывательство преступления, прикосновенность к преступлению, соучастие.

■ ■ ■

Традиционно, в национальной доктрине уголовного права институт соучастия в преступлении раскрывается посредством закрепления норм и положений, характеризующих и описывающих соучастие в нормах Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), однако, в последние годы законодатель все чаще стал прибегать к практике установления уголовной ответственности на стадии приготовления к совершению преступления, криминализируя при этом общественно опасные деяния, сходные по объективным признакам и характеристикам с видами соучастников, а именно – организатора и подстрекателя, а в некоторых случаях – и пособника [12, с. 155–158]. Указанная практика

Alexander A. Kashkarov

Candidate of Jurisprudence,
Associate Professor Chair
of Criminal Law Disciplines
Crimean Law Institute – branch University
of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation
kashkarov79@yandex.ru

Alexey A. Kashkarov

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department of Criminal Law
and Criminology,
Crimean branch Krasnodar
Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation university
kashkarov79@yandex.ru

**A NEW LOOK
AT THE CRIMINAL LAW INSTITUTE
«TOUCHING OF CRIME»**

■ ■ ■

Annotation. Traditionally, in the national doctrine of criminal law, the institution of complicity in crime is revealed by enshrining the norms and regulations that characterize and describe complicity in the norms of the General Part of the Criminal Code of the Russian Federation. The article considers issues related to the characterization of such a criminal law institution as the implication of a crime and its difference from complicity in a crime. The conclusion is confirmed that the implication of a crime creates the conditions for the commission of other «main» crimes.

Keywords: crime, connivance in a crime, failure to report a crime, harboring a crime, implication in a crime, complicity.

■ ■ ■

законодателя ставит перед доктриной уголовного права вопрос о том, чем же признавать сходные с соучастием криминализованные общественно опасные деяния организатора, подстрекателя и пособника? Нам представляется, что такого рода действия следует признавать широкой прикосновенностью к преступлению, не ограничиваясь при этом узким пониманием прикосновенности к преступлению в форме попустительства, недонесения и укрывательства. Далее, по тексту публикации мы раскроем указанный тезис.

Раскрывая содержание и соотношение соучастия в преступлении и прикосновенности к преступлению, следует исходить из того, что в природе

своей они сходны, а уголовно-правовая доктрина США вообще институт прикосновенности к преступлению относит к соучастию, состоявшемуся после совершения преступления [7, с. 51]. Однако отечественный законодатель определяет, что при соответствующей ситуации и при определенной последовательности организация, укрывательство, вовлечение образует самостоятельные составы преступлений. Детальный анализ действующей редакции УК РФ свидетельствует о том, что в Особенной части УК РФ содержится более сорока норм, которые устанавливают самостоятельную уголовную ответственность за организацию преступной деятельности, за финансирование преступной деятельности, за склонение к совершению преступления, за вовлечение в преступную деятельность, и нам представляется, как уже отмечалось выше, что такого рода деяния следует признавать разновидностью прикосновенности к преступлению. В литературе относительно данного вопроса отмечается, что «прикосновенность к преступлению в уголовной политике государства является одним из инструментов обеспечения предупреждения наиболее опасных для личности, общества и государства посягательств» [5, с. 7]. Вместе с тем, отметим, что УК РФ устанавливает ответственность за вовлечение и привлечение к иной противоправной или асоциальной (аморальной) деятельности, например преступления, предусмотренные ст. 151 УК РФ, ст. 230.1 УК РФ, такого рода деяния не могут относиться к прикосновенности к преступлению, так как они соотносятся не с преступлением, а с аморальным деянием, которое по своей характеристике не является общественно опасным.

Относительно прикосновенности к преступлению как правовому феномену А.А. Пионтковский отмечал, что он в достаточной мере укоренился в уголовном праве, уголовном законодательстве и как следствие - в правоприменительной практике [9, с. 560]. Осуществляя ретроспективное исследование предикатных составов преступлений Д.А. Ашин, исходя из доктринальных положений советского уголовного права, отмечает, что инструментарием прикосновенности к преступлению являлись самостоятельные составы преступлений, сходные по своим характеристикам с видами соучастия в преступлении, а именно: недонесение, укрывательство и скупка краденного [1, с. 258–259]. Продолжая указанную мысль, отметим, что отечественная доктрина уголовного права к прикосновенности к преступлению также относит и попустительство в преступлении, которое используется законодателем для характеристики преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ. В литературе отмечается, что «вопрос о том, относится ли попустительство преступлению к прикосновенности, спорен в теории уголовного права, но большинство юристов отвечают на него утвердительно» [6, с. 12].

Однако детальный анализ попустительства, закреплённого в ст. 290 УК РФ, свидетельствует о том, что его можно относить к попустительству как разновидности прикосновенности к преступлению только отчасти, так как субъект преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ, может получить взятку до того, как начал способствовать

совершению взяткодателям преступления, в таком случае должностное лицо – субъект преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ, выполняет роль пособника в совершении преступления, за которое он получил взятку, так как такого рода попустительство является заранее обещанным устранением препятствий при совершении преступлений, в данном случае взяткополучатель воздерживается от правомерного поведения в силу заблаговременного получения взятки. Иная характеристика попустительства как признака, раскрывающего преступление, предусмотренного ст. 290 УК РФ, характеризует как именно прикосновенность к преступлению. Такого рода прикосновенность возникает при условии, что должностное лицо – субъект преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ, получает взятку после того, как взяткодатель либо иное лицо совершит преступление, в данном случае отсутствует заранее данное обещание способствовать совершению преступления.

Аналогичным образом следует рассматривать попустительство и при характеристике преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ, вместе с тем, нам представляется, что попустительство как разновидность прикосновенности к преступлению в чистом виде встречается в преступлении, предусмотренном ст. 293 УК РФ, так как халатность является неосторожным преступлением, а соучастие возможно только лишь в умышленных преступлениях. Указанное обстоятельство даёт основание сделать нам вывод о том, что одним из различий соучастия в преступлении от прикосновенности к преступлению является, то, что прикосновенность к преступлению возможна как в умышленной, так и неосторожной форме. Однако некоторые исследователи указывают на то, что «под прикосновенностью к преступлению понимается умышленная деятельность, препятствующая применению мер уголовно-правового воздействия за совершение основного посягательства при отсутствии признаков соучастия в нем» [5, с. 7, 12], «по признакам субъективной стороны – прикосновенность к преступлению всегда совершается только с прямым умыслом» [2, с. 26].

Прикосновенность к преступлению, так же, как и соучастие в преступлении, возможна как до начала выполнения общественно опасного деяния, так и после. Относительно первой части указанного тезиса речь идёт об организации, склонении и вовлечении; относительно второй речь идёт об укрывательстве, несообщении, легализации добытого преступным путём, заранее не обещанном приобретении добытого преступным путём и попустительстве в преступлении.

В специальной литературе отмечается, что «прикосновенность к совершению преступления» представляет собой такую деятельность лица, не участвовавшего в совершении преступления, которая тем или иным образом связана с преступлением, но не является содействием его выполнению и не находится в причинной связи с преступным результатом» [11, с. 133].

Следует отметить, что вовлечение и склонение к преступной деятельности, а в некоторых случаях – и организация преступной деятельности как форма прикосновенности к преступлению, не находятся в непосредственной взаимосвязи с тем преступлением, которое может быть совершено в будущем. Существующая связь между деяниями не является причинной, она в последующем не порождает следствие в виде совершения преступления. Взаимосвязь, порождаемая прикосновенностью к преступлению, приводит к возникновению условий, которые при наличии определённой обстановки могут повлиять на совершение преступления либо нет. Например, преступления, предусмотренные ст. 280 УК РФ и ст. 280.1 УК РФ, определяют в качестве уголовно-наказуемого деяния осуществление таких действий, как публичные призывы. Такого рода публичные призывы не образуют общности убеждений субъекта преступления – подстрекателя и лиц, которые подверглись публичным призывам, причинно-следственная следственная связь между действиями субъекта преступления – подстрекателя и последствиями не образуются, действия субъекта – подстрекателя способствуют формированию условий, которые признаются законодателем общественно опасными. Подчеркнём, что действия соучастника – подстрекателя, в отличие от действий субъекта преступления – подстрекателя, находятся в непосредственной, причинной взаимосвязи с последующими действиями исполнителя преступления, они объединены единством интеллектуальных и волевых моментов совместного умысла, кроме того, субъект преступления – подстрекатель, а в некоторых случаях и субъект преступления – организатор не имеет возможности влиять на дальнейшие процессы, которые обусловлены их преступной деятельностью. Прикосновенность к преступлению убирает наличие двухсторонней (дуплексной) субъективной взаимосвязи между субъектами преступлений. Исключения составляют преступления, связанные с прикосновенностью, которые предусмотрены ст. 151 УК РФ, ст. 204.1 УК РФ, ст. 291.1 УК РФ, так как данный вид прикосновенности к преступлению может обладать общностью умысла, а также – осведомленностью о деятельности непосредственного исполнителя преступления, а также иных соучастников преступления. Иными словами, умышленная прикосновенность к преступлению может характеризоваться разнонаправленностью преступного умысла и преступных целей.

Продолжая описывать отличия между соучастием в преступлении и прикосновенности к преступлению, отметим, что взаимосвязь между лицами и процессами в соучастии при совершении преступления значительно выше. По этому поводу еще в 1941 году А.Н. Трайнин указывал: «Прикосновенность к преступлению охватывает такую связь третьих лиц с преступниками, которая не достигает интенсивности соучастия» [13, с. 130]. Немного позднее А.А. Пионтковский, определяя сущность прикосновенности к преступлению отмечал, что прикосновенность к преступлению – это деятельность, которая связана с совершением преступления, но не являющаяся содействием совершению преступления [10, с. 425].

Аналогичное суждение высказывалось и П.И. Гришаевым, который полагал, «что связь прикосновенности с основным преступлением носит менее прочный характер, нежели связь соучастников» [4, с. 230].

Современные исследователи прикосновенности к преступлению отмечают, что при прикосновенности к преступлению возникает специфическая уголовно-правовая связь между действиями прикосновенного лица с преступлением другого лица, которое предопределяет возможность его совершения либо обеспечивает сокрытие [3, с. 9–10].

Хрестоматийным является утверждение, согласно которому, совершение преступления в соучастии повышает общественную опасность совершенного преступления в силу таких причин, как участие нескольких лиц для упрощения достижения преступного результата. Организационная деятельность – преступление, склонение – преступление, вовлечение – преступление в отличие от соучастия в преступлении, по мнению законодателя, обладают иной повышенной общественной опасностью. Такого рода общественная опасность объясняется тем, что деяния прикосновенных лиц стимулируют иных лиц к совершению преступлений.

Следует отметить, что нормы, устанавливающие уголовную ответственность за прикосновенность к совершению преступления не исключают потенциальной возможности наличия институтов соучастия в такого рода преступлениях, например, в качестве квалифицирующего признака преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ, в части 2 законодатель закрепил «п. а) группой лиц по предварительному сговору», аналогично законодатель поступил при описании квалифицирующего признака, предусмотренного п. в) ч. 2 ст. 282 УК РФ, в которой указывается на совершение преступления организованной группой. Продолжая эту тему отметим, что большинство преступлений, предусмотренных нормами Особенной части УК РФ, которые устанавливают уголовную ответственность за прикосновенность к преступлению, могут быть совершены в соучастии, так, например, публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, могут быть совершены группой лиц, в которой будет присутствовать распределение ролей, будет присутствовать организатор, пособник и непосредственно исполнитель. Кроме этого, как указано в п. 42 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 1 от 1.02.2011 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» [8], вовлечение несовершеннолетних как субъектов преступления в преступную деятельность, образует соучастие в преступлении в виде подстрекательства. Исключение из приведённого тезиса будет в том случае, если вовлекаемые в преступную деятельность несовершеннолетние, не будут субъектами преступления в силу возраста, невменяемости, ограниченной невменяемости образует совокупность преступлений в действиях

субъекта преступления – подстрекателя, в таком случае говорить о соучастии в преступлении также нет оснований, так как взрослое лицо, вовлекшее несовершеннолетнего в преступную деятельность, по отношению к совершенному «главному» преступлению признается самоисполнителем.

Апеллируя тезисом о том, что прикосновенность к преступлению не исключает соучастия, можно сделать вывод о том, что организационная деятельность – преступление, склонение – преступление, вовлечение – преступление не являются разновидностью соучастия в преступлении либо особой формой соучастия в преступлении, так как соучастие в соучастии не возможно, так как такого рода конструкция нарушает законы последовательности и непосредственной причинной связи. В данном случае мы можем еще раз сказать о прикосновенности к преступлению, которая приводит к возникновению условий для развития дальнейшей преступной деятельности.

Выводами по статье могут быть тезисы о том, что:

1. Прикосновенность к преступлению как уголовно наказуемое деяние создаёт условия для совершения иного преступления.

Литература:

1. *Ашин Д.А.* Ретроспективный анализ конструкции предикатных преступлений в уголовном праве России // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 4. С. 250–261.
2. *Васильев А.А.* Уголовно-правовая характеристика прикосновенности к преступлению : автореф. ... дис. кан. юрид. наук. Екатеринбург, 2009. 29 с.
3. *Волотова Е.О.* Прикосновенность к преступлению: понятие, виды, ответственность : автореф. ... дис. канд. юрид. наук: М., 2011. С. 28
4. *Гришаев П.И.* Соучастие по советскому уголовному праву / П.И. Гришаев, Г.А. Кригер. М., 1959. 203 с.
5. *Зарубин А.В.* Уголовно-правовое регулирование прикосновенности к преступлению : автореф. ... дис. кан. юр. наук. Красноярск : 2004. 24 с. С. 7.
6. *Макаров А.Д.* Уголовная ответственность за прикосновенность к преступлению : автореф... кан. юрид. наук. М. : 2004 28 с.
7. *Наумов С.Н.* Оценочные признаки соучастия в преступлении : дис. канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. 196 с.
8. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 1 от 1.02.2011. URL : <http://www.supcourt.ru/documents/own/8276/>

2. Прикосновенность к преступлению, в отличие от соучастия в преступлении, может быть как умышленной, так и неосторожной.

3. Прикосновенность к преступлению не исключает возможности соучастия в прикосновенности.

4. Прикосновенность к преступлению не ограничивается недонесением, укрывательством и попустительством.

5. Не образует прикосновенности к преступлению общественно опасные деяния, которые соотносятся с аморальными (асоциальными) деяниями, например ст. 151 УК РФ, ст. 230.1 УК РФ.

6. Прикосновенность к преступлению возможна как до начала выполнения прикосновенного преступления, так и после него.

Отметим, что положения, раскрытые в данной статье, не претендуют на абсолютную истину и могут быть использованы для организации научных дискуссий в процессе исследования уголовно-правового института прикосновенности к преступлению.

Literature:

1. *Ashin D.A.* A retrospective analysis of the construction of predicate offenses in the criminal law of Russia // Actual problems of Russian law. 2009. № 4. P. 250–261.
2. *Vasiliev A.A.* The criminal law characteristic of impunity for a crime : abstract of the dissertation Ph.D.. Yekaterinburg, 2009. 29 p.
3. *Volotova E.O.* Immunity to crime: concept, types, responsibility : abstract of the dissertation Ph.D. M., 2011. P. 28
4. *Grishaev P.I.* Participation in Soviet criminal law / P.I. Grishaev, G.A. Krieger. M., 1959. 203 p.
5. *Zarubin A.V.* Criminal regulation of criminality : Abstract of the dissertation Ph.D. Krasnoyarsk : 2004. 24 p. P. 7.
6. *Makarov A.D.* Criminal liability for a crime : abstract of the dissertation Ph.D. M., 2004. 28 p.
7. *Naumov S.N.* Evaluative signs of complicity in a crime : abstract cand. dis. ... legal sciences. Krasnodar : 2009. 196 p.
8. On judicial practice of the application of legislation governing the specifics of criminal liability and punishment of minors. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 1 dated 1.02.2011. URL : <http://www.supcourt.ru/documents/own/8276/>

9. *Пионтковский А.А.* Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М. : Госюриздат, 1961. 666 с.

10. *Пионтковский А.А.* Уголовное право. Общая часть. М., 1948. 575 с.

11. *Рудой Л.А.* Прикосновенность к преступлению. Регламентация института в законодательстве России // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 5. С. 131–134.

12. *Субачев А.К.* Регламентация ответственности за соучастие в преступлении в форме посредничества во взяточничестве // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 7. С. 155–158.

13. *Трайнин А.Н.* Учение о соучастии. М., 1941. 160 с.

9. *Piontkovsky A.A.* The doctrine of a crime under Soviet criminal law. M. : Gosyurizdat, 1961. 666 p.

10. *Piontkovsky A.A.* Criminal law. A common part. M., 1948. 575 p.

11. *Rudoy L.A.* Immunity to crime. Institute regulation in the legislation of Russia // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011. № 5. P. 131–134.

12. *Subachev A.K.* Regulation of liability for complicity in a crime in the form of mediation in bribery // Gaps in Russian law. 2017. № 7. P. 155–158

13. *Trainin A.N.* The doctrine of complicity. M., 1941. 160 p.

Ларина Елена Александровна

кандидат педагогических наук,
заместитель директора
по организационно-методической работе,
Институт права
и национальной безопасности,
Тамбовский государственный
университет имени Г.Р. Державина,
доцент кафедры уголовного права
и уголовного процесса
ya.lari2011@yandex.ru

Виталий Юрьевич Щербаков

священник,
магистр религиоведения,
первый проректор
Тамбовской духовной семинарии,
доцент кафедры теологии,
аспирант кафедры философии
и методологии науки,
Тамбовский государственный
университет имени Г.Р. Державина
vitl.78@mail.ru

Поповичева Мария Вячеславовна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры
гражданско-правовых дисциплин,
Тамбовский филиал
Российского нового университета
mar-popovicheva@yandex.ru

**ЮРИДИЧЕСКАЯ СИЛА
РЕЛИГИОЗНЫХ АКТОВ:
ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

Аннотация. Предметом исследования является юридическая сила религиозных актов, их влияние на регулирование общественных отношений, как в период современности, так и на различных исторических этапах. Объектом исследования является рассмотрение религиозных и правовых норм с позиций юридической силы. Автор подробно рассматривает такие аспекты темы, как сопоставление иерархичности структуры религиозных и правовых норм в обществе. Особое внимание уделяется балансу между светским характером государства и юридической силы правовых и религиозных актов. В статье актуализируется проблема отличительности характера религиозных актов с позиций их содержания и упорядочения взаимоотношений в обществе применительно к Российской Федерации и странам религиозной правовой семьи.

Метод и методология исследования. Методы исследования: системный анализ, логический, историко-

Elena A. Larina

Candidate of Pedagogical Sciences,
Deputy Director on Organizational
and Methodical work,
Institute of the Right and National Security,
Associate Professor of Criminal Law
and Criminal Proceedings,
Tambov State University
name of G.R. Derzhavin
ya.lari2011@yandex.ru

Vitaly Yu. Sherbakov

Priest,
Master of Religious studies,
First Vice rector of Tambov
theological Seminary,
Associate Professor of Theology,
Graduate student of the Department
of Philosophy and Methodology of Science,
Tambov State University
University named after G.R. Derzhavin»
vitl.78@mail.ru

Maria V. Popovicheva

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department
of Civil Law disciplines,
Tambov branch
of the Russian new University
mar-popovicheva@yandex.ru

**LEGAL FORCE
OF RELIGIOUS ACTS:
HISTORY, THEORY, AND PRACTICE**

Annotation. The subject of the study is the legal force of public relations, both in the modern period and at various historical stages. The object of the study is to consider religious and legal norms from the point of view of legal force. The author examines in detail such aspects of the topic as the comparison of the hierarchy of the structure of religious and legal norms in society. Special attention is paid to the balance between the secular nature of the state and the legal force of legal and religious acts. The article actualizes the problem of distinguishing the nature of religious acts from the point of view of their content and ordering of relations in society in relation to the Russian Federation and the countries of the religious legal family.

Research method and methodology: Research methods: system analysis, logical, historical-legal, socio-cultural, comparative-legal, formal-legal, structural. In particular, thanks to the method of system analysis, it was

которые утратили полноценную юридическую силу и стали восприниматься либо как второстепенные, то есть, регулирующие отдельные правовые области (в большей степени семейно-правовые отношения), либо как незначительные, обеспечивающие лишь внутреннюю жизнь религиозных организаций.

Вместе с тем, несмотря на утрату религиозными актами своей главенствующей роли в светских государствах, их исследование в части их юридической силы остается актуальным.

Development

Отличительной чертой религиозных актов является их содержание, особый смысл, в которых он был вложен – сама цель таких актов. С одной стороны, целью религиозных актов, также как и правовых, служит упорядочение взаимоотношений в обществе. Отличие заключается в способах достижения данной цели. Так, Виноградова О.П. под религиозными актами понимает божественные установления, которые основаны на сакральном авторитете и вере и выражены в священных писаниях и преданиях в виде нормативных установок, и, в последующем, были закреплены в законодательстве [6, с. 11]. Нельзя с этим мнением не согласиться. Подтверждающим примером служит, передача Моисею Богом десяти заповедей.

Учитывая специфику религиозных актов, исследование их юридической силы представляется целесообразным проводить по следующим критериям:

Применительно к Российской Федерации:

– юридическая сила в ретроспективном анализе;

– юридическая сила религиозных актов в современный период.

Применительно к странам религиозной правовой семьи.

В современной России статьей 28 Конституции РФ каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними.

Несмотря на то, что произошло переосмысление роли религии в обществе, религиозные акты не приобрели юридическую силу в полной мере в связи с тем, что Российская Федерация признана светским государством [1, ст. 14].

Правовые и религиозные нормы находят свое сближение во многих общественных отношениях. Конституция РФ, устанавливая свободу совести и вероисповедания, служит базисом для деятельности религиозных организаций. Федеральные законы (в особенности ФЗ от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»), Указы Президента, а также – местные законы воплощают в себе положения,

направленные на уважение чувств верующих. К примеру, российский законодатель в немалом перечне законов закрепил особые права священнослужителей. Им предоставлено право отсрочки от военной службы, существует положение о том, что священнослужители назначаются на соответствующую должность по работе с военнослужащими по представлению религиозной организации, они не могут быть подвергнуты допросу по фактам, изложенным им на исповеди и т.д. Трудовой кодекс РФ наделяет религиозную организацию статусом работодателя.

Как уже было отмечено, Церковь, согласно действующему законодательству, можно определить как особого рода корпорацию со специфическими корпоративными нормами (церковными, каноническими, религиозными). Так, к примеру, Живулин В.А. под религиозными нормами понимает корпоративно-обязательное общее правило поведения, выражающее волю Церкви в целом или конфессионального образования, отличающееся официальным характером и формальной определенностью, обеспеченное возможностью корпоративного принуждения [9, с. 70].

Однако религиозные нормы нельзя назвать в чистом виде корпоративными по следующему основанию. Одним из признаков юридической силы (нормативно-правового акта, судебного прецедента, договора и пр.) выступает общеобязательность. Соответственно, если норма является общеобязательной, то за ее несоблюдение предполагается либо ответственность, либо государственное принуждение и т.д. В тоже время, за несоблюдение религиозных и церковных норм таких мер со стороны государства не предусматривается (если речь идет о светском государстве). А ведь именно институт государственного принуждения, порой, наделяет корпоративную норму, своего рода, статусом регулятора, который, в свою очередь, придает такой норме юридическую силу. К тому же, корпоративные нормы всегда должны носить письменный характер (еще один из признаков, придающих юридическую силу). В то же время, религиозные и церковные нормы, несмотря на их отображение в священных писаниях (Библии, Коране и пр.), могут носить и устный характер, выражающий нормы морали, традиций и обычаев, устный характер может присутствовать и во внутренних установлениях религиозной организации.

Однако так же как и корпоративные нормы, религиозные нормы не должны противоречить общегосударственным нормам. В случае возникновения подобных коллизий, приоритет всегда будет оставаться за последними, т.к. общегосударственные нормы по юридической силе стоят выше корпоративных и тем более - религиозных норм. При этом противоречивость религиозных норм общегосударственным (правовым нормам) не должна рассматриваться с позиции морали либо нравственности, поскольку правовые нормы не всегда могут основываться на данных принципах. Мораль и нравственность – это социальные регуляторы. Но стремление к морали и нравственности, устанавливаемыми религиозными нормами, все же, должно присутствовать. Противоречивость (коллизийность) религиозных и

правовых норм должна рассматриваться в русле ответственности (по большей части административной и уголовной), т.к., если деятельность религиозной организации (хотя эта деятельность и подкреплена религиозными актами) явно противоречит основополагающим принципам, то члены такой организации либо организация в целом как юридическое лицо должны нести такую ответственность.

Исходя из изложенного, следует сделать вывод о том, что, на современном этапе развития правовой сферы Российской Федерации религиозные акты практически не имеют юридической силы, но они, при определенных условиях (например, при принятии правовых норм, регулирующих религиозную сферу, государство в обязательном порядке учитывает религиозные нормы традиционных религиозных организаций и направляемые их представителями поправки и рекомендации, в частности, при встречах Президента РФ с главами Церкви), могут порождать правовые последствия и через это иметь определенную степень юридической силы, вместе с тем, не влияя на светский характер современного государства.

Рассматривая юридическую силу религиозных актов, нельзя не отметить, что в ряде стран некоторые религиозные аспекты, все же, обладают юридической силой. Речь в данном случае идет даже не о мусульманских странах, но и о западно-европейских. В некоторых из них основополагающим источником права является нормативно-правовой акт, характерный для стран романо-германской правовой семьи либо судебный прецедент (в странах англо-саксонской правовой семьи).

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 04.08.2014. № 31. Ст. 4398.
2. Федеральный закон от 14.06.1994 № 5-ФЗ (ред. от 01.05.2019) «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» // *Собрание законодательства РФ*, 20.06. 1994. № 8. Ст. 801.
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // *Собрание законодательства Российской Федерации*, 01.01.1996. № 1. Ст. 16.
4. Bulls and Briefs. URL : <http://www.newadvent.org/>
5. Marriage Act 1949. URL : <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo6/12-13-14/76>
6. *Виноградова О.П.* Религиозные аспекты в российском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2011. 201 с.

Conclusions

Таким образом, в странах религиозной правовой семьи нормативно-правовой акт вторичен по отношению к религиозному акту, обладающему полной юридической силой, и в случае выявления несоответствия нормативно-правового акта религиозному акту применяться будет последний. Но, несмотря на это, в ряде государств (и мусульманских и христианских) наблюдается огосударствление религиозных норм. В России же такое огосударствление носит менее выраженный характер. Оно по большей части выражается в уставах, принятых религиозными организациями. В них и воплощаются соответствующие религиозные установления для приверженцев религиозных взглядов, а устав обладает юридической силой.

Тем не менее, и национальное, и международное законодательство говорит нам о том, что нужно именно уважать, а не соблюдать установления религиозных организаций в широких общественных массах. Соблюдение – это один из первичных факторов, на котором строится законодательство, а именно, нормативно-правовые акты, обладающие юридической силой (за несоблюдение действующего правового акта возможно применение какой-либо меры ответственности). Соблюдение же религиозных актов носит моральный характер и предусматривает специфические меры ответственности (например, анафема).

Literature:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993, taking into account the amendments introduced by Laws of the Russian Federation about amendments to the Constitution of the Russian Federation from 30.12.2008 № 6-FKZ, from 30.12.2008 № 7-FKZ, from 05.02.2014 № 2-FKZ, from 21.07.2014 № 11-FCL) // *collected legislation of the Russian Federation*, 04.08.2014. № 31. Art. 4398.
2. Federal law of 14.06.1994 № 5-FZ (ed. of 01.05.2019) «on the procedure for publication and entry into force of Federal constitutional laws, Federal laws, acts of the chambers of the Federal Assembly» // *Assembly of legislation of the Russian Federation*, 20.06.1994. № 8. Art. 801.
3. Family code of the Russian Federation of 29.12.1995 № 223-FZ (ed. of 02.12.2019) // *Collection of legislation of the Russian Federation*, 01.01.1996. № 1. Art. 16.
4. Bulls and Briefs. URL : <http://www.newadvent.org/>
5. Marriage Act 1949. URL : <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo6/12-13-14/76>
6. *Vinogradova O.P.* Religious aspects in Russian law : autoref. dis. ... cand. of law. sciences. N. Novgorod, 2011. 201 p.

7. Декреты Советской власти. Т. I. 25 октября 1917 г. 16 марта 1918 г. М. : Гос. издат-во политической литературы, 1957.
8. Дорская А.А. Эволюция понятия «государственно-конфессиональные отношения» в контексте правового развития России // История государства и права. 2012. № 3. С. 34–37.
9. Живулин В.А. Соотношение правовых и религиозных норм // Вестник Волжской государственной академии водного транспорта. 2005. № 15. С. 69–73.
10. Законы Ману / Пер. С.Д. Эльмановича, проверенный и исправленный Г.Ф. Ильиным. М. : Эксмо-Пресс, 2002. С. 496.
11. Исаева А.А. Система источников правового регулирования статуса религиозных объединений в Российской Федерации и проблемы регионального законодательства // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 430. С. 180–187.
12. Карамзин Н. История государства Российского. М. : АСТ, 2019. С. 1264.
13. Кун Н. Легенды и мифы Древней Греции и Рима. М. : СЗКЭО. 2019. С. 352.
14. Определение Конституционного Суда РФ от 18.12.2007 г. № 851-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Рязопова Нагима Габдылахатовича на нарушение его конституционных прав положениями пункта 1 статьи 12 и статьи 14 Семейного кодекса Российской Федерации». URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1685459/> (дата обращения 23.12.2019).
15. Пермяков Ю.Е. Юридическая сила правовых суждений // Юридический аналитический журнал. 2003. № 4. С. 6–15.
16. Полянский П.Л. Правовое регулирование брачно-семейных отношений в российском обществе: история формирования отрасли семейного права: автореферат дис. ... доктора юридических наук : 12.00.01 / Полянский Павел Львович; [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова]. М., 2016. 49 с.
17. Решение Верховного Суда РФ от 20.04.2017 по делу № АКПИ17-238. URL : <https://legalacts.ru/sud/reshenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-20042017-n-akpi17-238/> (дата обращения 23.12.2019).
18. Российское законодательство X–XX веков. М., 1984. Т. 1. С. 139–140.
19. Рункевич С.Г. Учреждение и первоначальное устройство Святейшего Правительствующего Синода (1721–1725 гг.). СПб., 1900.
20. Солодская М.С. Иерархия, централизация и децентрализация органов управления // Теоретический журнал CREDO. 1998. № 6. URL : <http://ihtk.lib.ru/>
7. Decrees of the Soviet power. Volume I. October 25, 1917 March 16, 1918. M. : State publisher of political literature, 1957.
8. Dorskaya A.A. Evolution of the concept of «state-confessional relations» in the context of legal development of Russia // History of state and law. 2012. № 3. P. 34–37.
9. Zhivulin V.A. Correlation of legal and religious norms // Bulletin of the Volga state Academy of water transport. 2005. № 15. P. 69–73.
10. Laws of Manu / Translation by S. D. Elmanovich, verified and corrected by G.F. Ilyin. M. : Eksmo-Press. 2002. P. 496.
11. Isaeva A.A. System of sources of legal regulation of the status of religious associations in the Russian Federation and problems of regional legislation // Bulletin of Tomsk state University. 2018. № 430. P. 180–187.
12. Karamzin N. History of the Russian state. M. : AST, 2019. P. 1264.
13. Kun N. Legends and myths of Ancient Greece and Rome. M. : SZKEO. 2019. P. 352.
14. Definition of the constitutional Court of the Russian Federation of 18.12.2007 g. № 851-O-O «On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Ryazapov Nagim Gabdylakhatovich for violation of his constitutional rights by the provisions of paragraph 1 of article 12 and article 14 of the Family code of the Russian Federation. URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1685459/> (accessed 23.12.2019).
15. Permyakov E.Yu. Legal validity of legal judgments // Legal magazine. 2003. № 4. P. 6–15.
16. Polyansky P.L. Legal regulation of marriage and family relations in Russian society: the history of the formation of the branch of family law: abstract of the dis. ... doctors of juridical science : 12.00.01 / Polyanskiy Pavel Lvovich; [a protection Place: Mosk. state University. M.V. Lomonosov]. M., 2016. 49 p.
17. Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of 20.04.2017 in case no. AKPI17-238. URL : <https://legalacts.ru/sud/reshenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-20042017-n-akpi17-238/> (accessed 23.12.2019).
18. Russian legislation of the X–XX centuries. M., 1984. Vol. 1. P. 139–140.
19. Runkevich S.G. The Establishment and initial structure of the Holy governing Synod (1721–1725). SPb., 1900.
20. Solodskaya M.S. Hierarchy, centralization and decentralization of management bodies // Theoretical journal CREDO. 1998. № 6. URL : <http://ihtk.lib.ru/>

http://ihtik.lib.ru/tmp/zmnh_10sept_2005/index29_html (дата обращения 23.12.2019).

21. *Туманов Д.Ю.* Конституционное регулирование свободы совести в Советском государстве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2011. Вып. 4(14). С. 15–19.

22. *Тураев Б.А.* Законы. М. : Директ-Медиа. 2018. С. 9. С. 124.

23. *Цыпин В.А.* Церковное Право. М. : МФТИ. 1996. С. 93–99. С. 442.

24. *Шахов М.О.* Внутренние установления религиозных организаций // Юридическое религиоведение. 2016. № 1. С. 3–27.

25. *Шестакова С.В.* Нормы, основанные на религиозных догматах, как источники конституционного права зарубежных стран / С.В. Шестакова, Л.Т. Чихладзе // Успехи в химии и химической технологии. 2014. № 7(156). С. 29–31.

26. *Щапов Я.Н.* Собрание новелл Юстиниана : в 87 главах в древнерусской письменности // Древнее право. IVS ANTIQVVM. 1998. Вып. 1(3). С. 108–112.

[tmp/zmnh_10sept_2005/index29_html](http://ihtik.lib.ru/tmp/zmnh_10sept_2005/index29_html) (accessed 23.12.2019).

21. *Tumanov D.Yu.* Constitutional regulation of freedom of conscience in the Soviet state // Bulletin of the Perm University. Legal science. 2011. Iss. 4(14). P. 15–19.

22. *Turaev B.A.* Laws Of Hammurabi. M. : Direct-Media. 2018. P. 9. P. 124.

23. *Tsy-pin V.A.* Church Law. M. : MIPT. 1996. P. 93–99. P. 442.

24. *Shakhov M.O.* Internal regulations of religious organizations // Legal religious studies. 2016. № 1. P. 3–27.

25. *Shestakova S.V.* Norms based on religious dogmas as sources of constitutional law of foreign countries / S.V. Shestakova, L.T. Chikhladze // Advances in chemistry and chemical technology. 2014. № 7 (156). P. 29–31.

26. *Shchapov Ya.N.* Collection of the novellas of Justinian in 87 chapters in ancient writings / JAN. Shchapov // The Ancient right. IVS ANTIQVVM. 1998. Vol. 1(3). P. 108–112.

Малышкин Павел Викторович

кандидат юридических наук,
доцент,
Саранский кооперативный институт –
филиал Российского университета
кооперации
Usmanowa_ef@rambler.ru

Усманова Елена Фанильевна

кандидат юридических наук,
доцент,
Мордовский государственный
университет имени Н.П. Огарева
Usmanowa_ef@rambler.ru

Шабает Виктор Викторович

кандидат исторических наук,
доцент,
Мордовский
государственный педагогический
институт имени М.Е. Евсевьева
Usmanowa_ef@rambler.ru

**ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ДОГОВОРА ВОЗМЕЗДНОГО
ОКАЗАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ
ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Аннотация. Статья посвящена правовой характеристике договора возмездного оказания образовательных услуг по законодательству Республики Беларусь. Проведен анализ сущности понятий «договор возмездного оказания услуг» и «договор о платных услугах в сфере образования». В статье дается четкое определение сущности и содержания данных категорий, отмечается, что регулирование правоотношений, возникающих на основании договора оказания образовательных услуг возмездного характера в Республике Беларусь, носит комплексный характер. Заключение договора оказания образовательных услуг регулируется гражданским правом, а исполнение – гражданским и административным правом.

Ключевые слова: гражданско-правовой договор, договор возмездного оказания услуг, образование, договор о платных услугах в сфере образования, договора оказания образовательных услуг в сфере высшего образования.

Договор на оказание возмездных услуг как институт гражданского законодательства Республики Беларусь появился лишь с принятием Гражданского Кодекса в 1998 году [1]. Между тем, сама идея выделения в ГК Республики Беларусь

Pavel V. Malyshkin

Candidate of Juridical Sciences,
Associate Professor,
Saransk Cooperative Institute –
branch of the Russian University
Cooperations
Usmanowa_ef@rambler.ru

Elena F. Usmanova

Candidate of Juridical Sciences,
Associate Professor,
Mordovian State University
named after N.P. Ogarev
Usmanowa_ef@rambler.ru

Viktor V. Shabaev

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor,
Mordovia State Pedagogical Institute
named after M.E. Evsevev
Usmanowa_ef@rambler.ru

**LEGAL CHARACTERISTICS
OF THE AGREEMENT PROVISION
OF EDUCATIONAL SERVICES
IN THE LEGISLATION
OF THE REPUBLIC OF BELARUS**

Annotation. The article is devoted to the legal characteristics of the contract for the provision of educational services under the legislation of the Republic of Belarus. The analysis of the essence of the concepts of “contract for the provision of services” and “contract for paid services in the field of education”. The article gives a clear definition of the nature and content of these categories, it is noted that the regulation of legal relations arising on the basis of the contract for the provision of educational services of a paid nature in the Republic of Belarus is complex. The conclusion of a contract for the provision of educational services is governed by civil law, and enforcement by civil and administrative law.

Keywords: civil law agreement, fee-based services agreement, education, agreement on paid services in the field of education, agreement on the provision of educational services in the field of higher education.

отдельной главы, посвященной самостоятельному договору возмездного оказания услуг, возникла не на пустом месте, корни закрепления в системе гражданско-правовых обязательств самостоятельных соглашений по возмездному

оказанию услуг уходят в глубокую древность, а точнее – в классическое римское право, которому, наряду с договором подряда, был известен договор найма услуг.

Ныне действующий ГК Республики Беларусь в гл. 39 законодательно устанавливает лишь общие правовые нормы, касающиеся законодательного регулирования договора возмездного оказания услуг.

Данное обстоятельство связано с тем, что в последнее время активно появляются не известные ранее виды услуг (например, кризисное управление при процедуре банкротства, интернет-провайдерские и др.), также следует отметить, что белорусскому праву и ранее были известны договоры, которые затрагивали возмездное оказание услуг – перевозка, поручение, аудиторские услуги.

Однако при этом многие обязательства по оказанию различных видов услуг (например, консультирование в сфере налогообложения, репетиторство и др.) законодательно не регулировались нормами белорусского гражданского права. К отношениям, вытекающим из договора возмездного оказания услуг, помимо, указанной выше гл. 39, применяются правовые нормы ст. 656–682 и ст. 683–695 ГК Республики Беларусь. Также дополнительно следует отметить в системе источников правового регулирования норм данных видов услуг законодательство РБ о защите прав потребителей.

Таким образом, законодательная регламентация правоотношений по оказанию различных видов услуг, в том числе образовательных услуг, основана на правовых нормах ГК Республики Беларусь, в частности, главы 39 ГК Республики Беларусь, регулирующей законодательно вопросы возмездного оказания услуг, и конкретизируется законодательно также в иных нормативно-правовых актах белорусского законодательства.

Как определяется в Разъяснении Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 30 марта 2004 г. № 03-25/820: В договоре возмездного оказания услуг определяющим является сам процесс оказания услуги или осуществления деятельности. При этом совершение определенных действий или осуществление определенной деятельности не связано с обязательным получением материального результата или эффекта от услуги.

Исполнитель не может гарантировать достижение полезного эффекта деятельности, поскольку это лежит вне пределов его деятельности. Вместе с тем, отсутствие материального результата (эффекта) не влияет на исполнение обязательства.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что ст. 59 Кодекса Республики Беларусь об образовании законодательно предусматривает большой перечень видов и разновидностей договоров в сфере образования, в частности, в ней законодательно предусмотрено 18 видов договоров в

области образования (например, договор о подготовке научного работника высшей квалификации за счет средств бюджета, а также на платной основе; договор о подготовке специалиста на платной основе и о целевой подготовке специалиста; договор о переподготовке руководящего работника (специалиста) за счет средств бюджета, а также на платной основе и ряд др.) [2].

И как можно увидеть из содержания п. 2 ст. 59 Кодекса Республики Беларусь об образовании, среди них, в отдельный вид выделен договор о платных услугах в сфере образования, которому и посвящена ст. 77 Кодекса РБ об образовании. При этом под договором о платных услугах в сфере образования понимается оказание учреждением образования, иной организацией, индивидуальным предпринимателем, которым в соответствии с законодательством предоставлено право осуществлять образовательную деятельность, услуг в сфере образования на платной основе, за исключением подготовки научного работника высшей квалификации (специалиста, рабочего, служащего), переподготовки руководящего работника (специалиста, рабочего, служащего), повышения квалификации руководящего работника (специалиста, рабочего, служащего), профессиональной подготовки рабочего (служащего), стажировки руководящего работника (специалиста) на платной основе, осуществляется на основании договора о платных услугах в сфере образования.

В настоящее время при определении отраслевой принадлежности договора об оказании образовательных услуг в сфере высшего образования одни исследователи как белорусского, так и российского гражданского законодательства выделяют в данном договоре исключительно гражданско-правовую природу (Н.П. Матузяник, В.В. Кванина) [3, с. 38], другие относят его к образовательному праву (В.М. Сырых) [4, с. 69], третьи – к сфере административного права (В.И. Шкатулла) [6, с. 131].

Определение природы договора как гражданско-правовой природы связано в большей степени с тем, что п. 2 ст. 733 ГК Республики Беларусь распространяет свое действие не только на договор возмездного оказания услуг, но и на отношения в сфере образования. Однако при реализации условий договора между учреждением образования и заказчиком (обучающимся) возникает ряд отношений, которые не регулируются гражданским законодательством.

Для внесения ясности в проблему определения правовой природы договора стоит отметить, что немаловажной частью данных отношений является процесс образования. Ст. 1 принятого в 2011 году Кодекса РБ об образовании определяет образование как обучение и воспитание в интересах личности, общества и государства, направленные на усвоение знаний, умений, навыков, формирование гармоничной, разносторонне развитой личности обучающегося.

Таким образом, из определения следует, что образование состоит из двух элементов: обучения и воспитания.

Этим предполагается подчиненность обучающегося и педагога вуа во исполнение правил внутреннего учебного распорядка, то есть, срабатывает принцип власти и подчинения, что характерно для административного регулирования отношений, притом, что основанием данных отношений является заключение договора между учреждением образования и заказчиком (что характерно исключительно для гражданского регулирования отношений).

Заключение данного договора (как документа и сделки) регулируется нормами гражданского права, а процесс оказания образовательных услуг (правоотношения, вытекающие из договора) носит и диспозитивный, и императивный характер, поскольку предоставление образовательных услуг сочетает в себе широкий круг отношений, что не позволяет однозначно определить какую-то одну направленность их правовой природы.

Во втором случае отношения являются опосредованными, поскольку непосредственным исполнителем выступает преподаватель, исполняющий основные обязанности ВУЗа по договору.

Обобщая вышеизложенное, можно сказать, что заключение договора оказания образовательных услуг регулируется гражданским правом, а исполнение – гражданским и административным. Кроме того, предлагается не выделять какую-то одну отрасль регулирующую данные правоотношения, а исследовать их как комплекс.

Как подчеркивает Т.И. Цыпурко, «по договору возмездного оказания услуг в сфере образования учреждение образования, которое в договоре именуется «Исполнитель», обязуется по заданию обучающегося, который именуется «Заказчик», оказать образовательные услуги (совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность), а заказчик обязуется оплатить эти услуги. Договор о платных услугах в сфере образования является консенсуальным, возмездным, двухсторонним, заключается в письменной форме» [5, с. 64]. Кроме имущественного воздействия, в законе нет иных механизмов, чтобы обеспечить исполнение обязательств по договору. Поэтому исполнитель вправе отказаться от исполнения обязательств при условии полного возмещения заказчику понесенных им убытков.

Поскольку законодатель употребил термин «убытки», следует иметь в виду, что исполнитель

Литература:

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 года № 2018-3 (с изменениями и дополнениями на 09. 01.2020 г.) // Ведамасці Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь. 1999. № 7–9. Ст. 101.
2. Кодекс РБ об образовании от 13 января 2011 г. № 218-3. URL : http://base.spinform.ru/show_doc.fwx.?rgn=32756
3. *Матузяник Н.П.* Понятие и правовая природа договора возмездного оказания образовательных

возмещает заказчику не только реальные расходы (реальный ущерб), но и упущенную выгоду (ст. 14 ГК Республики Беларусь). Никакой другой ответственности на него закон не возлагает.

Если же от договора возмездного оказания услуг отказывается заказчик, то он в силу предписаний п. 1 ст. 736 ГК Республики Беларусь обязан возместить исполнителю только фактически понесенные им расходы. Если речь идет о прекращении договора на стадии подготовки к оказанию услуг, то возмещаются расходы, связанные с такой подготовкой; если на стадии исполнения, когда часть услуг уже оказана, – возмещается стоимость оказанных услуг.

Таким образом, при одностороннем отказе заказчик фактически несет ограниченную ответственность. Отказ от исполнения договора возможен как до начала оказания услуг, так и в любое время оказания, но до ее завершения. Следует, однако, иметь в виду, что правила ст. 736 ГК Республики Беларусь применяются в случаях, когда не стоит вопрос о нарушении сторонами своих обязательств по договору. В таких случаях применяются общие правила об ответственности за нарушение обязательств (гл. 25 ГК Республики Беларусь), если только нормативными актами, регулируемыми отдельные виды обязательств по оказанию услуг, не установлены особенности такой ответственности.

Итак, в системе гражданско-правовых обязательств, соглашения по возмездному оказанию услуг в виде конкретного договора впервые на законодательном уровне были закреплены в конце 90-х гг. прошлого века в рамках гл. 39 ГК Республики Беларусь. Регулирование же правоотношений, возникающих на основании договора оказания образовательных услуг возмездного характера в Республике Беларусь, носит комплексный характер.

Гражданским законодательством Республики Беларусь законодательно регулируются общие вопросы по договору возмездного оказания услуг (к которым также относятся и услуги в сфере образования): заключение, изменение и расторжение договора, правовой статус и ответственность сторон договора. Законодательство же Республики Беларусь об образовании законодательно регламентирует многие аспекты отношений, возникающих в процессе осуществления самой образовательной деятельности.

Literature:

1. The Civil Code of the Republic of Belarus of 7 December 1998. № 2018-3 (as amended by 09). 01.2020) // Vedamasci National University departure Raspubliki Belarus. 1999. № 7–9. Art. 101.
2. Education Code of January 13, 2011 № 218-3. URL : http://base.spinform.ru/show_doc.fwx.?rgn=32756
3. *Matuzyanik N.P.* Concept and legal nature of the contract of reimbursable provision of educational

услуг в системе высшего образования / Н.П. Матузяник, В.В. Кванина // Юридический журнал. 2007. № 1. С. 38–43.

4. Сырых В.М. О юридической природе образовательного договора с условием оплаты обучающимся стоимости обучения // Право и образование. 2013. № 4. С. 69–74.

5. Цыпурко Т.И. Особенности заключения и исполнения договора на оказание платных услуг в сфере образования // Директор школы, гимназии, лицея. 2014. № 3. С. 64–66.

5. Шкатулла В.И. Образовательное законодательство: теоретические и практические проблемы. Общая часть. М., 1997. 164 с.

services in the system of higher education / N.P. Matuzyanik, V.V. Qvanina // Law journal. 2007. № 1. С. 38–43.

4. Raw V.M. On the Legal Nature of an Educational Contract with the Condition of Paying Students the Cost of Study // Law and Education. 2013. № 4. С. 69–74.

5. Tsypurko T.I. Peculiarities of conclusion and execution of contract for provision of paid services in the sphere of education // Director of school, gymnasium, lyceum. 2014. № 3. P. 64–66.

6. Shkatullah V.I. Educational legislation: theoretical and practical problems. General part. M., 1997. 164 p.

Марасанов Валерий Михайлович
соискатель,
Российская государственная академия
интеллектуальной собственности
vm21201@yandex.ru

КОРПОРАТИВНЫЙ ДОГОВОР КАК ИНСТРУМЕНТ ОХРАНЫ И РЕАЛИЗАЦИИ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ НА ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, связанные с необходимостью расширения сферы действия корпоративных договоров, которые, по мнению автора, наряду с решением вопросов организации управления обществом и распоряжения акциями или долями в его уставном капитале должны также позволять участникам хозяйственных обществ определять порядок распоряжения нематериальными активами, в том числе исключительными правами на произведения и иные результаты интеллектуальной деятельности. Такая необходимость возникает, в частности, при реализации проектов создания аудиовизуальных произведений (кинофильмов, телесериалов), при разработке новых программ и электронных сервисов, а также реализации других стартапов.

Автором предлагаются меры, которые позволят обеспечить реализацию принадлежащих хозяйственным обществам исключительных прав на произведения, в том числе, для целей привлечения необходимых для такой реализации инвестиций, а также гарантируют для участников хозяйственного общества возможность эффективного контроля за реализацией принадлежащих такому обществу исключительных прав.

Ключевые слова: авторское право, произведение, корпоративный договор, правообладатели, исключительное право.

Корпоративный договор является относительно новым понятием для российского законодательства, соответствующие положения были внесены в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) только в 2014 году. При этом определение корпоративного договора, закрепляемое статьей 67.2 ГК РФ, фактически приравнивает его к акционерному соглашению, определяемому статьей 32.1 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах».

В статье 67.2 ГК РФ корпоративный договор рассматривается как соглашение, позволяющее участникам общества решать вопросы, связанные, прежде всего, с управлением обществом и

Valery M. Marasanov
Applicant,
Russian State Academy
of Intellectual Property
vm21201@yandex.ru

CORPORATE AGREEMENT AS AN INSTRUMENT OF PROTECTION AND ENFORCEMENT OF EXCLUSIVE RIGHTS TO WORKS

Annotation. The article deals with the problems associated with the need to expand the scope of corporate contracts, which, according to the author, along with solving the issues of organization of company management and disposal of shares or stakes in its authorized capital should also allow participants of business companies to determine the procedure for disposing of intangible assets, including exclusive rights to works and other results of intellectual activity. Such necessity arises, in particular, in the implementation of projects for the creation of audiovisual works (movies, TV series), the development of new programs and electronic services, as well as the implementation of other start-ups.

The author proposes measures to ensure the exercise of exclusive rights to works owned by business companies, including for the purposes of attracting investments necessary for such exercise, as well as to guarantee for the participants of the business company the possibility of effective control over the exercise of exclusive rights owned by such company.

Keywords: copyright, work, corporate agreement, rights holders, exclusive right.

распоряжением акциями или долями в его уставном капитале [2]. Между тем, зарубежный опыт свидетельствует о том, что с помощью корпоративных договоров и акционерных соглашений (Shareholders Agreements) может решаться гораздо более широкий круг задач [3].

Российская практика также показывает важность предоставления участникам обществ возможности урегулирования отношений по более широкому кругу вопросов [1]. В частности, участники хозяйственных обществ все чаще оказываются заинтересованными в возможности определения особого порядка распоряжения имуществом и нематериальными активами, в том числе, исключительными правами на произведения и иные

результаты интеллектуальной деятельности. Такая необходимость может быть проиллюстрирована наиболее очевидным образом на примере реализации проектов создания аудиовизуальных произведений (кинофильмов, телесериалов), при разработке независимыми разработчиками новых программ и электронных сервисов, а также – при реализации других стартапов.

Реализация таких проектов, как правило, включает несколько этапов, в том числе, начальный этап, в течение которого подготавливаются материалы для продвижения проекта и привлечения инвестиций, включая создание синопсисов кинофильмов, сценариев первых серий, создание моделей, разработку прототипов, подготовку презентационных материалов.

На следующем этапе происходит привлечение инвесторов или партнеров для реализации проекта, причем, решение указанных задач может, в свою очередь, распасться на несколько периодов, в рамках каждого из которых могут решаться задачи разного уровня, например, начала практической реализации проекта, выхода на рынок, расширения производства и сферы сбыта и т.д. Для реализации каждой из задач могут потребоваться различные объемы инвестиций и, соответственно, реализация различных вариантов их привлечения. Аналогичные задачи привлечения инвестиций будут решаться также в случае успешной реализации проекта на последующих этапах.

При этом уже на начальном этапе реализации проекта участникам требуется определить организационную структуру для его реализации, а также – обеспечить урегулирование отношений, связанных с дальнейшим привлечением инвестиций и распоряжением правами на создаваемые объекты интеллектуальной собственности. Недостаточная урегулированность данных вопросов может привести, в дальнейшем, к невозможности реализации проекта, а также - к утрате прав на создаваемые результаты интеллектуальной деятельности, которые должны составлять основу будущей капитализации компании.

На основе анализа зарубежного опыта и российской практики договорного регулирования корпоративных отношений может быть сделан вывод о необходимости признания неоднородного характера корпоративного договора и расширения сферы его действия, в том числе, признания возможности заключения смешанного корпоративного договора, опосредующего различные виды правоотношений, в которые вступают его участники. Корпоративный договор должен позволять его участникам согласовывать как вопросы, связанные с управлением хозяйственным обществом и распоряжением акциями или долями в уставном капитале, так и осуществлять эффективный контроль за распоряжением имуществом общества и его нематериальными активами, в том числе, исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности, принадлежащими обществу.

Для защиты таких ценных нематериальных активов и предоставления возможности участникам корпоративных правоотношений устанавливать особый порядок и условий их реализации необходимо признать, что, несмотря на присущий корпоративным договорам в качестве общего признака непубличный характер, отдельные положения корпоративного договора, в том числе, относящиеся к порядку и условиям распоряжения имуществом общества и его нематериальными активами, могут иметь публичный характер, если иное не будет установлено сторонами корпоративного договора.

Необходимо предоставить участникам общества право требовать включения в его устав положений о порядке распоряжения исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности, либо указания на то, что распоряжение такими правами регулируется корпоративным договором, заключенным между участниками.

Права на произведения и иные результаты интеллектуальной деятельности являются часто особо ценными активами компаний, особенно действующих в новых технологических сферах, являются основой их капитализации. В связи с этим, участники должны обладать возможностью контроля за реализацией таких прав.

Для решения данной задачи необходимо расширить понятие «крупная сделка» на случаи распоряжения исключительными правами, принадлежащими обществу. В значительной части случаев объективная оценка стоимости таких прав является затруднительной до реализации основанных на них проектов, например, постановки кинофильмов, выпуска новых программ, запуска электронных сервисов и т.д. Это позволяет недобросовестным лицам, в том числе, с согласия части владельцев или ввиду недобросовестности лиц, осуществляющих управление хозяйственными обществами, «выводить» такие права из общества.

Участники общества должны иметь возможность определить в уставе или корпоративном договоре порядок реализации таких прав, а также – возможность изменения установленного ими порядка для отдельных видов прав или случаев их использования.

Как нам представляется, по умолчанию, в качестве диспозитивного положения закона к числу крупных сделок, если уставом или корпоративным договором не предусмотрено иное, должны быть отнесены, во-первых, любые виды сделок, предусматривающие отчуждение или возможность отчуждения (перехода) принадлежащих хозяйственному обществу исключительных прав на произведения или иные объекты интеллектуальной собственности (интеллектуальных прав) вне зависимости от наличия и размера подлежащего выплате вознаграждения, а во-вторых, любые виды сделок, предусматривающие предоставление на срок, превышающий пять лет, исключительных или простых (неисключительных) лицензий на использование произведений или иных

объектов интеллектуальной собственности (интеллектуальных прав) вне зависимости от наличия и размера подлежащего выплате вознаграждения и иных условий использования.

Предлагаемые меры позволят обеспечить возможность реализации исключительных прав на произведения, принадлежащих хозяйственным

Литература:

1. *Иванова Е.А.* Особенности функционирования корпораций и корпоративное управление в современной экономике. М. : МЭСИ, 2012. 199 с.
2. *Кирсанов А.Н.* Особенности и результаты реформы российских корпоративных моделей // Адвокат. 2014. № 12. С. 31—34.
3. *Осипенко К.О.* Договор об осуществлении прав участников хозяйственных обществ в российском и английском праве. М. : Издательство «Infotropic Media», 2016. 176 с.

обществам, и привлечение необходимых для такой реализации инвестиций с одновременным решением задачи обеспечения эффективного контроля со стороны участников такого хозяйственного общества при реализации проектов в наиболее перспективных и привлекательных для инвестиций сферах экономической деятельности.

Literature:

1. *Ivanov E.A.* Peculiarities of corporate functioning and corporate governance in the modern economy. M. : MECI, 2012. 199 p.
2. *Kirsanov A.N.* Features and Results of Reform of Russian Corporate Models // Lawyer. 2014. № 12. P. 31—34.
3. *Osipenko K.O.* Agreement on Realization of Rights of Participants of Economic Companies in Russian and English Law. M. : Publishing House «Infotropic Media», 2016. 176 p.

Морозова Юлия Михайловна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории, истории
государства и права и философии,
Средне-Волжский институт (филиал)
Всероссийский государственный
университет юстиции
morozova20.05@mail.ru

Бибина Наталья Михайловна

кандидат исторических наук,
старший преподаватель
кафедры государственно-правовых
дисциплин,
Средне-Волжский институт (филиал),
Всероссийский государственный
университет юстиции
(РПА Минюста России) в г. Саранске
mouse.nata.84@mail.ru

Лазарева Оксана Владимировна

кандидат исторических наук,
доцент,
доцент кафедры теории, истории
государства и права и философии,
Средне-Волжский институт (филиал),
Всероссийский государственный
университет юстиции
(РПА Минюста России) в г. Саранске
lazarevamgu_@mail.ru

Julia M. Morozova

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor of Theory, History
States and Law and Philosophy,
Average and Volga Institute (branch)
the All-Russian State University of Justice
morozova20.05@mail.ru

Natalia M. Bibina

Candidate of Historical Sciences,
Senior teacher Departments of State
and Legal Disciplines
Average and Volga Institute (branch),
All-Russian State
University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia)
in Saransk
mouse.nata.84@mail.ru

Oksana V. Lazareva

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor Department of Theory,
History of State and Law and Philosophy,
Average and Volga Institute (branch),
All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia)
in Saransk
lazarevamgu_@mail.ru

**ОБРАЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
МОРДОВСКОГО НАРОДА**

Аннотация. Сложный путь прошел мордовский народ к своей национальной государственности. Если национальная государственность других народов Поволжья (татарского, чувашского, марийского, удмуртского) устанавливалась единовременным законодательным актом, то образование государственности мордовского народа требовало большой подготовительной и организационной работы. В статье рассматривается процесс образования государственности мордовского народа. Выделяются основные этапы строительства национальной государственности мордовского народа, от национальных волостей и административного округа к автономной национальной области, а от нее – к высшей форме автономии.

Ключевые слова: государственность, мордовский народ, автономия, административный округ, национальная область.

Сложный путь прошел мордовский народ к своей национальной государственности. Если национальная государственность других

**FORMATION OF STATEHOOD
OF THE MORDOVIAN PEOPLE**

Annotation. The Mordov people went the difficult way to their national statehood. If the national statehood of other peoples of the Volga region (Tatar, Chuvash, Mari, Udmurt) was established by a one-time legislative act, the formation of statehood of the Mordovian people required a large preparatory and organizational work. The article considers the process of formation of statehood of the Mordovian people. The main stages of development of national statehood of the Mordovian people, from national volosts and administrative district to Autonomous national area, and from it – to the highest form of autonomy are allocated.

Keywords: statehood, Mordovian people, autonomy, administrative district, national region.

народов Поволжья (татарского, чувашского, марийского, удмуртского) устанавливалась единовременным законодательным актом, то

образование государственности мордовского народа требовало большой подготовительной и организационной работы.

Во второй половине 1920-х годов в СССР была проведена работа по новому районированию страны. Ликвидирована существовавшая система административного деления на губернии, уезды и волости. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 14 мая 1928 года на базе четырех губерний: Самарской, Оренбургской, Ульяновской, Пензенской, была образована Средне-Волжская область с девятью округами (Самарским, Оренбургским, Ульяновским, Пензенским, Кузнецким, Бугурусланским, Бузулукским, Сызранским, Саранским). 16 июля 1928 года Саранский округ был переименован в Мордовский [1, л.122; 6, с. 54–55].

4-5 августа 1928 года проходил Первый Мордовский окружной съезд Советов, на котором был избран окружной Совет и созданы его отделы. Съезд наметил пути укрепления местных органов власти и программу экономического и культурного развития округа [10, л. 122].

В составе Мордовского округа были образованы 23 административных района: Ардатовский, Ачадовский, Атяшевский, Беднодемьяновский, Дубенский, Зубово-Полянский, Ельниковский, Инсарский, Краснослободский, Ковылкинский, Кочкуровский, Козловский, Наровчатский, Рыбкинский, Рузаевский, Ромодановский, Саранский, Старошайговский, Талызинский, Теньгушевский, Темниковский, Торбеевский, Чамзинский [10, л. 125].

Территория округа составляла 25266 кв. км с населением 1328445 человек, в том числе, сельского – 95,5 % и городского – 4,5 % [10, л. 126].

В основу административно-территориального переустройства Средней Волги был положен не национальный принцип, а требования хозяйственной целостности обособленных территорий, наличие в них экономических и административных центров и тяготение населения к этим центрам.

Именно этими требованиями руководствовались и при создании Саранского округа. Его территория сложилась не в результате искусственного увеличения доли мордовского населения, а с учетом естественно-географических условий и предпосылок успешного экономического и социально-культурного развития округа. В общем составе населения округа удельный вес мордовского населения составлял 32,2 %. Около 60 % мордовского населения Средне-Волжской области находилось в других округах.

Переименование Саранского округа в Мордовский было ответом на письмо бюро ЦК ВКП(б) Средне-Волжской области от 29 июня 1928 года в ЦУ ВКП(б) и постановление Организационного Комитета Средне-Волжской области. Был представлен проект Мордовского национального округа. Но в нем снова была предложена территория с искусственным накоплением 51 % мордовского населения без учета естественно-

географических и экономических условий, сложившихся экономических и культурных связей населения, без учета интересов соседних административных единиц [5, л. 64].

Президиум ВЦИК отклонил проект и не утвердил постановление Оргкомитета Средне-Волжской области об образовании Мордовского национального округа в пределах Средне-Волжской области, лишь переименовав 16 июля 1928 года Саранский округ в Мордовский.

В постановлении Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета «О составе округов, районов и их центрах Средне-Волжской области» говорится, что «в развитие постановления Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров РСФСР от 14 мая 1928 года об образовании Средне-Волжской области, Президиум ВЦИК постановляет:

Утвердить разделение области на нижеследующие девять округов: 1. Мордовский округ – центр г. Саранск; 2. Самарский округ – центр г. Самара; 3. Бугурусланский округ – центр г. Бугуруслан; 4. Бузулукский округ – центр г. Бузулук; 5. Пензенский округ – центр г. Пенза; 6. Сызранский округ – центр г. Сызрань; 7. Ульяновский округ – центр г. Ульяновск; 8. Оренбургский округ – центр г. Оренбург; 9. Кузнецкий округ – центр г. Кузнецк [10, л. 407].

В этом постановлении нет никаких указаний о том, что с изменением названия (вместо Саранский – Мордовский) изменяется и статус округа, что он становится национальным. Однако образование Мордовского округа стало важным фактором, ускорившим процесс формирования национальной автономии мордвы. Округ почти полностью стал той территорией, на которой была создана Мордовская автономная область.

Мордовский округ сделал значительный шаг в подготовке условий для образования национальной автономии мордвы.

31 августа 1929 года бюро Мордовского окружкома ВКП(б) приняло постановление об образовании Мордовской автономной области и вошло с ходатайством об этом в бюро Средне-Волжского обкома ВКП(б) [12, с. 516].

2 сентября 1929 года бюро Средне-Волжского областного комитета ВКП(б), обсудив постановление бюро Мордовского окружкома, сочло целесообразным «... организацию автономной Мордовской области и, в свою очередь, обратилось в ЦК ВКП(б) с просьбой ускорить решение этого вопроса» [12, с. 517].

17 сентября 1929 года заведующий агитационно-пропагандистским отделом ЦК ВКП(б) А.И. Крилицкий и заведующий отделом национальностей ВЦИК С. Диманштейн направили докладную записку, в которой обосновали необходимость реорганизации Мордовского округа в автономную область [5, л. 78]. Эти предложения были внимательно рассмотрены 30 сентября на заседании

Оргбюро и 5 октября – на заседании Политбюро. И Оргбюро, и Политбюро ЦК ВКП(б) нашли целесообразным преобразовать Мордовский округ в Мордовскую автономную область [5, л. 69].

6 октября 1929 года ВЦИК переименовало Средне-Волжскую область в Средне-Волжский край.

Административная комиссия и отдел национальностей ВЦИК совместно с представителями Средне-Волжского крайсовета за период с октября по декабрь 1929 года изучили все возможные варианты образования Мордовской автономной области, уточнили ее внешние границы и внутреннее административное деление и свои предложения внесли на рассмотрение Президиума ВЦИК.

10 января 1930 года Президиум ВЦИК постановил: «Преобразовать Мордовский округ Средне-Волжского края в Мордовскую автономную область с центром в г.Саранске» [2, л. 2].

Мордовская автономная область была образована на базе бывшего Мордовского округа, но в целях повышения процента мордовского населения были произведены некоторые изменения. Часть селений Мордовского округа была включена в состав Нижегородского края и Пензенского округа. И наоборот, в Мордовскую область были переданы несколько населенных пунктов из Чувашской АССР и Арзамасского округа. В результате этих частичных изменений территория Мордовской автономной области по сравнению с округом сократилась более чем на 330 кв.км, а население – почти на 24250 человек [7, с. 30].

В область входили пять городов: Саранск с населением 20571 человек, Рузаевка – 7582, Краснослободск – 7148, Ардатов – 6078, Темников – 6652 человека. Сельских Советов имелось 644, в том числе мордовских – 231, русских – 375, татарских – 8, населенных пунктов 1908. Районов было создано 20 [7, с. 31].

4 февраля 1930 года в Саранске открылся областной учредительный съезд Советов. Съезд избрал областной исполнительный комитет [2, л. 22].

Литература:

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р1235: Всероссийский центральный исполнительный комитет советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ВЦИК). Оп. 45. Д. 34.
2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р1235: Всероссийский центральный исполнительный комитет советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ВЦИК). Оп. 3. Д. 111.
3. Красная Мордовия. 1934. 2 декабря.
4. Красная Мордовия. 1934. 23 декабря.

За четыре года (1930–1934) трудящиеся Мордовской автономии добились неплохих успехов во всех отраслях экономического и социально-культурного развития. В колхозы было объединено около 70 % крестьянских хозяйств, организовано 27 МТС, 45 совхозов, грамотность взрослого населения составила 90 %, проведено всеобщее начальное обучение, имелось 15 техникумов, 2 вуза и научно-исследовательский институт мордовской культуры, развивалось национальное издательство и литература [3, с. 1].

Успехи в развитии промышленности и сельского хозяйства в осуществлении культурной революции, в подготовке квалифицированных кадров для всех отраслей народного хозяйства создали условия для перехода к новому этапу национального государственного строительства мордовского народа.

20 декабря 1934 года Политбюро ЦК ВКП(б), рассмотрев ходатайство Мордовского обкома и Средне-Волжского крайкома ВКП(б), приняло постановление: «провести немедленно через ВЦИК преобразование Мордовской области в автономную Мордовскую республику» [4, с. 1]. В этот же день Президиум ВЦИК СССР постановил: «... Мордовскую автономную область преобразовать в существующих границах в Мордовскую Автономную Советскую социалистическую Республику» [8, ст. 1].

22-23 декабря 1934 года в городе Саранске проходил Первый съезд Советов Мордовской АССР, на котором был избран ЦИК МАССР в составе 111 членов и 26 кандидатов [9, с. 41–47].

28 декабря 1934 года на первой сессии ЦИК МАССР были созданы Президиум Центрального Исполнительного Комитета МАССР и Правительство республики – Совет Народных Комиссаров [11, л. 181, 298].

Таким образом, от национальных волостей и административного округа к автономной национальной области, а от нее – к высшей форме автономии, государственно-политической в виде АССР – таковы основные этапы развития национальной государственности мордовского народа.

Literature:

1. State archive of the Russian Federation. F. R1235: all-Russian Central Executive Committee of Soviets of workers', peasants ' and red army deputies (VTSIK). Op. 45. D. 34.
2. State archive of the Russian Federation. F. R1235: all-Russian Central Executive Committee of Soviets of workers', peasants ' and red army deputies (VTSIK). Op. 3. D. 111.
3. Red Mordovia. 1934. December 2.
4. Red Mordovia. 1934. December 23.

5. Российский государственный архив социально-политической истории: Центральный Комитет КПСС (ЦК КПСС) (1898,1903–1991). Ф. 17. Оп. 2. Д. 484.
6. Средне-Волжский край (экономический и социально-культурный обзор). М., Самара : СВК отделение, 1930. 530 с.
7. *Попов Ф.* Средняя Волга. Социально-экономический справочник. М.; Самара : СКГ, 1932. 174 с.
8. Собрание Узаконений РСФСР. 1935. № 1.
9. Образование Мордовской АССР: Документы и материалы. Саранск : Красный октябрь, 1981. 345 с.
10. Центральный Государственный Архив Республики Мордовия Ф. Р-149: Мордовский окружной исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Мордовского округа Средневожской области. Оп. 1. Д. 89.
11. Центральный Государственный Архив Республики Мордовия. Ф. Р-175: Центральный исполнительный комитет Совета депутатов трудящихся МАССР. Оп. 1. Д. 9.
12. *Юрченков В.А.* Начертание мордовской истории : монография. Саранск : НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия, 2012. 612 с.
5. Russian state archive of socio-political history: Central Committee of the CPSU (CPSU Central Committee) (1898,1903–1991). F. 17. Op. 2. D. 484.
6. Middle Volga region (economic and socio-cultural review). M.; Samara : SVK branch, 1930. 530 p.
7. *Popov F.* Mid-volga. Socio-economic directory. M., Samara: SKG, 1932. 174 p.
8. Collection of Laws of the RSFSR. 1935. № 1.
9. Formation of the Mordovian ASSR: Documents and materials. Saransk : Krasny Oktyabr, 1981. 345 p.
10. Central State Archive of the Republic of Mordovia F. R-149: Mordovia district Executive Committee of the Council of workers, peasants and red army deputies of the Mordovia district of the middle Volga region. Op. 1. D. 89.
11. Central State Archive Of The Republic Of Mordovia. F. R-175: Central Executive Committee of the Council of workers ' deputies MASSR. Op. 1. D. 9.
12. *Yurchenkov V.A.* The Outline of Mordovian history: a monograph. Saransk : Institute for the Humanities. of Sciences under the Government of the Republic of Mordovia, 2012. 612 p.

Петрикина Анна Александровна

кандидат юридической наук,
доцент кафедры
уголовно-процессуального права,
Северо-Кавказский филиал
Российского государственного
университета правосудия
petrikinaaa.upp@mail.ru

**НЕОБОСНОВАННОЕ
УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ
ПРИ НАЛИЧИИ СПОРОВ,
ПОДЛЕЖАЩИХ РАССМОТРЕНИЮ В
ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОМ ПОРЯДКЕ**

Аннотация. В статье исследуется содержание и особенности уголовного преследования в отношении предпринимателей, анализируются специфические особенности основания для принятия итогового процессуального решения для возбуждения уголовного дела. На первоначальном этапе расследования часто возникают трудности при отграничении гражданских и уголовных правоотношений. Автором внесены предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства в этой части.

Ключевые слова: уголовное преследование, обвиняемый, следователь, досудебные стадии, преступления в сфере экономики.

В течение 2019 года в адрес Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей поступило 2230 обращений (на 2,9 % больше, чем годом ранее). 44 % обращений касаются незаконного уголовного преследования бизнеса. Год назад этот показатель составлял 30,5 %. Уполномоченные в субъектах РФ в 2019 году приняли 12230 обращений (на 24 % больше, чем в предыдущем периоде), из них 9,65 % – уголовной направленности [1]. По данным Генеральной прокуратуры РФ, в 2019 году отменено 130 незаконных постановлений о возбуждении уголовных дел в отношении предпринимателей [2]. Осуществляя прокурорский надзор за следствием, данный правоохранительный орган констатировал проблему силового давления на бизнес. Предпринимались и попытки ее решения: вносились предложения о введении уголовной ответственности для должностных лиц, оказывающих такое влияние на бизнес, организовывались личные встречи предпринимателей с Ю. Чайкой в отдельных регионах нашей страны, намечены на 2020 год выездные комплексные проверки по этому поводу совместно с

Anna A. Petrikina

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
of Criminal Procedure Law,
North Caucasus branch of the Russian
State University of Justice
petrikinaaa.upp@mail.ru

**UNJUSTIFIED CRIMINAL
PROSECUTION OF ENTREPRENEURS
IN THE PRESENCE OF DISPUTES THAT
ARE SUBJECT TO CONSIDERATION
IN CIVIL LAW**

Annotation. The article examines the content and features of criminal prosecution against entrepreneurs, analyzes the specific features of the basis for making the final procedural decision to initiate a criminal case. At the initial stage of the investigation, it is often difficult to distinguish between civil and criminal legal relations. The author made suggestions for improving the criminal procedure legislation in this part.

Keywords: criminal prosecution, the accused, the investigator, the pre-trial stage, crimes in the economic sphere.

другими ведомствами. Однако разрешить возникшую ситуацию до сих пор не удастся. Поэтому в актуальности избранной темы сомневаться не приходится.

В свете научных трудов по схожей тематике за последние годы, например, Стешенко Ю.С. [3], Гришина А.И. [4], Шмонина А.В. [5] и других, подробного доктринального освещения исследуемая проблема также не получила.

Уголовно – процессуальный кодекс (далее, по тексту – УПК РФ) определяет уголовное преследование как «процессуальную деятельность, осуществляемую стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления» [6] (п. 55, ст. 5).

Интересной представляется дифференциация видов исследуемой правоохранительной деятельности, направленной на изобличение лиц, совершивших преступления в сфере экономики в зависимости от статуса потерпевшего. Анализируя ч. 3, ст. 20 УПК РФ, можно сделать вывод о том, что законодатель предлагает:

– к частно-публичному обвинению отнести те экономические преступления, которые нанесли вред гражданам и организациям;

– к публичному, если они причинили ущерб интересам государственного или муниципального унитарного предприятия, государственной корпорации, государственной компании, коммерческой организации с участием в уставном (складочном) капитале (паевом фонде) государства или муниципального образования либо если предметом преступления явилось государственное или муниципальное имущество.

Подобный подход к определению порядка уголовного преследования вряд ли можно назвать гибким, поскольку вред, нанесенный потерпевшим из второй указанной выше группы, относящийся к публично-правовому порядку преследования, также может быть незначительным. Процессуальная экономия сил и средств, в данном случае, работать тоже не будет. Подобная правовая регламентация усиливает также обвинительный уклон досудебных стадий уголовного процесса для рассматриваемой категории уголовных дел.

Отдельного внимания заслуживает рассмотрение повышения уровня профессиональной подготовки должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование по делам об экономических преступлениях. Важно уделять особое внимание порядку принятия заявления в правоохранительные органы с сообщением в нем о преступлении, качеству предварительной проверки, обоснованности вынесения постановления о возбуждении уголовного дела. Решающее значение будут иметь документы о ведении хозяйственной деятельности предпринимателями.

Как отмечает В.М. Юрин, «работа с документами предполагает предварительное ознакомление со структурой и характером деятельности предприятия (учреждения), где имело место преступление; ознакомление с документооборотом и системой учета имущества (как бухгалтерского, так и оперативного); выявление смежных организаций, связанных со снабжением данного предприятия и сбытом его продукции; изучение нормативных актов, регламентирующих соответствующую сферу деятельности, а также изучение приказов и распоряжений, на основе которых составляются многие другие документы» [7].

Так, 31.10.2019 г. по приговору Курганского городского суда директор аэропорта и его коллега были признаны виновными в незаконных рубках 34 кленов, 13 карагачей и 1 березы, не отнесённых к лесным насаждениям, совершенных с использованием служебного положения, в особо крупном размере, группой лиц по предварительному сговору. Каждому было назначено наказание в виде штрафа в размере 1150000 руб.

Проверив приговор в апелляционном порядке по жалобам осуждённых и их защитников, судебная коллегия по уголовным делам Курганского областного суда отменила приговор первой инстанции. Производство по уголовному делу прекращено в связи с отсутствием в их деянии состава преступления [8].

В результате выяснилось, что речь шла о спорных гражданско-правовых отношениях, связанных с арендой и последующим использованием земельного участка, где располагалась взлетно-посадочная полоса, рулежные дорожки, перрон, ограждения аэродрома и грунтовое летное поле.

В докладе за 2019 г. Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей также приводится ряд случаев, когда возбуждение уголовных дел осуществлялось по фактам гражданско-правовых споров:

– 14.03.2018 возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 7 ст. 159 УК РФ, в отношении неустановленных лиц из числа сотрудников ООО «Строймонтаж», а 14.12.2018 вынесено постановление о прекращении уголовного дела за отсутствием события преступления;

– возбуждено уголовное дело в отношении неустановленных лиц из числа сотрудников и руководителей ООО «Раст-Инвест» и ЗАО «НДК» по обвинению в заключении договора на проектирование, строительство и ввод в эксплуатацию трех жилых домов и детского сада [9].

Надо отметить, что попытку защитить предпринимателей от необоснованного уголовного преследования предпринимал и Верховный Суд РФ [10], отмечая при этом, что «успешное достижение стоящих перед бизнес-сообществом целей во многом зависит от наличия действенных организационно-правовых механизмов, позволяющих исключить возможность использования уголовного преследования в качестве средства для давления на предпринимательские структуры и решения споров хозяйствующих субъектов, оградить от необоснованного привлечения к уголовной ответственности предпринимателей за неисполнение ими договорных обязательств в тех случаях, когда оно обусловлено обычными предпринимательскими рисками».

Уголовное преследование по данной категории дел требует высококвалифицированного подхода, с учетом специфики осуществления хозяйственной деятельности в Российской Федерации и за ее пределами, ее отраслей и последних научных достижений. Это означает, что уровень образования должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование по данной категории дел должен постоянно совершенствоваться за счет прохождения курсов дополнительного образования, не только с привлечением ученых в области экономики, менеджмента, но и практических работников, включая судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов в рамках совместных встреч, круглых столов.

Подводя итоги, стоит отметить необходимость внесения в УПК РФ ст. 28.2 следующего содержания:

УПК РФ Статья 28.2. Прекращение уголовного преследования в связи с отнесением содеянного к гражданско-правовому спору.

Суд, а также следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора прекращает уголовное преследование в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений в сфере экономики, перечень которых определен п. 3 ст. 28.1 УПК РФ, при наличии оснований,

Литература:

1. Официальные статистические данные аппарата Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей. URL : <http://ombudsmanbiz.ru/2020/02/dolja-obrashhenij-po-ugolovnoj-tematike-k-borisu-titovu-za-god-vyrosla-v-poltora-raza/#1> (дата обращения 06.02.2020).
2. Данные статистики Генеральной прокуратуры РФ. URL : https://genproc.gov.ru/smi/interview_and_appearances/interview/1763056/ (дата обращения 06.02.2020).
3. *Стешенко Ю.С.* Проблемы расследования отдельных видов преступлений в сфере предпринимательской деятельности : автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. юрид. наук. Волгоград, 2011.
4. *Гришин А.И.* Процессуальные аспекты возбуждения уголовных дел по преступлениям в сфере экономики // Научно-практический журнал. Информационная безопасность регионов. 2016. № 2. С. 37–40.
5. *Шмонин А.В.* Организация рассмотрения органами предварительного следствия в системе МВД России сообщений о преступлениях экономической направленности // Органы предварительного следствия в системе МВД России: история, современность, перспективы (к 150-летию со дня образования следственного аппарата в системе МВД России) : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. М., 2013. Ч. 1. С. 110.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.12.2019, с изм. от 30.01.2020) // Российская газета. № 249. 22.12.2001.
7. *Юрин В.М.* Работа с документами как одно из важных направлений в расследовании преступлений в сфере экономики // Правовая культура. 2013. № 1(14). С. 148.
8. Практика Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей. URL : <http://ombudsmanbiz.ru/2020/01/direktora-kurganskogo-ajeroporta-opravdali-za-spilennye-derevja/#1>. (дата обращения 07.02.2020).
9. Доклад за 2019 г. Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей. URL : <http://doklad.ombudsmanbiz.ru/2019/4.pdf> (дата обращения 09.02.2020).

предусмотренных статьями 24 и 27 настоящего Кодекса в случае установления обстоятельств, из которых следует, что уголовное дело было возбуждено по факту неисполнения или ненадлежащего исполнения гражданско-правовых сделок между хозяйствующими субъектами и не признанных судом недействительными.

Literature:

1. Official statistics of the office of the Commissioner for the protection of entrepreneurs rights under the President of the Russian Federation. URL : <http://ombudsmanbiz.ru/2020/02/dolja-obrashhenij-po-ugolovnoj-tematike-k-borisu-titovu-za-god-vyrosla-v-poltora-raza/#1> (accessed 06.02.2020).
2. Statistics of the Prosecutor General's office of the Russian Federation. URL : https://genproc.gov.ru/smi/interview_and_appearances/interview/1763056/ (accessed 06.02.2020).
3. *Steshenko Y.S.* Problems of investigating certain types of crimes in the sphere of entrepreneurial activity : abstract of the dis. ... for the degree of candidate of legal sciences. Volgograd, 2011.
4. *Grishin A.I.* Procedural aspects of initiation of criminal cases on crimes in the sphere of economy // Scientific and practical journal. Information security of regions. 2016. № 2. P. 37–40.
5. *Shmonin A.B.* consideration by the preliminary investigation bodies in system of the Ministry of internal Affairs of Russia reports about economic crimes // the Bodies of preliminary investigation in system of the Ministry of internal Affairs of Russia: history, modernity, prospects (to the 150th anniversary since the formation of the investigative unit in the Ministry of internal Affairs of Russia): materials vseros. science. prakt. Conf. M., 2013. Part 1. P. 110.
6. Criminal procedure code of the Russian Federation of 18.12.2001 № 174-FZ (ed. of 27.12.2019, with ed. from 30.01.2020) // Russian newspaper. № 249. 22.12.2001.
7. *Yurin V.M.* Work with documents as one of the important directions in the investigation of crimes in the sphere of economy // Legal culture. 2013. № 1 (14). P. 148.
8. Practice of the Commissioner for the protection of entrepreneurs ' rights under the President of the Russian Federation. URL : <http://ombudsmanbiz.ru/2020/01/direktora-kurganskogo-ajeroporta-opravdali-za-spilennye-derevja/#1> (accessed 07.02.2020).
9. Report for 2019 of the Commissioner for the protection of entrepreneurs rights under the President of the Russian Federation. Electronic source. URL : <http://doklad.ombudsmanbiz.ru/2019/4.pdf>. (accessed 09.02.2020).

10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности // «Российская газета». № 266. 24.11.2016.

10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 15.11.2016 № 48 «On the practice of applying legislation by courts regulating the features of criminal liability for crimes in the sphere of business and other economic activities // Rossiyskaya Gazeta. № 266. 24.11.2016.

Савин Андрей Александрович
старший преподаватель кафедры
публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
Aasavin33@mail.ru

Баринов Андрей Викторович
кандидат юридических наук,
доцент,
заведующий кафедрой
гражданско-правовых дисциплин,
Владимирский филиал Российской
академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации
barinov-vlad@inbox.ru

СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ДОБРОВОЛЬНОГО ОТКАЗА ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ЕГО ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ И ХАРАКТЕРИСТИКА

Аннотация. Проблема признания виновности при самоличном уклонении и пренебрежении первоначальным умыслом при недоведении преступления до конца существовала на протяжении всей истории. Необходимость изучения данного вопроса обусловлена незнанием большинства о возможном исключении уголовной ответственности даже при начале осуществления запрещённого действия или бездействия. Гражданин обязан знать не только о запретах и дозволениях, но и об исключениях, возложенных на него обществом и государством. Авторы пытаются все это раскрыть в статье, одновременно определяя наличие границы начала совершения преступления.

Ключевые слова: преступление, ответственность, добровольный отказ, наличие состава преступного деяния.

Первые источники российского законодательства не содержали в себе норму о добровольном отказе в совершении преступления, и вплоть до начала 18 века этот вопрос не был урегулирован. Реформатором уголовного права того времени был император Российской империи — Пётр I, который вводил новые, не затронутые прежде стороны общественных отношений. Большинство задумок он так и не успел реализовать, однако введённые при его жизни правовые источники стали отличным подспорьем для развития всего публично-правового института. Воинский артикул 1715 года стал первопроходцем добровольного отказа от последующего преступления.

Andrey A. Savin
Senior teacher of Department
Public Disciplines,
Vladimir Legal Institute
Federal Prison Service
Aasavin33@mail.ru

Andrey V. Barinov
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department of Civil Law,
Vladimir branch of the Russian Academy
of National Economy and Public Service
under the President
of the Russian Federation
barinov-vlad@inbox.ru

FORMATION OF THE INSTITUTION OF VOLUNTARY RENUNCIATION OF CRIME: ITS CONCEPT, FEATURES AND CHARACTERISTICS

Annotation. The problem of pleading guilty to self-avoidance and neglecting the original intent when not committing a crime to the end has existed throughout history. The need to study this issue is due to the majority's ignorance of the possible exclusion of criminal liability even when the prohibited action or omission is initiated. The citizen is obliged to know not only about the prohibitions and permits, but also about the exceptions imposed on him by society and the state. The authors try to reveal all this in the article, at the same time determining the presence of the border of the beginning of the crime.

Keywords: crime, responsibility, voluntary refusal, the presence of the criminal act.

В нём были зафиксированы некоторые положения, которые не имели правовых последствий при возможном совершении преступления. К примеру, наиболее популярным видом разбирательства являлись дуэли, которые предполагали сатисфакцию посредством умерщвления обидчика. Мужчины, сошедшиеся в дуэли, имели право отказаться от её завершения, тем самым нивелировав непоправимый исход. После осуществления этого поступка никакому преследованию они не подвергались [1].

«Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 года, являлось новеллой своего

времени и наиболее полным кодифицированным документом уголовного права. Лицо не подвергалось наказанию за приготовление и покушение, если его деяния не содержали иного состава преступления. В литературе того времени оно понималось как оставленное по каким-то определённым обстоятельствам покушение, совершённое по воле человека. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 года разграничил завершающий момент отказа – оконченное покушение, после которого уже невозможно совершить добровольный отказ [2]. Уголовное уложение 1903 года переняло особенности предшествующих источников и добавило в себя возможность отказа от преступления, совершённого в соучастии: лицо должно было отказаться от самого соучастия и предпринять все меры для предотвращения, только тогда оно освобождалось от уголовной ответственности. Дальнейшее развитие было уже в послереволюционное время.

Использование ранее действующих уголовно-правовых норм после 1917 года стало невозможным, согласно Декрету «О суде», принятым и утверждённым СНК, подлежали применению лишь те нормы, которые не противоречили революционному мировоззрению и правосознанию. Институт отрешения от преступления вообще не нашёл места в «Руководящих началах по уголовному законодательству РСФСР» 1919 года, свою вторую жизнь она обрела в Уголовном кодексе РСФСР 1922 года в 14 статье: «покушение же, не доведенное до конца по собственному побуждению покушавшегося, карается как то преступление, которое фактически им совершено». То есть оценивались и вменялись именно реально совершённые действия, а не окончательный результат.

Основные начала уголовного законодательства СССР, получившие юридическую силу 31 октября 1924 года, вновь исключили упомянутый институт, потому что причины отказа от преступления перестали иметь ценность и криминализировались как неоконченное преступление или покушение. В Уголовном кодексе РСФСР 1926 года он вновь реанимируется, а по форме и содержанию в малой степени отличается от своего предка 1922 года. В 1958 году институт добровольного отказа наряду с неоконченным преступлением был перенесён из раздела «о наказаниях» в раздел «преступление», формулировка также отсутствовала, а УК РСФСР 1960 года стал носителем этой нормы.

В статье 18 «Основ уголовного законодательства СССР» данный институт уже имел более детальную проработку, но так и не был введён по причине распада государства. Положения этого правового источника в полной мере с небольшими дополнениями вобрал в себя ныне действующий УК 1996 года.

Становление института добровольного отказа от совершения преступления на территории Российского государства имеет трёхвековую историю развития, множество правителей пыталось унифицировать нормы уголовного права: Пётр I, Николай I, Александр II, Николай II, В.И. Ленин, И.В. Сталин, Н.С. Хрущёв, М.С. Горбачёв,

Б.Н. Ельцин. Каждый из них пробовал ввести новые идеи, но из-за различия временных промежутков иногда возникали коллизии, потому на современном этапе мы имеем именно этот вид статьи добровольного прекращения преступления при возможности доведения его до конца.

Действующий уголовный кодекс был принят 13.06.1996 года и по сей день дополняется, стараясь соответствовать современным реалиям. При всём этом, важнейшим его компонентом являются не только виды преступлений, а также и способы исправления преступника, ограничения и послабления при назначении ответственности. Завершение на добровольных началах преступного акта по желанию лица, посягающего на охраняемые законом общественные отношения, при котором ничего запрещённого не произошло, закреплено в 31 статье УК.

Добровольный отказ от преступления содержится в главе «Неоконченные преступления» и подразумевает отсутствие состава преступного деяния. Современным участникам публично-правового механизма сильно повезло: законодатель нашёл разумным дать определение этому понятию. Добровольный отказ от преступления – это прекращение лицом приготовления к преступлению либо прекращение действий (бездействия), непосредственно направленных на совершение преступления, если лицо осознавало возможность доведения преступления до конца [3]. Далее указывается на то, что оно обязательно должно быть сделано из благих побуждений и безвозвратно – временное отхождение от задуманного недопустимо. К тому же, оговорена допустимость назначения уголовного наказания, но в том случае, если помимо «отрешённого» деяния содержится иной состав преступления.

Добровольный отказ соучастников несёт в себе аналогичную суть, но с некоторыми особенностями. Исполнитель преступления, совершая действия, не охваченные умыслом других участников, по предотвращению плана, установленного сговором с остальными участниками, не подлежит ответственности, в то время как остальные участники подлежат. Организатор и подстрекатель также освобождаются от ответственности, если своевременно сообщат о деянии до того, как исполнитель доведёт задуманное до конца. Пособник во избежание правовых последствий обязан сделать всё от него зависящее для устранения угрозы обществу. В случае, когда совершение преступления не удаётся остановить, хотя были предприняты все возможные действия, тогда вышеупомянутая активность становится обстоятельством, смягчающим наказание.

Учитывая всё указанное, можно прийти к следующим выводам:

– независимость от внешних факторов: лицо по собственному желанию, без чьего-либо побуждения, просьбы, распоряжения, приказа прекращает исполнение или помощь в совершении преступления, руководствуясь исключительно глубинным состоянием или чувством совести. Какое-либо влияние извне не допускает применение данной нормы;

– устойчивая внутренняя определённая при пресечении: на дальнейшем претворении в жизнь безотлагательно и бесповоротно поставлена точка. Лицо в будущем, ни при каких обстоятельствах не рискнёт начать незавершённое, не будет сожалеть об этом и сетовать на свою нерешимость, иначе это будет расценено как длежащее преступление, что повлечёт пагубное воздействие на судьбу преступника;

– вероятность успешного завершения запланированного: никто и ничто не препятствовали в предполагаемом окончании преступления, однако, лицо пренебрегло позитивным для него исходом и прекратило противоправные действия или бездействия, что позволило предотвратить негативные последствия для других лиц, общества в целом. Он искупил свою вину тем, что сделал всё возможное для ликвидации проблем, хотя и сам мог стать их источником.

В наши дни правоведы озадачены присутствием антикриминальной нормы в разделе преступлений. Сам факт носит неординарный характер и не совсем понятно, что стоит в приоритете: совершение преступления или освобождение от наказания? Ведь учитывая все факты криминогенного происхождения, лицо обязано привлекаться за самую возможность наступления общественно опасных последствий, а из-за их отсутствия оно, как раз, и освобождается от какого-либо преследования, такой вот смысловой парадокс. Пожалуй, возникли бы проблемы при юридической квалификации преступления из-за перемены мотивов и поведения совершаемого, раз при наличии всех необходимых факторов имело место самостоятельное отторжение доведения дела до логического конца. Состав, сам по себе, имеется, но привлекать-то не за что. Необходимо понять, что это, пусть и не оконченное, преступление имело место быть в той форме, которое подразумевалось замыслом законодателя. А если за каждое

Литература:

1. *Боровиков В.Б.* Уголовное право. Общая часть : учебник / В.Б. Боровиков, А.А. Смердов. М. : Юрайт, 2015. С. 112–113
2. *Игнатов А.Н.* Курс российского уголовного права. Общая часть / А.Н. Игнатов, Ю.А. Красников. М. : Инфра-М, Норма, 2017. Т. 1. С. 317–318
3. Уголовный Кодекс Российской Федерации (федер. закон : от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ : в ред. от 23.04.2019 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. Ч. 1 Ст. 31
4. *Капинус О.С.* Современное уголовное право в России и за рубежом. Некоторые проблемы ответственности. М. : Буквевед, 2017. С. 178–179.

совершённое не в полной величине преступление не следует наказания, то имеют ли место дискуссии о необратимости ответственности?

Сама норма носит императивный характер, как и все в уголовном праве. Только лицо, совершившее отказ, всё равно привлекают в статусе обвиняемого, а затем уже разъясняется его невиновность. Получается, что он подлежит уголовной ответственности, только к нему не применяются наказания и иные меры уголовно-правового характера. В такой ли форме задумывалось это изначально – ответят лишь законодательные органы, но налицо нерешённое противоречие, которое ещё долго останется без ответа.

Добровольный отказ актуален в использовании ограниченного временного промежутка: во время приготовления к преступлению или покушению на него. Причём, при приготовлении и неоконченном покушении может быть материализован как активным, так и пассивным действием, а при оконченом покушении – только активным. Основная задача – не допустить того момента, при котором уже изменить что-то становится невозможным [4].

В силу имеющихся неточностей в материальной норме, сама процессуальная составляющая на практике применяется не по задуманной концепции. В результате появляется способ привлечь к ответственности не привлекаемого в качестве обвиняемого, а по ряду составов, упомянутых в Пленумах Верховного суда, ещё и вменить вину, которой по объективным причинам нет и быть не может. Учёные и правовые эксперты также не пришли к единому мнению, одни утверждают, что эта норма исключает вину, вторые – ответственность, а третьи – признаки преступления. Правовая природа тут действительно неоднозначна, но не стоит издателем правовых норм вечно пренебрегать данным вопросом, когда-то это придётся урегулировать, пока еще есть время.

Literature:

1. *Borovikov V.B.* Criminal law. General part : textbook / V.B. Borovikov, A.A. Smerdov. M. : Jurayt, 2015. P. 112–113
2. *Ignatov A.N.* Course of Russian Criminal Law. Vol. 1. General part / A.N. Ignatov, Yu.A. Krasnikov. M. : Infra-M, Norma, 2017. P. 317–318.
3. Criminal Code of the Russian Federation (Feder. Law: dated 13.06.1996 № 63-ФЗ: ed. dated 23.04.2019) // Collection of legislation of the Russian Federation. 1996 Part 1. St. 31.
4. *Kapinus O.S.* Modern criminal law in Russia and abroad. Some problems of responsibility. M. : Riboved, 2017. P. 178–179.

Улезько Геляна Сергеевна
соискатель-экстерн кафедры
уголовного права и криминологии,
Чеченский государственный университет
bela_007@bk.ru

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ФИКТИВНЫХ И ПРЕДНАМЕРЕННЫХ БАНКРОТСТВ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы низкой эффективности борьбы с фиктивным и преднамеренным банкротством. Обозначаются некоторые из них: момент начала уголовного преследования, момент причинения ущерба, разграничение со смежными преступлениями. Автором сделаны выводы о том, что преодоление этих проблем позволит повысить эффективность уголовно-правовой политики в сфере борьбы с преднамеренными и фиктивными банкротствами.

Ключевые слова: преступление, уголовное преследование, банкротство, фиктивное банкротство, преднамеренное банкротство, ущерб.

Совершение виновными лицами преднамеренных и фиктивных банкротств представляют угрозу для экономической безопасности страны [1, с. 92]. Преступления, предусмотренные ст. 196, 197 УК РФ, приводят к возрастанию предпринимательских рисков, ухудшению инвестиционного климата, порождают проблему занятости, формированию негативного имиджа страны. Причиняется материальный ущерб государству, преимущественно в виде не поступления в бюджет налоговых и иных обязательных платежей [2, с. 6]. К примеру, при преднамеренном банкротстве лицо совершает деяния, в частности, выводит активы по заведомо заниженной цене, которые приводят к занижению налоговой базы по налогу на добавленную стоимость, налогу на имущество организаций и другим налогам, в результате происходит недополучение государством налоговых платежей [3].

Крупный ущерб также причиняется кредиторам. В результате банкротств ликвидируются предприятия, что приводит к прерыванию производственной цепочки, функционирующей в какой-либо отрасли хозяйства. Общественная опасность банкротных преступлений определяется, прежде всего, подрывом общественного доверия к кредитной системе [4, с. 12].

Статистика свидетельствует о том, что кредиторам, в том числе, и государству в 2017–2019 годах вернулось примерно 4–7 % задолженности [5]. Именно поэтому законодатель отнес

Gelyana S. Ulezko
Applicant Ex-sloe of Department
Criminal Law and Criminology,
Chechen State University
bela_007@bk.ru

SOME PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE OF FICTITIOUS AND DELIBERATE BANKRUPTCIES

Annotation. The article deals with the problems of low efficiency in the fight against fictitious and deliberate bankruptcy. Some of them are indicated: the moment of initiation of criminal prosecution, the moment of causing damage, and the distinction with related crimes. It is concluded that overcoming these problems will increase the effectiveness of criminal law policy in the fight against deliberate and fictitious bankruptcies.

Keywords: crime, criminal prosecution, bankruptcy, fictitious bankruptcy, deliberate bankruptcy, damage.

преступления, предусмотренные ст.ст. 196, 197 УК РФ, к категории тяжких. В соответствии с Указом Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года», одной из основных задач по реализации направления, касающегося обеспечения безопасности экономической деятельности, является предотвращение преднамеренного банкротства и иных противоправных действий в отношении субъектов экономической деятельности [6].

Статистические сведения Министерства внутренних дел Российской Федерации о количестве выявленных криминальных банкротств свидетельствуют об их постепенном, существенном снижении с 638 в 2008 году до 271 в 2018 году. Так, в 2008 году сотрудниками органов МВД было выявлено 638 преступлений, в 2009 году – 548, в 2010 году – 701, в 2011 году – 529, в 2012 году – 474, в 2013 году – 426, в 2014 году – 313, в 2015 году – 279, в 2016 году – 274, в 2017 году – 281, в 2018 году – 271, в первой половине 2019г. – 163.

Количество выявленных лиц, уголовные дела о которых направлены в судебные органы, также снизилось практически в 1,5 раза в 2018 году по сравнению с 2009г. Так, в 2018 году количество выявленных лиц, виновных в совершении криминальных банкротств, дела о которых были направлены в суд, составляет 67 человек, в 2017 году – 71, в 2016 – 79, в 2015 – 71, в 2014 – 72, в 2013 – 83, в 2012 – 86, в 2011 – 111, в 2010 – 100,

в 2009 – 92 человека, в первой половине 2019г. – 35 человек [7].

Данные Судебного департамента при Верховном суде РФ свидетельствуют о том, что количество осужденных лиц за совершенные преступления, связанные с преднамеренным и фиктивным банкротством, ничтожно малы. Так, в 2018 году за совершенное общественно опасное деяние, предусмотренное ст. 196 УК РФ, было осуждено 29 лиц, что фактически равно количеству осужденных лиц за преднамеренное банкротство в 2009 году. За совершение фиктивного банкротства было осуждено в 2018 году – 1 лицо, в 2017 году – 2, в 2014 году – 1, в 2010 году – 2 лица, а в 2016, 2015, 2013-2011, 2009 годах осужденных вовсе не было [8].

Скудная статистика возбужденных уголовных дел и осужденных по ст. 196,197 УК РФ говорит о наличии проблем в правоприменительной практике и активности правоохранительных органов по выявлению и расследованию данных преступлений.

Первая проблема правоприменителя состоит в различном понимании роли арбитражного судопроизводства по делу о несостоятельности для уголовного судопроизводства по делу о преднамеренном и/или преднамеренном банкротстве. Согласно одному из сложившихся в судебной практике подходов, указанные признаки исследуемых преступлений предлагается определять только после принятия соответствующих предусмотренных Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)» решений в рамках процедуры арбитражного судопроизводства.

В основном, уголовные дела о преднамеренном и фиктивном банкротстве возбуждались после введения арбитражным судом одной из процедур банкротства и получения правоохранительными органами от нового руководства организации или арбитражного управляющего первичной информации о признаках рассматриваемого банкротства должника.

В этой связи, у правоприменителя, зачастую, возникал вопрос, является ли стадия процедуры банкротства препятствием для возбуждения уголовного дела по ст. 196 и ст.197 УК РФ? По мнению Ляскало А., если связывать уголовное преследование за уголовно-наказуемое банкротство, в частности, с преднамеренным, с завершением конкурсного производства в арбитражном суде, то применение «антибанкротных» норм УК РФ будет ограничено. Это связано с тем, что в ходе осуществления процедуры банкротства или в результате реализации мирового соглашения платежеспособность должника может быть полностью восстановлена [9, с. 20]. Например, руководитель одного из стратегических оборонных предприятий привлечен к уголовной ответственности за преднамеренное банкротство. Предприятие было исполнителем гособоронзаказа. Получив по госконтрактам авансы на выполнение НИОКР, руководитель предприятия направил более 100 млн. руб. в фирмы-однодневки, которые были фиктивно привлечены к выполнению

НИОКР как соисполнители. Из-за невыполнения госконтрактов у предприятия образовалась крупная кредиторская задолженность, для ее взыскания госзаказчики инициировали процедуру банкротства должника. В ходе конкурсного производства одно из федеральных министерств внесло более 120 млн руб. на восстановление платежеспособности предприятия. В результате принятых мер было заключено мировое соглашение с кредиторами, требования которых были полностью удовлетворены, а производство по делу о банкротстве прекращено. Тем не менее, руководитель оборонного предприятия был осужден за преднамеренное банкротство [10].

Подобная судебная практика сложилась в рамках подхода, согласно которому определение «неспособности в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей» в составе преднамеренного банкротства при расследовании уголовных дел о банкротстве осуществляется по критериям, предусмотренным Законом о банкротстве, но независимо от процедуры арбитражного судопроизводства по делу о несостоятельности.

Исходя из данного подхода, Ляскало А. утверждает, что указанные признаки состава преднамеренного, а также фиктивного банкротства подразумевают своеобразную юридическую фикцию, когда состояние должника внешне соответствует банкротству, но необходимых для констатации этого состояния решений арбитражным судом не принято [11].

Вторая проблема обусловлена определением момента причинения ущерба по делам о банкротных преступлениях. В процессе разработки проекта постановления Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с банкротством» рассматривались следующие подходы, согласно которым момент причинения ущерба по делам о преднамеренном и фиктивном банкротстве (окончание банкротного преступления) определялся на момент: вывода активов должника (в том числе, в результате неравноценного или безвозмездного отчуждения имущества); окончания конкурсного производства [12].

Проблема указанных подходов, по мнению Ляскало А., заключается в том, что:

Во-первых, момент вывода активов должника не всегда совпадает со сроком исполнения обязательств перед кредитором или исполнения денежных обязательств и (или) обязанности по уплате обязательных платежей, поэтому не может однозначно отождествляться с моментом причинения ущерба от банкротства.

Во-вторых, определение момента окончания банкротного преступления на дату завершения процедуры конкурсного производства по делу о несостоятельности ставит реализацию уголовно-правового запрета в зависимость от арбитражного судопроизводства, чрезвычайно затрудняя применение «антибанкротных» норм УК РФ.

Как правило, в судебной практике момент причинения ущерба не увязывается с завершением арбитражным судом производства по делу о банкротстве. Здесь нельзя не отметить противоречивость подходов правоприменителей. С одной стороны, они не хотят возбуждать уголовные дела до начала арбитражного судопроизводства по делу о банкротстве, с другой – не видят необходимости дожидаться его завершения в целях определения ущерба от банкротных преступлений.

Третья проблема правоприменения связана с разграничением преступлений и сопутствующих им общественно опасных деяний. При совершении банкротных преступлений содеянное нередко отражает признаки иных общественно опасных

деяний. В таких обстоятельствах при квалификации приходится применять совокупность преступлений, разграничивать конкурирующие и смежные уголовно-правовые нормы. Правильная квалификация не всегда очевидна, что приводит к неоднозначной правоприменительной практике [13].

Подводя итог, следует отметить, что преодоление этих проблем позволит повысить эффективность уголовно-правовой политики в сфере борьбы с преднамеренными и фиктивными банкротствами и выполнить задачи, определенные в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года.

Литература:

1. Львова Н.А. Банкротство как вызов экономической безопасности российских предприятий / Н.А. Львова, Г.В.Кальварский // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. № 1 (334). С. 89–97.
2. Пинчук М.В. Налоговый аспект криминальных банкротств // *Налоги-Журнал*. 2007. № 4. С. 5–9.
3. Налоговый аспект криминальных банкротств URL : <https://wiselawyer.ru/poleznoe/25950-nalogo-vuj-aspekt-kriminalnykh-bankrotstv> (дата обращения 10.02.2020г.)
4. Хомяков Е.В. Банкротство кредитных организаций: уголовно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Моск. юрид. ун-т (МГЮА). М., 2013. 35 с.
5. Результаты процедур банкротства компаний: январь-сентябрь 2019 года. URL : <https://fedresurs.ru/news/843f8484-ba9c-42db-a3b7-bad503d21d8e> (дата обращения 10.02.2020г.)
6. Указ Президента РФ «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» от 13 мая 2017г. № 208 (в актуальной редакции) // *Собрание законодательства РФ*. 2017. № 20. Ст. 2902.
7. Официальный сайт Министерство внутренних дел Российской Федерации URL : <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost> (дата обращения 10.02.2020).
8. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде РФ. URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения 10.02.2020г.)
9. Ляско А. Уголовно-правовая оценка некоторых объективных признаков криминальных банкротств // *Законность*. 2012 № 12. С. 18–24.
10. Приговор Чертановского районного суда г. Москвы от 16 ноября 2011 г. по уголовному делу № 1-426/2011 // Неофициальная справочно-правовая система «КонсультантПлюс»

Literature:

1. Lvova N.A. Bankruptcy as a Challenge to the Economic Security of Russian Enterprises / N.A. Lvova, G.V. Kalvarsky // *National Interests: Priorities and Security*. 2016. № 1(334). P. 89–97.
2. Pinchuk M.V. Tax Aspect of Criminal Bankruptcy // *Taxes-Journal*. 2007. № 4. P. 5–9.
3. Tax aspect of criminal bankruptcy. URL : wiselawyer.ru/poleznoe/25950-nalogovyj-aspekt-kriminalnykh-bankrotstv (date of appeal 10.02.2010)
4. Khomyakov E.V. Bankruptcy of credit institutions: criminal law study : autoref. dis. ... edging. legal sciences / Moscow legal institute (MGSA). M., 2013. 35 p.
5. Results of bankruptcy proceedings: January-September 2019. URL : <https://fedresurs.ru/news/843f8484-ba9c-42db-a3b7-bad503d21d8e> (date of appeal 10.02.2010).
6. Decree of the President of the Russian Federation «On the Strategy of Economic Security of the Russian Federation for the Period up to 2030» dated May 13, 2017 No. 208 (current version) // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2017. № 20. Art. 2902
7. Official website Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL : <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost> (date of appeal 10.02.2010).
8. Official website of the Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation. URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (date of appeal 10.02.2010).
9. Lyaskalo A. Criminal law evaluation of some objective signs of criminal bankruptcy // *Legality*. 2012 № 12. P. 18–24.
10. Sentence of Chertanovsky District Court of Moscow of November 16, 2011 in criminal case № 1-426/2011 // Neofif. ist: Reference and Legal System.

11. Противоречия судебной практики по делам о криминальном банкротстве URL : <https://www.advgazeta.ru> (дата обращения 10.02.2020).

12. Проект постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с банкротством». URL : <http://www.lawtech.ru/document> (дата обращения 10.02.2020).

13. Противоречия судебной практики по делам о криминальном банкротстве URL : <https://www.advgazeta.ru> (дата обращения 10.02.2020).

11. Contradictions of judicial practice in cases of criminal bankruptcy. URL : <https://www.advgazeta.ru> (date of appeal 10.02.2010).

12. Draft Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation «On Certain Issues of Judicial Practice in Criminal Cases of Bankruptcy Offences». URL : <http://www.lawtech.ru/document> (date of appeal 10.02.2010).

13. Contradictions of judicial practice in cases of criminal bankruptcy. URL : <https://www.advgazeta.ru> (date of appeal 10.02.2010).

Уткина Татьяна Владимировна
старший преподаватель-методист
группы обеспечения образовательного
процесса и информационного
сопровождения учебного отдела,
Пермский институт Федеральной
службы исполнения наказаний России
tatyana27@yandex.ru

ТРУДОУСТРОЙСТВО В СИСТЕМЕ МЕР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КРИМИНАЛИЗАЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Аннотация. В настоящей статье трудоустройство лиц, не достигших возраста 18 лет, рассматривается в качестве действенной меры противодействия асоциальному поведению подростков. Обращено внимание на проблемные вопросы принятия на работу несовершеннолетних и осуществления ими трудовых функций. На основе анализа действующего законодательства как федерального, так и регионального уровня, определяющего порядок привлечения к труду несовершеннолетних, как категорию граждан, испытывающих трудности в поиске работы, выдвигаются предложения по совершенствованию данной процедуры.

Ключевые слова: подросток, преступность, трудоустройство несовершеннолетних, работодатель, предупреждение преступности, социализация.

Как свидетельствует статистика последних лет, преступность несовершеннолетних имеет стойкую тенденцию к снижению. Но следует отметить, что такие позитивные изменения являются не только последствиями принимаемых государством мер, направленных на декриминализацию подрастающего поколения, но и результатом демографической ситуации, свидетельствующей о снижении количества детей в общей массе населения, а также – о гуманизации уголовного законодательства, вследствие чего ряд преступных деяний были исключены из Уголовного Кодекса России. Однако внимания заслуживают не только лица, находящиеся в конфликте с уголовным законом, но также и подростки, совершившие административные правонарушения и состоящие на учете субъектов профилактики. Так, только на учете в инспекциях по делам несовершеннолетних органов внутренних дел состоит свыше 140 тысяч человек [1]. Учитывая, что несовершеннолетний, совершивший противоправное деяние, не повлекшее соответствующей реакции со стороны правоохранительных и судебных органов, склонен к дальнейшей криминализации и совершению более тяжких преступлений, необходимо своевременное принятие мер, направленных

Tatiana V. Utkina
Senior teacher-methodologist
educational support groups
and information support
of the educational department,
Perm Institute
Federal Penitentiary Service of Russia
tatyana27@yandex.ru

EMPLOYMENT IN THE SYSTEM OF MEASURES TO COMBAT THE CRIMINALIZATION OF MINORS

Annotation. In this article, the employment of persons under the age of 18 is seen as an effective measure to counter the asocial behaviour of adolescents. Attention is drawn to the problematic issues of hiring minors and the exercise of their labor functions. Based on an analysis of current legislation at both the federal and regional levels, which determine how to attract minors to work, as a category of citizens with difficulties in finding work, proposals are put forward on the improving this procedure.

Keywords: teenager, crime, employment of minors, employer, crime prevention, socialization.

на искоренение причин и условий, способствующих вовлечению подростка в криминальную деятельность.

Одной из причин, способствующих вовлечению несовершеннолетних в преступную деятельность, является неорганизованный досуг. Логинова К.Ю. отмечает, что у подростков отсутствует возможность, в том числе, и имущественная, «проводить свободное время интересно и полезно для своего нравственного и физического развития» [2, с. 20]. Об этом свидетельствуют и показатели статистики, указывающие на то, что порядка 80 % из числа выявленных преступников являются учащимися образовательных организаций, из них 25 % обучаются в школах, почти 20 % не имеют постоянного источника дохода или являются безработными. Также, заслуживает внимания и тот факт, что не менее 40 % своего свободного времени школьники проводят в сети Интернет, посещая ресурсы, не связанные с получением образования. Более половины не проявляют интереса к спорту [3].

Исследователи в области уголовного права и криминологии отмечают, что трудоустройство

как несовершеннолетних, так и молодежи является действенным способом противодействия девиантному поведению индивида, однако, в настоящее время накопилось достаточное количество проблем, связанных с организацией данной работы. Занятие несовершеннолетних трудовой деятельностью, способствующей их профессиональному становлению, но не оказывающих пагубного воздействия на здоровье и нравственное развитие, а также, препятствующих освоению образовательной программы, поощряется. Выполнение работ на постоянной основе не только структурирует время подростка, но и позволяет ему получить необходимые навыки и улучшить свое материальное положение. Законодательство наделяет несовершеннолетнего правом на совмещение освоения образовательной программы общего образования с трудовой деятельностью. При этом во внимание берется приоритет обучения над трудоустройством, а также отсутствие опыта работы. Из этого вытекает целый перечень обязанностей работодателя в части обеспечения охраны здоровья и создании специальных условий безопасности труда.

Во-первых, это условия труда в зависимости от возраста. Так, учреждения культуры (театры, концертные и кинематографические организации) наделены правом заключать трудовые договоры с лицами, не достигшими возраста четырнадцати лет, с целью их участия в исполнении произведений без ущерба здоровью и психическому развитию. Обязательным условием является согласие одного из родителей (опекунов, законных представителей) и органов опеки и попечительства [4].

Лица, достигшие возраста четырнадцати лет, имеют право выполнять работы, отнесенные к категории легкого труда, в свободное от учебы время, в течение не более 24 часов в неделю. По достижении 16 лет длительность рабочей недели может быть увеличена до 35 часов в неделю. Работнику ежегодно предоставляется оплачиваемый отпуск продолжительностью 31 календарный день в любое удобное для него время. Он имеет право самостоятельно распоряжаться заработком и иными доходами, осуществлять права автора результатов своей интеллектуальной деятельности, самостоятельно совершать некоторые сделки и нести ответственность по совершенным сделкам, а также – за причиненным ими вред [5].

Для заключения трудового договора с несовершеннолетним необходим следующий перечень документов:

- паспорт или иной документ, удостоверяющий личность;
- страховое свидетельство обязательного пенсионного страхования;
- трудовая книжка;
- документ об образовании и (или) квалификации при наличии специальных знаний (при условии приема на работу, требующую специальных знаний);

– приписное свидетельство (для подлежащих призыву); медицинскую справку о состоянии здоровья.

Для лиц в возрасте от 14 до 15 лет дополнительно предоставляются письменное согласие одного из родителей (опекунов) и согласие органа опеки и попечительства.

Отсутствие какого-либо из требуемых документов влечет привлечение работодателя к дисциплинарной, административной и материальной ответственностям.

Условия приема на работу и особенности организации трудового процесса не способствуют желанию работодателей зачислять подростков в штат организации. Так, на принимающую сторону возлагаются обязанности по оплате прохождения медицинского осмотра потенциальным работником. Следует отметить, что только 19 % жителей Пермского края в возрасте до 16 лет имеют 1 группу здоровья, 64,4 % – вторую, 14,5 % – третью [6]. В сложившихся условиях на работодателя возлагаются дополнительные расходы, связанные с оплатой медицинских услуг, оказываемых потенциальным кандидатам на работу, как годным по состоянию здоровья, так и не годным. В дальнейшем такие медосмотры осуществляются ежегодно. Объективно правильным видится решение, предложенное Ибрагимовой Г.Ш. в виде освобождения организации от данного вида расхода и возложение его на Фонд обязательного медицинского страхования [7, с. 54].

Пределы нормы подъема и передвижения тяжестей несовершеннолетними в течение рабочей смены составляют: 2 и 3 килограмма для девушек и юношей в возрасте 14–15 лет, и 3 и 4 килограмма для девушек и юношей в возрасте 16–17 лет [8], что ниже границ, установленных СанПин 2.4.2.2821-10 для максимального веса портфеля обучающегося в 9–11 классах. Недопустимо привлекать несовершеннолетних к работам в выходные и праздничные нерабочие дни. Учитывая, что труд подростков широко используется в сфере доставки, проведения культурных мероприятий и рекламных акций, данные требования к условиям труда не всегда могут быть исполнены, что также негативно сказывается на желании работодателя заключать трудовые договоры. Выход находится в трудоустройстве подростка посредством неофициального приема на работу, что может иметь ряд негативных последствий, самым распространенным из которых является отказ от оплаты работодателем его труда или хищение работником имущества, принадлежащего работодателю.

И даже в ситуации, когда подросток был зачислен в штат, на руководителя организации возлагается ответственность в части предоставления отчетной документации в службу занятости, трудовую инспекцию и комиссию по делам несовершеннолетних и защите их прав. При этом необходимо отметить, что несовершеннолетний работник может быть низко мотивирован или неисполнителен, а в отдельных случаях, например, когда подросток находится в конфликте с законом и

трудоустройство используется как форма социализации, он нуждается в постоянном контроле со стороны взрослых коллег. Увольнение работника по инициативе работодателя также сопряжено с необходимостью получать согласие от трудовой инспекции и комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав. Алистрахов В. отмечает, что при таких условиях есть большая вероятность того, что увольнение подростка, с которым организация по ряду причин не готова сотрудничать, не будет согласовано, что может сказаться и на успешности компании и на производительности труда [9].

В условиях высокого уровня безработицы работодатель отдает предпочтение совершеннолетнему соискателю должности. Так, по данным службы занятости Пермского края, количество трудоустроенных подростков в 2019 году продолжило тенденцию к снижению и составило 5846 человек (2018 – 73144, 2017 – 8439) [10]. Еще около 2000 заняты в неформальном секторе, к которому отнесены:

- индивидуальные предприниматели и лица, работающие у них по найму;
- выполняющие работу на индивидуальной основе;
- занятые в личных домашних хозяйствах производством продукции для продажи или обмена, а также помогающие им члены семьи.

Стоит отметить и тот факт, что приоритетными категориями для центров занятости населения являются:

- несовершеннолетние из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей;
- из неполных, многодетных, неблагополучных семей или семей безработных граждан; из числа детей, состоящих на учете субъектов профилактики (комиссии по делам несовершеннолетних, внутришкольном учете и пр.);
- из числа детей, находящихся в социально-опасном положении [11, с. 178].

Подростки, в основном, направляются на места работы, предлагаемые органами местного самоуправления, и занимаются уборкой и облагораживанием территории, косметическими ремонтами помещений, уходом за объектами культуры, работой с библиотечным фондом, а также – оказанием социальной помощи пожилым и инвалидам. Однако следует отметить, что средний срок такого трудоустройства составляет менее месяца [12] и не может обеспечить как относительно стабильное материальное положение работника, так и длительную организацию его времени и отвлечение от привычной девиантной среды. Сложившиеся условия также препятствуют трудоустройству несовершеннолетних, не отнесенных к социально уязвимым категориям, но желающих зарабатывать, так как вопрос их занятости обсуждается только после организации более незащищенных категорий. Данный подход несколько одиозен, так как, решая проблему профилактики

повторной преступности несовершеннолетних, из зоны внимания выходит недопущение совершения правонарушений и преступлений подростками впервые.

Нельзя не согласиться с мнением некоторых исследователей в том, что необходимо «расширить перечень возможных видов выполняемых работ за счет трудоустройства подростков в реальном секторе экономики», а не только в период каникул в бюджетной сфере [11, с. 179]. Несомненно, учитывая специфику возраста и отсутствия опыта работы, подростки могут привлекаться, в основном, к выполнению низкоквалифицированного труда. Однако стоит отметить, что некоторые старшие школьники демонстрируют достаточный уровень знаний в сфере использования компьютерной и оргтехники, а также – средств связи. Заместитель председателя Комитета Государственной Думы по образованию и науке Л.Н. Духанина отмечает, что подростки хотят иметь наличные денежные средства, в том числе, и для того, чтобы помочь своей семье, и они «готовы к более интеллектуальному труду» [13, с. 14], такому как, например, ремонт техники или администрирование компьютерных сетей, выполнение работ удаленно. Опросы, проведенные среди несовершеннолетних девиантов, в том числе, и содержащихся в воспитательных колониях также показывают, что они готовы к обеспечению своих материальных потребностей законными средствами, в том числе и посредством коммерческой деятельности или работы или работы в государственных предприятиях [14, с. 19].

На сегодняшний день в законодательстве отсутствует действенный механизм, направленный на повышение мотивации руководства предприятий различной формы собственности принимать в свой штат несовершеннолетних и обучать их. Не во всех субъектах Российской Федерации законодательно определен порядок выделения рабочих мест для лиц моложе 18 лет, в том числе, и освобожденных из мест лишения свободы. Так, в Челябинской области и Красноярском крае законодательно закреплены нормы о квотировании рабочих мест только для инвалидов. Закон Кемеровской области от 27.11.2002 № 1759 «О порядке квотирования рабочих мест» устанавливает для организаций со среднесписочной численностью свыше 100 человек квоту в размере 2 % из числа лиц, имеющих трудности в поиске работы [15]. К числу лиц, имеющих трудности в поиске работы, законодатель отнес 12 категорий граждан, из которых 10 – совершеннолетние, что дает право выбора работодателю в части приема взрослых претендентов в ущерб несовершеннолетним. На территории Пермского края действует закон «О квотировании рабочих мест для граждан, испытывающих трудности в поиске работы», относящий, в том числе, к категории испытывающих трудности в работе лиц из числа несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет, а также – освобожденных из мест лишения свободы, к числу которых можно отнести лиц, освобождающихся из Пермской воспитательной колонии Пермского края [16]. Данный закон устанавливает квоты для работодателей в размере 2 % для предприятий с численностью работников свыше 100 человек и

1 % для предприятий с численностью от 50 до 100 человек только для приема на работу инвалидов. Для других категорий квотирование осуществляется на основании соглашения между центрами занятости населения и потенциальными работодателями. В качестве меры поддержки работодателей предлагается возможность предоставления льгот по уплате налогов и сборов, а также – преимущественное право на получение инвестиций из краевого и местных бюджетов при прочих равных условиях с учетом механизма конкурсного отбора. Однако Налоговый кодекс Российской Федерации не содержит норм об обязательном предоставлении налоговых льгот при приеме на работу подростка. Стоит отметить, что во всех вышеперечисленных субъектах Российской Федерации уровень подростковой преступности значительно выше среднероссийских показателей.

Необходимо принятие действенных мер, направленных на оказание содействия в приобретении несовершеннолетними первоначального опыта и навыков работы и сохранение мотивации к труду для лиц с девиантным поведением с целью профилактики развития преступности в подростковой и молодежной среде. В связи с вышеизложенным, мы считаем целесообразным проведение следующих мероприятий:

1. Разработку и реализацию программ профессионального обучения для несовершеннолетних, что позволит получить школьнику необходимые знания и умения в свободное от школьных занятий время и быть более востребованным на рынке труда.
2. Возмещение расходов на медицинский осмотр трудоустраивающегося несовершеннолетнего из средств фонда обязательного медицинского страхования.
3. Расширение перечня работ, к которым может привлекаться несовершеннолетний. В данной сфере необходимо предусмотреть порядок и

Литература:

1. Годовой отчет о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» за 2018 год. Официальный сайт МВД России. URL : <https://мвд.рф/Deljatelnost/gosprogram/Gosprogramma/отчет-о-ходе-реализации-программы-2018> (дата обращения 30.01.2020).
2. *Логонова К.Ю.* Автореферат на соискание ученой степени кандидата юридических наук «Имущественная преступность несовершеннолетних и меры ее предупреждения. Томск : Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2015. 23 с.
3. Официальный сайт Главного управления МВД России по Пермскому краю. URL : <https://59.мвд.рф> (дата обращения 30.01.2020).

условия привлечения к работе в выходные и праздничные дни, а также пределы нормы подъема и перемещения тяжестей.

4. Создание информационной платформы вакансий с привлечением образовательных организаций. Включение образовательных организаций среднего образования в сферу трудоустройства несовершеннолетних позволит решить ряд задач. Во-первых, доведение до большего количества потенциальных работников информации об имеющихся вакансиях. Во-вторых, вовлечение в трудовую деятельность лиц, состоящих на внутришкольном учете.

Внесение изменений в Трудовой Кодекс Российской Федерации в части направления работодателем уведомления в заинтересованные государственные и муниципальные органы об увольнении несовершеннолетнего работника, закрепив за последними право на проведение проверки обоснованности расторжения трудового договора, а в случае установления факта необоснованности принятого решения – отменять решения работодателя о расторжении трудового договора.

Поддержка работодателей, привлекающих несовершеннолетних к выполнению работ на длительный срок посредством применения пониженной налоговой ставки, а также – для предприятий с численностью до 100 человек, предусмотреть возможность получения субсидий в случае приема на работу несовершеннолетнего, привлекавшегося к уголовной или административной ответственности, или ребенка-инвалида (лица с ограниченными возможностями здоровья). Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав целесообразно разрабатывать программы социализации или ресоциализации несовершеннолетних, в которых предусмотреть в качестве одного из участников этого процесса работодателя. При таких условиях работодатель будет заинтересован в длительном нахождении в штате подростка, нуждающегося в социализации.

Literature:

1. Annual progress report and evaluation of the effectiveness of the state program «Public Order and Crime Control» for 2018. The official website of the Russian Interior Ministry. URL : <https://мвд.рф/Deljatelnost/gosprogram/Gosprogramma/progress-report-implementation-program-2018> (the date of circulation is January 30, 2020).
2. *Loginova K.Y.* Auto-reform for the degree of kandidat of legal sciences "Property pre-degree of minors and measures of its pre-education. Tomsk: National Research Tomsk State University, 2015. 23 p.
3. The official website of the Russian Interior Ministry's General Directorate on the Perm region. URL : <https://59.mvd.rf> (date of circulation is January 30, 2020).

4. Трудовой Кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 16.12.2019). URL : СПС «Консультант плюс» (дата обращения 24.01.2020).
5. Гражданский Кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ. URL : СПС «Консультант плюс» (дата обращения 24.01.2020).
6. Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю. URL : <https://permstat.qks.ru> (дата обращения 07.02.2020).
7. *Ибрагимова Г.Ш.* Трудоустройство несовершеннолетних работников: миф или реальность? // Сфера знаний: вопросы взаимодействия наук в современном образовательном процессе. Сборник научных трудов. Казань : Издательство ООО СитИвент. 2018. 161 с. С. 53–57.
8. Постановление Министерства труда и социального развития России от 07.04.1999 № 7 «Об утверждении норм предельно допустимых нагрузок для лиц моложе восемнадцати лет при подъеме и перемещении тяжестей вручную». URL : СПС «Консультант плюс» (дата обращения 24.01.2020).
9. *Алистратов В.* Трудоустройство несовершеннолетних как показатель зрелости компании // Трудовое право. 2013. № 11. С. 47–55.
10. Официальный сайт Управления в сфере занятости населения Пермского края. URL : <https://szn.permstat.ru> (дата обращения 07.02.2020).
11. *Корытова Г.С.* Развитие практики трудового наставничества при организации временного трудоустройства несовершеннолетних как актуальное направление научно-педагогических исследований / Г.С. Корытова, О.И. Кравченко, Д.Б. Насонов, Л.Г. Смышляева // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017. № 12(189). С. 177–183
12. Государственный доклад о положении детей и семей, имеющих детей в Российской Федерации. Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации. URL : <https://rosmintrud.ru> (дата обращения 07.02.2020).
13. *Колесникова К.* Класс в законе // Российская газета. 2019. № 231(7989). С. 14.
14. *Савельев А.И.* Трудоустройство как фактор декриминализации несовершеннолетних // Научный вестник Омской академии МВД России. 2011. № 1(40). С. 18–21.
15. Закон Кемеровской области от 27.11.2002 № 1759 «О порядке квотирования рабочих мест» (в ред. от 28.04.2014 № 30-ОЗ). URL : <http://base.garant.ru> (дата обращения 07.02.2020).
16. Закон Пермской области от 05.11.2004 № 1689-344 «О квотировании рабочих мест для граждан, испытывающих трудности в поиске работы». URL : СПС «Консультант плюс» (дата обращения 07.02.2020).
4. The Labour Code of the Russian Federation from 30.12.2001 № 197-Fz (ed. 16.12.2019). URL : <https:// Consultant Plus> (date of the address 24 January 2020).
5. The Civil Code of the Russian Federation from 30.11.1994 № 51-Fz. URL: <https:// Consultant Plus> (date of the address 24 January 2020).
6. The official website of the Territorial Authority of the Federal State Statistics Service on the Permian region. URL : <https://permstat.qks.ru> (call date of February 7, 2020).
7. *Ibragimova G.S.* Employment of underage workers: myth or reality? The field of knowledge: the interaction of sciences in the modern educational process. A collection of scientific works. Kazan: SitIvent Publishing Company. 2018. 161 p. P. 53–57.
8. Decree of the Ministry of Labor and Social Development of Russia dated 07.04.1999 № 7 «On the approval of the maximum permissible loads for persons under eighteen years of age when lifting and moving weights manually». URL : <https:// Consultant Plus> (cll date 24 January, 2020).
9. *Alisinsv V.* Employment of minors as an indicator of the maturity of the company / Labor law. 2013. № 11. P. 47–55.
10. The official website of the Office of Employment of the Permian Region. URL : <https://szn.permstat.ru> (call date of February 7, 2020).
11. *Korytova G.S.* Development of labor mentoring in the organization of temporary employment of minors as an urgent direction of scientific and educational research / G.S. Korytova, O.I. Kravchenko, D.B. Nasonov, L.G. Smylyaeva // Herald of the Tomsk State Teachers' University. 2017. № 12(189). P. 177–183.
12. State report on the situation of children and families with children in the Russian Federation. The official website of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation. URL : <https://rosmintrud.ru> (call date of February 7, 2020).
13. *Kolesnikova K.* Class in law // Russian newspaper. 2019. № 231(7989). P. 14.
14. *Save/ev A.I.* Employment as a factor in the decriminalization of minors // Scientific Gazette of the Omsk Academy of the Russian Interior Ministry. 2011. № 1(40). P. 18–21.
15. The law of the Kemerovo region of 27.11.2002 № 1759 «On the order of quota of jobs». URL : <http://base.garant.ru> (date of the address February 7, 2020).
16. The law of the Perm Region of 05.11.2004 № 1689-344 «On the quota of jobs for citizens who have difficulty finding work». URL : <https:// Consultant Plus> (date of the address February 7, 2020).

Щебляков Евгений Степанович

старший преподаватель,
Красноярский государственный
аграрный университет
esshcheblyakov@mail.ru
vivashov@mail.ru

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ХИЩЕНИЯ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ (СКОТА)

Аннотация. Настоящая статья рассматривает актуальные вопросы криминалистических особенностей хищения домашних животных (скота).

Исследование вопросов эффективности раскрытия преступлений, связанных с хищением домашних животных (скота) в настоящее время относится к еще мало изученной и относительно новой сфере. С одной стороны, можно констатировать, что хищения домашних животных (скота), представляет собой достаточно древний вид преступлений, а с другой стороны, практика раскрытия данного вида преступлений и законодательных инициатив зависит от дифференциации регионов, уровня развития в них сельского хозяйства и информационных систем.

Ключевые слова: скотокрадство, хищение, поголовье, чипирование.

Связанные со скотокрадством преступления, существовали с очень давних времен. Как отдельный вид правонарушений они встречаются в законодательных актах всех древних цивилизаций, а наказание за кражу скота было всегда весьма суровым.

Действующая редакция уголовного кодекса РФ не выделяет в настоящее время кражу скота в качестве отдельного правонарушения. Ст. 158 УК РФ регламентирует кражу как тайное хищение чужого имущества [1]. В качестве квалифицирующих признаков, которые могут быть установлены применительно к рассматриваемому деянию, являются кража, совершенная:

- группой лиц по предварительному сговору;
- с причинением значительного ущерба;
- с незаконным проникновением в помещение либо иное хранилище.

Юрист Вячеслав Даржа был автором идеи законодательного урегулирования проблемы скотокрадства. Разработанный им Кодекс животноводства, активно обсуждался и даже был направлен в Государственную Думу России, но там, на основании имеющихся противоречий с федеральным законодательством, был отклонен. Однако

Evgeniy S. Shcheblyakov

Senior teacher,
Krasnoyarsk State
Agrarian University
esshcheblyakov@mail.ru

FORENSIC FEATURES OF PET THEFT (LIVESTOCK)

Annotation. This article considers topical issues of forensic features of theft of pets (livestock). The study of the effectiveness of the detection of crimes of theft of pets (livestock) is now in the still little studied and relatively new field. On the one hand, it can be stated that the theft of domestic animals (livestock) is a rather ancient type of crime, and on the other hand, the practice of solving this type of crime and legislative initiatives depends on the differentiation of regions, the level of development of agriculture and information systems in them.

Keywords: livestock, theft, livestock, chipping.

данный проект предусматривал новые меры правового регулирования отношений, которые вытекали из животноводства, охватывающих практически всю жизнедеятельность арата, вопросы пастьбы скота, забоя, учета и контроля мяса и мясопродуктов в Республике Тува и многое другое.

Анализ практики показывает, что неудовлетворительное состояние борьбы с кражами скота обусловлено рядом причин, к числу которых относятся [6]:

- 1) ежегодное увеличение объема аппаратных функций в оперативно-служебной деятельности подразделений полиции, включая сельские органы внутренних дел;
- 2) в связи с большой текучестью кадров, отсутствие достаточного опыта работы у ряда сотрудников уголовного розыска в сельской местности;
- 3) недооценка социальной значимости скотоводства, в связи с выделением других приоритетных направлений в борьбе с преступностью;
- 4) низкий социальный уровень жизни населения и высокий уровень нетрудоустроенной части населения;
- 5) отсутствие законодательной базы, обязывающей владельцев и руководителей хозяйств,

органов местного самоуправления и администраций (сел) районов организовывать выпас, учет, таврирование, чипирование, биркование и паспортизацию скота;

6) высокий спрос населения на мясную продукцию, достаточная легкость ее сбыта, получение значительных прибылей от ее реализации, а также относительно высокая «безопасность» совершения краж скота, в связи с большой территориальной удаленностью животных от населенных пунктов;

7) несвоевременное обращение граждан в органы внутренних дел по фактам кражи или пропажи скота;

8) значительная сложность установления принадлежности животных, их останков мяса в тушах, а зачастую, и выявления признаков совершения преступления.

Совершению краж скота в значительной мере могут способствовать типичные нарушения в деятельности животноводческих и фермерских хозяйств, к которым можно отнести:

- неудовлетворительное состояние учета поголовья;
- нарушение (нередко умышленно) правил биркования, клеймения, таврения молодняка;
- неоприходование и сокрытие пригульного скота;
- слабый контроль за деятельностью материально ответственными лицами;
- отсутствие технической оснащенности и надлежащей охраны в местах стойлового содержания скота;
- слабая организация охраны в местах вольного выпаса, а также оставление скота без присмотра.

Как правило, кражи скота носят групповой характер. Данный факт объясняется трудностью кражи и перевозки (перегона) скота в одиночку. Организаторами таких преступлений, чаще всего, являются лица, имеющие соответствующие точки реализации похищенного и средства транспортировки. С целью совершения кражи привлекаются либо лица, ранее судимые за данные преступления, либо сельские жители, имеющие навыки обращения со скотом. В преступный бизнес также вовлекаются второстепенные участники (раздельщики туш, пособники, обеспечивающие документы прикрития и др.).

В процессе подготовки к преступлению, как правило, производятся следующие мероприятия:

- 1) выбирается конкретный скот, который предполагается украсть;
- 2) предварительно изучается место нахождения животных;
- 3) осуществляется поиск канала сбыта похищенного скота;

4) определяется время и способ совершения преступления, подготавливаются орудия, инструменты и транспортные средства;

5) распределяются роли между участниками преступления;

6) мысленно отработывается механизм реализации преступного замысла.

Среди способов сокрытия места совершения кражи скота, можно выделить [7]:

1) маскировку места совершения кражи скота (преступники стараются сделать так, чтобы их действия не были обнаружены, для этого они заделывают разрушения в преградах, навешивают снятые с петель двери и окна);

2) укрытие похищенного скота за территорией совершенного преступления (по месту жительства преступников, их родственников и знакомых), перегон животных в другую область, иногда на бесхозные приусадебные участки с находящимися там постройками (разрушенными или недостроенными домами, сараями и т. п.) Этот способ сокрытия применяют как преступники-гастролеры, так и местные жители;

3) забивку и разделку скота в труднодоступных местах;

4) быстрый сбыт похищенного имущества.

Совершению скотокрадства способствует целый ряд условий:

Доступность предмета преступного посягательства.

Сложная процедура доказывания и слабая доказательственная база.

Трудность идентификации похищенного имущества.

Относительная сложность в реализации похищенного скота и простота в реализации его мяса, после забоя.

Положения Закона РФ от 14.05.1993 № 4979-1 «О ветеринарии» определяют обязанность собственников обеспечить индивидуальную или групповую идентификацию животных, а также их последующий учет для предотвращения заражения и эпидемий [2].

В ч. 3 ст. 2.5 закона № 4979-1 установлено, что перечень подлежащих идентификации животных утверждается уполномоченным исполнительным органом РФ. Приказом Минсельхоза № 161 от 22.04.2016 такой перечень действительно утвержден. В список включены: крупный и мелкий рогатый скот; лошади; пушные звери; ослы; пчелы; рыба; водные животные; свиньи; домашняя птица; собаки; кошки [4].

В зависимости от вида животных предлагаются следующие процессы их маркирования, учета: «в коневодстве – чипирование; в животноводстве

(крупный рогатый скот) – электронное биркование; овец, коз и свиней, содержащихся в личных подсобных хозяйствах и крестьянско-фермерских хозяйствах, предлагается маркировать индивидуальным образом, используя кишечные метки, либо татуировку или бирку (машиночитаемые)».

Однако в настоящее время так и не разработаны специальные ветеринарные правила, где и должен быть регламентирован порядок, требования идентификации, а также перечень данных, которые будут занесены в соответствующую информационную память.

Процесс идентификации крупный рогатый скот уже проводится в некоторых регионах России. Отдельно необходимо отметить пилотный проект Ростовской области, где за счет субсидий правительства области на бесплатной основе вживляют электронные носители крупному рогатому скоту. Подобные процедуры следует развивать на всей территории России с учетом задействования именно средств радиочастотной идентификации.

Вместе с тем, возможности радиочастотной идентификации животных совместимы с применяемой в ветеринарии системой «Меркурий», которая предназначена для электронной сертификации поднадзорных госветнадзору грузов, отслеживания пути их перемещения по территории Российской Федерации. В соответствии с Федеральным законом от 13.07.2015 № 243-ФЗ и Приказом Минсельхоза России от 27.12.2016 № 589 [5],

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2019).
2. Закон РФ от 14.05.1993 № 4979-1 (ред. от 27.12.2019) «О ветеринарии».
3. Федеральный закон от 13.07.2015 № 243-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О ветеринарии» и отдельные законодательные акты Российской Федерации».
4. Приказ Министерства сельского хозяйства РФ от 22 апреля 2016 г. № 161 «Об утверждении Перечня видов животных, подлежащих идентификации и учету».
5. Приказ Минсельхоза России от 27.12.2016 № 589 «Об утверждении ветеринарных правил организации работы по оформлению ветеринарных сопроводительных документов, порядка оформления ветеринарных сопроводительных документов в электронной форме и порядка оформления ветеринарных сопроводительных документов на бумажных носителях».
6. *Волынкин Е.Н.* Некоторые меры противодействия кражам скота в Республике Тыва // *Аллея науки.* 2018. Т. 3. № 5(21). С. 941–947.
7. *Ханов Т.А.* Криминалистическая характеристика личности скотокрада: по материалам

«Меркурий» был создан для достижения следующих целей:

– автоматического учета поступившего и убывшего объема продукции на предприятии;

– отслеживания перемещения партии груза по территории Российской Федерации с учетом ее дробления;

– создания единой централизованной базы данных [8]. Отсутствие подобных средств идентификации может служить основанием для проведения предварительной проверки со стороны правоохранительного органа.

Таким образом, повышение эффективности борьбы с кражами скота обусловлено необходимостью глубокого изучения обстоятельств и способов их совершения, характера особенностей личности преступников. Их детальное исследование имеет не только теоретическое, но и сугубо прикладное значение, так как способствует формированию эффективных подходов к выявлению, предупреждению и раскрытию преступлений, совершаемых скотокрадами.

В результате применения новых идентификационных цифровых средств защиты животноводческой среды от корыстных деяний, планируется предоставить пользователю не только информационный цифровой продукт, но и создать обстановку полного контроля за внешними детерминантами.

Literature:

1. Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 № 63-ФЗ (ed. 27.12.2019).
2. Law of the Russian Federation dated 14.05.1993 № 4979-1 (ed. dated 27.12.2019) «On Veterinary Medicine».
3. Federal Law № 243-ФЗ of 13.07.2015 «On Amendments to the Law of the Russian Federation «On Veterinary Medicine» and Certain Legislative Acts of the Russian Federation».
4. Order of the Ministry of Agriculture of the Russian Federation № 161 of 22 April 2016 «On Approval of the List of Species of Animals Subject to Identification and Accounting».
5. Order of the Ministry of Agriculture of the Russian Federation № 589 dated 27.12.2016 «On Approval of Veterinary Rules for Organization of Work on Registration of Veterinary Accompanying Documents, Procedure for Registration of Veterinary Accompanying Documents in Electronic Form and Procedure for Registration of Veterinary Accompanying Documents on Paper Media».
6. *Volyнкин E.N.* Some measures to counteract cattle theft in the Republic of Tyva//*Alley of Science.* 2018. Vol. 3. № 5(21). P. 941–947.
7. *Khanov T.A.* Forensic characteristic of the personality of cattle: according to the materials of

Республики Казахстан / Т.А. Ханов, К.К. Биржанов // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. Т. 10. № 4(40). С. 107–116.

8. *Александрова И.А.* Особенности использования современных цифровых средств идентификации для воздействия на детерминанты краж в сфере животноводства / И.А. Александрова, М.А. Желудков // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 1(45). С. 71–76.

the Republic of Kazakhstan / T.A. Khanov, K.K. Exchange // Topical problems of economy and law. 2016. Vol. 10. № 4(40). P. 107–116.

8. *Alexandrov I.A.* Peculiarities of Using Modern Digital Means of Identification to Influence Determinants of Theft in the Sphere of Livestock Production / I.A. Alexandrov, M.A. Zhelezkov // Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2019. № 1(45). P. 71–76.

Щербина Никита Юрьевич

аспирант кафедры правового регулирования рыночной экономики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
shcherbina93@gmail.com

Емелина Людмила Анатольевна

преподаватель кафедры правового регулирования рыночной экономики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
shcherbina93@gmail.com

**ИНСТИТУТ ОСПАРИВАНИЯ СДЕЛОК
В РОССИИ**

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловлена реформированием гражданского законодательства в условиях постоянно меняющейся экономической ситуации в стране, а также - назревшей необходимостью совершенствования законодательства в области оспаривания крупных сделок и сделок с заинтересованностью.

В статье рассматривается основная проблематика законодательной базы и правоприменительной деятельности, связанные с современным состоянием и преобразованиями института оспаривания сделок.

Ключевые слова: сделки, недействительные сделки, банкротство.

Одной из основных проблем, делающих актуальной и необходимой разработку нововведений в области споров, связанных с оспариванием сделок, является тот факт, что лица, занимающиеся предпринимательской деятельностью, не удовлетворены правилами совершения сделок, предусмотренными действующим законодательством, которое обязывает их ежедневно в ходе осуществления ими предпринимательской деятельности совершать огромное количество корпоративных одобрений, что является процедурами крайне обременительными.

При этом совершение таких сделок является необходимым условием для ведения предпринимательской деятельности и извлечения прибыли предпринимателями, вследствие чего необходимость реформирования действующего законодательства представляется также в упрощении правил одобрения таких сделок при одновременном ужесточении правил оспаривания сделок, заключенных без одобрения.

Кроме возможности подачи в суд иска о признании недействительной сделки, законодатель

Nikita Yu. Shcherbina

Graduate student of the Department of Legal Regulation of the National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation
shcherbina93@gmail.com

Lyudmila A. Emelina

Lecturer at the Department of Legal Regulation of the National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation
shcherbina93@gmail.com

**TRANSACTION DISPUTE INSTITUTE
IN RUSSIA**

Annotation. The relevance of the research topic is due to the reform of civil legislation in the conditions of a constantly changing economic situation in the country, as well as the urgent need to improve legislation in the field of contesting major transactions and related party transactions.

The article discusses the main problems of the legislative framework and law enforcement related to the current state and changes in the institution of challenging transactions.

Keywords: transactions, invalid transactions, bankruptcy.

предусмотрел и еще один механизм для защиты нарушенных прав.

Таким образом, на сегодняшний день на фоне тотальной модернизации действующего законодательства происходит поэтапное внедрение абсолютно нового для российского права подхода к оспариванию сделок. Кроме того, происходит существенное изменение правил, установленных в отношении процедуры одобрения и оспаривания сделок, в осуществлении которых имеется заинтересованность.

Приведенные выводы могут служить весомым аргументом в отношении того, что указанная проблематика, несомненно, представляется весьма актуальной.

Отдельным, но весьма многочисленным аспектам проблематики оспаривания сделок, посвятили свои исследования такие авторы, как: М.В. Агальцова, К.М. Беликова, Д.В. Бурачевский, Е.С. Бурова, А.А. Власов, В.Е. Воронова, А.А. Горленко, Т.В. Епифанова, А.О. Иншакова, Н.В. Коновалова, С.В. Лазарев, Е.С. Раздьяконов, Ю.И. Рахимов, И.Н. Тарасов, Ю.В. Федоренко и, конечно же,

другие исследователи. Вместе с тем, вести речь о полном освещении в трудах указанных правоведов интересующей нас проблематики пока преждевременно.

Законом не предусмотрена возможность изменения уставом унитарного предприятия критериев отнесения сделки к разряду крупных сделок, однако, Закон о государственных и муниципальных унитарных предприятиях допускает, что уставом ГУПа или МУПа могут в специальном порядке быть предусмотрены виды и размеры иных сделок, нежели те, которые предусмотрены законом, при заключении которых необходимо получать согласие собственника имущества государственного или муниципального унитарного предприятия.

По мнению Д.В. Ломакина, для определения взаимосвязи между сделками необходимо установить наличие такого признака, который характерен для указанных сделок [4].

Существенным пробелом в законе о государственных и муниципальных унитарных предприятиях является тот факт, что законодатель также не предусмотрел последствия нарушения требований о согласовании крупной сделки с собственником имущества унитарного предприятия. Для практического применения норм действующего законодательства это означает, что в течение десяти лет после заключения сделки существует риск признания такой сделки недействительной в судебном порядке в случае предъявления иска любым заинтересованным лицом.

Законодательные пробелы и «расплывчатые» нормативные формулировки, касающиеся сферы совершения крупных сделок унитарными предприятиями, на практике приводят к затруднениям в ведении хозяйственной деятельности унитарных предприятий, следовательно, вопросы совершения унитарными предприятиями крупных сделок являются до сих пор не до конца проработанными, что еще раз подтверждает актуальность выбранной темы магистерского исследования.

При рассмотрении специфики института оспаривания сделок в России совершения нельзя обойти вниманием и вопросы, возникающие в связи с заключением экстраординарных сделок в процедурах банкротства.

Также, на примере случаев из правоприменительной практики, происходящих в делах о банкротстве, можно наиболее детально рассмотреть понятия добросовестности, подконтрольности и аффилированности при совершении сделок.

Несмотря на предусмотренный законодателем широкий перечень лиц, которых можно причислить к числу контролирующих, доказывание данного факта представляет большую сложность, поскольку не всегда возможно проследить участие в управлении должника того или иного лица.

По мнению Ю.А. Канцера, к числу лиц, на которых может быть возложена субсидиарная ответственность по обязательствам признанного несос-

тоятельным (банкротом) юридического лица, относятся, в частности, лицо, имеющее в собственности или доверительном управлении контрольный пакет акций акционерного общества, собственник имущества унитарного предприятия, давший обязательные для него указания [3].

Сложность возникает в том случае, когда лиц, контролирующих должника, невозможно проследить в учредительных или иных финансовых, распорядительных документах организации, тогда как подконтрольность организации определенным лицам является предположительно верной.

На основании этого можем сделать вывод о том, что в сложившейся судебной практике все еще прослеживается некоторая неопределенность относительно норм и разъяснений, которые должны применяться при оспаривании сделки, что, вероятно, можно объяснить пока еще продолжающейся адаптацией судебной практики к новому правовому режиму экстраординарных сделок. Поэтому со временем можно ожидать, что суды окончательно адаптируются к новым правилам и будут корректно определять применимые нормы законодательства.

Можно сказать, что для того, чтобы успешно оспорить сделку с необходимо доказать осведомленность другой стороны сделки о том, что такая сделка являлась для общества сделкой, в совершении которой имеется заинтересованность, и (или) о том, что согласие на ее совершение отсутствует.

Ранее при оспаривании сделки корпорации участник выступал в роли истца, а общество и контрагент по сделке были соответчиками. Ныне с точки зрения косвенного характера иска участника, он является процессуальным истцом, а общество – материальным, в интересах которого предъявлен иск.

На основании рассмотренной информации можем сделать вывод, суды должны иметь повышенные требования к высокой осторожности профессиональных участников рынка и должны понимать, что такие участники гражданского оборота обязаны в большей степени проявлять осмотрительность и совершать сделки только после тщательной проверки.

В гражданском и арбитражном процессах в области оспаривания сделок имеются общие институты, такие как предмет разбирательства дел – то есть споры по праву, которые возбуждаются при помощи иска; судебное разбирательство по данным искам осуществляется в состязательной процессуальной форме с участием всех заинтересованных в этом сторон и обязательной проверкой приведенных доказательств, на основе которых и устанавливаются реальные взаимоотношения сторон.

При этом если работа суда общей юрисдикции регламентируется материальными нормами Гражданского процессуального кодекса, то, в свою очередь, деятельность арбитражных судов регламентируется специализированными право-

выми актами, которые определяют порядок разбирательства дел (споров) в арбитражном суде.

Обобщение судебной практики по вопросам злоупотребления участниками судебного разбирательства своими процессуальными правами призвано сыграть положительную роль в становлении единообразия судебной практики по рассмотрению вопросов злоупотребления процессуальными правами. Таким образом, подводя итог исследования, необходимо отметить следующее.

В рамках настоящей работы были рассмотрены и проанализированы лишь некоторые вопросы, законодательные пробелы и правоприменительные проблемы, требующие разрешения и совершенствования. К примеру, такой проблемный аспект, как привлечение к ответственности контролирующих лиц должника при банкротстве, имеет как практические, так и законодательные изъяны, и пробелы. В этой связи представляется целесообразным еще более тщательным образом на законодательном уровне продумать наиболее рациональный и более гибкий порядок привлечения к субсидиарной ответственности контролирующего лица должника, что положительно скажется на оперативности судебных процедур.

Кроме того, при анализе материала, было отмечено, что на сегодняшний день на законодательном уровне не урегулирована процедура предварительного согласования совершения крупных сделок государственными и муниципальными унитарными предприятиями: законом прямо не предусмотрены последствия нарушения требований о согласовании крупной сделки с собственником имущества унитарного предприятия.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Российская газета. 2002. 20 ноября. № 249.
2. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 01.07.2018) // Российская газета. 2002 г. 02 ноября. № 209–210.
3. *Канцер Ю.А.* Привлечение к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в рамках дела о банкротстве // Общество: политика, экономика, право. 2011. № 4. С. 128–134.
4. *Ломакин Д.В.* Взаимосвязанные сделки юридических лиц. М.: Прогресс, 2018. С. 48.
5. *Мосин Е.Ф.* Взаимосвязанные сделки, квалифицируемые как крупная сделка // Юрист и бухгалтер. 2000. № 2. С. 6–8.

Также, и по сей день актуальной остается проблема участия аффилированных кредиторов в делах о банкротстве, несмотря на то, что Верховный Суд Российской Федерации в рамках правоприменительной практики в своих тщательнейших и во многом революционных разъяснениях уже устранил значительное количество пробелов в данной области.

В результате проведенного исследования представляется необходимым дополнить статью 71 и статью 100 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» пунктом 4.1 в следующей редакции: «при включении в реестр требований кредиторов требования лица, входящего в одну группу с должником или выступающего по отношению к нему аффилированным лицом, арбитражный суд истребует документы, свидетельствующие о реальном исполнении сделки, послужившей основанием для возникновения задолженности». Кроме того, избрание варианта противодействия привело бы к исключению необоснованных задолженностей из реестра требований кредиторов на основании судебных актов.

Обобщая приведенную информацию, можем сказать, что наметившаяся тенденция на усложнение процедуры оспаривания сделок является весьма позитивной. Считаем, что судебное оспаривание сделки не должно носить обычный характер, а должно использоваться только в тех случаях, когда такая сделка производится по результату недобросовестных действий. Считаем, что современное правовое регулирование сделок совместно с новейшими разъяснениями Верховного суда РФ отвечает задачи снижения числа случаев, когда необходимо оспаривать сделку.

Literature:

1. Civil Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law of November 14, 2002 № 138-FZ (as amended on August 3, 2018) // Russian Newspaper. 2002. November 20. November № 249.
2. On insolvency (bankruptcy): Federal law dated 10.26.2002 № 127-FZ (as amended on 01.07.2018) // Russian newspaper. 2002 November 2nd. № 209–210.
3. *Kantser Yu.A.* Bringing to the subsidiary liability of persons controlling the debtor in the framework of the bankruptcy case // Society: politics, economics, law. 2011. № 4. P. 128–134.
4. *Lomakin D.V.* Interconnected transactions of legal entities. M. : Progress, 2018.S. 48.
5. *Mosin E.F.* Interconnected transactions qualifying as a major transaction // Lawyer and accountant. - 2000. № 2. P. 6–8.

Чунихина Татьяна Николаевна
кандидат политических наук,
доцент,
кафедра социологии, правоведения
и работы с персоналом,
Кубанский государственный
технологический университет
tanithbook77@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Аннотация. В статье рассматривается современное состояние российского законодательства о правах и свободах человека и гражданина в условиях распространения цифровых технологий, оказывающих существенное воздействие на развитие государственных и общественных институтов. Автор исследует влияние цифровых технологий на содержание правового статуса личности, указывает на возможные преимущества и угрозы, связанные с развитием цифрового государства и общества. Подчеркивая, что существование информационного общества возможно только в условиях приоритета законных интересов личности, в особенности информационных прав и свобод. Делается вывод о необходимости эффективного обеспечения прав и свобод человека в информационной сфере, о проведении постоянной правотворческой работы на основе анализа правоприменительной практики.

Ключевые слова: цифровизация, информационное общество, информационные права и свободы, электронная демократия, правовой статус личности.

Положение личности в современном обществе и государстве находит выражение в ее правовых характеристиках, прежде всего, в юридическом статусе как совокупности прав, свобод, законных интересов, а также обязанностей. Индивиду, личность, человек выступает базовой единицей частной и общественной жизни, обладающей правосубъектностью, юридически закрепленной способностью выступать носителем закрепленных государством прав, обязанностей, осуществлять их, отвечать за их неправомерную реализацию.

В условиях глубокого проникновения цифровизации в область законодательства и текущего правоприменения, появления инновационных продуктов и сервисов, информационных и управленческих технологий, объем прав и свобод, обязанностей, гарантий их реализации, взаимной ответственности личности и государства существенно трансформируется. Формирующиеся государст-

Tatiana N. Chunikhina
Candidate of Political Sciences,
Associate Professor
of the Department of Sociology, Law
and Human Resources
Kuban State Technological University
tanithbook77@mail.ru

TRANSFORMATION OF THE LEGAL STATUS OF AN INDIVIDUAL IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF SOCIETY

Annotation. The article examines the current state of Russian legislation on human and civil rights and freedoms in the context of the spread of digital technologies that have a significant impact on the development of state and public institutions. The author examines the influence of digital technologies on the content of the legal status of the individual, points out the possible advantages and threats associated with the development of the digital state and society. Emphasizing that the existence of an information society is possible only in conditions of priority of the legitimate interests of the individual, especially information rights and freedoms. It is concluded that it is necessary to effectively ensure human rights and freedoms in the information sphere, and to conduct constant law-making work based on the analysis of law enforcement practice.

Keywords: digitalization, information society, information rights and freedoms, electronic democracy, legal status of the individual.

венные и общественные институты, оказывают существенное, порой противоречивое, влияние на правовое положение человека. Само государство обязуется не только признавать, т.е., закреплять в законодательстве права и свободы, но и обеспечивать их действительную реализацию, воздерживаться от любых действий, нарушающих или ущемляющих права и свободы, создавать фактические и юридические условия для их реализации. При этом такие же обязательства налагаются и на общество, в целом, и на отдельного гражданина, предполагая, что каждый человек осознает как свою значимость и уникальность, так и ценности другой личности.

Существование информационного общества предполагает, что права человека выступают определяющим фактором взаимодействия граждан и государства. Условием успешного, результативного развития информационного общества, по мнению А.А. Чеботаревой, является макси-

мально полная «включенность» каждого субъекта информационных отношений, каждого индивидуума, члена информационного общества во все процессы информатизации, осознание личностью как субъекта информационного социума, открываемых в результате внедрения информационно-телекоммуникационных технологий возможностей и преимуществ [1].

Информационное общество в России представляет собой новую постиндустриальную стадию эволюционного развития, формирующую единое информационное пространство с главными продуктами производства – информацией и знанием, а большинство работающих занято созданием, хранением, переработкой и реализацией информации. А.В. Терехов выделяет такие этапы становления данного вида общества в нашей стране, как:

– формирование основ государственного регулирования в сфере информатики и информатизации (1991–1995 гг.);

– смена приоритетов государства от информатизации к выработке полноценной информационной политики (1995–1999 гг.);

– переход к государственной информационной политике для построения российского информационного общества (1999 г. – настоящее время) [2].

На каждой из этих стадий права и свободы личности в сфере информационных отношений являются основой и ориентиром формирования цифрового общества и электронного государства. При этом важно отметить, что само информационное общество способствует появлению новых прав человека.

В понятие «информационные права и свободы» входит совокупность правомочий человека в информационной сфере: в области поиска, получения, передачи, производства и распространения информации, применения информационных технологий и сервисов, обеспечения защиты информации. Сама информация официально понимается как «сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления» [3] и становится в современных условиях универсальным товаром, обладающим «высокой потребительской стоимостью» [4]. В научной литературе высказывается мнение об отождествлении информации с особой частью энергии [5], «обладающей неким потенциалом, который способен в дальнейшем проявляться – оказывать влияние на системы, к которым будет обращен» [6].

Базовым информационным правом человека в Российской Федерации, закрепленным Конституцией государства, является право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (ч. 4 ст. 29). Также, Основной закон гарантирует свободу мысли и слова (ч. 1 ст. 29), свободу массовой информации (ч. 5 ст. 29), устанавливает право на свободу выбора и распространения своих убеждений (ст. 28), запрет принуждения к

выражению своих мнений и убеждений или отказа от них (ч. 3 ст. 29).

Часть конституционных прав и свобод и возможность их непосредственной реализации напрямую связана с базовыми информационными правами. К таким правам относятся:

– право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (ч. 1, ст. 23);

– на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ч. 2, ст. 23);

– на ознакомление с документами и материалами, непосредственно затрагивающими права и свободы человека (ч. 2, ст. 24);

– на обращение лично, а также направление индивидуальных и коллективных заявлений, жалоб, предложений в государственные органы и органы местного самоуправления (ст. 33);

– на достоверную информацию о состоянии окружающей среды (ст. 42). Устанавливается запрет на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия (ч. 1, ст. 24);

– не допускается сокрытие должностными лицами фактов и обстоятельств, создающих угрозу для жизни и здоровья людей (ч. 3, ст. 41). При расширительной трактовке содержания информационных правомочий гражданина, к ним также можно отнести право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества (ч. 2, ст. 26);

– на свободу творчества и преподавания, охрану интеллектуальной собственности (ч. 1, ст. 44);

– на участие в культурной жизни и доступ к культурным ценностям (ч. 2, ст. 44);

– на получение квалифицированной юридической помощи (ч. 1, ст. 48). Реализация любого конституционного права, так или иначе, соприкасается и дополняется информационными правомочиями.

Возьмем, к примеру, право на образование, гарантированное статьей 43 Конституции Российской Федерации. Федеральным законом «Об образовании» [7] на органы государственной власти федерального и регионального уровней, органы местного самоуправления и образовательные организации возлагается:

– обязанность обеспечивать открытость и доступность информации о системе образования (ст. 97);

– закрепляется информационное обеспечение управления в системе образования, создаются соответствующие государственные информационные системы (ч. 1, ст. 98);

– гарантируется общедоступность информации, содержащейся в основных образовательных программах п. 10, ч. 4, ст. 12;

– предоставляется возможность получения электронного обучения как вида образовательной деятельности с применением информационных технологий, технических средств, информационно-телекоммуникационных сетей, обеспечивающих передачу по линиям связи образовательной информации, предполагается активное взаимодействие обучающихся и педагогических работников (ч. 1, ст. 16);

– обеспечивается создание условий для функционирования электронной информационно-образовательной среды (ч. 3, ст. 16);

– на образовательные организации возлагается обязанность формирования библиотек, в том числе, цифровых (электронных), дающих доступ к профессиональным базам данных, информационным справочным и поисковым системам, а также иным информационным ресурсам (ч. 1, ст. 18).

Часть 1 статьи 37 Конституции России устанавливает свободу труда, право каждого на свободное распоряжение своими способностями к труду, на выбор рода деятельности и профессии. Но для реализации этого конституционного права необходимо обладать сведениями о характере и специфике трудовой деятельности, особенностях условий труда и т.п. Трудовой кодекс Российской Федерации [8] к основным правам работника относит:

- право на полную и достоверную информацию об условиях труда и требованиях охраны труда на рабочем месте, на информацию о выполнении коллективных договоров и соглашений (ст. 21);

- закрепляет, что при участии работников в управлении организацией, работодатели обязаны предоставлять информацию по вопросам, непосредственно затрагивающим интересы работников, как то реорганизация или ликвидация организации, изменение условий труда, подготовка и дополнительное профессиональное образование и другим (ст. 53);

- обеспечивает работникам защиту персональных данных, хранящихся у работодателя (ст. 89).

Современные технологии позволяют выполнять трудовую функцию и вне места работы и рабочего места, то есть речь идет о дистанционном труде. Такой вид нестандартной занятости привел к появлению новой 49.1 главы в Трудовом кодексе РФ «Особенности регулирования труда дистанционных работников» [9]. Специальный субъект трудовых отношений – «дистанционный работник» – заключает трудовой договор о выполнении работы вне места расположения работодателя, в том числе, в другой местности, вне стационарного рабочего места, территории или объекта, прямо или косвенно находящихся под контролем работодателя с использованием сети «Интернет» и других видов связи.

Частью 1 статья 41 Конституции РФ установлено право каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь. В соответствии с законодательством, граждане имеют право на получение достоверной

и своевременной информации о факторах, способствующих сохранению здоровья или оказывающих на него вредное влияние, включая информацию о санитарно-эпидемиологическом благополучии района проживания [10]. В некоторых случаях государство возлагает на себя обязательство сообщать населению о мерах профилактики заболеваний, например, государством гарантируется регулярное информирование населения, в том числе через средства массовой информации, о доступных мерах профилактики ВИЧ-инфекции [11]. На должностных лиц, медицинские и фармацевтические организации возлагается ответственность за сокрытие фактов и обстоятельств, создающих угрозу для жизни и здоровья людей [12]. А отраслевыми актами конкретизируются формы и размеры этой ответственности [13].

Цифровые технологии дают человеку, и, прежде всего, гражданину, значительно больше возможностей для взаимодействия с государством. Внедрение в повседневную практику электронных способов получения информации, используя единый портал государственных и муниципальных услуг, единую систему идентификации и аутентификации (ЕСИА) физическое лицо обретает возможность санкционированного доступа к сведениям, содержащимся в государственных и иных информационных системах.

С помощью интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» совершеннолетние граждане могут выдвигать общественные инициативы по вопросам социально-экономического развития страны, совершенствования государственного и муниципального управления, голосуют за них. Для этого необходимо зарегистрироваться в электронной системе оказания услуг и заполнить специальную форму. Гражданин указывает, к какому уровню власти: федеральному, региональному или местному относится его предложение. После предварительной экспертизы инициатива размещается на интернет-ресурсе, работу которого обеспечивает Фонд развития информационной демократии. В течение года, начиная с даты размещения инициативы на сайте проводится голосование. Если предложение не получило необходимого числа голосов граждан, оно снимается с рассмотрения. Федеральная общественная инициатива должна набрать минимум 100 тыс. голосов. Далее экспертной группой готовится заключение и решение о разработке нормативно-правовых актов либо принятии иных мер по ее реализации [14].

Действующее российское законодательство подробно регламентирует право гражданина направлять в органы государственной власти и местного самоуправления, любым должностным лицам предложения, заявления и жалобы в форме электронного документа [15], а также запрашивать информацию в виде электронного документа о деятельности органов государственной и муниципальной власти и их должностных лицах [16].

Среди основных принципов предоставления государственных и муниципальных услуг указана

возможность получения таких услуг в электронной форме, если это не запрещено законом [17]. Предоставление государственных и муниципальных услуг в электронной форме осуществляется на базе информационных систем, включая государственные и муниципальные информационные системы, составляющие информационно-технологическую и коммуникационную инфраструктуру. Таким образом, применение информационных технологий способствует более эффективному решению проблем в сфере публичных услуг посредством повышения доверия к власти, снижения бюджетных расходов, ускорения обработки и передачи информации.

Подобные элементы электронной демократии: электронное голосование, электронные петиции, цифровизация политических партий и иных общественных формирований и тому подобные, обеспечивают сетевое взаимодействие общества и государства, оптимальную связь органов власти с гражданами. При этом сами органы управления, становясь открытыми для населения, меняя формы деятельности самого государства. Каждый гражданин оказывается непосредственным носителем государственной власти, использует свои политические права и свободы лично, без посредников. У человека появляется возможность обратиться к любому должностному лицу и выразить свое отношение к принимаемым решениям, происходящим событиям. Дальнейшее развитие демократических институтов немислимо без совершенствования элементов электронной демократии как ресурса к использованию информационных технологий для расширения объема политических прав и свобод каждого гражданина и электронного правительства как средства повышения оперативности и удобства доступа к государственным и муниципальным услугам.

Глобальная информатизация общества обуславливает появление новой системы ценностей, новых возможностей, а, следовательно, и потребностей человека, что, в свою очередь, влечет изменение действующего законодательства. Информационное общество вызывает к жизни новые права человека, наполняет новым содержанием действующие правомочия.

Гарантированное конституционное право на судебную защиту (ст. 46 Конституции РФ) дополняется возможностью гражданина направлять в арбитражные суды и суды общей юрисдикции ходатайства, заявления, жалобы, доказательства по делу в электронном виде, для чего любой документ подписывается электронной подписью и подается через сайт суда. Для этого необходимо завести аккаунт на сайте государственных услуг, чтобы зайти в свою учетную запись в информационной системе «Мой арбитр» для последующей подачи документа в судебный орган [18]. Также, в электронном виде могут выноситься и судебные решения за исключением решений, содержащих охраняемые законом сведения. Закон предусматривает онлайн-трансляцию судебных заседаний и сроки размещения судебных актов в Интернет. В целях реализации принципов открытости и доступности информации о деятельности судов, ее достоверности и своевременности предоставления,

свободы поиска, получения, передачи и распространения такой информации, был принят Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» [19]. Эти юридические новеллы обеспечивают удобство правосудия для общества.

Право гражданина на охрану своего изображения детализируется законодательством [20] возможностью требовать удаления изображения, распространенного в сети «Интернет» в связи с нарушением правил о его согласии на подобные действия.

Современная правоприменительная практика также способствует появлению новых прав гражданина в связи с повышением социальной роли информации и развития информационных технологий. С 2015 года законодательно закреплено, так называемое, «право на забвение» [21], суть которого в праве субъекта персональных данных добиваться прекращения оборота тех или иных данных. Человек наделяется правом требовать удаления данных о себе из свободного доступа так, чтобы эти данные не были доступны третьим лицам, понуждать поисковые системы ликвидировать ссылки на персональную информацию. Таким способом дополняются правомочия человека на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (ч. 1, ст. 23 Конституции РФ), предоставляется возможность контролировать информацию о самом себе, препятствовать разглашению сведений личного, интимного характера, устранять контроль со стороны общества. Нормативное закрепление «права на забвение» призвано, по мнению Е.С. Рогатко, «обеспечить баланс между правом на неприкосновенность частной жизни, защиты персональных данных и правом на свободу слова, а также доступа информации» [22].

В практику гражданского оборота вводится новый термин «цифровые права» [23] как разновидность имущественных прав среди безналичных денежных средств и бездокументарных ценных бумаг. В соответствии с новой статьей 141.1 Гражданского кодекса, ими называются обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе, передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение его распоряжением возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу. Следующим шагом законодателя станет принятие актов о цифровых финансовых активах и цифровых инвестициях.

Показателем происходящих в Российской Федерации перемен служит создание устойчивого нормативного законодательства в области информационных прав личности, их государственное гарантирование. Детализация части 4 статьи 29 Конституции России предусмотрена положениями таких правовых актов, как федеральные законы «Об информации, информационных технологиях и защите информации» [24], «О

персональных данных» [25], «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» [26], «О средствах массовой информации» [27]; «Об электронной подписи» [28]. Активно формируется подзаконная правовая база [29].

В основополагающем документе цифровой трансформации российского общества – «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [30], основными принципами формирования информационного общества являются:

– обеспечение права граждан на доступ к информации, законность и разумность достаточности при сборе, накоплении и распространении информации о гражданах и организациях;

– свобода выбора средств получения знаний при работе с информацией;

– защита интересов российских граждан в информационной среде. Реализация с 2017 года программы «Цифровая экономика Российской Федерации» направлена на создание условий для развития в государстве нового общества знаний, на повышение благосостояния и качества жизни граждан. Цифровизация должна способствовать развитию информационного пространства с учетом потребностей людей в получении качественных и достоверных сведений, улучшить доступность и качество государственных услуг, повысить степень информированности и цифровой грамотности, обеспечить государственную безопасность.

Исходя из этих потребностей, правовой статус личности существенно трансформируется. Интересы общества и личности в информационной сфере должны быть удовлетворены со стороны всех возможных запросов: обеспечено право на доступ к информации, гарантировано участие гражданина в правотворческой деятельности и получение государственных и муниципальных услуг в электронной форме, реализовано право на защиту с помощью элементов электронного правосудия.

Как замечает С.М. Шахрай, «на сегодняшний день технологии чаще используются для фактического нарушения этих (информационных) прав, чем их гарантий» [31]. Появление новых цифровых прав, а также дополнительных возможностей реализации уже существующих правомочий приводит и к дополнительным возможностям их нарушения. В сферу рисков можно отнести такие вопросы, как:

– создание единого безопасного информационного пространства;

– неравенство граждан в цифровом государстве в связи с отсутствием равного доступа к информационно-коммуникационным технологиям;

– сохранность персональных данных и неприкосновенность частной информационной среды, включая тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений;

– защита цифровой публичной инфраструктуры;

– качество предоставляемых публичных услуг и ответственность за его нарушение;

– защита цифровых интеллектуальных прав как традиционных объектов авторского права (произведений науки, литературы, искусства), так и цифровых объектов (программ для ЭВМ и др.)

– рамки свободы слова в виртуальных сетях;

– обеспечение права на создание и публикацию цифровой информации;

– электронная идентификация личности;

– юридический статус новых субъектов правоотношений, так называемых «цифровых личностей», информационных посредников и т.п.;

– регламентирование новых объектов права (криптовалюта, вещей, созданных с помощью цифровых технологий и т.п.);

– защита государственной, служебной и коммерческой тайны;

– рост масштабов компьютерной преступности.

Цифровая реальность требует новейшего механизма правового регулирования. Устанавливая правила, анализируя их реализацию субъектами, государство стремится исправлять ошибки, ликвидировать проблемы.

В Уголовном кодексе РФ многие преступления дополняются новыми квалифицирующими обстоятельствами отягчающего характера: «совершение преступления с использованием информационно-коммуникативных сетей, включая сеть «Интернет», например, п. «д» ч. 2, ст. 110 «Доведение до самоубийства», п. «д» ч. 3, ст. 110.1 «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства», п. «в» ч. 2, ст. 151.2 «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего»; ч. 1, ст. 171.2 «Незаконная организация и проведение азартных игр», ч. 1, ст. 185.3 «Манипулирование рынком», ч. 2, ст. 205.2 «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма», п. «б» ч. 2, ст. 228.1 «Незаконное производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконный сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, п. «г» ч. 2, ст. 245 «Жестокое обращение с животными» и другие.

Установлена административная ответственность за изготовление и распространение продукции средств массовой информации, содержащей нецензурную брань [32]. К мелкому хулиганству отнесено распространение в информационно-коммуникационных сетях информации, выражающейся в неприличной форме, которая оскорбляет

человеческое достоинство и общественную нравственность [33].

Для защиты детей от информации, которая может причинить вред их здоровью и (или) развитию, принят специальный закон [34], в соответствии с которым определены виды подобной информации, установлены требования к обороту информационной продукции, в том числе распространяемой посредством информационно-телекоммуникационных сетей.

В целях ограничения доступа к сайтам, содержащим информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено, Правительство Российской Федерации приняло постановление «О единой автоматизированной информационной системе «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено» [35].

Согласно Федеральному закону «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и Федеральному закону «О муниципальной службе в Российской Федерации», государственные служащие не могут свободно распространять информацию от своего имени. Служащие и граждане, претендующие на замещение должностей гражданской службы, представляют нанимателю сведения об адресах сайтов и (или) страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», на которых они размещали

Литература:

1. *Чеботарева А.А.* Проблемы информационной безопасности личности в механизме взаимодействия государства и информационного общества // Вестник УрФО. Безопасность в информационной сфере. 2016. № 1(19). С. 56–60.
2. *Терехов А.В.* Конституционные права и свободы как основа формирования информационного общества // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.А. Вернадского. 2014. № 5(49). С. 117–122. С. 120.
3. Ст. 2 ФЗ от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».
4. *Бабаев А.Б.* Информация как универсальный товар в период развития цифровой экономики / А.Б. Бабаев, Т.Н. Егорюшкина // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 1. С. 11–17. С. 12.
5. См.: *Босчаева З.Н.* О феномене развития информации как форме энергии // Энергетическая политика. 2014. № 5. С. 80–88; *Овчинский А.С., Чеботарева С.О.* Информационный кумулятивно-резонанский эффект в воздействиях на массовой

общедоступную информацию, а также – данные, позволяющие их идентифицировать [36].

Для защиты граждан от мошеннических действий с их недвижимостью, совершаемых при помощи электронной подписи, приняты дополнения в федеральное законодательство [37]. Устанавливается, что переход права на недвижимость физического лица на основании заявления, поданного в электронной форме, будет осуществляться только в том случае, если собственник заранее уведомил Росреестр о возможности такой формы подачи документа.

Современное информационное общество и цифровое государство могут эффективно развиваться только в правовом государстве, где верховенство принадлежит закону. Правовой статус личности выступает той политико-юридической категорией, которая неразрывно связана с состоянием законности во всех сферах общественной жизни. А конституционное право на информацию, будучи фундаментальным правом человека, имеет исключительную ценность, поскольку представляет собой связующее звено между системой основных прав и свобод и функционированием правового государства, а также – активно способствует модернизации публичного управления. Эффективное и гарантированное обеспечение прав и свобод человека в информационной сфере требует постоянной правотворческой работы на основе анализа правоприменительной практики и складывающихся жизненных реалий, следствием чего должно стать не только обозначение запретов и определение ограничений, а оптимальное сочетание частных и публичных интересов.

Literature:

1. *Chebotareva A.A.* Problems of personal information security in the mechanism of interaction between the state and the information society // Bulletin of the Urals Federal District. Security in the information field. 2016. № 1(19). P. 56–60.
2. *Terekhov A.V.* Constitutional rights and freedoms as the basis for the formation of the information society // Questions of modern science and practice. University named after V.A. Vernadsky. 2014. № 5(49). P. 117–122. P. 120.
3. Art. 2 FZ of July 27, 2006 № 149-FZ «On Information, Information Technologies and the Protection of Information».
4. *Babaev A.B.* Information as a universal product during the development of the digital economy / A.B. Babaev, T.N. Egorushkina // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2019. № 1. P. 11–17. P. 12.
5. See: *Boschayev Z.N.* On the phenomenon of the development of information as a form of energy // Energy policy. 2014. № 5. P. 80–88; *Ovchinsky A.S., Chebotareva S.O.* Information cumulative resonance effect in the effects on the mass consciousness //

сознание // Социально-гуманитарное обозрение. 2017. № 4. С. 45–47.

6. Быков А.Ю. К вопросу о понятии «информация» // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2006. № 2 (57). С. 6–10. С. 10.

7. Об образовании: ФЗ от 29.12.2012. № 273-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // СЗ РФ. 31.12.2012. № 53 (Ч. 1). Ст. 7598.

8. Трудовой кодекс от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Парламентская газета. 2002. 5 января. № 2–5.

9. О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ: ФЗ от 05.04.2013 № 60-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1668.

10. Ст. 23 ФЗ от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

11. Ст. 4 ФЗ от 30.03.1995 г. № 38-ФЗ «О предупреждении распространения в РФ заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)» // СЗ РФ. 1995. № 14. Ст. 1212.

12. Ст. 237 Уголовного кодекса РФ возлагает ответственность за сокрытие или искажение информации о событиях, фактах или явлениях, создающих опасность для жизни или здоровья людей на лиц, обязанных обеспечивать население и органы, уполномоченные на принятие мер по устранению подобной опасности.

13. См.: ст.ст. 1084, 1085 Гражданского кодекса РФ; ст.ст. 124, 235, 235.1, 236, 238.1 Уголовного кодекса РФ; ст.ст. 6.17, 6.28, 6.30, 6.33 Кодекса РФ об административных правонарушениях.

14. П. 24 Правил рассмотрения общественных инициатив, направленных гражданами РФ с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива», утв. Указом Президента РФ от 4 марта 2013 г. № 183 // СЗ РФ. 2013. № 10. Ст. 1019.

15. О порядке рассмотрения обращений граждан РФ: ФЗ от 02.05.2006 № 59-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 19. Ст. 2060.

16. Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления: ФЗ от 09.02.2009 № 8-ФЗ // СЗ РФ. 2009. № 7. Ст. 776.

17. Ст. 4 Федерального закона от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4179.

18. О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части применения

Social and Humanitarian Review. 2017. № 4. P. 45–47.

6. Bykov A. Yu. On the issue of the concept of «information» // Bulletin of the South Ural State University. Ser. : Social sciences. 2006. № 2(57). P. 6–10. P. 10.

7. About education: Federal Law of December 29, 2012. № 273-FZ (as amended on July 26, 2019) // SZ RF. 12/31/2012. № 53 (Part 1). Art. 7598.

8. Labor code dated 30.12.2001 № 197-FZ // Parliamentary newspaper. 2002. January 5th. № 2–5.

9. On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of 04/05/2013 № 60-FZ // Federal Law of the Russian Federation. 2013. № 14. Art. 1668.

10. Art. 23 FZ of November 21, 2011 № 323-FZ «On the Basics of Protecting the Health of Citizens in the Russian Federation» // SZ RF. 2011. № 48. Art. 6724.

11. Art. 4 Federal Law of 03.30.1995 № 38-ФЗ «On Preventing the Spread in the Russian Federation of a Disease Caused by the Human Immunodeficiency Virus (HIV Infection)» // SZ RF. 1995. № 14. Art. 1212.

12. Art. 237 of the Criminal Code of the Russian Federation assigns responsibility for concealing or misrepresenting information about events, facts or phenomena that endanger the life or health of people on persons obligated to provide the population and bodies authorized to take measures to eliminate such a danger.

13. See: Art. 1084, 1085 of the Civil Code of the Russian Federation; Art. 124, 235, 235.1, 236, 238.1 of the Criminal Code of the Russian Federation; Art. 6.17, 6.28, 6.30, 6.33 of the Code of the Russian Federation on administrative offenses.

14. P. 24 of the Rules for the consideration of public initiatives directed by citizens of the Russian Federation using the Internet resource «Russian Public Initiative», approved. Decree of the President of the Russian Federation of March 4, 2013 № 183 // SZ RF. 2013. № 10. Art. 1019.

15. On the procedure for considering applications from citizens of the Russian Federation: Federal Law of 02.05.2006 № 59-FZ // Federal Law of the Russian Federation. 2006. № 19. Art. 2060.

16. On providing access to information on the activities of state bodies and local authorities: Federal Law of 09.02.2009 № 8-FZ // SZ RF. 2009. № 7. Art. 776.

17. Art. 4 of the Federal Law of July 27, 2010 № 210-ФЗ «On the Organization of the Provision of State and Municipal Services» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2010. № 31. Article 4179.

18. On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation regarding the use of electronic

- электронных документов в деятельности органов судебной власти: ФЗ от 23.06.2016 № 220-ФЗ // СЗ РФ. 2016. № 26 (ч. I). Ст. 3889.
19. Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (Ч. I). Ст. 6217.
20. Ст. 152.1 Гражданского кодекса РФ (часть первая) «Охрана изображения гражданина».
21. О внесении изменений в ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса РФ: ФЗ от 13.07.2015 № 264-ФЗ // СЗ РФ. 20.07.2015. № 29 (ч. I). Ст. 4390.
22. *Rogatko E.S.* «Право на забвение» как средство реализации права на неприкосновенность личной жизни // Устойчивое развитие науки и образования. 2019. № 2. С. 110–117. С. 111.
23. О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса РФ: ФЗ от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ // СЗ РФ. 2019. № 12. Ст. 1224.
24. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448
25. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 31 (Ч. 1). Ст. 3451.
26. Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ // СЗ РФ. 2009. № 7. Ст. 776.
27. Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 13.02.1992. № 7. Ст. 300.
28. Федеральный закон от 6 апреля 2011 года № 63-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 15. Ст. 2036.
29. См.: Об утверждении Доктрины информационной безопасности РФ: Указ Президента РФ от 05.12.2016 г. № 646 // СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074; Об утверждении государственной программы РФ «Информационное общество»: Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 // СЗ РФ. 2014. № 18 (Ч. II). Ст. 2159 и др.
30. О стратегии развития информационного общества в РФ на 2017–2030 годы: Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.
31. *Shahrai S.M.* «Цифровая» Конституция. Судьба основных прав и свобод личности в тотальном информационном обществе. URL : http://www.isprras.ru/pics/File/News/Doklad_20042018.pdf (дата обращения 08.12.2019).
32. О внесении изменений в статью 4 Закона РФ «О средствах массовой информации» и статью 13.21 Кодекса РФ об административных
- documents in the activities of the judiciary: Federal Law of 23.06.2016 № 220-ФЗ // Federal Law of the Russian Federation. 2016. № 26 (part I). Art. 3889.
19. Meeting of the legislation of the Russian Federation. 2008. № 52 (Part I). Art. 6217.
20. Art. 152.1 of the Civil Code of the Russian Federation (part one) «Protection of the image of a citizen».
21. On amendments to the Federal Law «On Information, Information Technologies and Information Protection» and Articles 29 and 402 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law of July 13, 2015 № 264-FZ // Federal Law of the Russian Federation. 07/20/2015. № 29 (Part I). Art. 4390.
22. *Rogatko E.S.* «The right to oblivion» as a means of exercising the right to privacy of the person» // Sustainable development of science and education. 2019. № 2. P. 110–117. P. 111.
23. On amendments to parts one, two and article 1124 of part three of the Civil Code of the Russian Federation: Federal Law of March 18, 2019 № 34-FZ // Federal Law of the Russian Federation. 2019. № 12. Art. 1224.
24. Federal law of July 27, 2006 № 149-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. 2006. № 31 (Part 1). Art. 3448
25. Federal Law of July 27, 2006 № 152-FZ // SZ RF. 2006. № 31 (Part 1). Art. 3451.
26. Federal law dated 09.02.2009 № 8-FZ // SZ RF. 2009. № 7. Art. 776.
27. Law of the Russian Federation of December 27, 1991 № 2124-1 // Vedomosti SND and Armed Forces of the Russian Federation. 02/13/1992. № 7. Art. 300.
28. Federal law of April 6, 2011 No. 63-FZ // SZ RF. 2011. № 15. Art. 2036.
29. See: On the approval of the Doctrine of Information Security of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of December 5, 2016 № 646 // SZ RF. 2016. № 50. Article 7074; On approval of the state program of the Russian Federation «Information Society»: Decree of the Government of the Russian Federation of 04.15.2014 № 313 // SZ RF. 2014. № 18 (Part II). Art. 2159 and others
30. On the development strategy of the information society in the Russian Federation for 2017-2030: Decree of the President of the Russian Federation of 05.09.2017 № 203 // SZ of the Russian Federation. 2017. № 20. Art. 2901.
31. *Shahrai S.M.* «Digital» Constitution. The fate of the fundamental rights and freedoms of the individual in a total information society. URL : http://www.isprras.ru/pics/File/News/Doklad_20042018.pdf (date of appeal 08.12.2019).
32. On amendments to Article 4 of the Law of the Russian Federation «On Mass Media» and Article 13.21 of the Code of the Russian Federation on

правонарушениях»: ФЗ от 05.04.2013 № 34-ФЗ // СЗ РФ. 2019. № 18. Ст. 2213.

33. См.: Ч. 3, ст. 20.1 КоАП РФ; О внесении изменений в Кодекс РФ об административных правонарушениях: ФЗ от 18.03.2019 № 28-ФЗ // СЗ РФ. 2019. № 12. Ст. 1218.

34. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: ФЗ от 29.12.2010 № 436-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 48.

35. Постановление Правительства РФ от 26.10.2012 № 1101 // СЗ РФ. 2012. № 44. Ст. 6044.

36. Федеральный закон от 30.06.2016 № 224-ФЗ // СЗ РФ. 2016. № 27 (Ч. I). Ст. 4157.

37. О внесении изменений в ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»: ФЗ от 02.08.2019 № 286-ФЗ // СЗ РФ. 2019. № 31. Ст. 4445.

Administrative Offenses: Federal Law of 04.04.2013 № 34-ФЗ // Federal Law of the Russian Federation. 2019. № 18. Art. 2213.

33. See: part 3 of article 20.1 Administrative Code of the Russian Federation; On Amendments to the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses: Federal Law of March 18, 2019 № 28-ФЗ // Federal Law of the Russian Federation. 2019. № 12. Art. 1218.

34. On the protection of children from information harmful to their health and development: Federal Law of December 29, 2010 № 436-FZ // SZ RF. 2011. № 1. Art. 48.

35. Decree of the Government of the Russian Federation of October 26, 2012 № 1101 // SZ RF. 2012. № 44. Art. 6044.

36. Federal law dated 30.06.2016 № 224-FZ // SZ RF. 2016. № 27 (part I). Art. 4157.

37. On amendments to the Federal Law «On State Registration of Real Estate»: Federal Law of 02.08.2019. № 286-ФЗ // SZ RF. 2019. № 31. Art. 4445.

Ястребова Оксана Ивановна
кандидат социологических наук,
доцент кафедры языкознания
и иностранных языков,
Российский государственный
университет правосудия,
Северо-Кавказский филиал
miss.oxenia@yandex.ru

Пономаренко Вера Анатолиевна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры языкознания
и иностранных языков,
Российский государственный
университет правосудия,
Северо-Кавказский филиал
veraponomarenko@yandex.ru

ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА КАК АРЕНА МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Аннотация. Статья посвящена анализу места юридической лингвистики в структуре международного сотрудничества правоведов. В частности, авторами отмечается, что для осуществления адекватного перевода юридических текстов необходимо наличие достаточно глубоких специальных знаний, поэтому такие переводы должны осуществляться юристами, а не профессиональными переводчиками. Такая практика, в частности, получила широкое распространение в администрации ЕС. Именно поэтому при переводе юридических текстов следует неукоснительно соблюдать определённые правила.

Ключевые слова: лингвистика, юридическая лингвистика, право, языкознание, юриспруденция, правовая коммуникация, международное право.

Привлечение юридической лингвистики в процессе сотрудничества на международной арене, в первую очередь, обусловлено трудностями перевода. Они, чаще всего, появляются, если переводимый текст, связан со сферой, где особенности национальной и региональной специфики правовой системы выражены особенно ярко. В то же время, тексты из областей права, связанных с международным сотрудничеством и обменом, достаточно легко переводятся и поддаются правильному толкованию. Это означает, что работа с ними практически не требует помощи специалистов из области лингвистики. Кроме того, в данную категорию ещё входят некоторые области права, параллельно и синхронно формирующиеся и развивающиеся в странах, находящихся на приблизительно одном и том же уровне общественно-экономического

Oksana I. Yastrebova
Candidate of Sociological Sciences,
Assistant Professor of Linguistics
and Foreign Languages,
Russian State University of Justice,
North Caucasian branch
miss.oxenia@yandex.ru

Vera A. Ponomarenko
Candidate of Philology,
Assistant Professor of Linguistics
and Foreign Languages,
Russian State University of Justice,
North Caucasian branch
veraponomarenko@yandex.ru

LEGAL LINGUISTICS AS AN ARENA OF INTERNATIONAL COOPERATION

Annotation. The article is devoted to the analysis of the place of legal linguistics in the structure of international cooperation of legal scholars. In particular, the authors note that sufficient expertise is needed to carry out adequate translation of legal texts, so such translations should be carried out by lawyers rather than professional translators. This practice, in particular, has become widespread in the EU administration. That is why when translating legal texts it is necessary to strictly observe certain rules.

Keywords: linguistics, legal linguistics, law, linguistics, jurisprudence, legal communication, international law.

развития. Сюда можно отнести, например, области права, связанные с защитой окружающей среды.

Тексты, подвергающиеся переводу, как правило, относятся к самым разнообразным типам. При их переводе необходимо учитывать, что для любой категории текстов, свойственны присущие только ей стиль и языковые особенности, в первую очередь это касается законов и судебных решений. Их специфика должна быть по возможности полно сохранена в тексте перевода.

В том случае, когда между языками и правовыми системами существует определённое родство, то сделать перевод намного легче. Однако наличие языкового родства, при этом, в заметно отличающихся друг от друга правовых системах, может вызвать у переводчика большие трудности.

Поэтому при переводе юридических текстов следует неукоснительно соблюдать определённое правило. Данные тексты необходимо всегда переводить с оригинального языка и избегать повторного перевода с уже переведенного текста. Только так можно сохранить подлинное содержание юридического текста. К большому сожалению, на практике такие случаи часто имеют место. В первую очередь, это относится к переводам отчетов о положении дел в разнообразных правовых сферах деятельности многих иностранных государств. Такие переводы, чаще всего, делаются с «общего», наиболее распространённого английского языка.

Для осуществления адекватного перевода юридических текстов необходимо наличие достаточно глубоких специальных знаний, поэтому такие переводы должны осуществляться юристами, а не профессиональными переводчиками. Такая практика, в частности, получила широкое распространение в администрации ЕС. Там юристы обязательно подвергают проверке тексты, переведённые переводчиками. А в различных судебных инстанциях ЕС обязанности переводчиков исполняют только юристы. Качество перевода зависит от его точности, понятности и стиля [1, с. 67]. Эти факты указывают на то обстоятельство, что юридическая лингвистика приобретает всё большее значение на арене международного сотрудничества.

Однако в реальной практике возникают ситуации, часто исключаящие друг друга. Значимость таких характеристик перевода юридического текста как понятность, точность и стиль имеют большие различия в зависимости от его характера, возложенных на него функций и адресата. Если мы имеем дело с переводом различных юридических дискуссий, которые предназначены для широкого круга читателей с целью ознакомления с какими-либо правовыми вопросами, то понятность проблемы и стиль изложения будут важнее скрупулёзной точности передачи информации. А вот при переводе приговора суда, который будет приведен в исполнение в другом государстве, неукоснительная точность становится важнейшим требованием.

Еще одним аспектом для расширения границ применения юридической лингвистики является то обстоятельство, что в международных соглашениях тексты на любых официальных государственных языках имеют одинаковую юридическую силу в отличие от неофициальных языков. Тексты законов в государствах с несколькими официальными языками обладают одинаковой юридической силой, также как и тексты конституции на всех языках, имеющих государственный статус. Данное правило распространяется и на правовые документы в ЕС. В тоже время, при толковании законов и иных юридических актов в ЕС обязательно требуется сравнение их текстов на различных официальных языках. Таким образом, использование нескольких официальных языков, без постоянной экспертизы юридических лингвистов, повышает риск нарушения правовой безопасности.

Использование правовой лингвистики на арене международного сотрудничества, не должно ограничиваться, как практикуется в настоящее время, только переводом текстов законов и их толкованием, и лингвистической экспертизой. Необходимо расширять базу использования данного междисциплинарного направления. С позиций юридической лингвистики должны подвергаться анализу речь, язык, тексты, аргументация и психология речевой коммуникации в международной правовой сфере.

Самостоятельной ветвью юридической лингвистики на арене международного сотрудничества должна стать общая теория процессуального права. Важнейшей задачей в данной сфере, в первую очередь, должно стать исследование языковой природы процессуального права, как в целом, так и в отдельных странах, а также в отдельных процессуальных институтах. Таким образом, объектом исследований современной юридической лингвистики при сотрудничестве на международной арене должен стать целый комплекс языковых явлений, которые находятся на стыке лингвистики, юриспруденции, риторики, психологии, психоанализа теории аргументации, и ряда других наук [1, с. 68].

Языки права несут в себе важнейшие черты общенациональных языков. Они функционально отвечают задачам кодификации правил нормативного регулирования общественных отношений. Каждый такой язык служит для отражения устойчивых стереотипов поведения в правосознании и лингвокультуре. Задачи юридической лингвистики на арене международного сотрудничества определяются тем, что необходимо приведение этих языков к общему знаменателю.

Правовым языкам присуща очень высокая степень абстрактности, что выявляется при анализе их категорий. Но сами правовые категории очень конкретны, это связано с тем, что практически каждая из них заключает в себе четко регламентированный набор действий и обстоятельств, определяющих сущность данной категории. Ещё один характерным моментом следует выделить тот факт, что язык права связан с отраслевой тождественностью, которая появляется в результате системного характера правовых понятий. Благодаря этому, появляется возможность описания и трактовки любой конкретной области социальной реальности на основе категорий языка права, их взаимосвязи и взаимодействия. Конфликт между командным характером правовых норм и изменчивостью, вариативностью и неопределённостью языковых норм приводит к широко известному противоречию, которое состоит в том, что лингвисты, в отличие от юристов, очень часто оказываются неспособными вынести окончательный и однозначный приговор. Поэтому в юридической лингвистике, для характеристики прагматического аспекта нормативности правомерно введение понятия этико-речевой нормы [2].

В настоящее время не меньшую актуальность в правовой лингвистике имеет анализ интерпретации текста. Это обстоятельство связано с тем, что результаты проводимой экспертизы во многом

обусловлены тем, что они лежат в основе интерпретации. В основе данного явления лежит полифункциональность языка, которая определяется тем, что в одной лексической единице возможно присутствие социальных, правовых и когнитивно-языковых норм. Поэтому для исследователей, которые занимаются изучением продуктов речевой деятельности в области правового дискурса, является очень актуальной проблема соотношения «правовых дефиниций» и «языковых утилитарных понятий». Вынесение этих проблем в сферу международного сотрудничества требует новых исследований в области юридической лингвистики.

Рассмотрим следующий пример. В английском языке, используемом в правовой сфере, с одной стороны, присутствует общеанглийская правовая терминология. Для неё характерна вариантность терминов, терминимов и номенов. С другой стороны, существуют ещё и национально-правовые системы терминов. В них, наоборот, за каждым термином строго закреплено определённое правовое понятие. На этом основании любые юридические термины, а также терминимы и номены, характеризующие правовые реалии, можно трактовать как систему очень сложных асимметричных лингво-правовых знаков, которым присуща культурная и национально-правовая специфика. Указанная асимметрия подобных единиц ведёт к их синонимии и полисемии. Те же юридические термины, в которых присутствует национально-правовой компонент, отличаются от общих юридических терминов «национальным маркером» в плане общего содержания термина или хотя бы одного из его значений. Термины с маркированным значением, то есть, содержащие национально-правовые компоненты, как правило, могут употребляться только в рамках определённой национальной терминологической системы. В таких терминах присутствует дополнительная информация, связанная с национально-правовой системой конкретного государства.

Таким образом, именно языковые и экстралингвистические факторы лежат в основе избыточности, как полисемии, так и синонимии, присущей англоязычной юридической терминологии. Причинами такого явления, с одной стороны, стали особенности исторического развития данных правовых систем не только в каждом отдельно взятом англоязычном государстве, но и в их административных единицах имеющих свои культурные особенности. С другой стороны, на формирование полисемии и синонимии обозначенных значений лексических единиц, а также, особенностей терминологизации их отдельных значений, оказали большое влияние различия, присущие национальным вариантам английского языка. Поэтому можно сделать вывод о том, что наиболее часто встречающиеся трудности при переводе английских юридических терминов вызваны особенностями передачи содержания правовых реалий, обусловленными не только асимметрией лингво-правовых знаков, но и вариантностью терминов [3, с. 4].

В российском правовом дискурсе встречается намного меньше синонимии и полисемии

терминов, с чем связаны затруднения при поиске эквивалентов, поэтому, осуществляя перевод терминов с национально-правовым компонентом, необходимо использовать специальные методы:

- на основе квалификации понятия и его правового анализа производить подбор соответствующего термина российского права;
- проводить прямое заимствование иноязычных терминов с его описанием;
- использовать калькирование семантического содержания иноязычных терминов;
- при переводе терминологических словосочетаний осуществлять их пословный перевод;
- широко внедрять описательные конструкции при переводе.

В настоящее время увеличение количества международных контрактов и перевода их текстов всё настоятельнее требуют привести в соответствие с современными реалиями правовые системы многих государств и соотносящиеся с ними системы терминов. Во многих национальных правовых системах имеют место определённые несоответствия, которые вызывают, так называемые, коллизии, практически не разрешимые на правовом уровне. Поэтому в таких случаях необходим серьёзный лингвистический анализ. Его цель заключается в выявлении содержания терминов и других лексических единиц в юридическом тексте, которые относятся именно к правовым реалиям другого государства. Без выявления семантики правовых терминов и нахождения точной юридической квалификации понятий и реалий невозможно адекватный перевод, который чрезвычайно важен при заключении и исполнении международных контрактов [4]. А это, как раз, и входит в компетенцию юридической лингвистики на арене международного сотрудничества.

Процесс исследования траекторий и конфигураций взаимодействия права, языка и культуры приобретает всё большую важность в период глобальной интеграции национально-правовых систем как проявлений региональных культур. В юридической лингвистике, превращающейся в арену международного сотрудничества, всё больший интерес для серьёзного изучения приобретает процесс использования английского языка. Именно он на данном этапе остаётся средством глобальной коммуникации в международной правовой сфере. В то же время, необходимо глубокое исследование различных вариантов юридической терминологии, а также, различных лексических единиц, присутствующих в языке права, которые используются в реальной практике национальных юридических систем, что даёт возможность точнее делать переводы и улучшать результативность международных коммуникаций в сфере юриспруденции.

Таким образом, юридическая лингвистика применительно к сфере международного правового сотрудничества, в первую очередь, должна

сосредоточить исследования в области адекватного перевода и толкования юридических текстов. Но, в то же время, не менее важны исследования и в области манипулятивного дискурса, достижения гегемонии дискурсивными средствами, а также, обеспечения идентичности в международном правовом пространстве дискурсивными средствами. И наконец, в ближайшее время приобретут актуальность:

– герменевтические подходы к интерпретации юридических документов;

– взаимосвязь языка и распространения международных правовых норм;

– правовые аспекты управления интернет-сферой, угрозы национальной и международной безопасности, обусловленные распространением информации в Интернете и её воздействием на общественное мнение.

Литература:

1. *Кусов Г.В.* Судебная лингвистическая экспертиза «оскорбления»: развитие современной теории и практики // *Российский судья*. 2011. № 9.
2. *Куликова Э.Г.* Толерантная языковая и командная правовая норма: манипулирование как нарушение этической нормы / Э.Г. Куликова, И.В. Беляева // *Философия права*. 2009. № 4.
3. *Солдатова Н.В.* К вопросу о формировании дискурсивной компетенции // *Академический Вестник*. 2006. № 4.
4. *Бельчиков Ю.А.* Лингвистическая экспертиза по документационным и информационным спорам и словари // *Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах: сборник материалов научно-практического семинара*. М., 2003. Ч. 2.

В связи с тем, что юридическая лингвистика определяет язык в виде средства обеспечения доминирующих позиций в обществе, то проводимые в её рамках исследования межнационального правового дискурса можно разделить на две большие группы.

Во-первых, это углубление теории международных отношений с помощью использования лингвистических методов.

Во-вторых, лингвистические исследования дипломатической практики. На современном этапе следует обратить внимание именно на второе, практическое направление, которое направлено на разработку принципов государственной языковой политики, в связи с чем, особый акцент должен быть сделан на сферу преподавания иностранных языков, и на формирование национального имиджа в международной сфере.

Literature:

1. *Kusov G. V.* Forensic linguistic examination of «insults»: the development of modern theory and practice // *Russian judge*. 2011. № 9.
2. *Kulikova E.G.* Tolerant language and command rule: manipulation as a violation of the ethical norm / E.G. Kulikova, I.V. Belyaeva // *Philosophy of law*. 2009. № 4.
3. *Soldier N.V.* To the question of the formation of discursive competence // *Academic Herald*. 2006. № 4.
4. *Belchikov J.A.* Linguistic expertise on documentation and information disputes and dictionaries / *Theory and practice of linguistic analysis of media texts in forensics and information disputes: a collection of materials of scientific and practical seminar*. M., 2003. Part 2.

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Акопова Елена Сергеевна

доктор экономических наук,
профессор кафедры
коммерции и логистики,
Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)
akopova-sovet@mail.ru

Пржедецкая Наталья Витовна

доктор экономических наук,
профессор кафедры
«Экономическая теория»,
Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)
nvpr@bk.ru

Назарян Григор Аршамович

кандидат экономических наук,
доцент,
декан факультета регулирования
экономики и международных
экономических отношений,
Государственная некоммерческая
организация «Армянский государственный
экономический университет»
grinazaryan@gmail.com

**ГЛОБАЛИЗАЦИЯ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
СИСТЕМЫ: МАРКЕТИНГОВОЕ
ВЛИЯНИЕ НА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
ПРОСТРАНСТВО**

Аннотация. Наиболее актуальной и фундаментальной проблемой современного мирового сообщества, без влияния которой не остается ни одна сфера общественной жизнедеятельности, сегодня по праву является процесс глобализации. Целью данной статьи является анализ глобального маркетингового влияния на современное образовательное пространство. Авторы рассматривают основные преимущества и недостатки глобальной маркетинговой стратегии как фактора влияния на образовательное пространство. Делается вывод о многоаспектности и неоднозначности влияния глобализационных процессов на образовательном пространстве.

Ключевые слова: глобализация, образовательное пространство, глобальные вызовы, образовательные услуги, маркетинговое влияние, система образования, социально-экономическая система.

Наиболее актуальной и фундаментальной проблемой современного мирового

Elena S. Akopova

Doctor of Economics,
Professor of Department
of commerce and logistics
Rostov State Economic University (RINH)
akopova-sovet@mail.ru

Natalia V. Przhedetskaya

Doctor of Economics,
Professor of Department
of Economic Theory,
Rostov State Economic University (RINH)
nvpr@bk.ru

Grigor A. Nazaryan

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Dean of the Faculty of Regulation
of Economics and International
Economic Relations,
State Non-Profit Organization
«Armenian State Economic University»
grinazaryan@gmail.com

**GLOBALIZATION OF SOCIAL
AND ECONOMIC SYSTEM:
MARKETING INFLUENCE
ON EDUCATIONAL SPACE**

Annotation. The most urgent and fundamental problem of the modern world community, without the influence of which is not any sphere of social life, today rightfully is the process of globalization. The purpose of this article is to analyze the global marketing impact on the modern educational space. The authors consider the main advantages and disadvantages of the global marketing strategy as a factor in influencing the educational space. The conclusion is drawn about the multidimensionality and ambiguity of the impact of globalization processes on the educational space.

Keywords: globalization, educational space, global challenges, educational services, marketing influence, education system, social and economic system.

сообщества, без влияния которой не остается ни одна сфера общественной жизнедеятельности,

сегодня по праву является процесс глобализации. Глобализация социально-экономической системы ведет:

– к формированию глобальных экономических сетей; универсализации политических, социально-экономических и социокультурных явлений;

– к резкой интенсификации связей и взаимодействий;

– способствует появлению всеобщих проблем и кризисов – т.н. глобальных «вызовов» в демографической, экономической, экологической, политической, здравоохранительной, образовательной сферах [1; 2].

Как подчеркивают в своей статье, посвященной осмыслению глобализации социально-экономической системы и ее влиянию на национальные системы высшего образования О.Б. Воейкова и А.А. Лукьянова, глобализация образовательного пространства высшей школы направлена на создание «единого планетарного образовательного рынка и основным его инструментом является конкурентная борьба за потребителя образовательных продуктов и услуг»; при этом ключевым игроком образовательного рынка для продвижения собственных образовательных услуг, «необходимо преодолеть такие препятствия как: языковые барьеры, особенности менталитета, национальные культурные и педагогические традиции, исторические корни» [3, с. 162].

Процессы глобализации в образовательном пространстве следует рассматривать в трех аспектах:

– концептуальном – формирование глобального спектра концепций в образовательной сфере вследствие унификации, мультикультурного подхода;

– процессуальном – к глобальным преобразованиям, иллюстрирующим процессуальный аспект, относятся: введение классно-урочной системы, введение стандартов качества образования, компетентностный подход;

– институциональном – к основным направлениям институционального аспекта можно отнести создание различных международных образовательных организаций. К примеру, ЮНЕСКО осуществляет регулирование процесса формирования мирового образовательного пространства, разрабатывает для всех стран международно-правовые акты, способствует развитию интеграционных процессов в сфере образования [4].

Как показал нам анализ научной литературы, влияние глобализации на образовательное пространство обусловлено следующими факторами:

– стремлением мирового сообщества к формированию в современных условиях новых глобальных ценностей, связанных с толерантностью и взаимообогащением культур;

– развитием НТП и информационных технологий, что детерминирует возможность интеграционных

процессов в образовательном пространстве регионального, государственного и глобального уровня [5];

– прозападным продвижением (вестернизация) и влиянием западных духовных ценностей, сопряженных с преобладающей позицией западной цивилизации в социально-политической, экономической, научно-технической и образовательной сферах жизнедеятельности;

– переносом на социальную сферу, в целом, и на образовательное пространство, в частности, неолиберальной идеологии, которая характерна для глобальной социально-экономической системы [6];

– внедрением Болонского процесса как образца глобализации образования и гармонизации образовательных систем стран Европы с целью создания единого европейского пространства высшего образования.

Важность исследований глобализационных процессов в социально-экономической системе определяется принципиальностью осмысления позитивных и негативных сторон глобализации как фактора влияния на образовательное пространство. Особенно это имеет отношение к обнаруженным преимуществам и недостаткам глобализации применительно к сфере высшего образования, содержательной чертой которого является унификация пространства образования, универсализация разнообразных национальных идей и образовательной системы под единые институциональные правила глобального миропорядка.

В определении того, чем же чревата глобализация как фактор влияния на образовательное пространство, мнения исследователей разделились на два лагеря. Так, одни авторы усматривают в ней позитивное влияние, обусловленное:

– стимулированием экономического развития;

– усилением конкуренции в сфере получения образования и формированием профессиональных компетенций молодежи;

– международной интеграцией образовательного пространства, а также «стимулированием дальнейшего развития инновационных образовательных технологий и распространением их среди других стран»;

интеграцией различных форм и направлений образовательной политики, внедрением междисциплинарного подхода в учебном процессе, созданию межправительственных образовательных учреждений [7; 8; 9].

Другие же, напротив, указывают на ряд негативных (рискогенных) последствий от процесса глобализации социально-экономической системы и маркетингового влияния на образовательное пространство:

– разрушение национальной образовательной системы;

– формирование рыночного менталитета, культура материального благополучия и масштабной перестройки ценностных ориентаций и мотиваций деятельности у всех субъектов образовательного пространства;

– кризис культуры, который признает около 80% современной молодежи; размывание этничности; утрата национального суверенитета и национальной безопасности; внедрение глобального маркетинга и др. [10; 11; 12].

Глобальный маркетинг – процесс сложный, поскольку требует учета дополнительных факторов

внешней среды, включая различия в социально-политической и социокультурной системах, а также – в законодательстве. Мы полагаем, что необходима адаптация элементов системы маркетинга к условиям того или иного местного рынка. Недостаточное понимание социокультурных различий может обернуться для компании проблемами [13].

Итак, рассмотрим основные преимущества и недостатки глобальной маркетинговой стратегии как фактора влияния на образовательное пространство (табл. № 1).

Таблица № 1

Преимущества влияния глобального маркетинга на образовательное пространство	Недостатки влияния глобального маркетинга на образовательное пространство
– Возможность сформировать глобальную идентичность образовательных услуг	– Невзирая на сокращение различий во вкусах потребителей образовательных услуг разных стран, необходимо учитывать социокультурные и религиозно-конфессиональные различия
– Возможность сократить материальные издержки: один и тот же образовательный продукт можно производить для всех образовательных рынков	– Бренды/названия тех или иных образовательных услуг не всегда представляется возможным грамотно и благозвучно перевести на другие иностранные языки
– Сокращение различий между потребителями образовательных услуг разных стран; академическая мобильность молодежи	– Правовые ограничения могут варьироваться в зависимости от страны: не все можно показывать в рекламе и не везде ее размещать
– Формирование глобальной науки, чему способствуют международные академические обмены, развитие мировой академической инфраструктуры	– Единая ценовая политика, как правило, не учитывает разницу в доходах потребителей образовательных услуг разных стран

А.М. Старыгина говорит о двух категориях вызовов для образовательной системы многих стран:

1) внешних, детерминированных глобальной экономической конкуренцией за высокообразованную, обладающую современными профессиональными компетенциями, рабочую силу;

2) внутренних дисфункций образовательной системы, также восходящих к глобализации образовательного пространства и препятствующих возможности ускорения проинновационного развития [10].

Действительно, внутренняя дисфункциональность той или иной системы образования в условиях экономической глобализации, по мнению В.В. Касьянова, В.В. Ковалева и С.И. Самыгина, заключается в прохождении процесса превращения образовательного пространства высшей школы «в некую бизнес-корпорацию, цель которой состоит в передаче утилитарного знания и выработке формализованных показателей, как бы указывающих на его состоятельность на ниве образования и науки» [14].

Исследуя состояние научно-образовательного пространства в условиях глобализации общества, М.Г. Делягин выделяет следующие негативные тенденции: деградация науки, подрыв образовательных ценностей и образования, отказ от системного подхода, бегство исследователей в

бизнес, снижение эффективности человеческого сознания. Образование в современном российском обществе превратилось, по выражению М.Г. Делягина, в «дрессировку», разрозненные знания об отдельных сторонах изучаемого процесса подменили целостное, системное понимание, что становится фактором снижения жизнеспособности общества [11].

Таким образом, анализ глобализационных процессов в образовательном пространстве характеризуется многоаспектностью и неоднозначностью. При этом важно помнить о том, что процессы глобализации как насущный глобальный, транснациональный обмен в области науки, культуры, техники остановить невозможно [15], поскольку появился мощный социальный аспект глобализации, касающийся укрупнения, расширения социальных связей между странами и народами; а также – сформировались новые жизненные стратегии молодежи, как особой социально-демографической группы, под влиянием не только экономических эффектов глобализации, но и их диспозиций на получение образования, углубление профессиональной квалификации и компетентности.

Все изменения, происходящие в образовательном пространстве, связаны необходимостью соответствовать требованиям времени и тем реалиям, складывающимся, прежде всего, в связи с процессом глобализации.

Литература:

1. Natalia V. Przhedetskaya. Information and communication technologies as a means of increasing effectiveness of marketing and cluster / Natalia V.

Literature:

1. Natalia V. Przhedetskaya. Information and communication technologies as a means of increasing effectiveness of marketing and cluster / Natalia V.

Przhedetskaya, Elena P. Kulkova, Veronika V. Sheveleva, Elena S. Akopova, Anastasia V. Kaplina. // *Espacios*. Vol. 33 (Number 42). Year 2018. P. 33. URL : <http://www.revistaespacios.com>

2. *Gafiatulina N.Kh.* Socio-political changes as a socio-cultural trauma for the social health of Russian youth / N.Kh. Gafiatulina, A.V. Rachipa, G.A. Vorobyev, V.V. Kasyanov, T.M. Chapurko, I.I. Pavlenko, S.I. Samygin // *Modern Journal of Language Teaching Methods*. 2018. Vol. 8. № 5. P. 602–609.

3. *Воейкова О.Б.* Глобализация образовательного пространства и ее влияние на национальные системы высшего образования / О.Б. Воейкова, А.А. Лукьянова // *Вестник УРФУ*. 2013. № 3. С. 159–167.

4. *Макулова Р.К.* Проблемы современной системы образования в условиях глобализации // *Образование в современном мире: сборник научных статей*. Саратов, 2019. С. 104–110.

5. *Гафиатулина Н.Х.* Информационная сетевая среда как фактор влияния на социальное здоровье российской студенческой молодежи / Н.Х. Гафиатулина, А.В. Рачипа, С.И. Самыгин // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2018. № 1. С. 23–27.

6. *Шевченко Н.Н.* Образовательное пространство в условиях мировой глобализации // *Достижения вузовской науки: сб. статей II Международного научно-исследовательского конкурса*. Пенза, 2018. С. 202–206.

7. *Гежа А.* Глобализация как фактор модернизации социальных ценностей российской молодежи // *Общество*. 2016. № 9(312). С. 56–59.

8. *Романенко Н.М.* Глобализация как новая возможность образовательного пространства и мироустройства или угроза национальному суверенитету // *Среднее профессиональное образование*. 2016. № 11. С. 9–12.

9. *Лакотнюк Л.А.* Формирование мирового образовательного пространства в условиях глобализации // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2007. № 7. С. 7–10.

10. *Старыгина А.М.* Основные тенденции развития российской высшей школы в контексте вызовов глобализации образовательного пространства // *Вестник Адыгейского государственного университета*. 2017. № 1(194). С. 143–148.

11. *Делягин М.Г.* Конец эпохи: осторожно, двери открываются! Общая теория глобализации. М., 2019. Т. 1. 832 с.

12. *Самыгин С.И.* Экономическая глобализация как фактор риска снижения социального здоровья молодежи / С.И. Самыгин, Н.Х. Гафиатулина // *Модернизация экономики России: отраслевой и региональный аспект. Материалы международной науч.-практ. конф. профессорско-преподавательского состава, молодых ученых и студентов*. Ростов-н/Д., 2018. С. 360–364.

Przhedetskaya, Elena P. Kulkova, Veronika V. Sheveleva, Elena S. Akopova, Anastasia V. Kaplina. // *Espacios*. Vol. 33 (Number 42). Year 2018. P. 33. URL : <http://www.revistaespacios.com>

2. *Gafiatulina N.Kh.* Socio-political changes as a socio-cultural trauma for the social health of Russian youth / N.Kh. Gafiatulina, A.V. Rachipa, G.A. Vorobyev, V.V. Kasyanov, T.M. Chapurko, I.I. Pavlenko, S.I. Samygin // *Modern Journal of Language Teaching Methods*. 2018. Vol. 8. № 5. P. 602–609

3. *Voeikova O.B.* Globalization of the educational space and its impact on national higher education systems / O.B. Voeikova, A.A. Lukyanova // *Bulletin of Ural Federal University*. 2013. № 3. P. 159–167.

4. *Makulova R.K.* Problems of the modern education system in the context of globalization / *Education in the modern world: a collection of scientific articles*. Saratov, 2019. P. 104–110.

5. *Gafiatulina N.Kh.* The information network environment as a factor of influence on the social health of Russian students / N.Kh. Gafiatulina, A.V. Rachipa, S.I. Samygin // *Humanitarian, socio-economic and social sciences*. 2018. № 1. P. 23–27.

6. *Shevchenko N.N.* Educational space in the context of world globalization // *Achievements of university science: Sat. Articles of the II International Research Competition*. Penza, 2018. P. 202–206.

7. *Gezha A.* Globalization as a factor in the modernization of social values of Russian youth // *Society*. 2016. № 9(312). P. 56–59.

8. *Romanenko N.M.* Globalization as a new opportunity for educational space and world order or a threat to national sovereignty // *Secondary vocational education*. 2016. № 11. P. 9–12.

9. *Lakhotnyuk L.A.* The formation of the world educational space in the context of globalization // *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*. 2007. № 7. P. 7–10.

10. *Starygina A.M.* The main trends in the development of Russian higher education in the context of the challenges of the globalization of the educational space // *Bulletin of the Adygea State University*. 2017. № 1(194). P. 143–148.

11. *Delyagin M.G.* End of an era: watch out, doors open! T.1. The general theory of globalization. M., 2019. 832 p.

12. *Samygin S.I.* Economic globalization as a risk factor for reducing the social health of youth / S.I. Samygin, N.Kh. Gafiatulina // *Modernization of the Russian economy: sectoral and regional aspects. Materials of international scientific and practical. conf. faculty, young scientists and students*. Rostov-on/D., 2018.

13. *Levitt T.* The Marketing Imagination. New-York : Free Press, 1983. P. 20–49.

14. *Касьянов В.В.* Университетов не должно быть много: классический университет в структуре реформируемой системы высшего образования России / В.В. Касьянов, В.В. Ковалев, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 2.

15. *Аколова Е.С.* Развитие информационных технологий в сфере транспортной инфраструктуры как индикатор экономической глобализации / Е.С. Аколова, Л.К. Попова, С.Ю. Нестеров // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 10.

13. *Levitt T.* The Marketing Imagination. New-York : Free Press, 1983.

14. *Kasyanov V.V.* Universities should not be many: a classical university in the structure of a reformed system of higher education in Russia / V.V. Kasyanov, V.V. Kovalev, S.I. Samygin // Humanitarian, social, economic and social sciences. 2017. № 2.

15. *Akopova E.S.* The development of information technology in the field of transport infrastructure as an indicator of economic globalization / E.S. Akopova, L.K. Popova, S.Yu. Nesterov // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2018. № 10.

Григорьев Станислав Георгиевич

доктор биологических наук,
доцент,
Волжский филиал Московского
автомобильно-дорожного
государственного
технического университета
galusinem@mail.ru

Stanislav G. Grigoryev

Doctor of Biological Sciences,
Associate Professor,
Volga Branch of Moscow
Automobile-Road State
Technical University
galusinem@mail.ru

Маркиянов Василий Валерьевич

старший преподаватель кафедры
экономики и технологии
транспортных процессов,
Волжский филиал Московского
автомобильно-дорожного
государственного
технического университета
galusinem@mail.ru

Vasily V. Markiyanov

Senior teacher Department
of Economics and Technology
of Transport Processes,
Volga Branch of Moscow
Automobile-Road State
Technical University
galusinem@mail.ru

Петрова Анна Владимировна

кандидат педагогических наук,
Волжский филиал Московского
автомобильно-дорожного
государственного
технического университета
galusinem@mail.ru

Anna V. Petrova

Candidate of Pedagogical Sciences,
Volga branch of Moscow
Automobile-Road State
Technical University
galusinem@mail.ru

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СХЕМЫ
ОРГАНИЗАЦИИ
ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ
ПОСЕЛКОВ ГОРОДСКОГО ТИПА
МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ**

**IMPROVEMENT OF THE SCHEME
OF THE ORGANIZATION
OF ROAD TRAFFIC VILLAGES
OF TOWN TYPE OF MOSCOW REGION**

Аннотация. В статье осуществлен анализ участка улично-дорожной сети, расположенного на пересечении улиц поселка городского типа Красково Люберецкого района Московской области. В работе используются методы анализа, сравнения, графического и математического исследования. Авторами исследования определены уровень интенсивности и вид транспортного потока, количество потенциальных конфликтных точек по фазам светофорного регулирования. Предложена схема распределения транспортных потоков и общего расположения конфликтных точек на рассматриваемом перекрестке.

Ключевые слова: светофор, такт, фаза, цикл регулирования, дорожное движение.

О бщеизвестно, что в 21 веке жизнь людей без автомобильного транспорта стала невозможна, поскольку в современной жизни он обеспечивает большой объем перевозок во всех областях человеческой деятельности. Одновременно с этим, ежегодно увеличивается динамика роста российского автопарка, что, в свою

Annotation. The article analyzes the section of the road network located at the intersection of the streets of the urban-type village of Kraskovo, Lyubertsy district, Moscow Region. The paper uses methods of analysis, comparison, graphic and mathematical research. The authors of the study determined the level of intensity and type of traffic flow, the number of potential conflict points for the phases of traffic control. A scheme of the distribution of traffic flows and the general arrangement of conflict points at the intersection under consideration is proposed.

Keywords: traffic light, cycle, phase, regulation cycle, traffic.

очередь, способствует общему ухудшению положения на автомобильных дорогах. Анализ динамики дорожной аварийности в зарубежных странах иллюстрирует, что увеличение количества транспортных средств в стране неминуемо приводит к увеличению числа дорожно-транспортных происшествий, а также пострадавших в них.

Поэтому перед правительством российского государства стоит принципиальная задача - разработать эффективный транспортный процесс, обеспечивающий высокий уровень дорожной безопасности, а это требует создания кардинальных мер для сдерживания и снижения уровня аварийности и устойчивого процесса повышения безопасности движения на отечественных дорогах. Поэтому изучение вопроса совершенствования современной схемы организации дорожного движения городов и поселков Российской Федерации является весьма актуальным.

В связи с вышеизложенным, целью нашего исследования стала разработка схемы по совершенствованию организации дорожного движения поселков городского типа Московской области.

Для достижения поставленной цели были поставлены следующие задачи:

1. Исследовать участок улично-дорожной сети, расположенный на пересечении автомобильной дороги Р-105 и ул. Заводская поселка городского типа Красково Люберецкого района Московской области.
2. Разработать схему по совершенствованию организации дорожного движения исследуемого участка дороги.

Актуальность исследования заключается в том, что безопасность дорожного движения и эффективность автомобильных перевозок в значительной мере определяются характером взаимосвязей в потоке движущихся транспортных средств и основными характеристиками этого потока. При формировании информации о состоянии дорожного движения, в первую очередь, необходимы данные, характеризующие транспортный поток [1]. В зависимости от числа полос и разрешенных направлений движения, транспортные потоки подразделяются на следующие виды: однопольный односторонний, двухполосный односторонний или двусторонний, трехполосный односторонний или двусторонний, четырехполосный (и

более) односторонний или двусторонний [2]. Данный показатель оказывает значительное влияние на все параметры дорожного движения. В то же время, наиболее необходимыми и часто применяемыми являются интенсивность транспортного потока, его состав по типам транспортных средств, плотность потока, скорость движения, задержки движения. Следует отметить, что состав транспортного потока влияет на загрузку дороги, что объясняется, прежде всего, существенной разницей в габаритных размерах автомобилей. Однако разница в габаритных размерах не является единственной причиной необходимости специального учета состава потока при анализе интенсивности движения.

На пересечении исследуемых нами автодороги Р-105 и ул. Заводская поселка городского типа Красково Люберецкого района Московской области транспортный поток является двухполосным двухсторонним (направления Н1, Н3) и двухполосным двухсторонним (направление Н2).

Для выявления уровня загруженности дороги, транспортных задержек, а в последующем – разработки мероприятий по оптимизации организации дорожного движения, следует определить интенсивность движения автомобильного транспорта, которая представляет собой количество транспортных средств, проехавших через сечение дороги в единицу времени [3]. Интенсивность движения вместе с параметрами скорости и аварийности являются главными критериями оценки эффективности организации дорожного движения. В качестве расчетного периода времени для определения интенсивности движения принимают год, месяц, сутки, час. Наиболее часто в качестве промежутка времени устанавливается один час, и в связи с этим интенсивность движения определяется как авт./ч [4].

Интенсивность движения по направлениям на исследуемом участке определялась с 8.00 до 19.00 часов, по часу в разное время и разные дни. Все показатели интенсивности были занесены в таблице 1.

Таблица 1

Интенсивность движения потока ТС на исследуемом участке по направлениям

Направление	Исходная интенсивность, авт./ч	В том числе:			
		легковые	грузовые до 12 т	грузовые свыше 12 т	автобусы
		%	%	%	%
N ₁	671	56	20	20	4
N ₂	69	56	20	20	4
N ₃	111	56	20	20	4
N ₄	62	56	20	20	4
N ₅	529	56	20	20	4
N ₆	151	60	30	10	0
N ₇	126	60	30	10	0
N ₈	63	56	20	20	4
N ₉	189	56	20	20	4
N ₁₀	643	56	20	20	4
N ₁₁	527	56	20	20	4
N ₁₂	38	56	20	20	4

Необходимо отметить, что на исследуемом участке наблюдается временная неравномерность интенсивности движения (рис. 1). Для объективного оценивания уровня транспортной нагрузки, расчет производили только с учетом

состава транспортного потока. Для этого полученные значения интенсивности переводили в приведенные при помощи коэффициентов приведения, значения которых принимали в соответствии со СНиП 2.05.02–85.

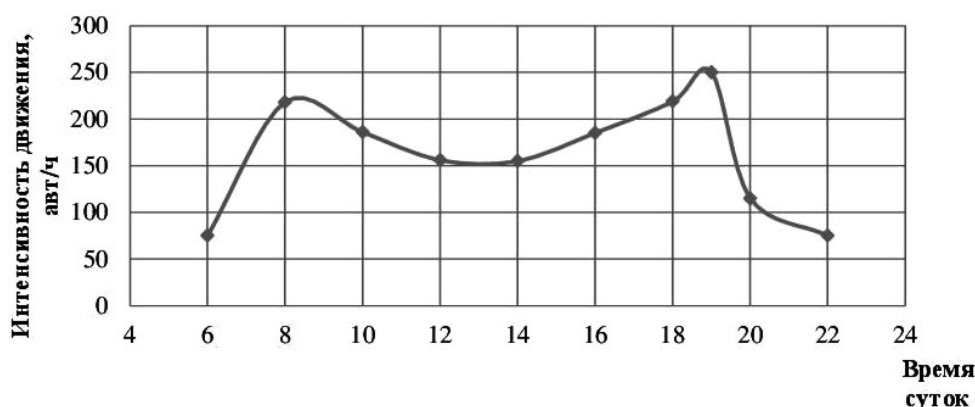

Рисунок 1 – Распределение интенсивности движения в течение суток

Исходя из анализа интенсивности транспортных потоков, можно констатировать, что на данном пересечении происходит сочетание критических интенсивностей движения на главной и второстепенной дорогах, что приводит к повышению количества ДТП, а также столкновения автомобильного транспорта. Итак, на исследуемом участке организация дорожного движения не соответствует возросшей интенсивности движения и требует оптимизации [5]. Существенным недостатком выявления опасных мест на улично-дорожной сети является возможность делать выводы только по уже случившимся ДТП, в то время как главной задачей организации дорожного движения является их предупреждение. Поэтому, выявление потенциальных конфликтных точек и в дальнейшем их ликвидация или снижение уровня опасности позволяют, не дожидаясь возникновения ДТП, повысить безопасность условий вождения [6].

Одной из основных задач обследования дорожных условий на улично-дорожной сети является выявление опасных мест. Особенно актуальным в этом отношении являются пересечения дорог (перекрестки), где не только встречаются, но и пересекаются транспортные, а также пешеходные потоки. Места возникновения конфликтных ситуаций, где пересекаются или разделяются траектории движения потоков, называются конфликтными точками. Зона конфликтных ситуаций характеризуется увеличением транспортных задержек и повышением вероятности дорожно-транспортных происшествий. Конфликтные точки на перекрестке дифференцируются на точки отклонения, точки слияния и точки пересечения траекторий движения. Отличительной особенностью каждой конфликтной точки является не только потенциальная опасность столкновения транспортных средств, движущихся по конфликтующим направлениям, но и вероятность задержки транспортных средств. От 25 до 50 % дорожно-транспортных происшествий от общего их количества в

нашей стране происходит именно на пересечениях [7].

Число конфликтных точек определяется существующими или разрешенными направлениями движения и количеством допустимых рядов движения транспортных средств. Кроме этого, необходимо брать во внимание также и пересечение траекторий движения транспортных средств и пешеходов. Сложность перекрестка определяется такими параметрами, как число и степень опасности конфликтных точек. Схема распределения транспортных потоков и общего расположения конфликтных точек на изучаемом перекрестке при существующей схеме организации дорожного движения отражена на рисунке 2, а при предлагаемой нами оптимизированной схеме организации дорожного движения показана на рисунке 3.

Из рисунка 3 видно, что при предлагаемой нами оптимизированной схеме организации дорожного движения, на данном пересечении при установке светофорного регулирования количество конфликтных точек значительно уменьшится. Подсчитанные нами имеющиеся на исследуемом участке конфликтные точки по фазам светофорного регулирования представлены в таблице 2.

Необходимо отметить, что уровень сложности перекрестка после усовершенствования схемы организации дорожного движения будет составлять 47 баллов. В связи с этим, можно констатировать, что исследуемый узел станет средней степени сложности.

Исходя из анализа существующих условий дорожного движения, можно сделать вывод, что имеющаяся ситуация на участке пересечения автодороги Р-105 и ул. Заводская не соответствует, возрастающей с каждым годом, интенсивности транспортного потока и безопасности движения. Но введенные наши мероприятия по совершенствованию организации дорожного движения значительно увеличат пропускную способность, снизят транспортные задержки и аварийность. При

реализации мероприятия по совершенствованию схемы организации дорожного движения важная роль принадлежит внедрению технических средств: дорожных знаков, дорожной разметки,

средств светофорного регулирования, дорожных ограждений и направляющих устройств.

Общая сложность существующей ОДД

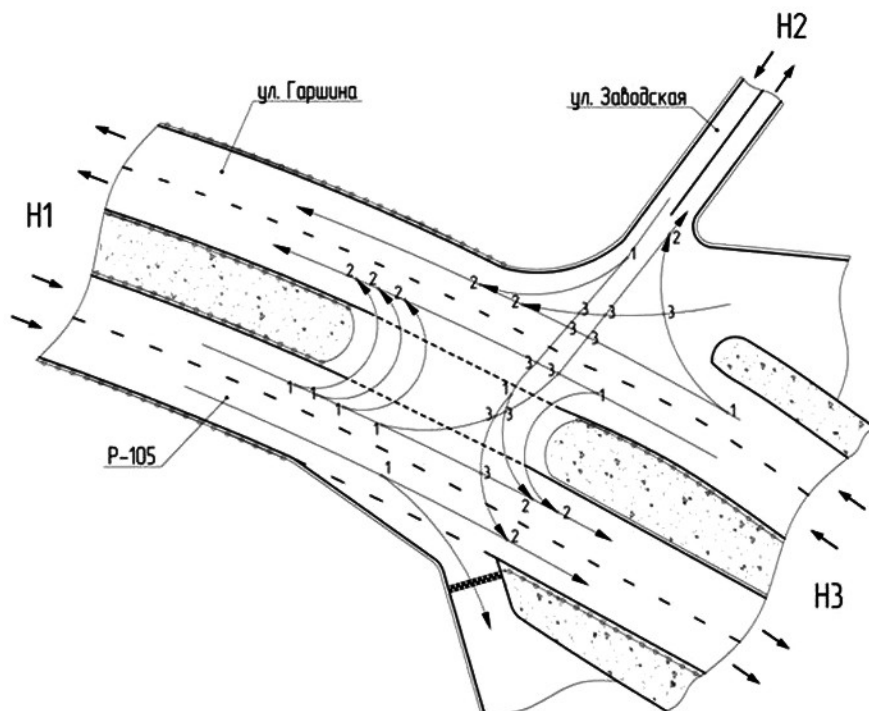

Рисунок 2 – Общее расположение конфликтных точек при существующей схеме ОДД

Общая сложность предлагаемой ОДД

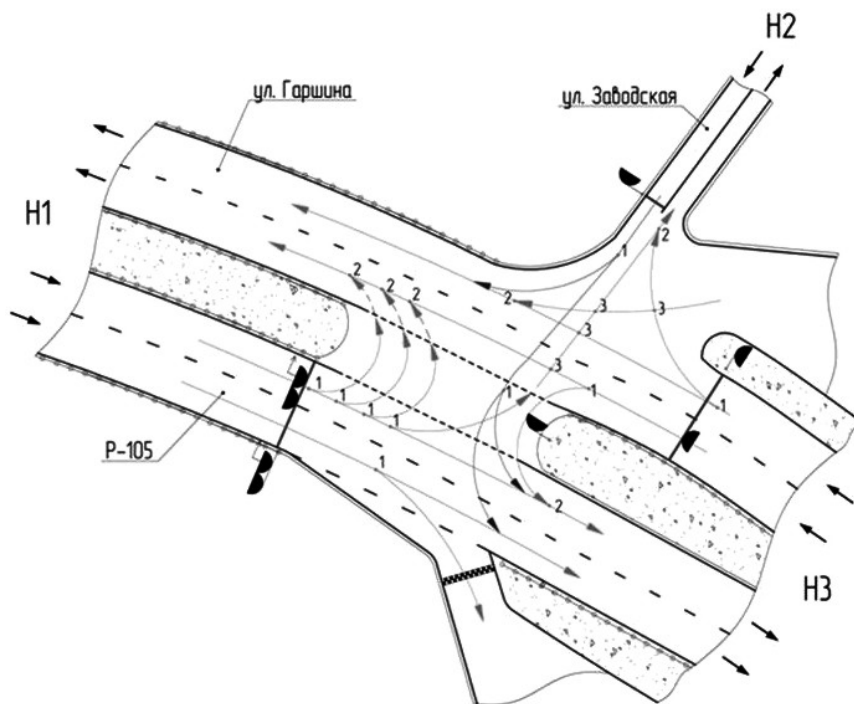

Рисунок 3 – Общее расположение конфликтных точек при предлагаемой схеме ОДД

Количество конфликтных точек

Вид конфликтной точки	Количество, шт.	Общее количество, шт.
1. Отклонение	9	19
2. Слияние	6	
3. Пересечение	4	

$$m_c = 9 + 3 \cdot 6 + 5 \cdot 4 = 47.$$

Таким образом, после ввода в эксплуатацию предлагаемой схемы организации дорожного движения, в направлении Н2 будет значительно снижены транспортные задержки и направление будет разгружено от движения транспорта. Также, транспортные средства в направлении потока N7, после установки светофорного объекта,

смогут свободно поворачивать налево в сторону направления Н3. Как следствие, улучшится комфортность проживания жителей прилегающей части города, уменьшатся выбросы токсичных веществ и другие негативные воздействия транспортного потока.

Литература:

1. Елугачев П.А. Исследование многообразия схем и нормативов кольцевых пересечений в разных уровнях / П.А. Елугачев, М.А. Елугачев // САПР и ГИС автомобильных дорог. 2015. № 1(4). С. 60–63.
2. Абдульязнов А.Р. Факторы, влияющие на безопасность дорожного движения в регионе // Регионология. 2017. № 4(101). С. 642–655.
3. Ахмедова Р.К. Исследование скоростей и безопасности движения на автомобильных дорогах / Р.К. Ахмедова, Д.Н. Селимханов, А.Р. Абдуллаев // Транспортное дело России. 2017. № 4. С. 79–81.
4. Барышников М.В. Организация дорожного движения нормативно-правовое регулирование и проблемы доказывания по их нарушениям / М.В. Барышников, В.В. Вдовиченко // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 2. С. 178–184.
5. Виноградов М.Ю. Безопасность дорожного движения на территории муниципального образования: вопросы организации и правового регулирования // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 2(36). С. 139–143.
6. Головки В.В. К вопросу о понятии безопасности дорожного движения // Правопорядок: история, теория, практика. 2015. № 1(4). С. 62–71.
7. ГОСТ Р-52289 – 2004 г. Технические средства организации дорожного движения. Правила применения дорожных знаков, разметки, светофоров, дорожных ограждений направляющих устройств.

Literature:

1. Elugachev P.A. Study of the variety of schemes and standards of annular intersections at different levels / P.A. Elugachev, M.A. Elugachev // CAD and GIS of highways. 2015. № 1(4). P. 60–63.
2. Abdulzyanov A.R. Factors affecting road safety in the region // Regionology. 2017. № 4(101). P. 642–655.
3. Akhmedova R.K. Research of speeds and traffic safety on highways / R.K. Akhmedova, D.N. Selimkhanov, A.R. Abdullaev // Transport business of Russia. 2017. № 4. P. 79–81.
4. Baryshnikov M.V. Organization of traffic regulatory regulation and problems of proof for their violations / M.V. Baryshnikov, V.V. Vdovichenko // Uchenye Zapiski Oryol State University. Series: Humanities and Social Sciences. 2015. № 2. P. 178–184.
5. Vinogradov M.Yu. Road safety in the territory of the municipality: issues of organization and legal regulation // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 2(36). P. 139–143.
6. Golovko V.V. On the concept of road safety // Law and order: history, theory, practice. 2015. № 1(4). P. 62–71.
7. GOST R-52289 – 2004 Technical means of traffic management. Rules for the use of road signs, markings, traffic lights, road barriers guiding devices.

Демчук Валентина Артуровна
аспирантка,
Московский государственный институт
международных отношений (университет)
valdemchuk@gmail.com

МЕТОДЫ АНАЛИЗА ВЛИЯНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНТЕГРАЦИИ НА РЕЗУЛЬТАТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТРАХОВЫХ КОМПАНИЙ

Аннотация. В настоящее время интеграционные процессы охватывают всё большее количество сфер экономики, и страховой рынок не стал исключением. У интеграционных процессов имеются, как ожидаемые положительные последствия для компаний стран-участниц, так и отрицательные. В данной статье рассматриваются методы, применяемые учеными для оценки влияния членства в интеграционной группировке на страховые компании. Производится обзор литературы и результатов, полученных при их применении. Автор предлагает свой метод оценки влияния интеграции в рамках эконометрических моделей.

Ключевые слова: интеграция, страховой рынок, страховые компании, объем торговли, конкуренция.

В настоящее время интеграционные процессы охватывают всё большее количество сфер экономики, и страховой рынок не стал исключением. Как известно, у интеграционных процессов имеются, как ожидаемые положительные последствия для компаний стран-участниц, так и отрицательные. Актуальность данной работы обусловлена тем, что для разработки более выгодных условий интеграции в страховом секторе необходима оценка влияния таких процессов на страховые компании, для чего сначала целесообразно рассмотреть методы оценки интеграции в рамках эконометрических моделей.

В большинстве исследований в рамках оценки влияния интеграции на результаты деятельности страховых компаний авторы рассматривают тренды изменения ряда показателей (эффективности, прибыли, издержек) за рассматриваемый период, и утверждают, что данный тренд связан с созданием общего рынка. Например, исследования С. Барроса и др. свидетельствуют об увеличении средней технической эффективности страховых компаний в Португалии после вступления страны в ЕС [1], а М. Элинг и П. Шапер отмечают рост средней эффективности компаний, начиная с 2002 г. [2].

В то же время, ряд других ученых, например, М. Люнен [3], говорят о том, что за примерно аналогичный период не наблюдался значительный рост эффективности деятельности страховых

Valentina A. Demchuk
Graduate student,
Moscow State Institute
of International Relations (University)
valdemchuk@gmail.com

METHODS FOR ANALYSING THE IMPACT OF INTERNATIONAL INTEGRATION ON THE PERFORMANCE OF INSURANCE COMPANIES

Annotation. The article proves that among the priority directions of reforming vocational education is the need to develop standards of professional competence, taking into account the prospects for the development of agricultural production and the implementation of its scientific research. The concept of research competence is revealed; competence is seen as a complex synthesis of cognitive, subject-practical and personal types of specialist's experience. A four-level structure of the content of the research competence of future specialists in the agrarian sphere is described.

Keywords: integration, insurance market, insurance companies, volume of trade, competition.

компаний. Д. Камминса, М. Рубио Мисас и Д. Венкаппа не обнаруживают усиления конкуренции на рынке страхования жизни в 10 странах ЕС за рассматриваемый период, а скорее – её снижение в некоторых из них [4]. Рассматривая страховой рынок Мексики, А. Рейна и У. Фуентес приходят к выводу о том, что членство в НАФТА, несмотря на ожидания, не привело к снижению издержек и росту производительности мексиканских компаний [5].

Помимо рассмотрения динамики показателей, один из методов оценки влияния интеграции – доля премий по видам страхования, наиболее подверженным иностранной конкуренции (иностранные компании пройдут, преимущественно, в прибыльные отрасли, или в отрасли, где наблюдается устойчивый высокий объем продаж, среди которых авторы выделяют обязательное страхование автогражданское, страхование от огня и сопутствующих рисков, страхование самолетов и других видов транспорта и страхование на случай перерыва в производстве), в общем объеме премий, собранных конкретной страховой компанией, применяемый Б. Малбергом и Т. Урлом [6]. Авторы обнаруживают, что данный показатель не влияет на чистую техническую эффективность деятельности страховых компаний в контексте гипотезы о переменной отдаче от масштаба, однако, является слабо значимым и оказывает отрицательное влияние на общую эффективность

страховых компаний (что противоречит суждениям о том, что рост конкуренции ведет к росту эффективности) при некоторых спецификациях модели (в случаях моделей с фиксированными эффектами и применением фиктивных переменных, модели со случайными эффектами и фиктивными переменным, а также – модели Тобит с фиксированными эффектами) в рамках гипотезы о постоянной отдаче от масштаба [6, с. 830].

Аналогично с оценкой влияния участие в интеграционном объединении на объемы торговли (гравитационная модель), ряд исследователей применяет фиктивную переменную. В частности, С. Кэмпбел, Л. Голдберг и А. Рай для оценки влияния директив ЕС на доходность акций страховых компаний применяют регрессионный анализ, в котором в качестве одной из объясняющих переменных используется фиктивная переменная, принимающая значение № 1, начиная с временного периода, в котором было объявлено об этих изменениях. Авторы заключают, что директивы, касающиеся страхования иного, чем страхование жизни, ведут к снижению доходности акций, в то время как директивы по страхованию жизни ведут к её росту [7]. С применением фиктивной переменной в другом исследовании также было показано, что факт создания Североамериканского соглашения о свободной торговле не оказал влияния на ряд показателей развития страхового рынка Канады (объем собираемых премий, плотность на душу и проникновение страхования) [8].

Наконец, при расчете корреляции между степенью интеграции и показателями развития страхового рынка исследователи применяли данные отчета Европейской комиссии о степени интеграции стран, часть из которых на тот момент являлись членами Европейского союза. Данный отчет, в том числе включал степень соответствия законодательства нормам ЕС, развитие экономики (например, ВВП на душу), уровень демократии и так далее. На основе исследования авторы пришли к выводу о том, что развитие страхового рынка в большей степени коррелировано с развитием экономики, нежели со степенью интеграции в Европейский союз [9].

По мнению автора данной работы, для оценки влияния степени интеграции на деятельность страховых компаний нужно оценить подверженность каждой отдельной компании иностранной конкуренции, что сделать проблематично. Мерой интеграции, также, может являться доля компаний стран-участниц интеграционного объединения на рынке, но, когда такие данные не всегда доступны, в качестве приближения к этому автор предлагает использовать показатели доли импорта из стран-участниц НАФТА в общем импорте страховых услуг (упрощенный вариант показателя интенсивности импорта/экспорта), и рассчитывается по формуле:

$$ImportShare_i = \frac{m_i}{M_i},$$

где $ImportShare_i$ – доля стран НАФТА в импорте страны i , m_i – импорт страховых услуг страны i из других стран-участниц НАФТА, M_i – суммарный импорт страховых услуг страны i .

В ряде исследований показано, что участие в интеграционной группировке влияет на объем торговли страховыми услугами [10], или же есть обратная связь между ограничениями на коммерческое присутствие иностранных компаний в странах на объем импорта данных услуг [11].

Абсолютные показатели торговли услугами не целесообразно использовать, потому что они не отражали бы, например, рост привлекательности страхового рынка отдельной страны, в результате чего, увеличивается импорт страховых услуг не только стран-участниц интеграционной группировки, но и других государств.

Отметим, что значение импорта страхования из других стран-участниц НАФТА не равнозначна (рис. 1): доля импорта прямого страхования из других стран-участниц составляла в среднем 56 % для Канады и 9 % для США за период с 2005 по 2016 гг. При этом в случае экспорта наблюдается обратная ситуация: у США на страны НАФТА за аналогичный период в среднем приходилось 49 % экспорта прямого страхования, в то время как у Канады и Мексики данные показатели находились на уровне примерно 31 % и 22 %, соответственно [расчеты автора на основе 12].

Рисунок 1 – Источник: расчеты автора на основе [12].

Выводы. На данный момент не существует единого мнения относительно того, как измерять степень интеграции в рамках эконометрических моделей для дальнейшего анализа её влияния на деятельность страховых компаний. Подход по наблюдению динамики этого процесса не дает однозначных результатов, выводы при использовании в качестве меры интеграции доли наиболее подверженных иностранной конкуренции видов страхования также не робастны относительно спецификации модели. Применение фиктивных переменных дает возможность оценить влияние самого факта вступления в силу интеграционного соглашения (или дополнения к нему в виде директивы и т.д.), однако, не измеряет степень интеграции.

Литература:

1. *Barros C.P.* Evaluating the efficiency and productivity of Insurance companies with a Malmquist index: A case study for Portugal / C.P. Barros, M.R. Borges, N. Barroso // Geneva Papers on Risk and Insurance: Issues and Practice. 2005. № 30(2). P. 244–67.
2. *Eling M.* Under pressure: how the business environment affects productivity and efficiency of European life insurance companies / M. Eling, P. Schaper // European Journal of Operational Research. 2017. № 258(3). P. 1082–1094.
3. *Luhnen M.* Determinants of efficiency and productivity in German property-liability insurance: Evidence for 1995–2006 // Geneva Papers on Risk and Insurance: Issues and Practice. 2009. №. 34(3). P. 483–505.
4. *Cummins J.D.* Competition, efficiency and soundness in European life insurance markets / J.D. Cummins, M. Rubio-Misas, D. Vencappa // Journal of Financial Stability, Elsevier. 2017. №. 28(C). P. 66–78.
5. *Reyna A.* A cost efficiency analysis of the insurance industry in Mexico / A. Reyna, H. Fuentes // Journal of Productivity Analysis. 2018. № 49. P. 49–64.
6. *Mahlberg B.* Effects of the single market on the Austrian insurance industry / B. Mahlberg, T. Url // Empirical Economics. 2003. № 28. P. 813–838.
7. *Campbell C.* The Impact of the European Union Insurance Directives on Insurance Company stocks / C. Campbell, L. Goldberg, A.Rai // The Journal of Risk and Insurance. 2003. Vol. 70. № 1. P. 125–167.
8. *Демчук В.А.* Динамика страхового рынка Канады в условиях НАФТА // Вестник международных организаций. 2019. Т. 14. № 1. С. 113–125.
9. *Kozarevic S.* Efficiency of the Transition of Insurance Markets in South-Eastern European Post-Communist Countries / S. Kozarevic, L. Peressin, G. Valentinuz // South-Eastern Europe Journal of Economics, Association of Economic Universities of South and Eastern Europe and the Black Sea Region. 2013. № 11(2). P. 139–164.
10. *Nordas H.* What drives trade in services? Lessons from the Nordics // Applied Economics, Taylor & Francis Journals. 2018. № 50(33). P. 3532–3545.

В данной работе предлагается использовать долю в импорте в качестве меры интеграции, что позволит оценить именно влияние её углубления на страховые компании. Данная мера правомерна, поскольку в ряде работ продемонстрировано, что наличие соглашения о свободной торговле оказывает воздействие на объемы торговли страховыми услугами. В дальнейших исследованиях автор собирается развить данную теорию и применить её на практике путем оценки влияния экспорта и импорта на прибыль и издержки страховых компаний.

Literature:

1. *Barros C.P.* Evaluating the efficiency and productivity of Insurance companies with a Malmquist index: A case study for Portugal / C.P. Barros, M.R. Borges, N. Barroso // Geneva Papers on Risk and Insurance: Issues and Practice. 2005. № 30(2). P. 244–67.
2. *Eling M.* Under pressure: how the business environment affects productivity and efficiency of European life insurance companies / M. Eling, P. Schaper // European Journal of Operational Research. 2017. № 258(3). P. 1082–1094.
3. *Luhnen M.* Determinants of efficiency and productivity in German property-liability insurance: Evidence for 1995–2006 // Geneva Papers on Risk and Insurance: Issues and Practice. 2009. №. 34(3). P. 483–505.
4. *Cummins J.D.* Competition, efficiency and soundness in European life insurance markets / J.D. Cummins, M. Rubio-Misas, D. Vencappa // Journal of Financial Stability, Elsevier. 2017. №. 28(C). P. 66–78.
5. *Reyna A.* A cost efficiency analysis of the insurance industry in Mexico / A. Reyna, H. Fuentes // Journal of Productivity Analysis. 2018. № 49. P. 49–64.
6. *Mahlberg B.* Effects of the single market on the Austrian insurance industry / B. Mahlberg, T. Url // Empirical Economics. 2003. № 28. P. 813–838.
7. *Campbell C.* The Impact of the European Union Insurance Directives on Insurance Company stocks / C. Campbell, L. Goldberg, A.Rai // The Journal of Risk and Insurance. 2003. Vol. 70. № 1. P. 125–167.
8. *Demchuk V.A.* Dynamics of Canada's insurance market under NAFTA // Journal of International Organizations. 2019. Т. 14. № 1. P. 113–125.
9. *Kozarevic S.* Efficiency of the Transition of Insurance Markets in South-Eastern European Post-Communist Countries / S. Kozarevic, L. Peressin, G. Valentinuz // South-Eastern Europe Journal of Economics, Association of Economic Universities of South and Eastern Europe and the Black Sea Region. 2013. № 11(2). P. 139–164.
10. *Nordas H.* What drives trade in services? Lessons from the Nordics // Applied Economics, Taylor & Francis Journals. 2018. № 50(33). P. 3532–3545.

11. *Marel E.* Services Trade, Regulation and Regional Integration: Evidence from Sectoral Data / E. Marel, B. Shepherd // *The World Economy*, Wiley Blackwell. 2013. № 36(11). P. 1393–1405.

12. WTO Statistics database. Time Series. Merchandise trade by commodity; Trade in commercial services (2019). Available at: <http://stat.wto.org/> (accessed 16 July 2019).

11. *Marel E.* Services Trade, Regulation and Regional Integration: Evidence from Sectoral Data / E. Marel, B. Shepherd // *The World Economy*, Wiley Blackwell. 2013. № 36(11). P. 1393–1405.

12. WTO Statistics database. Time Series. Merchandise trade by commodity; Trade in commercial services (2019). Available at: <http://stat.wto.org/> (accessed 16 July 2019).

Доржу Маргарита Степановна

кандидат географических наук,
доцент,
кафедры географии
и туризма,
Тувинский государственный университет
biche_ms@mail.ru

Черлик-оол Эремаа Тыртый-ооловна

преподаватель отдельной дисциплины
история и обществознание,
Кызылское президентское
кадетское училище
biche_ms@mail.ru

**ЗЕМЛЕДЕЛИЕ КАК ТРАДИЦИОННЫЙ
ТИП ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ
РЕСПУБЛИКИ ТЫВА**

Аннотация. В настоящее время именно природопользование во многом формирует современную географическую картину мира. Способы природопользования вырабатывались веками, а иногда и тысячелетиями. Изучение традиционного природопользования Тувы может подсказать верные приемы хозяйствования на современном историческом этапе. Научный и практический интерес представляет исторический опыт возникновения и развития земледелия, которое было важной отраслью хозяйствования на протяжении всей ее истории.

Ключевые слова: взаимодействие общества и природы, рациональное природопользование, традиционное природопользование, земледелие, пашня, оросительные каналы.

Природопользование в России, как и вся социально-экономическая сфера, находились в глубоком кризисе. И только в последнее десятилетие проблемам природопользования – одному из приоритетных направлений современной науки стало уделяться большое внимание.

Исправление сложившихся отрицательных тенденций становится жизненно важной задачей, т.к. анализ природопользования дает возможность разработать оптимальную структуру хозяйственной деятельности в регионах, наметить пути устойчивого развития и улучшить качество жизни населения.

Способы природопользования вырабатывались веками, а иногда и тысячелетиями, поэтому этнос-долгожитель на данной территории обычно оптимально адаптировался к ней и сохранял традиции природопользования, как правило, не нарушая природного равновесия.

Margarita S. Dorzhu

Candidate of Geographical Sciences,
Associate Professor,
Department of Geography
and Tourism, Geography,
Tuva State University
biche_ms@mail.ru

Eremaa T. Cherlik-ool

Teacher of a Separate Discipline
of History and Social Studies,
Kyzyl Presidential Cadet School
biche_ms@mail.ru

**FARMING AS A TRADITIONAL TYPE
OF NATURE MANAGEMENT
REPUBLICS OF TYVA**

Annotation. At present, it is environmental management that largely forms the modern geographical picture of the world. Methods of environmental management have been developed for centuries, and sometimes for millennia. The study of the traditional nature management of Tuva could suggest the right techniques for farming at a modern historical stage. The scientific and practical experience of the emergence and development of agriculture, which had been an important industry throughout its history, was of interest.

Keywords: interaction of society and nature, environmental management, traditional environmental management, agriculture, arable land, irrigation channels.

Наиболее широко применяется представление о традиционном природопользовании как о форме жизнедеятельности этнических сообществ малых народов, находящихся на разных стадиях общественного развития.

Также распространено представление о традиционном природопользовании как о природно- и исторически обусловленных региональных особенностях хозяйственной деятельности, передающихся из поколения в поколение, вытекающих из особенностей сложившегося культурного ландшафта, обладающего определенными экологическими параметрами [7].

Таким образом, изучение традиционного природопользования в Республике Тыва может подсказать верные приемы хозяйствования на современном историческом этапе. Научный и практический интерес представляет исторический опыт возникновения и развития земледелия, которое было важной отраслью хозяйствования.

Сведения о земледелии у народов Центральной Азии, Южной Сибири и Республики Тыва встречаются в средневековых китайских династийных хрониках, где приводятся данные о земледельческом занятии древних енисейских кыргызов. С.В. Киселев считает, что земледелие появилось в западных и южных районах Сибири еще в афанасьевскую эпоху [8]. Р.М. Кабо одним из первых отметил, что население Республики Тыва земледелием занимается с незапамятных времен [3]. В работах В.И. Дулова [2], Л.Р. Кызласова [5], М.Х. Маннай-оола [6], С.И. Вайнштейна [1] дается подробное описание тувинского земледелия конца XIX-н. XX вв.

Следует отметить, что земледелие занимало второе место в структуре хозяйственных занятий кочевого тувинского населения. На основе данных Тувинской сельскохозяйственной и демографической переписи 1931 года дана характеристика земледелия тувинцев как традиционного типа природопользования [8]. Пашни кочевых скотоводов Тувы располагались в долинах Хемчика и Улуг-Хема, в нижнем течении Бий-Хема и Каа-Хема, а также – на юге Тувы в северных предгорьях Танну-Ола. Всего по республике засевалось 8712,48 га. Пашни земледельцев южных районов Тувы были расположены вблизи рек и озер в северных предгорьях Танну-Ола.

Перепись 1931 г. позволяет выявить количество хозяйств, сочетавших скотоводство с земледелием: 71,1 % хозяйств наряду со скотоводством занимались земледелием и лишь 28,8 % не имели посевов. Основными культурами, которые возделывали тувинцы, были неприхотливое и

Литература:

1. *Вайнштейн С.И.* Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. М. : Наука, 1972. 314 с.
2. *Дулов В.И.* Земледелие у тувинцев в 19 – начале 20 в. В кн.: «Материалы по истории земледелия СССР». 1952. Сб. 1. С. 303–321.
3. *Кабо Р.* Очерки истории и экономики Тувы. Дореволюционная Тува. М.; Л. : Гос.-соц.-экон. изд-во, 1934. Ч. 1. 203 с.
4. *Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. М. : Изд-во АН СССР, 1051. 642 с.
5. *Кызласов Л.Р.* Древняя Тува (от палеолита до 1 X в.). М. : Изд-во МГУ, 1979. 207 с.
6. *Маннай-оол М.Х.* Археологические памятники Тувы. Кызыл : Тувинское кн.изд-во, 1964. 46 с.
7. *Мухин Г.Д.* Изучение и географическая характеристика агроландшафтов // Взаимодействие физической и экономической географии. М., 1988, С. 83-99.
8. Тувинская сельскохозяйственная и демографическая перепись 1931, М., 1933. 170 с.

засухоустойчивое просо (41,1 %) и ячмень (33,1 %), в меньшей мере сеяли пшеницу (16,5 %). В районах, где значительная часть посевов была расположена высоко над уровнем моря, преобладал ячмень, он составлял 57,9 %, под пшеницу засевалось всего 1445,64 га, что составляло 16,5 % пахотных земель. Преобладание посевов ячменя в высоко расположенных районах, объясняется его устойчивостью по отношению к резким колебаниям температуры и заморозкам. Размеры пашен у тувинцев были сравнительно невелики [2].

Среда обитания наложила свой отпечаток на технологию земледелия. Оно базировалось как на естественных формах орошения, так и на функционировании сложной и разветвленной ирригационной системы. По материалам переписи 1931 года в Республике было более 260 каналов. Техника земледельческих работ в значительной степени носила противозерозионный характер с тем, чтобы в дальнейшем использовать посевные участки в качестве пастбища. Однако развитие земледельческого хозяйства в Туве существенно ограничивалось географической средой, в частности бедностью почв, ограниченностью водных ресурсов, засушливостью климата и т.д.

В завершение публикации можно сделать вывод о том, пахотное земледелие занимало определенное место в структуре экономики Республики Тува, но не играло в ней определяющей роли, благодаря чему кочевые хозяйства могли без особого изменения сложившихся маршрутов и условий кочевания сочетать скотоводство с земледелием.

Literature:

1. *Weinstein S.I.* Historical ethnography of Tuvinians. Problems of nomadic economy. M. : Science, 1972. 314 p.
2. *Dulov V.I.* Farming at the Tuvinians in 19 – early 20 centuries. 1952. P. 303–321.
3. *Cabo R.* Essays of Tuva History and Economics. Pre-revolutionary Tuva. M.; L. : State. ed., 1934. Part 1. 203 p.
4. *Kiselev S.V.* Ancient History of Southern Siberia. M. : Russian Academy of Sciences of the USSR, 1051. 642 p.
5. *Kyzlasov L.R.* Ancient Tuva (from a paleolith to 1 X century). M. : MSU publishing house, 1979. 207 p.
6. *Mannai-ool M.H.* Archaeological Monuments of Tuva. Kyzyl : Tuvinsky Kn.izd, 1964. 46 p.
7. *Mukin G.D.* Study and geographical characteristic of agrolandshafths // Interaction of physical and economic geography. M., 1988. P. 83–99.
8. Tuva Agricultural and Demographic Census 1931, M., 1933. 170 p.

Жигунова Татьяна Сергеевна
аспирантка кафедры
экономики и управления,
Ленинградский государственный
университет имени А.С. Пушкина
stegniy@mail.ru

СИСТЕМА ФАКТОРОВ, ВЛИЯЮЩИХ НА ОРГАНИЗАЦИОННО- ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ УПРАВЛЕНИЯ В ТУРИНДУСТРИИ

Аннотация. Статья посвящена разработке методических подходов к определению системы факторов развития организационно-экономических процессов туристской дестинации «Ленинградская область». Описаны и раскрыты важные факторы развития туристской индустрии в регионе и сферы туризма, в целом, которые являются показателем политической стабильности, что, в свою очередь, выступает как стабилизирующий и стимулирующий фактор.

В статье представлен список задач, целью которых являются:

- привлечение инвестиций в процесс формирования и функционирования туристской дестинации «Ленинградская область», с учетом специфики туристской отрасли;
- создание усовершенствованного механизма статистического учета факторов туризма с целью оптимизации и ускорения анализа развития туристской индустрии в дестинации.

Ключевые слова: методический подход, инновационная деятельность, инвестиции, социально-экономическое развитие, агрегированность, туристская статистика, экстраполяция экономических тенденций, дестинация.

Процесс разработки методических подходов к определению системы факторов развития организационно-экономических процессов туристской дестинации «Ленинградская область» необходимо осуществлять параллельно с процессом совершенствования и развития механизма экономического и социального прогнозирования в туристской индустрии. По этой причине необходимо формировать параллельные (официальным статистическим базам) базы данных, позволяющих удовлетворять требованиям системы управления протекающих процессов [2].

Эффективным решением данной проблемы является создание модели формирования источников развития туризма по субсидиарно-долевому принципу, где основной удельный вес прямых инвестиций должен приходиться на внебюджетные фонды, инвестиции коммерческих предприятий,

Tatiana S. Zhigunova
Graduate student of Department
Economies and Managements,
Leningrad State University
name of A.S. Pushkin
stegniy@mail.ru

A SYSTEM OF FACTORS THAT AFFECT THE ORGANIZATIONAL AND ECONOMIC MANAGEMENT MECHANISM IN THE TOURISM INDUSTRY

Annotation. The article is devoted to the development of methodological approaches to the definition of the system of factors of development of organizational and economic processes of the tourist-economic destination Leningrad Oblast. Important factors of development of tourism industry in the region and tourism sphere are described and disclosed, which are an indicator of political stability, which, in turn, acts as a stabilizing and stimulating factor.

This article contains a list of tasks aimed at:

- attraction of investments in the process of formation and functioning of the tourism industry of the «Leningrad Oblast», taking into account the specifics of the tourism industry;
- the creation of an improved mechanism for the statistical accounting of tourism factors in order to optimize and accelerate the analysis of the development of the tourism industry in the destination.

Keywords: methodological approach, innovation, investment, socio-economic development, aggregation, tourism statistics, extrapolation of economic trends, destination.

банковско-финансовый сектор, страховые организации, зарубежных инвесторов и т.д.

Важным фактором развития туристской индустрии в регионе является показатель политической стабильности, который выступает и как стабилизирующий, и как стимулирующий фактор.

Для решения проблемы прогнозирования потребности в туристских кадрах необходимо использовать концептуальную модель, которая основывается на достоверной и оперативной статистической информации, а также – точном прогнозе развития туротрасли на перспективу.

Инновационная деятельность базируется на концепции проектного управления, сущность которого состоит в представлении любого целевого изменения действующей системы как долгосрочного

инвестирования в реальные инновационные проекты, связанного со значительными финансовыми и временными затратами.

При создании прогностической модели развития туристической индустрии в регионе необходимо выявить систему внутренних и внешних факторов и условий, влияющих на организационно-экономические процессы в развитии туристической индустрии Ленинградской области [1].

Для привлечения инвестиций в процесс формирования, функционирования и развития туристической индустрии «Ленинградская область», с учетом специфики туристической отрасли, необходимо сформировать дополнительные механизмы, стимулирующие инвестиционную деятельность, например, создать в дестинации специализированные девелоперские предприятия, в задачи которых войдет:

- 1) непосредственная реализация инвестиционных проектов (строительство объектов) в сфере туристической индустрии и организация инвестиционного процесса;
- 2) привлечение необходимых финансовых ресурсов;
- 3) получение необходимых разрешений и согласований на земельные участки под строительство;
- 4) проектирование и строительство объектов с последующей передачей объектов со всей инженерной инфраструктурой инвесторам и предпринимателям [1].

Руководствуясь принципами самообеспечения и самофинансирования Ленинградской области при необходимой господдержке, с учетом сложившейся социально-экономической ситуации и имеющегося ресурсного потенциала при разработке концепции программы развития дестинации, важно создать условия для оживления и последующего стабильного экономического роста региона с учетом следующих факторов:

1. Норма накопления, полнота трансформации накоплений в инвестиции, объем инвестиций, направляемых на техническое перевооружение экономики и улучшение организации хозяйственных процессов и управления.
2. Оценка эффективности инвестиционной деятельности и её структура.
3. Усиление государственной поддержки и регулирования в достижении необходимых показателей эффективности:
 - а) производственный комплекс, обеспечивающий воспроизводство продукции производственно-технического назначения;

Литература:

1. Азар В.И. Методологическое введение к программам регионального туристического развития // Труды Академии туризма. СПб., 2016. Вып. 1.

б) социальный комплекс, обеспечивающий условия жизнедеятельности и воспроизводства населения дестинации;

в) бюджетно-финансовую систему, обеспечивающую перераспределение валового регионального продукта между производственной и социальной системами [5].

Для решения проблем социально-экономического развития дестинации «Ленинградская область» можно применить гибридную модель, которая:

- синтезирует оптимальный и статистический подходы в моделировании и стимулировании приоритетного направления развития туристического комплекса;
- поддерживает развитие исторически сформировавшихся отраслей экономики региона, отраслей региона с рыночной перспективой.

Важным фактором развития сферы туризма является улучшение взаимодействия и кооперации между всеми заинтересованными участниками туррынка, такими как региональная администрация или частные предприниматели, а также иные субъекты, заинтересованные в создании позитивного туристического имиджа.

Совокупность мероприятий, направленных на формирование в дестинации комплексного туристического продукта, необходимо прописать в краткосрочной и долгосрочной концепциях развития туризма.

На современном этапе развития туристической статистики, из-за недостатков в определении базовых показателей и развитости системы классификаций базы данных, отражающие реальное положение дел в туризме отсутствуют [4].

Многие показатели, в силу их агрегированности, не могут дать четкого представления о величине вклада туристических предприятий в удовлетворение туристического спроса. Показатели, отражающие состояние спроса, такие как величина и структура туристических потоков, величина туристических расходов и другие, имеются только для международного туризма.

Сложившаяся ситуация, приводит нас к необходимости создания усовершенствованного механизма статистического учета факторов туризма с целью оптимизации и ускорения анализа развития туристической индустрии в дестинации Ленинградской области на основе таких показателей, как добавленная стоимость от турдеятельности, туристской доли потребления продукта, чистого коэффициента туризма [1].

Literature:

1. Azar V.I. Methodological introduction to regional tourism development programs // Proceedings of the Academy of tourism. SPb., 2016. Vol. 1.

2. Балабанов И. Экономика туризма / И. Балабанов, А. Балабанов. М. : Финансы и статистика, 2009.

3. Грибов В.Д. Экономика предприятия сервиса / В.Д. Грибов, А.Л. Леонов. М. : КНОРУС, 2015.

4. Жукова М.А. Индустрия туризма: менеджмент организации. М. : Финансы и статистика, 2015.

5. Чудновский А.Д. Управление индустрией туризма М. : КНОРУС, 2016.

2. *Balabanov A.* The Economics of tourism / A. Balabanov, I. Balabanov. М. : Finance and statistics, 2009.

3. *Gribov V.D.* Economy of the service enterprise / V.D. Gribov, A.L. Leonov. М. : KNORUS, 2015.

4. *Zhukova M.A.* Industry tourism: management of the organization. М. : Finance and statistics, 2015.

5. *Chudnovsky A.D.* tourism industry Management М. : KNORUS, 2016.

Логачев Константин Иванович

доктор технических наук,
профессор кафедры
теплогасоснабжения и вентиляции,
Белгородский государственный
технологический университет
имени В.Г. Шухова
kilogachev@mail.ru

Кулик Анна Михайловна

кандидат экономических наук,
доцент кафедры прикладной экономики
и экономической безопасности,
Белгородский
государственный университет
Kulik@bsu.edu.ru

Стрябков Александр Васильевич

ассистент,
Белгородский государственный
технологический университет
имени В.Г. Шухова
rainbownoway@gmail.com

**СОВРЕМЕННЫЙ ПОДХОД
К МОДЕЛИРОВАНИЮ
МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
В РАМКАХ МАКРОРЕГИОНА**

Аннотация. На сегодняшний день стратегия пространственного развития проводит разработку полноценных стратегий развития макрорегионов, которые уже в 2020 году должны прийти на смену действующим стратегиям развития федеральных округов. В данной статье представлен современный подход к моделированию межрегионального взаимодействия в рамках макрорегиона. Основное внимание уделено исследованиям А.Г. Гранберга, Л. Вальраса, Нэшу.

Ключевые слова: регион, межрегиональное взаимодействие, макрорегион, моделирование, межотраслевые модели, экономические межрегиональные связи.

В настоящее время в Российской Федерации идет обсуждение Стратегии пространственного развития Российской Федерации, в которой в качестве основных проблем и вызовов пространственного развития названы:

– недостаточное количество центров экономического роста;

– их неравномерное распределение по территории Российской Федерации и нереализованный

Konstantin I. Logachev

Doctor of Engineering,
Professor of the Department of Heat
and Gas Supply and Ventilation,
Belgorodsky State
Technological University
name of V.G. Shukhov
kilogachev@mail.ru

Anna M. Kulik

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of Applied Economics
and Economic Security,
Beltown State University
Kulik@bsu.edu.ru

Alexander V. Stryabkov

Assistant,
Belgorodsky State
Technological University
name of V.G. Shukhov
rainbownoway@gmail.com

**MODERN APPROACH
TO MODELING INTERREGIONAL
INTERACTION IN THE FRAMEWORK
OF THE MACRO-REGION**

Annotation. To date, the spatial development strategy is developing full-fledged strategies for the development of macroregions, which should replace the current strategies for the development of Federal districts in 2020. The article presents a modern approach to modeling interregional interaction in the framework of the macro-region. The main attention is paid to the research of A. G. Granberg, L. Valras, and Nash.

Keywords: region, inter-regional cooperation, macro-region, modelling, input-output model, economic and interregional relations.

потенциал межрегионального взаимодействия;

– низкий уровень кооперации между субъектами Российской Федерации [4].

Значимость проблемы формирования перспективных полюсов роста на основе межрегионального взаимодействия отмечена, как исследователями, практиками, так и государственными деятелями. Направления и приоритеты развития и реализации пространственного потенциала территорий

разрабатываются, как на уровне государства (Проект Стратегии пространственного развития Российской Федерации), так и на уровне отдельных регионов (Стратегия «Татарстан-2030», Приоритеты пространственного развития республики Крым), и макрорегионов. Однако, несмотря на многолетнюю историю российского межрегионального взаимодействия, многие фундаментальные методологические и методические вопросы остаются неразрешенными. В части пространственно-экономического развития регионы выступают в виде частей общего геоэкономического пространства, в котором имеют место быть глобализация и постоянно усиливающаяся конкуренция за стратегические ресурсы и инвестиции, сталкиваются и переплетаются международные, государственные, а также – региональные интересы. Нарастает процесс поляризации и дезинтеграции экономического пространства, обусловленный неравномерностью распределения и концентрации экономической активности на локальном, субнациональном, страновом и международном уровнях [1]. Стратегические вызовы «новой регионализации страны» требуют разработки целостной концепции формирования перспективных полюсов роста на основе межрегионального взаимодействия в рамках макрорегионов РФ,

имеющей важное социально-экономическое значение для преодоления неравномерности пространственного государственного развития. Развитие регионального комплекса, а также его функционирование происходит не обособленно, комплекс связан с другими регионами. Межрегиональные, а также межгосударственные взаимоотношения, в данном случае, являются преимущественно экономическими (торговыми) [4].

Экономические межрегиональные связи – система экономических отношений регионов, которые развиваются в процессе общественного производства на основе разделения общественного труда и специализации производства. За счет межрегиональных экономических связей создается система взаимодействия регионов. В случае ослабления межрегиональных экономических связей, использование преимуществ взаимного дополнения региональной экономики невозможно, так как в дальнейшем может создаваться угроза экономической безопасности и целостности государства. Среди интеграционных межрегиональных процессов особое значение имеет экономическая интеграция. На рисунке представлены современные формы межрегионального сотрудничества.

Рисунок 1 – Перечень современных форм по межрегиональному сотрудничеству [8]

Отметим, что моделирование межрегионального взаимодействия выступает процессом построения, изучения и применения математических моделей. Моделирование – один из методов исследования, который широко используется в региональной экономике. Существуют следующие основные виды направлений в применении моделей: развивать теорию и методологию; решать практические задачи.

На сегодняшний день существует много примеров в части создания новых и изучения существующих теоретических баз математических моделей, таких как теории размещения производства, полюсов роста, межрегиональной торговли, межрегиональных взаимодействий, пространственного экономического равновесия и иные. За счет

сложности предмета региональной экономики определяется необходимость в применении большого разнообразия моделей [3].

Необходимо отметить, что эффективное применение математического моделирования в части межрегионального взаимодействия ограничивается не только возможностями формализации социально-экономических ситуаций, но и состоянием информационного обеспечения разработанных моделей. Стремление во что бы то ни стало применить математическую модель, может не дать удовлетворительных результатов из-за отсутствия хотя бы некоторых необходимых условий. Рассмотрим классификацию моделей в зависимости от признаков (рис. 2).

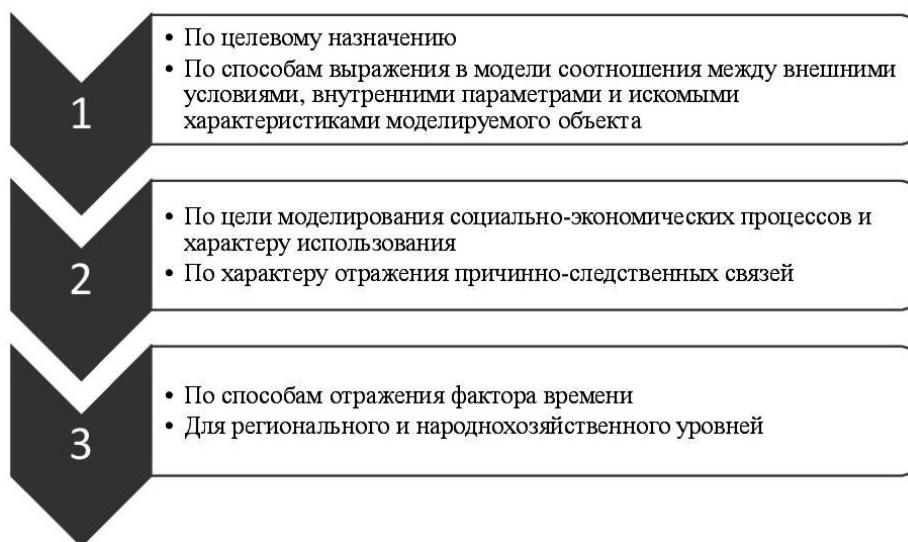

Рисунок 2 – Классификация моделей по признакам

Рассмотрим представленную классификацию более подробно:

1) по целевому назначению различают теоретико-аналитические и прикладные модели;

2) по способам выражения в модели соотношения между внешними условиями, внутренними параметрами и искомыми характеристиками моделируемого объекта различают:

– модели функциональные (внутренняя структура объекта представляет «черный ящик»);

– структурные (отражают составные части, связи с «входами» и «выходами» объекта);

3) по цели моделирования социально – экономических процессов, а также характеру их использования различают модели дескриптивные (данные

модели отвечают на вопрос: как это происходит или как это вероятнее всего может дальше развиваться?) и нормативные (отвечают на вопрос: как это должно быть?). К примеру, модель регионального межотраслевого баланса является дескриптивной, если она используется для структурного анализа экономической ситуации за прошлый период. В свою очередь, эта же модель становится нормативной в том случае, если она используется для выбора лучших вариантов развития экономики региона в соответствии с определенными критериями оптимальности;

4) по характеру в части отражения причинно-следственных связей различают модели детерминистские, а также модели, рассматривающие параметры случайности и неопределенности;

5) по способам отражения фактора времени различают (рис. 3):

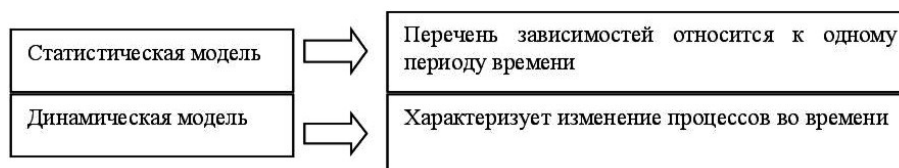

Рисунок 3 – Классификация моделей по способам отражения

6) для регионального и народнохозяйственного уровней различают макромоделли (агрегированные) и микромоделли (детализированные), а также – точечные и пространственные: определенный ряд моделей экономики региона строятся как точечные, но наряду с ними разрабатываются модели пространственной структуры региона (многорегиональные модели национальной экономики) [2].

Изучая представленную тему нельзя не отметить сущность оптимизационных межотраслевых межрегиональных моделей (ОМММ), которые предложил более 40 лет назад российский экономист А.Г. Гранберг. Именно в них модели input-output объединяются за счет способов межрегиональных

связей и условий выравнивания региональных уровней потребления населения и государства. Моделью А.Г. Гранберга выступает математическая конструкция, представляющая собой совокупность экономических элементов, как в региональном, так и отраслевом аспектах [3].

Рассмотрим развитие и совершенствование оптимизационных межотраслевых межрегиональных моделей (ОМММ). В самом начале происходило решение проблемы целевой функции. Так, по Гранбергу, в каждом l -м регионе целевой является переменная z^l непроизводственного (конечного) потребления, т.е. потребления домашних хозяйств и государства (госрасходы без инвестиций) в заданной отраслевой структуре. Если эти

переменные «свободны», то возникает многоцелевая модель (задача векторной оптимизации), решением которой является парето-граница в

m -мерном (m – количество регионов в системе) пространстве региональных целевых переменных (рис. 4).

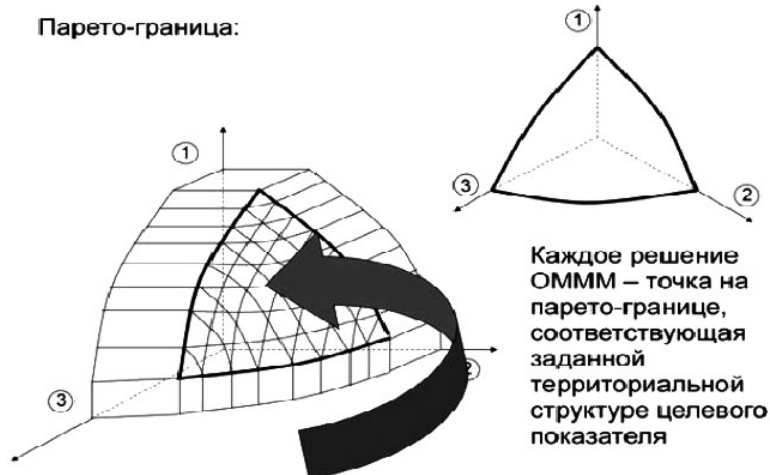

Рисунок 4 – Парето-граница в 3-региональной системе

В собственно ОМММ, векторный критерий скаляризован фиксацией территориальной структуры общего по системе конечного потребления. Вектором данной структуры обозначается λ . Решением выступает точка на парето-границе, отмеченная заданным лучом территориальной структуры λ . Блочно-диагональная структура (на диагонали – региональные блоки, не связанные друг с другом ни переменными-столбцами, ни уравнениями-строками – рис. 3а) связывается общим столбцом параметров территориальной структуры общесистемного целевого показателя (рис. 5б) [2].

может превышать суммарный вывоз более чем на некоторую величину (нуль или сальдо экспорта-импорта с обратным знаком), определяемую способом моделирования экспорта-импорта. Региональные блоки модели связываются общесистемными ограничениями (рис. 5 в) [5].

Далее рассмотрим подход приема моделирования в аспекте транспортно-экономических связей. Вопросом выступила проблема в торгово-транспортных затратах на перемещение продукции в пространстве. Условный центр выступил самым первым вариантом модели по транспортировке продукции, т.е. регионы осуществляют сбыт своей продукции в определенный пункт и ввозят ее из этого пункта. Переменные региональных объемов вывоза-ввоза входят в общесистемные уравнения-балансы вывоза-ввоза (балансы условного центра): суммарный по системе ввоз каждого вида транспортабельной продукции не

В региональных балансах транспортной работы транспортные затраты с помощью специальных коэффициентов (транспортных затрат) «привязываются» к переменным вывоза-ввоза, а также – к переменным объемам производства (транспортные затраты технологические и на внутрирегиональные перевозки). Такая упрощенная модель соответствует концепции цен единого уровня, которыми выступают оценки (двойственные переменные) ограничений-балансов условного центра. Такие модели до сих пор применяются в теоретическом анализе.

Подчеркнем, что для того, чтобы определить вектор перспектив в повышении объема межрегионального вывоза конкретных товаров, следует применить матрицу перспективного функционирования межрегионального торгово-экономического сотрудничества, фундаментом построения которой выступает портфельный анализ (рис. 6).

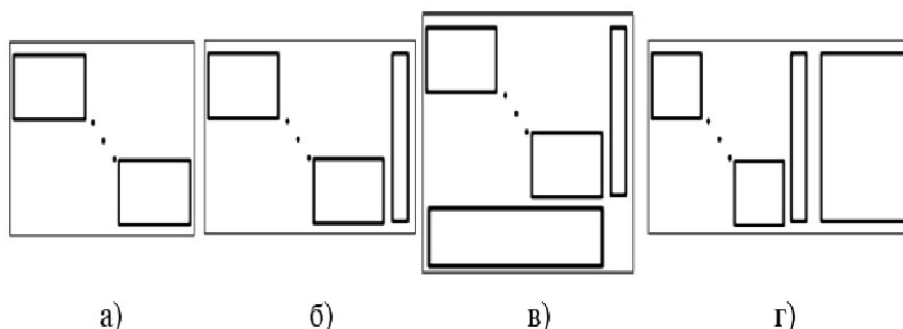

Рисунок 5 – Макроструктуры ОМММ

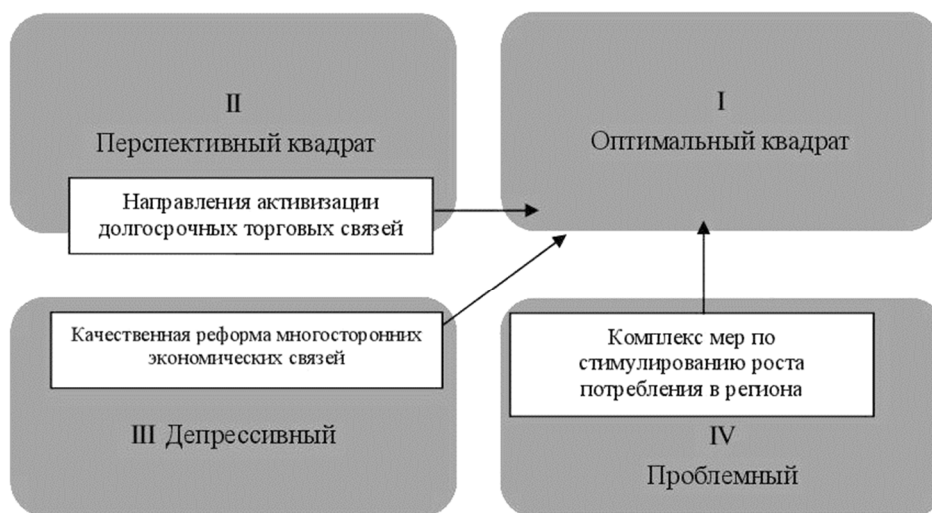

Рисунок 6 – Пример матрицы перспективного развития межрегионального взаимодействия регионов

В случае, если большинство приходится на 1 квадрат, а остальное на 2 и 3 квадраты, то данная ситуация считается оптимальным распределением регионов.

Французским экономистом Л.Вальрасом отмечено, что каждый регион в рамках макрорегиона должен определять свою конъюнктуру рынка. Следует максимизировать позицию целевой функции при бюджетном ограничении в текущих ценах обмена. Отметим, что он не делает особого упора на партнерские отношения. Далее на всех рынках работает закон спроса и предложения, субъекты рынка координируют свои планы, пока рыночное равновесие не будет достигнуто [5].

Математическая конструкция, представляющая данный процесс, называется моделью экономичес-

кого взаимодействия регионов (МЭВР). В такой модели каждый региональный блок – самостоятельная задача с бюджетным ограничением, решаемая на максимум «своей» региональной целевой переменной. По величине невязок балансов вывоза (включая экспорт-импорт) условного центра, которые выступают условиями равновесия, корректируются цены в бюджетных ограничениях. При достижении нулевых невязок процесс завершается.

Особое значение уделяется равновесиям Вальраса, у которых нулевое сальдо региональных бюджетов. Данная ситуация называется состоянием эквивалентного межрегионального обмена (рис. 7).

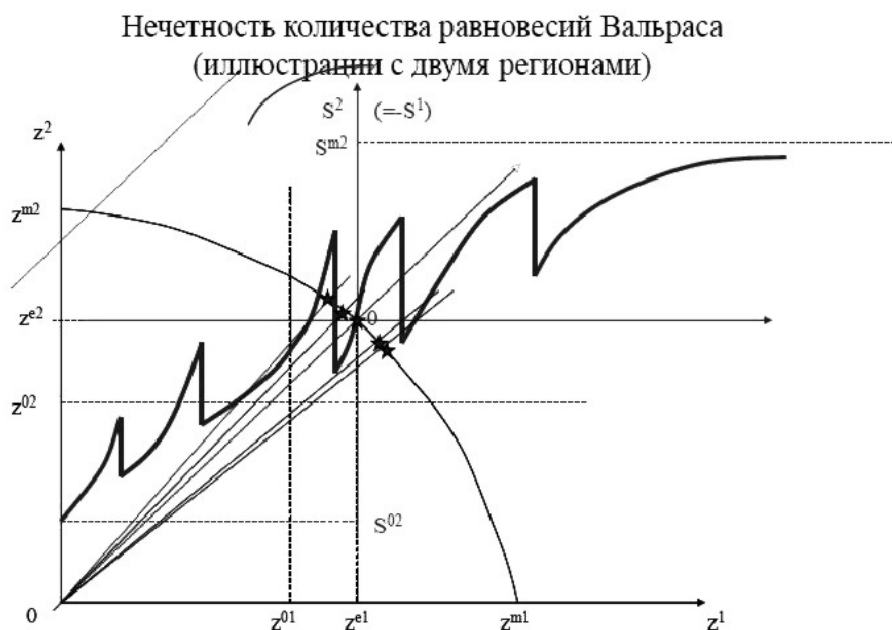

Рисунок 7 – Равновесия Вальраса с нулевым сальдо региональных бюджетов в 2-региональной системе [3]

Теория рыночного механизма по Нэшу имеет глубокую направленность. Он считает основным понятием «рыночное соглашение». Нэшу рассматривает следующую позицию: структуру рыночного механизма: ночный содержит ряд регионов, которые заключили между собой ряд соглашений о взаимодействии. Уровень равновесия достигается в случае, когда ни один из субъектов не

может улучшить свое положение, изменив состав своих партнеров (рис. 8).

Коалиционный анализ используется также для расчета эффектов межрегиональных взаимодействий (вклад одного региона в целевые показатели другого). Все рассчитанные эффекты собираются в таблицу эффектов взаимодействия (рис. 9).

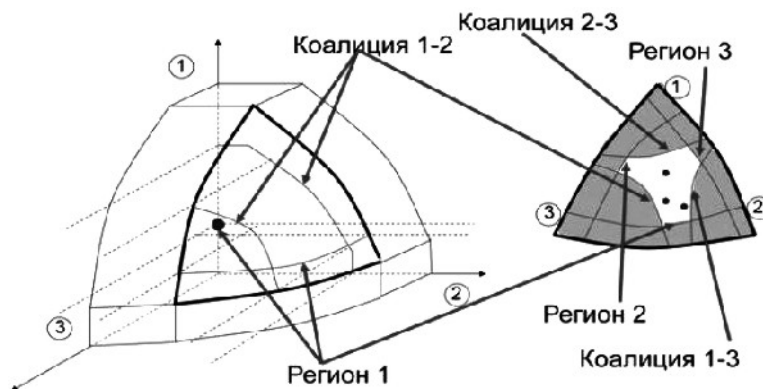

Рисунок 8 – Ядро 3-региональной системы

	1	2	3	Σ
1	Δz^{11}	Δz^{12}	Δz^{13}	z^1
2	Δz^{21}	Δz^{22}	Δz^{23}	z^2
3	Δz^{31}	Δz^{32}	Δz^{33}	z^3
Σ	$z^{1,123}$	$z^{2,123}$	$z^{3,123}$	z

Рисунок 9 – Таблица эффектов межрегионального взаимодействия в 3-региональной системе [6]

Если учитывать внешнюю торговлю, то кроме эффектов меж-региональных взаимодействий возникают внешнеторговые эффекты (вклады внешней торговли в потребление регионов) [7].

В завершении отметим, что многие критики считают, что в моделях межрегионального взаимодействия в рамках макрорегиона нет реальных субъектов. Мы считаем, что данное утверждение неверно, поскольку такие модели позволяют

описать «поле возможностей», позволяют математически точно решать задачи особенностей состояния экономической системы. По нашему мнению, за счет сложившихся условий экономического развития следует разрабатывать концепции, применять современные подходы к вопросам моделирования межрегионального взаимодействия в рамках макрорегиона РФ для активизации межрегионального экономического сотрудничества и повышения роста экономики целом.

Литература:

1. Кулиш С.М. Особенности воздействия инвестиций на региональное экономическое пространство // Горизонты экономики. 2016. № 4(30). С. 53–56
2. Минакир П.А. Очерки по пространственной экономике / П.А. Минакир, А.Н. Демьяненко; Отв. ред. В.М. Полтерович; Рос. акад. наук, Дальневост.

Literature:

1. Kulish S.M. Peculiarities of impact of investments on regional economic space // Horizons of economy. 2016. № 4(30). P. 53–56.
2. Minakir P.A. Essays on Spatial Economics / P.A. Minakir, A.N. Demyanenko; editor-in-chief V.M. Polterovich; Grew. academician of sciences,

отд-ние, Ин-т экон. исследований. Хабаровск : ИЭИ ДВО РАН, 2014. 272 с.

3. К 80-летию со дня рождения Александра Григорьевича Гранберга: Ученый, Учитель, Человек / Под ред. чл.-корр. РАН В.И. Сулова, д.э.н. С.А. Суспицына Новосибирск : ИЭОПП СО РАН, 2016. 324 с.

4. *Elena A. Stryabkova*. Interregional Interaction Among The Regions Of The Central Black Earth Macroregion In The Russian Federation / Elena A. Stryabkova, Anna M. Kulik, Anna N. Kogteva, Julia V. Lyshchikova, Irina V. Chistnikova // International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering (IJITEE) ISSN: 2278-3075, Vol. 8 Iss. 8, June, 2019.

5. *Субботина Т.В.* Направления оптимизации пространственного развития региона // Географический вестник. 2010. № 1. URL : <https://elibrary.ru/item.asp?id=15569329>

6. *Кожиева Ф.А.* Региональное развитие в контексте теории полюсов роста // Фундаментальные исследования. 2015. № 11-3. С. 574–578. URL : <https://elibrary.ru/item.asp?id=25089191>

7. *Погребняк Р.Г.* Стратегическое планирование экономического развития региона на основе теории «полюсов роста» / Р.Г. Погребняк, М.С. Жукова // Аудит и финансовый анализ. 2008. № 4. С. 160–164. URL : <https://elibrary.ru/item.asp?id=11569486>

8. *Иванов Т.Н.* Моделирование потенциальных «Полюсов роста» экономики региона // Российское предпринимательство. 2014. № 9(255). URL : <https://elibrary.ru/item.asp?id=21520305>

Dalnevost. otd-ny, Ying t экон. Research. Khabarovsk : IEI Russian Academy of Sciences, 2014. 272 p.

3. To the 80th anniversary of the birth of Alexander Grigorievich Granberg: Scientist, Teacher, Man / Under edition RAS V.I. Suslova, RAN. S.A. Suspitsyna. Novosibirsk : IEOPP SO RAS, 2016. 324 p.

4. *Elena A. Stryabkova*. Interregional Interaction Among The Regions Of The Central Black Earth Macroregion In The Russian Federation / Elena A. Stryabkova, Anna M. Kulik, Anna N. Kogteva, Julia V. Lyshchikova, Irina V. Chistnikova // International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering (IJITEE) ISSN: 2278-3075, Vol. 8 Iss. 8, June, 2019.

5. *Subbotina T.V.* Directions of Optimization of Spatial Development of the Region // Geographical Gazette. 2010. № 1. URL : <https://elibrary.ru/item.asp?id=15569329>

6. *Kozhieva F.A.* Regional development in the context of growth pole theory // Fundamental research. 2015. № 11-3. P. 574–578. URL : <https://elibrary.ru/item.asp?id=25089191>

7. *Pyromniak R.G.* Strategic planning of economic development of the region on the basis of the theory of «growth poles» / R.G. Pyromniak, M.S. Zhukova // Audit and financial analysis. 2008. № 4. P. 160–164. URL : <https://elibrary.ru/item.asp?id=11569486>

8. *Ivanov T.N.* Modeling of potential «Growth Poles» of the economy of the region // Russian entrepreneurship. 2014. № 9(255). URL : <https://elibrary.ru/item.asp?id=21520305>

Никишин Богдан Сергеевич

аспирант,
Финансовый университет
при Правительстве
Российской Федерации
B.S.Nikishin@yandex.ru

ИНФОРМАЦИОННО- АНАЛИТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ МОДЕЛИ ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ НА ЦЕННОСТНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ В УСЛОВИЕ ПЕРЕХОДА В ИННОВАЦИОННОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

Аннотация. В данной статье рассмотрено влияние бизнес-процесса ценообразования на современные подходы к реализации ценностного предложения в адрес дистрибьютора. Выявлены основные угрозы для бизнес-моделей, учитывающих методику формирования цены и соответствующих современным трендам по сокращению транзакционных издержек. Автором на основе данных реальной российской компании рассмотрена вариативность подхода работы с партнёрами на основании использования условных показателей для регламентации экономически-хозяйственных отношений. Также, в статье рассмотрено влияние внешних факторов на ключевые блоки бизнес-модели.

Ключевые слова: бизнес-модель, бизнес-процесс, ценообразование, инновационное предпринимательство.

Одним из основных аспектов, который рассматривается при разработке новой бизнес-модели или пересмотре текущей при изменяющихся тенденциях рынка, является этап формирования потоков поступления дохода. Одним из важнейших из всех бизнес-процессов данного блока бизнес-модели можно считать методологическую политику формирования себестоимости. Данный элемент охватывает большинство процессов, происходящих в компании, и, несмотря на то, что его принято описывать в формате отдельного блока в бизнес-модели [1], данный бизнес-процесс связан с каждым из блоков в классическом шаблоне бизнес-модели.

Правильное ценообразование даёт точное описание и позиционирование ценностного предложения компании в рынок [2]. Также, выстроенный бизнес-процесс по установке цен, позволяет наладить необходимые отношения с партнёрами и потребителями, где для одних очевиден их вклад в стоимость ценностного предложения, а для других не существует ценовых потрясений и

Bogdan S. Nikishin

Postgraduate student,
Financial University
under the Government
of the Russian Federation
B.S.Nikishin@yandex.ru

INFORMATION AND ANALYTICAL SUPPORT OF THE PRICING MODEL FOR THE VALUE PROPOSITION IN THE TRANSITION TO INNOVATIVE ENTREPRENEURSHIP

Annotation. The influence of the pricing business process on modern approaches to implementing a value proposition to a distributor is considered. The main threats to business models that take into account the methodology of price formation and correspond to current trends in reducing transaction costs are identified. The article considers the variability of the approach to working with partners based on the use of conditional indicators for regulating economic and economic relations based on data from a real Russian company. The article also considers the influence of external factors on the key blocks of the business model.

Keywords: business model, business process, pricing, innovative entrepreneurship.

формирования долгосрочных отношений с продуктом компании. При этом в каналах сбыта возможно рассмотрение ценового позиционирования как для конечных потребителей, так и для крупных потребителей. Очевидно, что невозможно вести ценообразования без учёта всех аспектов, связанных с видом деятельности, потреблением необходимых ресурсов и структурой всех возможных издержек.

В данной статье рассмотрена модель предприятия, занимающегося производством продукции и реализации её через партнёров, таким образом, можно выделить, что данная схема распространения продукции подходит для крупных компаний в большинстве своём, работающих по направлению «B2B» (бизнес для бизнеса). Для формирования конкурентоспособной модели ценообразования предлагается учитывать бизнес-модель, основанную на шаблоне «контракты, основанные на показателях» [3]. Данная модель подразумевает, что расчёт цены на конечный продукт зависит от выполненных показателей партнёром,

которые были установлены и оговорены заранее. При использовании данного подхода компания может предоставлять своим партнёрам, например, динамические скидки, выплаченные по факту выполнения условий таких как, объём закупки, реализации или выполнения различных показателей, связанных с коммерческим успехом продукта компании производителя. Данные скидки на прямую будут влиять на политику ценообразования, на ценностное предложение, формируемое компанией. При правильном использовании, эта схема даёт конкурентоспособное преимущество, позволяющее привлечь на свою сторону мультибрендовых дистрибьюторов для своих продуктов и переключить их внимание на них. При этом необходимо понимать, что привлечение только дистрибьюторов не является конечной целью бизнес-модели, потому что необходимо их рассматривать только как товарную полку, которая на более выгодных условиях сможет донести продукт до конечных потребителей.

В частности, в российской практике по производству моторных масел существует система ретро-бонусирования дистрибьюторов, где производитель возмещает часть стоимости продукции, так называемыми, «ретро-бонусами» за счёт выполнения показателей закупок продукции на ежегодном, квартальном или месячном горизонте планирования. Данная система позволяет поддерживать необходимые потоки продаж продукции, а также – влиять на ценовое позиционирование различных линеек продукта и при этом вызывать интерес на новые линейки ассортимента.

Также, в современном мире необходимо заметить тенденцию, когда актуальные бизнес-модели при инновационном предпринимательстве стремятся к сокращению всевозможных транзакционных издержек [4], и для большинства компаний содержание штата сотрудников, занимающихся продажами для конечных потребителей, видится наиболее не эффективным методом распространения своего ценностного предложения. При разработке системы умных контрактов с заранее описанными сценариями и возможностью регуляции данных процессов позволяет значительно сократить структуру издержек и привлечь партнёров. Данная схема контрактов невозможно без правильно выстроенной системы бизнес-процесса ценообразования. При этом необходимо заметить, что формирование прямого подхода к созданию цены продукта для различных потребителей без выстроенной системы умных контрактов содержит большое количество транзакционных издержек, начиная от необходимости принятия решений по каждому клиенту, заканчивая рассмотрением дополнительных условий при формировании новой сделки.

Для формирования показателей, которые необходимо исполнить контрагенту для получения возмещения или прочего бонуса, необходима точная система планирования, связанная с ценой и загрузкой возможных производственных мощностей. В случае неверного планирования возможна ситуация, в которой контрагент, рассчитывая на бонусную схему, приобретая продукт, не может реализовать его в адрес конечного

потребителя и остаётся как с убытками нереализованного продукта в адрес конечного потребителя, так и с неисполненными обязательствами в адрес компании производителя, что нарушает гармонию в блоке взаимодействия с партнёрами в бизнес-модели [5], что в случае компании, стремящейся сократить транзакционные издержки, приводит к уменьшению возможных каналов сбыта, а это, в дальнейшем, может являться серьёзной проблемой для продолжения текущей финансово-хозяйственной деятельности.

Исходя из выше сказанного, можно сделать вывод, что планирование реализации продукта компании является неотъемлемой частью ценообразования. В таком случае на цены в данной бизнес-модели влияют факторы сезонности и реализации их в адрес конечного потребителя силами дистрибьютора.

В российской практике возможно рассмотреть динамику реализации моторных масел в адрес дистрибьюторов, которые зависят от сезонности. В связи с низким спросом у сегмента конечных потребителей зимой и летом, большинство бонусных схем «заточены» на увеличение продаж именно в эти периоды, дабы стимулировать дистрибьюторов принимать предпринимательских риск и брать на свои склады продукцию, при этом равномерно сохранять загрузку своих производственных линий.

Для наиболее верного выделения периодов потребления моторных масел возможно использовать статистический метод временных рядов. При прогнозировании с помощью модели временных рядов увеличение планов, выставленных дистрибьюторов на основании данных из реального сектора можно увидеть разрыв между ожидаемыми плановыми показателями и реальными продажами конечному покупателю. Особое внимание необходимо обратить на график 1 и 2, где спрос на товар потребителем больше связан с сезонностью самого потребления и влияет на закупки дистрибьютора нежели чем план, выставленный перед партнёром (график 3 и 4).

В случае планового разрыва между схемой ценообразования и возможностью реализации продукции в адрес конечного потребителя устанавливается неверное ценопозиционирование для конечного потребителя, что приводит к незапланированно высоким ценам для конечного клиента и низкой вовлеченности партнёров в создание стоимости ценностного предложения. Данные действия сокращают возможности бизнес-модели в дальнейшем развитии и ограничивают хозяйственную деятельность не только компании производителя, но и компаний-партнёров. Для исключения данного этапа выставление плановых показателей должно быть наиболее максимально приближенным к реальности или, в случае необходимости поддержания амбициозных планов, должно быть наличие условий, при которых возможна их декомпозиция и разделение на различные этапы, где, в случае неисполнения общего плана, возможность получения части бонусов сохраняется.

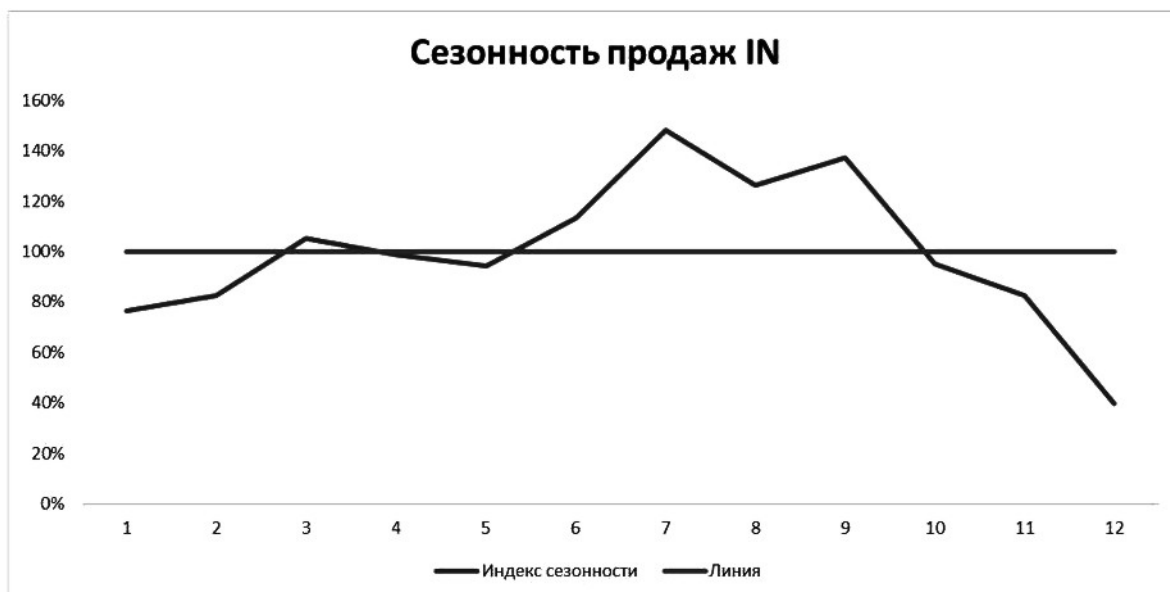
Подводя итог, необходимо выделить такие аспекты, как при работе на сокращение транзакционных издержек в современных бизнес-моделях у производителей и переход на выстраивание каналов сбыта через партнёров, многие компании переходят на смарт-контракты со своими партнёрами. Каждый из этих контрактов содержит определённые, ранее озвученные для обеих сторон условия. Исходя из этого, у компаний существует

необходимость учитывать это при ценообразовании на свои ценностные предложения, а также - в ходе планирования своей хозяйственной деятельности, так как в случае нарушения потоков планирования возможно возникновение рисков не только на бизнес-процесс ценообразования, но и на функционирование нормальной деятельности бизнес-модели.

График 1

График 2

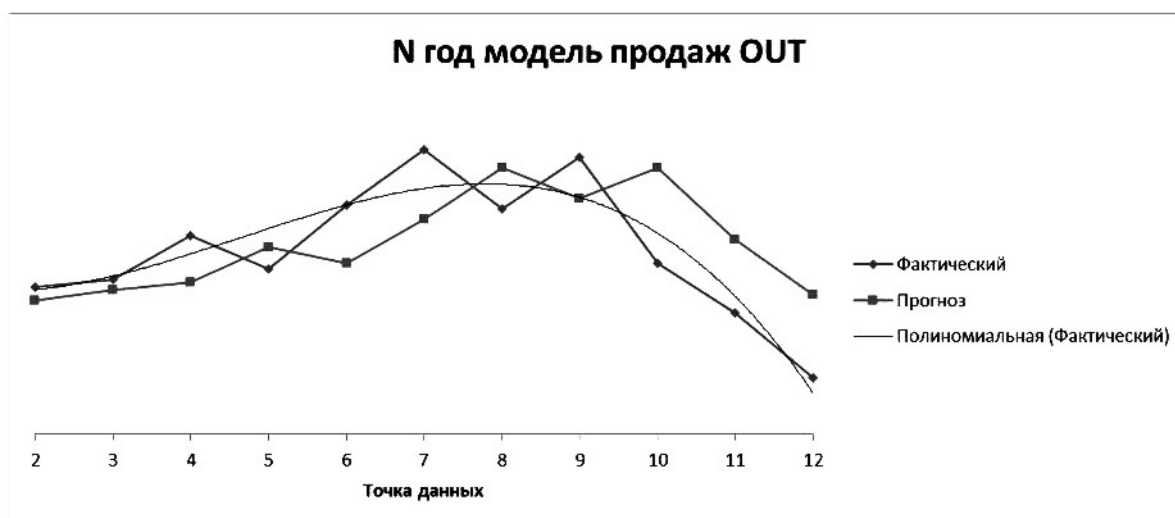
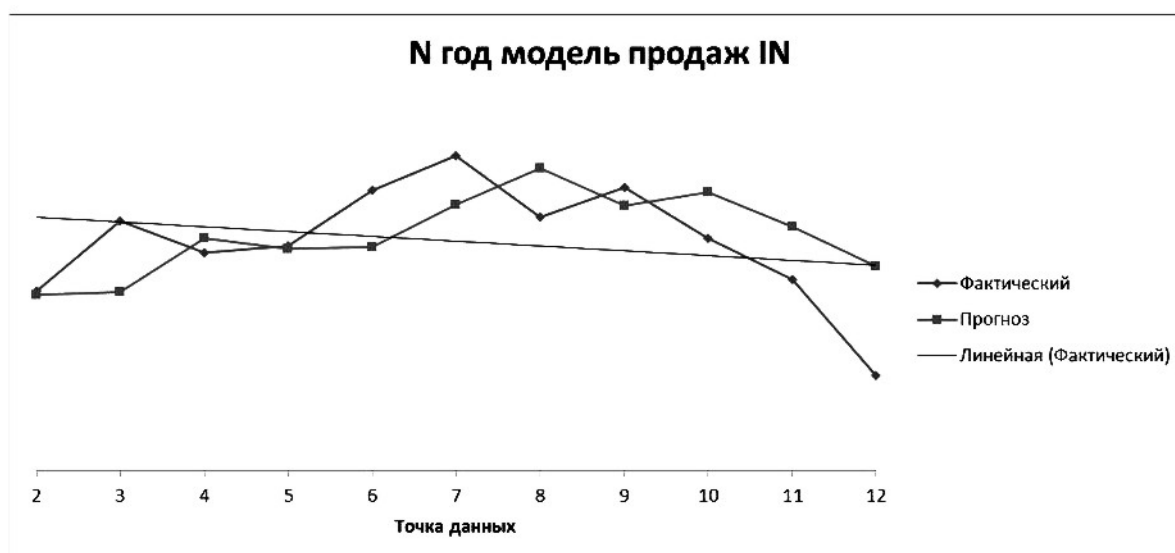

График 4

Литература:

1. *Остервальдер А.* Построение бизнес-моделей: Настольная книга стратега и новатора / Александр Остервальдер, ИВ Пинье; Пер. с англ. 6-е изд. М. : Альпина Паблишер, 2016. 288 с.
2. *Остервальдер А.* РАНФНН Разработка ценностных предложений: Как создавать товары и услуги, которые захотят купить потребители. Ваш первый шаг... / Александр Остервальдер, И.В. Пинье, Грег Бернарда, Алан Смит; Пер. с англ. М. : Альпина Паблишер, 2015. 312 с. (Серия «Модели менеджмента ведущих корпораций»).
3. *Гассман О.* Бизнес-модели: 55 лучших шаблонов / Оливер Гассман, Каролин Франкенбергер, Микаэла Шик; Пер. с англ. М. : Альпина Паблишер, 2016. 432 с.

Literature:

1. *Osterwalder A.* Building business models: a Table book of a strategist and innovator / Alexander Osterwalder, I.V. Pinier; Trans. from english. 6th ed. M. : Alpina Publisher, 2016. 288 p. (IN RUS)
2. *Osterwalder A.* Developing value propositions: how to create products and services that consumers will want to buy. Your first step... / Alexander Osterwalder, YVES Pinier, Greg Bernarda, Alan Smith; Trans. from english. M. : Alpina Publisher, 2015. 312 p. (Series management «Models of leading corporations») (IN RUS).
3. *Gassman O.* Business models: 55 best templates/ Oliver Gassman, Carolyn Frankenberger, Michaela Schick; Trans. from english. M. : Alpina Publisher, 2016. 432 p. (IN RUS).

4. *Тапскотт Дон*. Технология блокчейн: то, что движет финансовой революцией сегодня / Дон Тапскотт, Алекс Тапскотт; Пер. с англ. К Шашковой, Е. Ряхиной. М. : Эксмо, 2018. 448 с. (Top Economics Awards).

5. *Бланк С.* Стартап: Настольная книга основателя / Стив Бланк, Боб Дорф; Пер. с англ. М. : Альпина Паблишер, 2016. 616 с.

4. *Tapscott Don*. Blockchain technology: what drives the financial revolution today / don Tapscott, Alex Tapscott; Trans. from english. By Shashkova, E. Ryakhina. M. : Eksmo, 2018. 448 p. (Top Economics Awards). (IN RUS).

5. *Blank S.* Startup: the founder's Handbook / Steve Blank, Bob Dorf; Trans. from english. M. : Alpina Publisher, 2016. 616 p. (IN RUS).

Рассказов Владислав Евгеньевич
аспирант,
департамент экономической теории,
Финансовый Университет
при Правительстве Российской Федерации
rasskazov.vladislav@gmail.com

ФИЛОСОФСКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ НА РАЗВИТИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. В статье рассматриваются подходы к изучению феномена искусственного интеллекта. Оценивается применимость теории множественных модальностей, эффектов накопления машинной экспертизы, и изучение искусственного интеллекта как набора вычислительных методов. Автор приводит аргументы за и против использования способностей человека для сравнительного анализа эффективности алгоритмов, и оценивается валидность наиболее популярных теорий. В заключение формулируются рекомендации комплексного использования аналитических подходов для решения практических задач развития фирмы.

Ключевые слова: искусственный интеллект, теория множественных модальностей, бенчмаркинг, накопление экспертизы.

Введение. С 2013 года методология, ранее использовавшаяся преимущественно в научной среде, стала постепенно проникать в мир бизнеса, преобразовываясь в «науку о данных». Развитие мирового тренда алгоритмизации статистических методов для анализа структурированных и неструктурированных (больших) данных сопровождалось ростом интереса к «науке о данных» и искусственному интеллекту (ИИ), расширением поля исследовательской деятельности и появлением новых методов анализа данных.

Такое стремительное развитие и популяризация новой дисциплины не безосновательно, так как перенос научной методологии на бизнес-практику принес измеримые положительные эффекты для бизнеса, благодаря чему многие компании смогли оптимизировать бизнес-процессы, улучшить клиентский путь, добавить новые свойства существующим продуктам и вывести на рынок новые продукты и услуги [1].

Российские компании также захотели присоединиться к тренду и использовать достижения «науки о данных» в производстве, однако, как и западные коллеги, встретили проблему нехватки экспертизы. По этой причине внедрение инновационных методик не оказалось должного результата на российский бизнес или было вовсе

Vladislav E. Rasskazov
Graduate student,
Department of the Economic Theory,
Financial University under the Government
of the Russian Federation.
rasskazov.vladislav@gmail.com

PHILOSOPHICAL AND ECONOMIC VIEWS ON THE DEVELOPMENT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES

Annotation. The article considers approaches to studying the phenomenon of artificial intelligence. The applicability of the theory of multiple modalities, the effects of accumulation of machine expertise, and the study of artificial intelligence as a set of computational methods are evaluated. The author gives arguments for and against using human abilities for comparative analysis of the effectiveness of algorithms, and evaluates the validity of the most popular theories. In conclusion, recommendations for the integrated use of analytical approaches for solving practical problems of the company's development are formulated.

Keywords: artificial intelligence, theory of multiple modalities, benchmarking, accumulation of expertise.

приостановлено менеджментом компании из-за отсутствия понимания применимости и возможностей «науки о данных». Успех инвестиции в ИИ зависит от:

– квалифицированных кадров, способных обращаться со сложными информационными потоками,

– грамотных внутренних заказчиков и менеджмента, способного извлечь пользу из полученных результатов,

– возможности накапливать и обрабатывать данные, с помощью внутренней инфраструктуры и информационных систем.

Менеджмент компании часто не может правильно сформулировать задачу и применить на практике полученные результаты, поэтому остро встает вопрос соответствия возможностей «науки о данных» и существующих задач бизнеса. Понимание методов машинного обучения и потенциала технологий ИИ необходимо для формирования навыков правильной постановки задач. В научной среде до настоящего времени не сформировалось единого мнения об ИИ как объекте исследований. В работах исследователи используют разную степень агрегации понятия «искусственный

интеллект», из-за чего возникают вопросы и непонимание в процессе коммуникаций. Несмотря на эволюцию исследований ИИ, теории только начинают применять в бизнесе.

Искусственный интеллект потенциально может стать новой технологией широкого применения [2], что означает высокий макро и микроэкономический потенциал для стран и организаций, сумевших развить и внедрить технологию в свои социально-экономические процессы. Более того, существенное изменение организационных структур, вызванное использованием технологии, способно оказать влияние на организацию общества в целом. Ввиду высокой неопределенности будущего технологий ИИ важно понимать спектр мнений и подходов к исследованиям ИИ, существующие в научном сообществе.

1. Что можно считать искусственным интеллектом?

Важно различать технологии ИИ, машинного обучения и глубокого обучения. Специалисты и менеджеры имеют свойство путать эти понятия, в то время как они являются разными общностями одной совокупности. ИИ – это наука о создании машин и алгоритмов, способных выполнять задачи «разумно» (intelligence). Аналог искусственного интеллекта – это человеческий интеллект, способность человека выстраивать логику работы окружающего мира на основе поступающей информации и умение принимать эффективные решения [3].

Нельзя однозначно определить, какие алгоритмы стоит относить к «разумным», а какие к простым. Логика работы простого алгоритма задается создателем алгоритма. Если принципы работы алгоритма с поступающей информацией полностью определены дизайнером алгоритма, такой алгоритм можно назвать простым [4]. Можно привести контрпример, такой алгоритм как регрессия считается узким применением машинного обучения, относящегося к науке об искусственном интеллекте. Поэтому решение как алгоритмы считать искусственным интеллектом, а какие – нет, сделать достаточно сложно.

2. Подходы к изучению технологий искусственного интеллекта.

Целью создания искусственного интеллекта не является симуляция человеческого интеллекта. В некоторых случаях наблюдение поведения человека или любых других разумных существ может дать полезную информацию о том, как организовать процесс обучения в машинах, но такой подход составляет лишь небольшую часть методов доступных исследователям.

Машинный и человеческий интеллект имеют существенные отличия. Машина может производить огромное количество вычислений с большой скоростью, в то время как человек способен принимать решения основываясь на всем, накопленном за жизнь опыте. Машина действует в рамках заданного алгоритма и требует для работы

подачи информации в строго определенном виде, в то время как человек может отклоняться от алгоритма в зависимости от всей имеющейся информации об окружении и контексте задачи.

Несмотря на то, что подражание человеческому разуму является главной целью только для некоторых исследователей ИИ, исторически сложилось, что человеческий интеллект был частым критерием для оценки эффективности ИИ. Причиной может быть тест, предложенный Аланом Тьюрингом в 1950-х годах, который заключался в способности машины «притворяться» человеком.

В будущем компьютер будет способен на большее, чем человек, поэтому нет смысла ставить человеческий разум в качестве цели для оценки развития ИИ. Уже сейчас некоторые алгоритмы значительно опережают людей, и поэтому их не следует сравнивать с людьми, а только с другими алгоритмами ИИ. Анализ ценности использования ИИ для компании может быть построен на оценке эффективности труда и эффективности процесса выполнения задач.

В первом случае человека можно рассматривать как узкое место бизнес-процесса, которое можно расширить за счет частичной или полной автоматизации задач. Важно различать общую автоматизацию и автоматизацию процессов с использованием систем, основанных на принципе ИИ. Во втором случае системы, использующие ИИ, сравниваются с существующими ИТ-системами на основе заданной логики действий. Если производительность системы улучшается за счет накопления опыта, можно говорить об использовании искусственного интеллекта.

3. Теория множественных модальностей.

В 1983 году исследователь Говард Гарднер предложил теорию множественных «умственных способностей» [5], в которой он выделил 8 категорий способностей человеческого мышления. Суть теории заключается в том, что человеческий разум можно рассматривать не как единый набор навыков, а как несколько способностей в разных «модальностях». Автоматизация этих модальностей с помощью ИИ является одной из основных целей исследователей ИИ, поскольку автоматизация всех модальностей является шагом к созданию общего искусственного интеллекта, который может выполнять задачи на уровне человеческих способностей.

В отличие от искусственного интеллекта, человек может действовать сразу в нескольких модальностях, быстро переключаясь между ними. Невозможно однозначно сказать, существует ли синергетический эффект между модальностями, однако способность транслировать информацию между различными модальностями однозначно дает человеку конкурентное преимущество перед машиной, которое сохранится до появления общего ИИ.

Исторически единственной модальностью компьютеров долгое время была ограниченная форма логико-математической модальности. Задача

первых компьютеров состояла в том, чтобы автоматизировать вычисления, а процесс разработки компьютеров был ориентирован на увеличение вычислительной мощности. Исследователи в области науки об ИИ поставили задачу расширить число модальностей, с которыми способен работать компьютер. Поскольку компьютер является вычислительным устройством, основное внимание исследований направлено на интерпретацию информации других модальностей в машинно-обрабатываемую форму и на поиск алгоритмов для эффективной работы с этой информацией.

4. Накопление машинной экспертизы на основе данных.

Человек всегда будет лучше, чем ИИ при принятии решения, основывающемся на небольшом объеме данных. В отличие от машины человек всегда обладает предыдущим, накопленным за жизнь опытом, в то время как машину приходится обучать с нуля. Если предложить человеку и ИИ сыграть в компьютерную игру – у человека будет преимущество жизненного опыта, а алгоритму придется обучаться методом проб и ошибок [6]. В долгосрочной перспективе, сыграв в игру миллионы раз, машина превзойдет в мастерстве любого человека. Однако, если переключить игру, машине придется учиться заново, в то время как у человека сохраняются навыки от предыдущих игр.

Когда человека нанимают на работу, работодатель рассчитывает, что сотрудник будет применять в работе весь накопленный за карьеру опыт. В случае использования ИИ для решения задачи нельзя рассчитывать на то, что это решение будет хоть сколько-нибудь эффективно, если нет прошлых наблюдений о выполнении поставленной задачи. ИИ требует большого количества наблюдений для обучения, однако, эти наблюдения машина может использовать эффективнее человека. Проблемой является изменение «правил игры», так как адаптивность не является свойством ИИ. Новый формат подачи информации вызовет повышение количество ошибок в выполнении алгоритма, что потребует переобучения алгоритма под работу в новых правилах.

Использование ИИ предполагает классическое разделение труда, но не физическое, как описал Адам Смит, а скорее когнитивное, которое экономист Чарльз Бэббидж первоначально определил в девятнадцатом веке как: «эффект разделения труда, как в механических, так и в умственных процессах, заключается в том, что он позволяет нам приобретать и применять точно количество навыков и знаний, которые требуются для этого».

Машинное прогнозирование может повысить продуктивность человеческого прогнозирования двумя способами. Первый заключается в предоставлении первоначального прогноза, который люди могут использовать в сочетании с собственными оценками. Второй – предоставить второе мнение после принятия решения или индикатор для мониторинга. Таким образом, менеджер может гарантировать, что сотрудник усердно

работает и вкладывает усилия в предсказание. Для создания пары человек-машина предсказания для создания лучшего прогноза требуется понимание границ человека и машины.

5. ИИ как набор аналитических инструментов.

Для того, чтобы сформировать инструментарий искусственного интеллекта, важно понимать стандартные бизнес-процессы и задачи, с которыми сталкивается организация. Проектная работа по улучшению процессов ведется циклично, следуя определенной очередности шагов. Сначала поступившая задача уточняется и формулируется вместе с бизнес-заказчиком, итогом чего является план проведения проекта. Следующие шаги посвящены сбору и подготовке данных. После этого ставятся эксперименты, по итогам которых должна быть получена модель.

Методы машинного обучения могут различаться по типу обучения. Тип обучения зависит от того, с каким массивом данных работает исследователь [7]. Понимание бизнес-процесса и бизнес логики необходимо для решения поставленной задачи. В связи с этим, специалисты по работе с данными должны тесно взаимодействовать с бизнес подразделениями. Часто профильная специфика задач требует адаптации существующих методов работы с данными, или делает неприменимыми некоторые подходы.

Использование инструментария ИИ требует знаний о специфике работы предприятия [8]. Понимание ИИ в контексте изменения динамики бизнеса и рабочей силы, а также понимания, как применять интеллектуальное мышление ИИ к функциям предприятия, крайне важно для успешной интеграции новой технологии в процессы фирмы.

Заключение. Искусственный интеллект входит в крайне ограниченный круг наиболее вероятных претендентов на роль новейшей "технологии широкого применения". Технологии широкого применения составляют основу для множества вторичных инноваций, использующихся в самых разных отраслях экономики, и являются системообразующим стержнем формирования технико-экономической парадигмы или уклада современности.

Вместе с тем, имеется отчетливый разрыв между общеэкономическим осознанием значимости ИИ и пониманием его конкретной роли в функционировании современной фирмы. В частности, существует барьер в принятии решений относительно инвестиций в искусственный интеллект, связанный с невозможностью однозначно: провести связь между стратегией компании и инвестициями в ИИ, идентифицировать точки роста и повышения конкурентоспособности бизнеса в результате внедрения ИИ, оценить отдачу инвестиций в ИИ.

В настоящей работе рассмотрены основные подходы к интерпретации сути технологий искусственного интеллекта. Была описана теория множественных модальностей как потенциальное объяснение пути развития ИИ через создание новых способов обработки разных типов

информации. Изучен подход к описанию искусственного интеллекта как способа концентрации экспертизы, полученного на основе имеющихся данных, в математическую модель. Также рассмотрен подход изучения ИИ, как инструментов математического аппарата, использующегося для оптимизации процессов на производстве.

Теории имеют пересечения между собой, однако, одновременное использование нескольких

Литература:

1. *Schwab K.* Четвертая промышленная революция. WEF. 2016.
2. *Lipsey R.G.* Economic Transformations General Purpose Technologies and Long-Term Economic Growth / R.G. Lipsey, K.I. Carlaw, C.T. Bekar // Oxford University Press Inc., New-York, 2005.
3. *Lauterbach A.* The Artificial Intelligence Imperative / A. Lauterbach, A. Bonime-Blanc. Santa-Barbara : Praeger, 2018.
4. *McCarthy J.* Generality in artificial intelligence. Formalizing Common Sense / J. McCarthy, V. Lifschitz. Ablex. 1990. P. 226–236.
5. *Gardner H.* Frames of Mind: The Theory of Multiple Intelligences. Basic books. New-York, 1983.
6. *Dubey R.* Why humans learn faster than AI for now. Intelligent Machines / R. Dubey, P. Agrawal, D. Pathak. MIT Technology Review. 2018.
7. *Burgess A.* The Executive Guide to AI. London, 2018.
8. *Mohanty S.* How to Compete in the Age of Artificial Intelligence / S. Mohanty, S. Vyas // Springer Science, Business Media. New-York, 2018.

подход позволяет лучше понять проблематику исследований сферы технологий искусственного интеллекта. Понимание широты научной мысли помогает абстрагироваться от узких задач и видеть потенциал развития технологии ИИ. В случае реализации оптимистичных сценариев развития науки ИИ, в будущем социально-экономические процессы и структура рынков будут существенно изменены.

Literature:

1. *Schwab K.* The Fourth industrial revolution / WEF. 2016.
2. *Lipsey R.G.* Economic Transformations General Purpose Technologies and Long Term Economic Growth / R.G. Lipsey, K.I. Carlaw, C.T. Bekar // Oxford University Press Inc. New-York, 2005.
3. *Lauterbach A.* The Artificial Intelligence Imperative / A. Lauterbach, A. Bonime-Blanc. Santa-Barbara : Praeger, 2018.
4. *McCarthy J.* Generality in artificial intelligence. Formalizing Common Sense / J. McCarthy, V. Lifschitz Ablex. 1990. 226–236.
5. *Gardner H.* Frames of Mind: The Theory of Multiple Intelligences. / Basic books. New-York, 1983.
6. *Dubey R.* Why humans learn faster than AI for now. Intelligent Machines / R. Dubey, P. Agrawal, D. Pathak. MIT Technology Review. 2018.
7. *Burgess A.* The Executive Guide to AI / AJBurgess Ltd, London, 2018.
8. *Mohanty S.* How to Compete in the Age of Artificial Intelligence / S. Mohanty, S. Vyas // Springer Science, Business Media. New-York, 2018.

Федоренко Роман Владимирович

кандидат экономических наук,
Самарский государственный
экономический университет
fedorenko083@yandex.ru

Храмцова Елена Романовна

доктор экономических наук,
профессор,
Самарский государственный
экономический университет
romel06@mail.ru

**АНАЛИЗ ПРОЦЕССОВ
ТАМОЖЕННОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ
ЭКСПОРТНО-ИМПОРТНЫХ ПОТОКОВ
В САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ**

Аннотация. В статье представлен анализ динамики показателей международного товарооборота Самарской области. Исследованы натуральные и стоимостные показатели импортных и экспортных потоков, определены ключевые тенденции их развития. Авторы проанализировали результаты сбора таможенных платежей за последние пять лет и сделали вывод о наличии существенной разницы в подходах к регулированию экспортных и импортных товаропотоков. Для оценки эффективности процессов таможенного обслуживания были использованы данные Приволжского таможенного управления об использовании государственных субсидий и объемах перечислений в федеральный бюджет. В качестве ключевого направления совершенствования системы таможенного обслуживания в статье рассмотрена цифровизация процессов декларирования и развитие электронных таможен.

Ключевые слова: таможенное обслуживание, регион, экспорт, импорт, электронная таможня.

Самарская область является активным участником внешнеэкономической деятельности. Во внешнеторговом обороте страны доля Самарской области превышает 1 % и колеблется в последние 10 лет в диапазоне 1,3–1,5 %. Данный показатель можно считать весьма успешным, так как для современной России характерны существенные диспропорции в результатах экспортно-импортной деятельности отдельных регионов [10]. Так, на долю Москвы и Санкт-Петербурга по итогам 2018 года пришлось более 50 % от общего объема внешнеторгового товарооборота [9].

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Фонда «За русский язык и культуру» в Венгрии в рамках научного проекта № 19-510-23001.

Roman V. Fedorenko

Candidate of Economic Sciences,
Samara State
Economic University
fedorenko083@yandex.ru

Elena R. Khramtsova

Doctor of Economics Sciences,
Professor,
Samara State
Economic University
romel06@mail.ru

**ANALYSIS OF THE PROCESSES
OF CUSTOMS SERVICE
OF EXPORT-IMPORT
FLOWS OF THE SAMARA REGION**

Annotation. The article presents an analysis of the dynamics of indicators of international trade in the Samara region. The natural and cost indicators of import and export flows are investigated, key trends in their development are determined. The authors analyzed the results of the collection of customs payments over the past five years and concluded that there are significant differences in approaches to the regulation of export and import goods flows. To assess the effectiveness of customs service processes, the data of the Volga Customs Administration on the use of state subsidies and the volume of transfers to the federal budget were used. As a key direction of improving the customs system, the article considers the digitalization of the declaration process and the development of electronic customs.

Keywords: customs service, region, export, import, e-customs.

Успешная интеграция региона в систему мирохозяйственных связей обусловлена сочетанием удачного географического положения и наличия собственных экспорто-ориентированных производств¹.

По итогам девяти месяцев 2019 года внешнеторговый оборот Самарской области составил 5,2 млрд долларов США и по сравнению с аналогичным периодом 2018 года уменьшился на 4 % [7]. На рисунке 1 представлена динамика внешнеторгового оборота Самарской области по данным

2015–2019 гг. Показатели 2019 года являются прогнозными, рассчитанными на основе данных за три квартала 2019 года.

В 2015 и 2016 годах на внешнеторговый оборот Самарской области существенное негативное влияние оказали введение санкций Западными странами, ответное продовольственное эмбарго

России, обвал национальной валюты и плохая конъюнктура мирового рынка энергоресурсов. За два года экспорт сократился с 12 млрд долл. США в 2014 г. до 5,7 млрд долл. США в 2016 г. При этом экспорт снизился на 4,8 млрд долл. США, или 56 %. Импорт уменьшился на 1,3 млрд долл. США, или на 40 %.

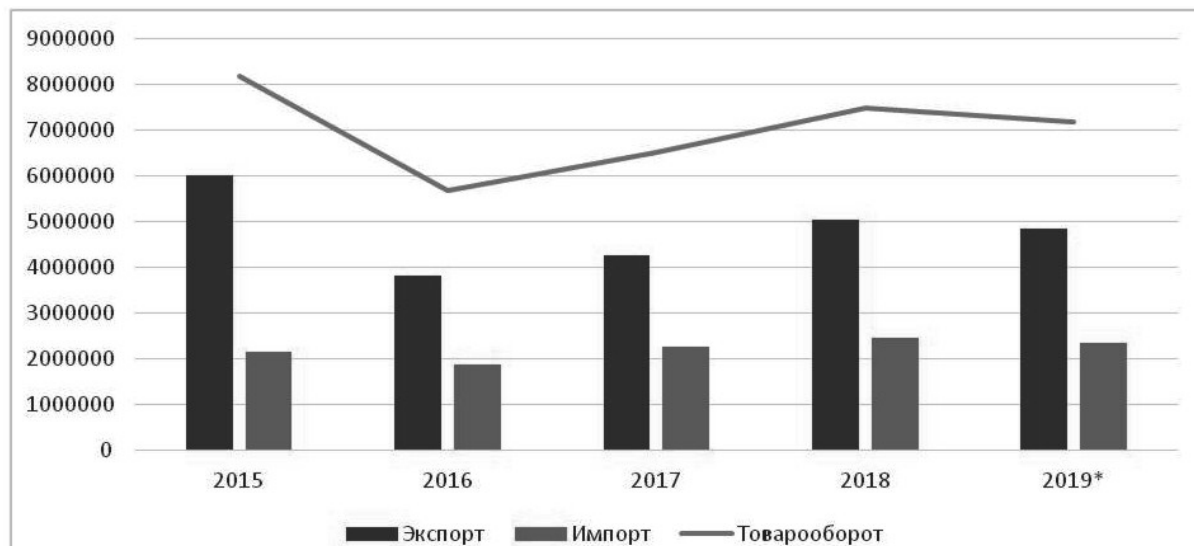

Рисунок 1 – Динамика внешнеторгового оборота Самарской области, тыс. долл. США

В последующие годы наблюдалась положительная динамика с незначительным сокращением показателей по итогам 2019 года. В сравнении с 2016 годом, в прошедшем году внешнеторговый оборот Самарской области увеличился на 26 %. Прогнозный объем экспорта по итогам 2019 года составляет 4,8 млрд долл. США, прогнозный объем импорта вдвое меньше и равен 2,3 млрд долл. США.

Физический объем товаров, задекларированных в Самарской таможне в 2018 году, составил 4,7 млн тонн, из которого 93,6 % приходится на экспортируемые товары. Таможенными постами Самарской таможни было оформлено 39406 деклараций на товары, из которых 56,8 % было импортными. На рисунке 2 представлено соотношение показателей экспортных и импортных потоков, обслуживаемых Самарской таможней в 2016–2018 годах.

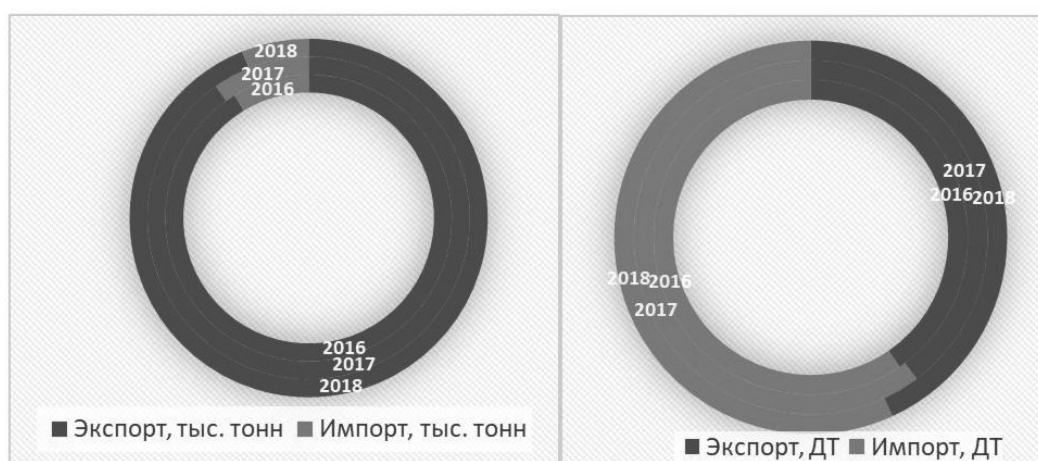

Рисунок 2 – Соотношение показателей экспортных и импортных потоков, обслуживаемых Самарской таможней в 2016–2018 гг.

Представленные статистические данные позволяют нам сделать следующие выводы:

1. По стоимостным характеристикам внешнеторговых товаропотоков экспорт превышает импорт в два раза.

2. Физические объемы экспорта занимают абсолютно большую часть внешнеторгового оборота, не менее 90 % от общего объема за последние три года.

3. Несмотря на это, по числу оформляемых на таможне деклараций все анализируемые годы преимущество имеют импортные операции. В 2016 и 2017 гг. на их долю приходилось около 60 %, в 2018 г. – 57 %.

Кроме того, большое значение имеет концентрация внешнеторговых потоков в руках крупнейших участников ВЭД. Так, по данным за 2018 год на 10 крупнейших экспортеров Самарской области пришлось 82 % общего объема экспорта, а на 10 крупнейших импортеров – 60 % общего объема импорта. Таким образом, можно сделать вывод о том, что таможенное оформление импорта потребовало значительно большего внимания сотрудников Самарской таможни, так как существенную долю импортных операций составили небольшие по объему операции, многие из которых проводились компаниями, не являющимися постоянными участниками ВЭД.

Часть импортеров осуществляет процессы декларирования самостоятельно, часть передает функцию таможенного оформления на аутсорсинг [8]. Для таможенной службы участие в

процессах декларирования профессиональных таможенных посредников является одним из факторов, повышающих надежность правильного таможенного оформления.

Упрощение процессов таможенного оформления является важной задачей, стоящей перед таможенными органами. Устойчивое развитие внешнеторговой деятельности компаний и активное включение региона в работу на мировых рынках невозможно без устранения административных барьеров. Вместе с тем, не меньшее значение в работе таможни имеет необходимость выполнения фискальной функции и обеспечение пополнения бюджета страны за счет таможенных платежей и сборов. Грамотно выстроенная система таможенных платежей может оказать значительное влияние на систему макроэкономических показателей развития РФ [5].

Самарская таможня является одной из 10 таможен Приволжского таможенного управления. В таблице 1 отражена динамика сборов таможенных платежей всеми таможнями Приволжского таможенного управления за последние пять лет.

Таблица 1

Динамика сборов таможенных платежей в Приволжском таможенном управлении, 2015–2019 гг., млн руб.

	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	Темп роста, 2019/2015 гг., %
Импорт	97427,954	97362,98	102071,57	121511,73	138955,3	142,62
Экспорт	1785,99	1318,40	1263,46	1938,17	766,07	42,89

Из таблицы видно, что абсолютное преимущество по объемам сборов имеют импортные платежи. За последние пять лет объем экспортных платежей сократился более чем в два раза, в то время как объем импортных платежей увеличился на 42 % и по данным 2019 года занимает более 99 % от общих поступлений в бюджет.

В настоящее время действует большое количество инструментов государственной поддержки экспортеров, результатом чего становится отраженное на рисунке 1 незначительное увеличение объемов экспорта за последние три года. Вместе с тем, за тот же период времени наблюдается сокращение поступления экспортных платежей, что говорит о готовности государства отказаться от возможности пополнения бюджета ради создания условий успешного выхода российских компаний на внешние рынки.

Одновременно, при практически нулевой динамике объемов импорта в течение 2016–2019 гг., объем импортных платежей за тот же период времени увеличился почти в полтора раза. Таким образом, можно сделать вывод о том, что регулятивная и фискальная функции таможенных органов России осуществляются в отношении экспортных и импортных потоков абсолютно неравномерно.

Успешная реализация фискальной функции таможенными органами требует грамотного

управления их работой и создания действенной системы оценки ее эффективности. Показатели эффективности таможенной деятельности могут представлять собой набор индикаторов различного характера. Одним из инструментов анализа эффективности деятельности таможенного органа является соотношение полученного бюджетом результата и расходов, обеспечивающих его получение [1].

На рисунке 3 отражена динамика показателей эффективности деятельности Приволжского таможенного управления за 2015–2019 годы.

Из рисунка видно, что сумма перечислений в бюджет неуклонно растет, при этом из-за практически неизменной суммы бюджетных ассигнований на работу таможенных органов соотношение результата и расходов постоянно увеличивается.

Одним из основных инструментов оптимизации деятельности таможенных органов в настоящее время является цифровизация. Основная цель электронной таможни на данный момент – достижение максимальной автоматизации и цифровизации таможенных операций [4]. 15 июня 2018 года была создана Приволжская электронная таможня, которая начала функционировать в полном объеме уже с 24 октября 2018 года. По состоянию на конец 2019 года в центре электронного декларирования Приволжской электронной таможни сконцентрировано более 90 % всего объема декларирования региона [3].

Рисунок 3 – Показатели эффективности деятельности Приволжского таможенного управления, 2015–2019 гг.

Приоритетным направлением развития таможенных органов является концентрация декларирования товаров на таможенных постах – центрах электронного декларирования [2]. Все поступающие декларации проходят через электронную таможенную и с помощью алгоритма распределяются между различными сотрудниками таможен Приволжского таможенного управления. Такая организация работы позволяет оптимизировать объемы работы и обеспечить проверку большего числа деклараций меньшим количеством сотрудников.

Перевод большинства деклараций в центр электронного декларирования позволяет провести масштабную реорганизацию всей системы таможен России. Приволжское таможенное управление было выбрано для проведения пилотного проекта оптимизации таможен. С 1 октября 2019 года Оренбургская и Ульяновская таможни были подчинены Самарской таможне [6]. Хорошие результаты деятельности за последние несколько

лет позволили Самарской таможне оказаться центром обслуживания трех областей РФ. Реформирование системы таможен по данному принципу позволит государству заметно сократить себестоимость таможенных процедур, а перевод деклараций в электронные таможни ускорит процессы оформления при одновременном снижении коррупционных рисков.

Развитие процессов таможенного оформления экспортных и импортных потоков в РФ в целом и Самарской таможне, в частности, позволяет сделать вывод о позитивной динамике в реализации программ поддержки экспортеров и возрастающем интересе государства к прозрачности процедур оформления импортных операций. Дальнейшая реализация выбранной программы развития таможенных органов должна создать условия для усиления позиций российских предприятий на внешнеторговых рынках, а также – для успешной интеграции регионов РФ в систему мирохозяйственных связей.

Литература:

1. *Ананьева В.Н.* Методическое обеспечение анализа и оценки эффективности таможенной деятельности // *Экономическая наука сегодня*. 2018. № 8. С. 108–117.
2. *Гомон И.В.* Развитие центра электронного декларирования как одного из путей повышения эффективности деятельности таможенных органов / *И.В. Гомон, А.В. Евсикова* // *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2019. № 5-2. С. 34–38.
3. *Итоги деятельности Приволжского таможенного управления в 2018 году*. URL : <http://ptu.customs.ru/document/text/135674>
4. *Павлов А.П.* Цифровизация таможенной службы Российской Федерации как способ повышения эффективности ее деятельности / *А.П. Павлов, Ю.В. Кузнецова* // *Global and Regional Research*. 2019. Т. 1. № 1. С. 48–54.
5. *Попов В.В.* Статистический анализ динамики поступления таможенных платежей в федеральный бюджет в современных экономических

Literature:

1. *Ananieva V.N.* Methodical support of the analysis and estimation of the efficiency of customs activities // *Economics today*. 2018. № 8. P. 108–117.
2. *Gomon I.W.* The development of the center of electronic declaration as one of the ways to increase the efficiency of the customs authorities / *I.W. Gomon, A.V. Evsikova* // *Economics and Business: Theory and Practice*. 2019. № 5-2. P. 34–38.
3. *The results of the Volga Customs Administration in 2018*. Access: <http://ptu.customs.ru/document/text/135674>
4. *Pavlov A.P.* Digitalization of the Customs Service of the Russian Federation as a Way to Increase the Efficiency of its Activity / *A.P. Pavlov, Y.V. Kuznetsova* // *Global and Regional Research*. 2019. Vol. 1. № 1. P. 48–54.
5. *Popov V.V.* Statistical analysis of the dynamics of income customs payments to the federal budget in today's economy / *V.V. Popov, A.P. Tsyplin* // *Vestnik*

условиях / В.В. Попов, А.П. Цыпин // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 13(188). С. 69–73.

6. Приказ ФТС России Министерства финансов Российской Федерации от 29 апреля 2019 г. № 728 «О реорганизации Оренбургской, Ульяновской и Самарской таможен». URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=727182#06186941257735947>

7. Таможенная статистика внешней торговли Самарской области. URL : <http://ptu.customs.ru/folder/176369>

8. Федоренко Р.В. Оценка перспектив развития аутсорсинга в таможенной сфере // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2007. № 4(30). С. 170–172.

9. Федоренко Р.В. Факторы, влияющие на интеграцию отдельных регионов в систему мирохозяйственных связей // Актуальные проблемы глобальных исследований: Россия в глобализирующемся мире. 2019. С. 354–360.

10. Шахбазова О.П. Анализ состояния экспорта и импорта в Российской Федерации в 2000–2016 годах / О.П. Шахбазова, Н.Н. Дадыка // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2017. № 3-1. С. 131–134.

of the Orenburg State University. 2015. № 13(188). P. 69–73.

6. Order of the Russian Federal Customs Service of the Russian Federation Ministry of Finance dated 29 April 2019 № 728 «On the reorganization of the Orenburg, Ulyanovsk and Samara customs». URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=727182#06186941257735947>

7. Customs statistics of foreign trade of the Samara region. URL : <http://ptu.customs.ru/folder/176369>

8. Fedorenko R.V. Estimation of the development of outsourcing in the customs sphere // Vestnik of Samara State University of Economics. 2007. № 4(30). P. 170–172.

9. Fedorenko R.V. Factors affecting the integration of individual regions in the system of world economic relations // Actual problems of global research: Russia in a globalizing world. 2019. P. 354–360.

10. Shakhbazova O.P. The analysis of exports and imports in the Russian Federation in the years 2000–2016 / O.P. Shakhbazova, N.N. Dadyka // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2017. № 3-1. P. 131–134.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Корректор: Попов М.Ю.
Оригинал-макет: Шелкова Е.А.

Сдано в набор 17.02.2020
Подписано в печать 20.02.2020
Формат 60x84^{1/8}. Бумага типографская № 18
Печать riso. Уч.-изд. л. 13,5
Тираж 550 экз.

Отпечатано ИП Фоменко О.Я.
Тел. +7(918) 41-50-571

Заказ № 42

e-mail: id.yug2016@gmail.com